ISSN 2072-9391

№ 4 (56) Декабрь 2020
№ 4 (56) December 2020

ТРУДЫ

Академии управления
МВД России

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов

Scientific and practical publication
for managers and specialists
of law enforcement agencies

МОСКВА • 2020

Главный редактор
Конев Андрей Николаевич,
начальник Академии управления
МВД России, доктор технических наук,
кандидат юридических наук, доцент.
Москва. Российская Федерация.

Заместитель главного редактора
Павличенко Николай Владимирович,
заместитель начальника Академии управления
МВД России, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация.

ТРУДЫ
АКАДЕМИИ
УПРАВЛЕНИЯ
МВД РОССИИ

2020
№ 4 (56)
декабрь

Журнал издается
с декабря 2006 г.

Редакционная коллегия

Андреева Ирина Анатольевна, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;
Афанасьев Владимир Сергеевич, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации;
Воронин Михаил Юрьевич, директор Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, профессор;
Гаврилов Борис Яковлевич, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
Джоробекова Арзыгуль Мамаюнусовна, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева по науке, доктор юридических наук, профессор;
Дильбарханова Жанат Рахимжановна, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова по научной работе, доктор юридических наук, профессор;
Енгибарян Ваге Гургенович, профессор кафедры уголовного процесса Ереванского государственного университета Республики Армения, доктор юридических наук, профессор;
Елагин Александр Георгиевич, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;
Зигмунт Ольга Александровна, доцент факультета образовательных и общественных наук Университета Фехта (Германия), кандидат философских наук, доцент;
Киричёк Евгений Владимирович, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;
Кононов Анатолий Михайлович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологии и управления имени К.Г. Разумовского, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
Корякин Илья Петрович, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, доктор юридических наук;
Лексин Иван Владимирович, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент;
Мазур Сергей Филиппович, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, доктор юридических наук, профессор;
Мелёхин Александр Владимирович, профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;
Миронов Анатолий Николаевич, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;
Можаева Ирина Павловна, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук;
Мулукаев Роланд Сергеевич, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;
Невский Сергей Александрович, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России – начальник научно-исследовательского центра № 1, доктор юридических наук, профессор;
Осокин Роман Борисович, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;
Орлов Владислав Николаевич, профессор кафедры организации исполнения наказаний Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, доцент;
Победкин Александр Викторович, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;
Савенок Анатолий Леонидович, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;
Солдатов Александр Петрович, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;
Тарасов Анатолий Михайлович, главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборатория Касперского», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
Цепелев Валерий Филиппович, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
Мартыненко Наталия Эдуардовна (секретарь), профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Editor-in-Chief
Andrei N. KONEV,
Dr. of Technology, Candidate of Law,
Associate Professor, Head of Management
Academy of the Ministry of the Interior
of Russia. Moscow. Russian Federation.
Deputy Editor-in-Chief
Nikolai V. PAVLICHENKO,
Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert
of the Russian Federation, Deputy Head
of Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
Moscow. Russian Federation.

PROCEEDINGS
OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2020
№ 4 (56)
December
The Journal has been published since December 2006

Editorial Board of the Journal

Irina A. ANDREYEVA, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of State and Law Disciplines (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;
Vladimir S. AFANASYEV, Dr. of Law, Merited Law Expert of the Russian Federation, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;
Mikhail Yu. VORONIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University. Moscow. Russian Federation;
Boris Ya. GAVRILOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;
Arzygul' M. DZHOROBEKOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Science at General Major E. A. Aliyev Academy of the Ministry of the Interior of the Kyrgyz Republic. Bishkek. Kyrgyz Republic;
Zhanat R. DILBARKHANOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at Makan Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan. Republic of Kazakhstan;
Vage G. ENGIBARYAN, Dr. of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Yerevan State University of the Republic of Armenia;
Alexander G. YELAGIN, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Management of Public Order Services (Center for Command Games, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;
Ol'ga A. ZIGMUNT, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of Educational and Social Sciences of the University of Vechta (Germany);
Evgeniy V. KIRICHYOK, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Educational Methodical Work Management (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;
Anatolij M. KONONOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor of the Department of State Law Disciplines of the Moscow State University of Technology and Management Named After K. G. Razumovsky;
Ilya P. KORYAKIN, Dr. of Law, Deputy Head for Scientific Work at the Barimbek Beysenov Karaganda Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Karaganda. Republic of Kazakhstan;
Ivan V. LEKSIN, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of the Legal Foundations for Management at the Faculty of the State Management of the State Moscow University named after M. V. Lomonosov. Moscow. Russian Federation;
Sergey F. MAZUR, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Civil Law and Civil Process of the Institute of the International Law and Economics named after A. S. Griboyedov. Moscow. Russian Federation;
Alexander V. MYELYOHIN, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the State Building and Law of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation. Moscow. Russian Federation;
Anatoliy N. MIRONOV, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Public Protection Bodies Management (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;
Irina P. MOZHAEVA, Dr. of Law, Chief Researcher at the Department of the Studying Branch Management Problems at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;
Roland S. MULUKAYEV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;
Sergej A. NEVSKIJ, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Head of the Research Center No. 1;
Roman B. OSOKIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty for Training Research and Teaching Staff Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Y. Kikot. Moscow. Russian Federation;
Vladislav N. ORLOV, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Execution of Punishments at the Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service;
Alexander V. POBEDKIN, Dr. of Law, Professor, Head at the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;
Anatolij L. SAVENOK, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus;
Alexander P. SOLDATOV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Anatoliy M. TARASOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Chief Adviser of the General Director of the «Kaspersky Laboratory» for the Juridical Questions. Moscow. Russian Federation;
Valeriy F. TSEPELEV, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Law of the State Moscow Juridical University named after O. Ye. Kutafin (SMJU), Merited Law Expert of the Russian Federation. Moscow. Russian Federation;
Natalia E. MARTYNENKO (Secretary), Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation.

Над номером работали

Е. В. Белик **Э. А. Циткилова**
П. А. Рогулёв **В. А. Яровая**
М. А. Фильчагина

Техническая верстка: **А. А. Мельникова**

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-75592
от 19 апреля 2019 г.

При использовании
материалов ссылка на журнал
«Труды Академии управления
МВД России» обязательна.

Подписано в печать 18.12.2020.
Формат 60×84 $^1/_8$.
Объем 29,53 п. л. Тираж 500 экз.
Первый завод 98 экз.
Выходит 4 раза в год.
Цена свободная.

Адрес редакции и издателя:
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.
Тел./факс: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: ebelik3@mvd.ru
Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 15548.
Сайт: https://а.мвд.рф/folder/6891081.

Отпечатано
в отделении полиграфической
и оперативной печати РИО
Академии управления
МВД России.
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей
аттестационной комиссии
Министерства науки
и высшего образования
Российской Федерации
журнал «Труды Академии
управления МВД России»
включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук по научным
специальностям: 12.00.01, 12.00.02,
12.00.08, 12.00.09, 12.00.11,
12.00.12, 12.00.14.
© Академия управления МВД России, 2020.

ТРУДЫ
АКАДЕМИИ
УПРАВЛЕНИЯ
МВД РОССИИ

2020
№ 4 (56)
декабрь

Журнал издается
с декабря 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Дёмин Г. И., Балаева Д. Р. Причины и условия возникновения, общественная опасность экстремизма на основе радикальных течений ислама 8
Елагин А. Г. Некоторые законы безопасности и их характеристики 15
Киричёк Е. В. Информационно-цифровая сфера общественной жизни: взгляд через призму конституционно-правовой действительности 23
Косых А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений 30

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Захватов И. Ю., Ерёмин Э. В. Роль МВД России в деятельности по разработке стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации 38

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Дульцев М. В., Котяжов А. В. Актуальные вопросы информационно-аналитического обеспечения выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров 45
Павленков Р. В., Дерюгин Р. А. Реализация практико-ориентированной модели обучения с использованием учебной передвижной криминалистической лаборатории (УПКЛ-2019) как учебно-полигонного центра 53

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Ильюхов А. А. Апелляционные и кассационные инстанции в рамках современной судебной реформы: правовые и организационные вопросы 60
Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве 66
Сизова В. Н. Анализ международно-правовых норм об уголовной ответственности юридических лиц в контексте введения института уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство 78
Урбан В. В. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации 85
Черных Е. Е. Ответственность за «неблагоприятные последствия» в сфере медицины: теория, техника, практика 94

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Беляева Т. Н., Борисов С. В. Противодействие экстремизму (терроризму): приоритетное направление правоохранительной деятельности в аспекте обеспечения национальной безопасности 105
Бессонов В. А., Намёткин Д. В. Актуальные аспекты выявления и расследования преступлений в сфере оказания социально значимых услуг населению 117
Гаврилин Ю. В. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) 122

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Общие требования к представляемым для опубликования статьям размещены на официальном сайте Академии управления МВД России по адресу: https://а.мвд.рф в разделе «Наука».

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним объемом от 300 печатных знаков (200 – 250 слов), ключевые слова (5–7), пристатейные библиографические списки (не менее 10 и не более 25 ссылок на источники). Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 24 страницы машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки.

Все статьи проходят двойное «слепое» рецензирование. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и редакция научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет.

Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях, имеющие процент оригинальности ниже 70 %, в которых присутствует плагиат.

Зубкова А. В. Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны 130
Лавров В. П., Тебиев Р. Р. Животные и их останки как объекты исследования в криминалистической науке и следственной практике 138
Лапин В. О. Вопросы организации расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности 146
Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Создание оперативно-следственного инструментария: успехи законодателя и проблемы правоприменителей 156
Титушкина Е. Ю., Ищук Я. Г. Комплексная оперативно-профилактическая операция: проблемы правового закрепления 163
Шмонин А. В., Борин Б. В., Земскова Е. Н. Предпосылки формирования криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд 171

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Дронова О. Б., Смагоринский Б. П. Современные возможности проведения криминалистических исследований в ходе выявления и расследования преступлений в сфере незаконного оборота потребительских товаров 182

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Панасенко В. Н. Оценка опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике 191

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Важенина И. В. Влияние английской модели охраны правопорядка на идеи реформирования российской полиции в XIX–XX вв. 198
Мулукаев Р. С., Афанасьев В. С. Советская милиция как орган охраны правопорядка 207
Рыжова Ю. В. Роль губернских жандармских управлений в обеспечении внутренней безопасности Российской империи в конце XIX – начале XX в. 212

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Гапоненко В. Ф., Самолысов П. В. Системно-структурный анализ административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок 220
Корабельникова Ю. Л. Гендерный баланс в органах полиции России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование 232
Потапова С. А. К вопросу о совершенствовании российского законодательства в сфере лесных ресурсов и лесозаготовок 238

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Осмоловская С. И. Основные факторы, влияющие на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления со стороны родителей 247

Worked with issue

E. V. Belik **E. A. Citkilova**
P. A. Rogulyov **V. A. Yarovaya**
M. A. Filchagina

Technical layout: **A. A. Melnikova**

The journal «Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» is registered with the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate of Registration ПИ № ФС77–75592 on April 19, 2019.

Using materials reference to the journal «Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» is required.

Print is signed 18.12.2020
Format 60×84 1/8
Capacity, printed sheet 29,53 p. s.
Circulation 500 copies.
Первый завод 98 экз.
Published 4 times a year.
Negotiable price.

Address of the Editorial Office and Publisher:
125171, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.
Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: ebelik3@mvd.ru
Subscription index at the General catalogue «Pressa Rossii»: 15548.
Website: https://а.мвд.рф/folder/6891081.

Printed by the Unit for Typographic and Operative Printing of the Publishing Department of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.
125171, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and High Education the Russian Federation journal «Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» is included in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published by scientific specialties: 12.00.01, 12.00.02, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.11, 12.00.12, 12.00.14.

© Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2020.

PROCEEDINGS
OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2020
№ 4 (56)
December

The Journal has been published since December 2006

CONTENT

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PROBLEMS

Dyomin G. I., Balayeva J. R. Causes and Conditions of Occurrence, Public Danger of Extremism Based on Radical Trends of Islam....8
Elagin A. G. Some Safety Laws and Their Characteristics....208
Kirichek E. V. Information and Digital Sphere of Public Life: a View Through the Prism of Constitutional and Legal Reality....15
Kosyh A. A. Prospects for Using Artificial Intelligence in the Legal Regulation of Public Relations....22

STATE MANAGEMENT: METHODOLOGY, LEGAL ENFORCEMENT

Zahvatov I. Yu., Eryomin E. V. The role of the Ministry of internal Affairs of Russia in the development of strategies for the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation....38

MANAGEMENT OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Dul'cev M. V., Kotyazhov A. V. Current Issues of Information and Analytical Support for Detecting and Solving Crimes in the Field of Illicit Trafficking in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors....45
Pavlenkov R. V., Deryugin R. A. Implementation of a Practice-Oriented Training Model Using the Mobile Forensic Laboratory (MFL-2019) as a Training Ground Center....53

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

Il'yuhov A. A. Appeal and Cassation Instances in the Framework of Modern Judicial Reform: Legal and Organizational Issues....60
Pobedkin A. V. Criteria for the Legality of Applying the Analogy in Criminal Proceedings....66
Sizova V. N. Analysis of International Legal Norms on Criminal Liability of Legal Entities in the Context of the Introduction of the Institution of Criminal Liability of Legal Entities in Russian Legislation....78
Urban V. V. Concept and Content of the Criminal Procedure Policy of the Russian Federation....85
Chernyh E. E. Responsibility for «Adverse Consequences» in the Field of Medicine: Theory, Technique, Practice....94

THE TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

Belyaeva T. N., Borisov S. V. Countering extremism (terrorism): priority direction of law enforcement activities in the aspect of ensuring national security....105
Bessonov V. A., Namyotkin D. V. Current Aspects of Detection and Investigation of Crimes in the Sphere of Providing Socially Significant Services to the Population....117
Gavrilin Yu. V. Countering The Digital Transformation Of Drug Addiction (Based On The Results Of The All-Russian Online Seminar)....122

For attention of the authors

The journal «Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

General requirements for submitted for publication of articles posted on the official website of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia at https://а.мвд.рф in the «Science» section.

The text of your paper should come together with a list of references (not less than 10 and not more than 25 references), 5 to 7 keywords and an abstract of 300 typed characters (200 – 250 words).

The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 24 typewritten pages (references, tables and pictures included).

All the articles are double «blind» peered reviewing. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Editorial Department of the research Journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles.

The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles published in other scientific journal with the percentage of originality below 70 %, in which there is plagiarism, are not accepted for consideration.

Zubkova A. V. Criminological Characteristics of Crimes That Infringe on the Illegal Extraction (Catch) of Aquatic Biological Resources and Violation of the Rules for Their Protection 130
Lavrov V. P., Tebiev R. R. Animals and their remains as objects of research in forensic science and investigative practice 138
Lapin V. O. Questions of Organization of Investigation of Crimes in the Sphere of Business Activity 146
Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. Creating Operational Investigative Tools: the Success of the Legislator and the Problems of Law Enforcement 156
Titushkina E. Yu., Ishchuk Ya. G. Complex Operational and Preventive Operation: Problems of Legal Consolidation 163
Shmonin A. V., Borin B. V., Zemskova E. N. Prerequisites for the Formation of Forensic Knowledge about the Investigation of Crimes In the Field of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs 171

JUDICIAL-EXPERT ACTIVITY

Dronova O. B., Smagorinsky B. P. Modern Possibilities of Conducting Forensic Research in the Course of Detection and Investigation of Crimes in the Sphere of Illegal Turnover of Consumer Goods 182

FOREIGN EXPERIENCE, INTERNATIONAL COOPERATION

Panasenko V. N. Assessment of the Experience of Countering Extremism and Terrorism in the People's Republic of China 191

LAW ENFORCEMENT RETROSPECTIVE

Vazhenina I. V. Influence of the English Model of Law Enforcement on the Ideas of Reforming the Russian Police in the XIX–XX Centuries 198
Mulukaev R. S., Afanas'ev V. S. Soviet Police as a Law Enforcement Agency 207
Ryzhova Yu. V. The Role of Provincial Gendarmerie Departments in Ensuring the Internal Security of the Russian Empire in the Late XIX-Early XX Centuries 212

FORUM FOR DISCUSSION

Gaponenko V. F., Samolysov P. V. System-Structural Analysis of Administrative Responsibility for Violation of the Legislation of the Russian Federation on the Contract System in the Field of Procurement 220
Korabel'nikova Yu. L. Gender Balance in the Police Forces of Russia and Foreign Countries: a Comparative Legal Study 232
Potapova S. A. On the issue of improving Russian legislation in the field of forest resources and logging 238

THE TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

Osmolovskaya S. I. The Main Factors Influencing the Involvement of a Minor in the Commission of a Crime on the Part of Parents 247

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ ДЁМИН,
профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений,
доктор философских наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

GENNADIJ IVANOVICH DYOMIN,
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Internal Affairs Management in Special Conditions of the Center for Command and Staff Exercises
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

ДЖАМИЛЯ РАШИДОВНА БАЛАЕВА,
старший преподаватель кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: rashidovna_dj@mail.ru

JAMILA RASHIDOVNA BALAYEVA,
Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Internal Affairs Management in Special Conditions of the Center for Command and Staff Exercises
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: Yuriy902@gmail.com

Научная специальность:
12.00.11 – судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.11 – Judicial Activity, Prosecutor's Activity, Human Rights and Law Enforcement Activities.

УДК 343.341

Дата поступления: 17 марта 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Причины и условия возникновения, общественная опасность экстремизма на основе радикальных течений ислама

Causes and Conditions of Occurrence, Public Danger of Extremism Based on Radical Trends of Islam

Аннотация

Актуальность исследования определяется общественной опасностью экстремизма на основе радикальных течений ислама. Среди наиболее активных и смертоносных террористических группировок в начале XXI в. абсолютно доминируют организации, действующие под

Annotation

The relevance of the research is determined by the public danger of extremism based on radical trends of Islam. Among the most active and deadly terrorist groups in the early twenty-FIRST century, organizations operating under the banner of extremist interpretations of Islam absolutely dominate.

знаменами экстремистских толкований ислама.

Интересы обеспечения национальной безопасности России диктуют необходимость повышения эффективности противодействия данной форме религиозного экстремизма.

Цель исследования: сформировать научно обоснованное представление о содержании, структуре, общественной опасности экстремизма на основе радикальных течений ислама.

Методы исследования: диалектический метод познания, в рамках которого применяются и иные специальные методы изучения социально-правовых явлений и процессов; формально-логический; логический; системный; комплексный; конкретно-социологический.

Выводы и ключевые результаты: общественная опасность и своеобразие экстремизма на основе радикальных течений ислама диктуют необходимость углубления знаний об этой форме религиозного экстремизма. Выявлены основные причины и условия возникновения и развития экстремизма на основе радикальных течений ислама, охарактеризована его общественная опасность.

Ключевые слова: *экстремизм; радикальные течения ислама; общественная опасность; экстремистская идеология на основе искажения основных положений ислама.*

The interests of ensuring Russia's national security dictate the need to increase the effectiveness of countering this form of religious extremism.

The purpose of the research: to form a scientifically based idea of the content, structure, and social danger of extremism based on radical trends of Islam.

The research methods: dialectical method of cognition, in which other special methods of studying socio-legal phenomena and processes are used; formal-logical; logical; system; complex; concrete-sociological.

The conclusions and key results: the social danger and the uniqueness of extremism based on radical trends in Islam dictate the need to deepen knowledge about this form of religious extremism. The main causes and conditions of the emergence and development of extremism based on radical trends of Islam are identified, and its social danger is characterized.

Key words: *extremism; radical trends of Islam; public danger; extremist ideology based on distortion of the main provisions of Islam.*

Введение

Участие в противодействии экстремизму во всех видах и формах является одной из актуальных задач органов внутренних дел Российской Федерации.

Как показывает накопленный опыт, необходимо постоянно изучать изменения, происходящие в экстремизме, выявлять вероятные угрозы, наиболее опасные формы и методы экстремистской деятельности, своевременно разрабатывать, уточнять и последовательно осуществлять эффективное противодействие этому общественно опасному явлению.

Среди современных форм экстремизма на первое место по степени опасности вышел экстремизм на основе радикальных течений ислама.

Общественная опасность данной формы экстремизма определяет необходимость повышения эффективности выявления, предупреждения и пресечения преступлений экстремистской направленности.

Стоящие задачи предполагают детальное изучение экстремизма на основе радикальных течений ислама. Эта форма экстремизма возникает и развивается на почве конкретных внешних и внутренних условий и причин, его субъектами является ряд исламских священнослужителей, их последователей, активистов, лидеров. Активную роль в пропаганде, распространении, финансировании экстремизма на основе радикальных течений ислама выполняют международные экстремистские и террористические организации и центры.

Что представляет собой экстремизм на основе радикальных течений ислама?

В российской научной литературе и документах выделяются два подхода к определению данной формы экстремизма.

Первый подход определяет этот экстремизм как «исламистский экстремизм» или «воинствующий исламизм» [6, с. 72].

Но такое определение захватывает всех приверженцев ислама, вызывает вполне обоснованный протест, так как несет негативную оценку ислама в целом.

Второй подход излагается в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (далее – Стратегия), ут-

верженной Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344[1].

Речь идет об экстремизме на основе радикальных течений ислама. В пункте 22 данной Стратегии указывается: «Особую опасность представляют приверженцы радикальных течений, в частности не относящиеся к представителям народов, традиционно исповедующих ислам, однако отличающиеся религиозным фанатизмом, вследствие чего их легко склонить к совершению террористических актов, в том числе в качестве смертников». Это определение указывает на конкретные течения ислама, выдвигающие на первый план использование нелегитимного насилия.

Возражение вызывает термин «радикальные».

Термин «радикальный» определяется как «коренной, решительный, придерживающийся крайних, решительных взглядов» [7, с. 423].

Радикализм – есть «решительный образ действий» [5, с. 630].

Как показывает практика, радикализм может быть двух видов:

а) радикализм в рамках действующего права;

б) радикализм вне рамок правовых норм государства.

Точно так же радикализм может иметь прогрессивную и реакционную направленность.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. радикализм определяется как «бескомпромиссная приверженность идеологии насилия, характеризующаяся стремлением к решительному и кардинальному изменению основ конституционного строя Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации».

Экстремизм на основе радикальных течений ислама, по нашему мнению, следует определить как противоправные деяния физических и юридических лиц, совершаемые по отношению к последователям других религий, конфессий, к атеистам по мотивам религиозной ненависти или вражды на основе экстремистских толкований элементов ислама.

В данной форме религиозного экстремизма выделяются три составные части, как и в других видах экстремизма:

а) субъекты экстремистской деятельности: международные экстремистские и террористические организации, а также физические и юридические лица, находящиеся на территории России, т. е. отдельные политические партии, общественные и религиозные объединения, коллективы СМИ, группы и отдельные граждане;

б) экстремистская идеология на основе радикальных течений ислама – система взглядов, идей, представляющих насильственные и иные противоправные деяния как единственно эффективные по отношению к последователям других религий, конфессий, к атеистам и политическим противникам.

«Религиозно-политический экстремизм под прикрытием ислама, – отмечает Х.Т. Курбанов, – это такфиристская идеология (обвинение в неверии всех, кто эту идеологию не разделяет) и основанная на ней специфическая диверсионно-террористическая практика, ложно определяемая джихадом (священной войной за веру)» [1, с. 168];

в) проявления экстремизма – «общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам политической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и религиозных конфликтов, а также угрожающие конституционному строю Российской Федерации, нарушению единства и территориальной целостности Российской Федерации».

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности»[2] с последующими изменениями и дополнениями к числу таких деяний следует отнести:

– насильственные изменения конституционного строя, создание теократического государства, нарушение целостности Российской Федерации на основе норм радикальных течений ислама;

– публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность под лозунгами и идеями радикальных течений ислама;

– возбуждение религиозной розни по отношению к последователям других религий, конфессий, течений ислама и к атеистам;

– пропаганда исключительности, превосходства последователей радикальных течений ислама по отношению к адептам других религий, конфессий, к сторонникам атеизма;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его иной религиозной принадлежности кроме радикальных течений ислама;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и пра-

[1] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О противодействии экстремистской деятельности»: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

ва на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием или угрозой его применения на основе идей радикальных течений ислама;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений, соединенное с насилием или угрозой его применения под лозунгами радикальных течений ислама;

– совершение преступлений по мотивам религиозной ненависти или вражды по отношению к последователям других религий, конфессий и к атеистам кроме радикальных течений ислама (п. «е» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации);

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистский материалов на основе идей радикальных течений ислама, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

К числу основных внешних причин и условий относится ряд факторов.

1. Роль ислама, которую он играл и играет в жизни исламских государств и народов. Ислам был и остается одной из важнейших составляющих культуры этих стран. Наряду с другими факторами он позволил им подняться на более высокие ступени цивилизации. Ислам выполнял и выполняет роль знамени, под которым народы боролись с колониализмом и неоколониализмом за свои интересы, потребности, за самобытность. Культурный и исторический опыт исламских государств сформировал прочное доверие к исламу и исламскому духовенству.

Р.Г. Ланда отмечает следующее: «Мусульмане дольше других людей Востока – примерно 1300 лет – общались с европейцами. Около 1 000 лет они оказывают сопротивление европейской экспансии, которую считали не только военной, но также духовной и, прежде всего, религиозной агрессией. Неудачи в этом противостоянии за последние три-четыре столетия неимоверно ожесточили мусульман... Даже сбросив оковы политической зависимости, страны ислама остались отсталой периферией мирового капитализма, во многом сверяющей свою хозяйственную, политическую и социокультурную жизнь с требованиями развитых стран, как правило – своих бывших метрополий [3, с. 123–124].

2. Определенные слои населения находят в исламе протест против реалий и негативных последствий западно-европейской и американской цивилизаций. Мусульмане называют среди этих «плодов» глубокое социальное, политическое неравенство, несправедливость, сексуальные отклонения от общепринятых норм, проституцию, наркоманию, растущее отчуждение и т. д. Такая резкая критика встречает одобрение и поддержку у весьма широких слоев мусульман.

3. Распространение радикальных течений ислама следует рассматривать и в качестве поиска средств решения проблем, с которыми столкнулся ряд исламских государств, определенные слои населения.

По утверждениям идеологов и пропагандистов радикальных течений ислама, только применение решительных мер, включая насилие, принесет успех мусульманам в их борьбе за процветание.

4. Свою роль в активизации радикальных течений ислама играют проблемы перехода российского общества к системе демократии и рыночных отношений. Этот переход захватывает длительный период времени, фактически в нем участвуют два-три поколения в любом обществе. Данный переход означает решительный слом прежних ценностей, норм, традиций и обычаев. Он требует овладения новыми знаниями, умениями и навыками, что предполагает готовность пересмотреть традиционные ценности, нормы, способность преодолеть критическое отношение к новому. Более того, новые рыночные отношения принесли углубляющееся имущественное неравенство, отсутствие стабильности в обществе, увеличение роли рисков, кризисов, противоречий и конфликтов.

5. Немаловажным обстоятельством выступают особенности ислама как религии. В нем содержится значительный пласт норм, затрагивающих сферы повседневной жизни верующих. Пунктуальное исполнение этих норм наталкивается на реалии современного общества, на растущую ценность прав и свобод человека и гражданина. Например, исламское требование пятикратной молитвы в течение суток нелегко соблюдать на современном производстве, где все подчиняется логике технологического процесса.

Свою роль играет сложность экстремизма, который развивается на основе комплекса причин: социально-экономических, политических, правовых, культурных, идеологических, религиозных, нравственных, психоло-

гических. В силу данных причин экстремизм обладает множеством аспектов. В нем содержатся не только неправовые формы и методы достижения выдвигаемых целей в конфликтах и противоречиях.

Экстремизм выражает и реакцию определенных слоев на происходящие явления и процессы. В этом случае протестная составляющая играет роль мотива, побуждения к экстремистским действиям. Экстремизм, будучи неправовым средством разрешения противоречий и конфликтов, сигнализирует государству и обществу об имеющихся проблемах в той или иной сфере общественной жизни. Тем самым открывается возможность управления конфликтами и противоречиями, введения их в рамки права и институтов.

Данная сложность и многоликость экстремизма требует системного анализа, т. е. выявления связей экстремизма с социальными условиями и факторами, взаимного влияния экстремизма и общественных процессов.

Следовательно, перед государственными органами, включая органы внутренних дел, органами местного самоуправления, структурами гражданского общества стоит проблема повышения уровня знаний, расширения кругозора. Только на этой основе возможно осуществление эффективного противодействия экстремизму и терроризму.

Общественная опасность экстремизма на основе радикальных течений ислама заключается в ряде явлений.

1. Эта опасность состоит, прежде всего, в стремлении его последователей насильственно построить исламское государство, в котором все сферы жизни должны находиться под воздействием духовенства и норм шариата. Более того, выдвигается цель создания всемирного халифата. Возврат к ценностям и нормам раннего ислама якобы способен принести успех мусульманам всего мира.

2. Экстремизм на основе радикальных течений ислама, как показывают события конца XX – начала XXI в., широко использует терроризм для достижения своих целей.

«В мотивационно-идеологическом плане на первое место по степени активности, смертоносности и уровню транснационализации вышел терроризм религиозно-экстремистского толка, – подчеркивает Е.А. Степанова, – при не снижающемся уровне националистического, первого и иных типов, который также продолжает расти, но значительно уступает терроризму религиозно-экстремистского толка, и многообразию смешанных мотивационно-идеологических форм. При этом среди наиболее активных и смертоносных террористических группировок в начале XXI в. абсолютно доминируют организации радикально-исламистского толка, действующие нарегиональномитранснациональномуровне» [8, с. 39].

3. В соответствии со Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года экстремизм на основе радикальных течений ислама ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации.

Идеологи экстремизма на основе радикальных течений ислама считают подлинно истинным только свое толкование ислама. Они отвергают более поздние (после четырех первых имамов) толкования Корана и шариата и считают неверными все другие толкования.

4. Экстремизм на основе радикальных течений ислама стимулирует возникновение и развитие межконфессиональных и межэтнических конфликтов вне рамок российского права. Религия – одна из частей национально-этнической культуры. Любое умаление ценностей той или иной конфессии, а тем более отрицание ее истинности сопровождается резким обострением межэтнических отношений. Любой человек усваивает религиозные нормы, традиции и обычаи национально-этнической культуры с первых шагов своей жизни.

5. Опасность представляет ориентация лидеров экстремистских организаций и группировок на основе радикальных течений ислама на молодежь. Молодежь в любом обществе представляет собой наиболее динамичную социально-демографическую группу в силу своих возрастных, психологических особенностей и положения в обществе. Она озабочена потребностью получения современного образования, профессии, интересной и высокооплачиваемой работы, созданием семьи. Весьма критично она воспринимает недостатки и проблемы общественной жизни, скептично оценивает советы и опыт старших поколений.

Мировоззренческая и идеологическая неопытность молодежи облегчает пропагандистско-идеологическую деятельность лидеров, активистов экстремистских организаций. Молодые люди нередко склонны присоединять себя к тем, кто исповедует программу непосредственных действий, направленных на достижение значительной цели, в том числе – служение Богу. Тщательно разработанная идеологическая обработка в сочетании с денежным вознаграждением подталкивает молодых

людей к фанатичным действиям экстремистской направленности.

Каковы признаки идентификации организаций, групп, придерживающихся экстремистских установок на основе радикальных течений ислама?

Данные признаки крайне важны для организации и осуществления эффективного противодействия этой форме религиозного экстремизма.

Выработка, уточнение и применение этих признаков требуют объединения усилий государственных органов, органов местного самоуправления, специалистов в различных областях, в том числе религиоведов и духовенства.

Идентификация организаций и групп на предмет их принадлежности к экстремистским структурам, по нашему мнению, должна основываться на ряде оценок.

1. Оценка политических целей и намерений конкретной религиозной организации:

а) лидеры организации сами определяют цели ее деятельности;

б) отношение организации, ее лидеров к действующей государственной власти;

в) на каких идеологических и организационных принципах создается внутренняя структура организации;

г) взаимодействие, его формы с организациями других религий и конфессий, отношение к атеистам.

2. Анализ идеологических и пропагандистских установок по применению нелегитимного насилия для достижения выдвигаемых целей.

Особого внимания заслуживает практическая деятельность конкретных религиозных объединений, их готовность использовать нелегитимное насилие в тех или иных формах.

В Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская деятельность определяется в качестве действий, связанных с насилием в отношении государственных органов, с попытками насильственного изменения конституционного строя, с публичным оправданием терроризма и иной террористической деятельности, с возбуждением религиозной, расовой, этнической, межнациональной, политической и идеологической ненависти или вражды, сопряженных в конечном итоге с насилием.

3. Интерпретация основных догм ислама.

Экстремистские организации на основе радикальных течений ислама апеллируют к известному исламскому тезису о разделении мира на два лагеря – «хизбу-аллах» и «хизбу-шайтан», т. е. партию Бога и партию дьявола. Экстремисты пытаются оживить лозунг «джихада» – «священной войны».

«Джихад» (араб.) – «священная война, война за веру», буквально – усердие, рвение; одно из предписаний всем мусульманам, способным носить оружие, вести священную войну против «неверных» [4, с. 1511].

Понятие «джихад» приобретало и приобретает различные значения в зависимости от исторической эпохи, от условий, в которых существовали этносы, нации и государства, исповедующие ислам и его духовные лидеры. «Первоначально под джихадом понималась борьба в защиту и за распространение ислама. Затем появились более глубокие смыслы. «Джихад сердца» – борьба с собственными дурными наклонностями; «джихад языка» – повелевает совершать благое, запрещает совершать плохое; «джихад руки» – принятие мер в отношении преступников и нарушителей норм нравственности; «джихад меча» – вооруженная борьба, это и есть газават» [2, с. 123].

Экстремисты на основе радикальных течений ислама приняли идею вооруженного и агрессивно-наступательного джихада за основу отношений с мировым сообществом – миром «куфра» и с миром «джахилийи» – мусульманами, не признающими утверждения экстремистов.

4. Игнорирование приверженцами экстремистских идей на основе радикальных течений ислама правовых норм, форм и методов разрешения противоречий и конфликтов в различных сферах общественной жизни.

Тщательная идентификация деятельности физических и юридических лиц, разделяющих экстремистские взгляды радикальных течений ислама, выступает важнейшим компонентом противодействия экстремизму во всех формах.

Анализу подлежит и пропагандистская деятельность экстремистских организаций в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет.

В соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» в случае осуществления общественным или религиозным объединением либо иной организацией, либо их религиозным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству

или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующее общественное или религиозное объединение, либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основе заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора.

Заключение

Эффективное противодействие экстремизму на основе радикальных течений ислама требует углубления конкретных знаний о причинах его существования, тесного взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с органами государственной власти, органами местного самоуправления, структурами гражданского общества, включая религиозные объединения, действующие в рамках российского права.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Махачкала, 2007.
2. *Кисриев Э. Ф.* Ислам и власть в Дагестане. М., 2004.
3. *Ланда Р. Г.* Ислам и революция // Ближний Восток и современность: сб. статей. Вып. XVI. М., 2002.
4. Малый энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб.,1994. Т. 2.
5. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 2014.
6. Противодействие экстремизму и терроризму: правовой и международный аспекты: сб. матер. Домодедово, 2016.
7. Словарь иностранных слов. М., 2015.
8. *Степанова Е. А.* Долгосрочный прогноз в области терроризма. Пути к миру и безопасности. 2016. № 1 (50).

References:

1. Aktual'nye problemy protivodejstviya religiozno-politicheskomu ekstremizmu: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. Mahachkala, 2007.
2. *Kisriev E. F.* Islam i vlast' v Dagestane. M., 2004.
3. *Landa R. G.* Islam i revolyuciya // Blizhnij Vostok i sovremennost': sb. statej. Vyp. XVI. M., 2002.
4. Malyj enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. SPb.,1994. T. 2.
5. *Ozhegov S. I.* Slovar' russkogo yazyka. M., 2014.
6. Protivodejstvie ekstremizmu i terrorizmu: pravovoj i mezhdunarodnyj aspekty: sb. mater. Domodedovo, 2016.
7. Slovar' inostrannyh slov. M., 2015.
8. *Stepanova E. A.* Dolgosrochnyj prognoz v oblasti terrorizma. Puti k miru i bezopasnosti. 2016. № 1 (50).

Для цитирования:

Дёмин Геннадий Иванович, Балаева Джамиля Рашидовна. Причины и условия возникновения, общественная опасность экстремизма на основе радикальных течений ислама // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 8–14.

For citation:

Dyomin Gennadij Ivanovich, Balaeva Dzhamilya Rashidovna. Causes and conditions of occurrence, public danger of extremism based on radical trends of Islam // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 8–14.

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ЕЛАГИН,
профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: 9031848622@mail.ru

ALEKSANDR GEORGIEVICH ELAGIN,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Staff Exercises
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: 9031848622@mail.ru

Научная специальность:
12.00.11 – судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.11 – Judicial Activity, Prosecutor's Activity, Human Rights and Law Enforcement Activities.

УДК 340.1

Дата поступления: 16 сентября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Некоторые законы безопасности и их характеристики

Some Safety Laws and Their Characteristics

Аннотация

Актуальность статьи определяется существованием огромного количества законов (закономерностей), которые представляют собой существенную и устойчивую связь между явлениями и состояниями тел, описывающих многообразные грани реальности. Законы природы проявляются в действиях бессознательных сил. Законы общества (социальные законы) являются результатом сознательной деятельности людей. Эволюция научной мысли позволила выявить большое количество законов в естественных и общественных науках. Однако поиск законов (закономерностей) в сфере безопасности нельзя рассматривать как завершенный процесс.

Постановка проблемы: в науке не сложилось единого мнения о критериях выделения законов безопасности. Авторы в своих исследованиях предлагают использовать для этого разные подходы. Во многом это связано с быстрыми изменениями социальной действительности. Поиск методологии выявления таких законов жизненно необходим, так как законы безопасности обобщают реальные события, в том числе касающиеся всей человеческой деятельности по обеспечению безопасности. Законы безопасности направлены на реализацию умственного и творческого потенциала человека, развитие правоотношений в сфере

Annotation

The relevance of the article is determined by the existence of a huge number of laws (regularities) that represent a significant and stable relationship between phenomena and States of bodies that describe the diverse facets of reality. The laws of nature are manifested in the actions of unconscious forces. The laws of society (social laws) are the result of people's conscious activity. The evolution of scientific thought has revealed a large number of laws in the natural and social Sciences. However, the search for laws (regularities) in the field of security cannot be considered as a complete process.

The problem statement: there is no consensus in science about the criteria for identifying security laws. The authors suggest using different approaches in their research. This is largely due to the rapid changes in social reality. The search for a methodology for identifying such laws is vital, since security laws generalize real events, including those related to all human security activities. Security laws are aimed at realizing the intellectual and creative potential of a person, developing legal relations in the field of security, and ultimately ensure a comfortable life for everyone.

The purpose of the study: to characterize some security laws as a variety of social laws. To show that they are an integral part of security theory, and that their appearance is the result of numer-

безопасности и в конечном итоге обеспечивают комфортную жизнь каждого человека.

Цель исследования: дать характеристику некоторым законам безопасности как разновидности социальных законов. Показать, что они являются неотъемлемым элементом теории безопасности, а их появление – результат многочисленных, тщательных наблюдений, которые впоследствии (через мыслительный процесс) позволят по-новому смотреть на проблемы обеспечения безопасности.

Методы исследования: формально-логические методы анализа и синтеза, обобщения и сравнения, методы абстрагирования и наблюдения.

*Результаты и ключевые выводы***:** проанализированы разные подходы к выявлению закона безопасности. Обоснован вывод автора о том, что законы безопасности носят объективный характер, являются надежным инструментом управления безопасностью и связаны с идеей сохранения жизни и здоровья человека различными средствами. Их фундаментами являются повторяемость и эволюция многочисленных форм мышления, целенаправленных действий управленческих решений. Выявление законом безопасности позволяет по-новому смотреть на проблемы обеспечения безопасности через системно-деятельностный подход. Познание законов безопасности влияет на саморегуляцию поведения человека.

Ключевые слова: *безопасность; риски; правила поведения; уровень безопасности; приемлемый риск; человеческий фактор; мысль; действие; обеспечение безопасности.*

ous, careful observations, which later (through a thought process) will allow us to look at security problems in a new way.

The research methods: formal-logical methods of analysis and synthesis, generalization and comparison, methods of abstraction and observation.

The results and key conclusions: different approaches to identifying the security law are analyzed. The author substantiates the conclusion that safety laws are objective in nature, are a reliable tool for safety management and are associated with the idea of preserving human life and health by various means. Their foundations are the repeatability and evolution of numerous forms of thinking, purposeful actions and management decisions. The identification of security issues allows us to look at security issues in a new way through a system-activity approach. Knowledge of security laws affects the self-regulation of human behavior.

Keywords: *security; risks; rules of conduct; level of security; acceptable risk; human factor; thought; action; security.*

Идея формирования законов безопасности появилась совсем недавно. По существу, это первая статья, посвященная их описанию, с целью использования их в дальнейшем для утверждения и объяснения социально-правового явления безопасности, а также совершенствования целенаправленной, многоаспектной управленческой деятельности многочисленных субъектов государственной системы национальной безопасности.

Здесь же не надо забывать, что задачей науки, в нашем случае «ноксозологии» – науки о защите от опасностей, является открытие законов (наблюдаемой взаимосвязи между событиями) через познание закономерностей, позволяющее выстроить их в некоторой логической последовательности, синтезируя большое количество наблюдений. Законы безопасности, являясь составной частью теории безопасности, направлены на решение жизненной проблемы. Во многом они эмпиричны.

В реальной действительности существует значительное количество законов, которые представляют собой устойчивую связь между явлениями и состояниями тел, описывающих многообразные грани реальности. Законы природы проявляются в действиях бессознательных сил. Законы общества (социальные законы) являются результатом сознательной деятельности людей. Большое количество имеющихся законов существует в математике, астрономии, физике, психологии, социологии (Архимеда, Ньютона, Кюри и т. д.).

Приведем несколько социологических законов.

1. Законы инженера ВВС США Эдварда Мёрфи (их достаточно много). Основу составляет принцип – если какая-нибудь неприятность может случиться, она случается. За-

метим, что один из них касается непосредственно нашей темы: «Если существуют два или более способов сделать что-либо, причем использование одного из них ведет к катастрофе, то кто-нибудь изберет именно этот способ». Эта фраза была сказана в момент, когда заведенный самолетный двигатель начал вращать пропеллер не в ту сторону. Как потом выяснилось, техники установили деталь задом наперед. В дальнейшем руководитель проекта от компании «Нортроп» Дж. Николс заявил, что все достигнутое по обеспечению безопасности полетов – это результат преодоления «закона Мёрфи».

2. Закон Паркинсона: учреждение, в котором работают более тысячи сотрудников, становится «административно самодостаточным». Этот специальный термин означает, что оно создает так много внутренней работы, что больше не нуждается в контактах с внешним миром.

3. Закон (принцип) канадского педагога Лоуренса Питера известен во всем мире и заключается в следующем: в системе иерархии абсолютно каждый работник рано или поздно достигнет своего уровня некомпетентности. Книга Лоуренса Питера заставляет глубоко задуматься и проанализировать работу и поведение. Принцип относится ко всем работникам и системам. Особенно он важен в сфере безопасности, так как в теории безопасности существует постулат: компетентность людей в мире опасностей и способах защиты от них – необходимое условие достижения безопасной жизнедеятельности. Некомпетентность здесь означает гибель человека, лесов, фауны, угроза гибели всего людского, природного, техногенного.

Эти законы обобщают реальные события нашей жизни, в том числе и касающиеся опосредованно деятельности по обеспечению безопасности. Они же направлены и на реализацию умственного и творческого потенциала человека, развитие человеческих общественных правоотношений в сфере безопасности.

Назовем еще один закон (принцип), касающийся нашей проблемы, который имеет неоднозначное к нему отношение в обществе. Речь идет о высказывании советского государственного деятеля Л. Кагановича: «У каждой аварии есть имя, фамилия и должность».

Справедливость этого правила заключается иногда в отсутствии ответственных за происходящие катастрофы и их последствия. Однако далеко не у всякой технической аварии есть конкретный виновник. Главное здесь – выявление причин возникновения катастроф: как непосредственных, так и опосредованных. Искать и устранять объективные причины ошибок человека, не допускать возможности повторения подобного в будущем, ну и, конечно, принцип ответственности никто не отменял. Все надо делать в комплексе.

Представляется, что законы безопасности относятся к социальным (логичным) законам. Скорее всего, это частные социальные законы, которые проявляются в социально-правовом явлении «безопасность». Они регулируют безопасное поведение людей, определяют правовые и человеческие отношения между ними и вводят их в правовые, разумные рамки.

Открытие и формулирование законов безопасности, их познание и понимание природы необходимо для управления безопасностью в целом и отдельными ее видами – как внутренними, так и внешними, которые проявляются во времени и пространстве. В этом их универсализм.

Таким образом, законы о безопасности представляют собой выражение существенных и необходимых объективных связей (отношений), возникающих и проявляющихся в результате совместной деятельности субъектов по обеспечению безопасности. И, конечно же, это не юридические законы. Скорее всего, это правила общественных отношений в сфере безопасности.

К числу основных законов безопасности, разработанных автором настоящей статьи, относятся следующие.

Закон общественной безопасности: следовать законам, правилам безопасного поведения, нормам, регламентам безопасности, установленным в обществе.

Этот закон устанавливает порядок в обществе, который сопровождает нас во времени и пространстве, на земле, в воздухе, в космосе. Общественный порядок – это правомерное поведение человека (его модель) в социуме. Это своего рода этический и социальный порядок, основанный на морали, ценностях, любви. Иными словами, где находится человек, там должен быть порядок. Формула этого закона весьма проста: человек – правила поведения – порядок – безопасность. Но реализация этой формулы достаточно сложна, так как основным элементом в ней является человек.

Понимать человека, его поведение, как ни странно, становится все сложнее. В этой связи рассмотренные ниже законы безопасности помогут, по нашему мнению, раскрыть человека (как объект исследования) в первую очередь через его действия.

В некотором приближении данный закон можно считать врожденным и естественной составляющей человеческого разума на протяжении всей его жизни, потому что меняются нормы, правила, регламенты безопасности.

Здравый смысл, размышления, опыт вряд ли здесь приемлемы. Мы читаем детям сказки, закладывая в самом раннем возрасте на примере сказочных героев простейшие правила безопасности, и дети с дошкольного возраста формируют навыки безопасного поведения в социуме. Например, в сказке «Колобок» – «не гуляй один в незнакомых местах», в сказке «Волк и семеро козлят» – «нельзя открывать дверь чужим» и т. д. Только человеческий разум через знания, обучение, любовь делает наш мир безопасным и добрым. И, конечно же, безопасное поведение человека управляется его моральными принципами и саморегулируется.

Философский закон безопасности: появление опасностей приносит зло. Предупреждение, противодействие и их ликвидация обеспечивает безопасность – дает благо, добро.

Над категориями добра и зла философы и священники размышляли на протяжении всей истории человечества. Это вечные, незыблемые понятия. Они заложены в человеческом поведении. Зло – беда, несчастье, неприятность. Оно побуждает совершать неправомерные поступки, тем самым создавая опасность. В контексте рассматриваемой проблемы намеренное, умышленное, зачастую неосторожное нарушение правил безопасности с катастрофическими последствиями подходит под понятие зла. В житейском смысле зло относят ко всему, что имеет отрицательную оценку как со стороны индивидуумов, так и со стороны общества. Зло проявляется субъективно, в ошибочных, а порой и преднамеренных действиях, приводящих к реализации опасности.

Добро (безопасность) – образец собственных хороших поступков людей и отношений между ними, а также восприятие и реакция на негативные поступки других. Эти поступки связаны с определенной деятельностью. Во-первых, деятельностью, направленной на устранение причин и условий совершения правонарушений. Другая деятельность человека направлена на создание условий, способствующих обеспечению общественной безопасности. Это и создание специальных структур, подготовка специалистов, создание нормативно-правовых актов и многое другое. Ранее Н. Бердяев писал: «добро» не знает другого способа победы над «злом», как через закон и норму [1, с. 71].

В сказках добро торжествует над злом, так как именно об этом и мечтали простые люди, понимавшие, что основа жизни – добро. В этом смысле безопасность – это добро, благо.

Согласно догматам некоторых религий добро со злом рассматриваются как автономные силы, ведущие постоянную, извечную борьбу за право властвовать во всем мире. Подобная система взглядов в теологии называется дуализмом (добро и зло). Это метафизический дуализм, представляющий взаимодействие двух полярностей.

Другой формой дуализма, применительно к безопасности, является двойственная природа внешнего огня. У него есть позитивное начало: огонь – тепло, свет, согревает душу, дает жизнь. Он дает новые созидательные возможности. Огонь, по Гераклиту, – это первовещество и первосила (то, что движет все).

Но когда он выходит из-под контроля человека, он превращается в злой огонь – пожар, который приводит иногда к катастрофическим последствиям (выгорают города, гибнут тысячи людей).

Добро и зло соединяются только в голове. Эти две субстанции существуют автономно и присутствуют, как мы уже отмечали, в сфере безопасности жизнедеятельности. В этом смысле человек дуалистичен. Это подтверждает справедливое утверждение, основанное на объективной реальности: безопасность (добро) – только в голове, но в ней же и опасность (зло).

Иными словами, дуальность внутри нас. Это наша природа.

Закон научности: что объективно существует, то субъективно познаваемо и достижимо.

Проблема обеспечения национальной безопасности (включающая совокупность разных видов безопасности) не требует, на наш взгляд, достаточных объяснений по поводу объективности ее существования. Вместе с тем следует сказать, что она не поддается количественному измерению. Никто не может дать точных данных о гибели людей в России от различных угроз. Проблема известна руководителям страны, гражданам и профессионалам, которые отмечают, что мы живем в обществе риска и мир полон опасностей.

С другой стороны, происходит понимание глубинной природы существующей проблемы, которая базируется на закономерностях, достижениях различных наук, на принципах системности и комплексности. Появляется оптимизм и уверенность в собственных силах. Все это в совокупности способствует изменению причин поведения человека и раскрытию творческого потенциала. Многие индивиды вместо свободы предпочитают безопасность (особенно после трагедии в США в 2001 г.). Формируемая (активно) теория безопасности, включая понятийный аппарат, аксиомы, постулаты, эмпирические наблюдения, объясняет природу явления безопасности, создает предпосылки для достижения приемлемого уровня безопасности. Субъективное в данном случае относит-

ся к принципу недостижения «абсолютной» безопасности. Достичь же приемлемого уровня безопасности можно за счет того, что человек обязан понимать каждое событие (опасность), предвидеть ее и управлять ею. Здесь же необходимо согласиться с Геродотом, который утверждал: «Любой человек достаточно разумен для того, чтобы предпочесть опасности безопасность».

Закон гарантирования безопасности: опасности, угрозы, риски для человека находятся под контролем, а права и свободы человека гарантируются государством. Этот закон раскрывает принцип антропоцентризма через ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение защиты прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Закон управления безопасностью: любые решения во всех сферах жизнедеятельности человека должны иметь «экспертизу» безопасности и основываться на законах и функциях управления.

В основе этого закона лежит философия предупреждения опасностей, угроз безопасности начиная от проектируемых зданий, разработки новых веществ и материалов, безопасных продуктов. Важно разрабатывать такие законы, чтобы в них могли ориентироваться и граждане. Ведь законы пишутся для них. Надо вновь вернуть контроль за проектными решениями. В них одновременно содержится цель и раскрываются управленческие решения для ее осуществления. В некоторых случаях неправильно принятые управленческие решения приносят больше вреда, чем пользы.

Закон комплексности обеспечения безопасности: безопасность объекта может быть обеспечена при наличии на объекте (территории) систем обеспечения комплексной безопасности.

Процесс обеспечения безопасности следует рассматривать как определенную совокупность составляющих его элементов, как единство взаимосвязанных и взаимодействующих предметов, процессов, отношений, как комплекс мер, методов, способов достижения поставленной цели. В систему обеспечения безопасности входят определенные структуры, индивиды, социальные группы. Функции систем обеспечения безопасности определены Федеральным законом «О безопасности».

Системный анализ безопасности в самом общем виде позволил выделить для социума комплекс опасностей, угроз, рисков. Теоретические исследования и эмпирические данные определили (выявили) комплекс подходов, мер, способов, средств защиты от опасностей. Используя их, мы обеспечиваем комплексную безопасность объекта.

Впервые необходимость создания единой системы обеспечения безопасности государства была обоснована в трудах ученых Российской академии наук В.А. Легасова, Л.И. Абалкина, Ю.А. Рыжова и др. в 80–90 гг. XX столетия.

Закон (принцип) отрицания: «абсолютная» безопасность (нулевой риск) в деятельности человека недостижима.

Исходя из этого закона, безопасность любой системы может быть обеспечена с любой степенью вероятности, кроме абсолютной. Пока существуют (а они будут происходить всегда) естественные опасности (землетрясение, извержение вулканов и т. д.), практически неустранимые технические опасности (взрывы, аварии) и неизбежные антропогенные опасности, источником которых является человек (человеку свойственно совершать ошибки, а также психофизиологические аномалии и др.), данный закон – определяющий в теории безопасности. Поскольку достичь абсолютной безопасности практически невозможно, потенциальные опасности нормируют, т. е. регламентируют условия, соблюдение которых обеспечивает заданный уровень безопасности, который, по нашему мнению, должен быть закреплен законодательно. Во многих странах общим «приемлемым» риском гибели человека считается величина 10^{-6} в год.

Сущность концепции приемлемого риска, взамен ранее существовавшей концепции абсолютной безопасности, состоит в стремлении к такому уровню безопасности, который принимает общество в данный период времени в зависимости от его уровня социально-экономического развития. Эта концепция повышает роль человека в обеспечении собственной и общественной безопасности.

В Швеции в основе работы по повышению безопасности дорожного движения лежит концепция нулевой смертности. Она является образом мышления, предполагает новый взгляд на ответственность, учитывает особенности человека, этические принципы. Основным является этический принцип неприемлемости гибели людей и получения ими тяжелых телесных повреждений на дорогах.

Данная концепция привлекательна и для Российской Федерации. Так, например, целью Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2030 гг. является стремление к нулевой смертности в дорожно-транспортных происшествиях к 2030 г. Для того чтобы достигнуть заявленных показателей, необходимо изменить поведение участников дорожного движения (человека), выработав у них «безусловное соблюдение норм

и правил безопасности дорожного движения». Этот категоричный императив касается в целом проблем обеспечения национальной безопасности.

Закон человеческого фактора: любая система, зависящая от человеческой надежности, – ненадежна (закон Джилба).

Человеческий фактор – многозначный термин, описывающий возможность принятия ошибочных или алогичных решений в конкретных ситуациях. Иногда этот закон называется четвертым законом Джилба. Справедливо ли утверждение этого мыслителя? Судя по многим публикациям в современной литературе и по практике обеспечения национальной безопасности – да. Многие исследователи, эксперты, практические работники считают, что наиболее уязвимое место в системе безопасности – человеческий фактор. Неслучайно есть выражение: где тонко – там и рвется.

Да, мы совершаем ошибки. И никто не может ответить, почему это происходит. Что оказывает решающее влияние на неправомерное поведение человека, где скрыты истинные причины его поступков? Ответы на эти вопросы представляют определенный интерес для научных исследований. В первую очередь необходимо учиться на этих ошибках и не совершать их в дальнейшем. И это не совсем получается. По Ортега-и-Гассету, «подлинное богатство человека – это богатство человеческих ошибок, накопленный тысячелетиями жизненный опыт» [4, с. 206]. Глубинная природа человека плохо согласуется с доводами разума (но ведь человек – существо разумное). Древнегреческий философ Сократ (470–399 до н. э.) долго размышлял над тем, почему человек знает, как надо поступать, но действует совсем не так, как подсказывает ему разум. Великий мыслитель не решил эту задачу. Не решена она и в современности. Мир заполнен вещами, угрожающими общественной безопасности, суть которых находится выше понимания массового человека [4, с. 18]. Люди не всегда способны отличить безопасную авиалинию, но 1,6 млн человек в США летают каждый день. Люди не всегда способны отличить качественное лекарство от бесполезного, однако объем американского фармацевтического рынка составляет 60 млрд долларов в год. Люди пользуются «заезженными», каботажными судами, доверяют свои деньги не тем, кому следует, и едят обработанное мясо – не проявляя реального беспокойства по поводу своей безопасности [5, с. 354].

По мнению того же Гассета, это происходит потому, что «десять веков непрерывного культурного роста принесли среди немалых завоеваний один существенный недостаток: человек привык считать себя в безопасности, утратил чувство «кораблекрушения»» [4, с. 421].

По мнению американского философа и психолога Эриха Фромма (1900–1980), человек – единственное существо, для которого собственное существование является проблемой. Иными словами – человек является главной угрозой всему человечеству.

Действительно, человек сам создает опасность и сам от нее защищается. Известнейший парадокс в теории безопасности. И разорвать этот порочный круг не представляется возможным. В этой ситуации имеет смысл человеку развивать собственную способность уживаться с сегодняшней реальностью в сфере безопасности и быть в полной готовности отразить опасность, угрозу. Для этого необходим большой объем теоретических знаний с целью использования навыков и умений (а не погоня за дипломами). Нужны гармоничные отношения человека с природой, с себе подобными. По мнению известного лидера европейского бизнеса Роберта Салмона, нужна некая единая мораль жителя Земли, которую еще предстоит сформировать и реализовать. Мораль предполагает радикальное изменение наших приоритетов, перемещение акцентов с «иметь» на «быть».

Очевидно, что деятельность человека как объекта и субъекта безопасности осуществляется в неразрывном взаимодействии с окружающей средой, формируя сложную систему: опасность – человек – безопасность.

Закон деятельности: любая деятельность человека основывается на следующей взаимосвязанной технологии (модели): мыслить – желать – действовать – нести за эти действия ответственность.

Данный закон направлен на позитивную созидательную и творческую деятельность. Деятельность, как форма взаимодействия с окружающим миром, как количественное выражение сделанного, имеет целевой характер (постановка цели), общественный (социальный) характер (вступает в правоотношения). Этой деятельности свойственен и преобразующий характер (изменение себя и окружающих, решение проблем безопасности), и она направлена на удовлетворение основной потребности – быть в безопасности. В этом смысле она носит предметный характер и является продуктом безопасности.

Предлагаемая выше модель деятельности может быть использована при любой деятельности, а ее элементы являются предпосылками успешного выполнения какой-либо работы. Рассмотрим их немного подробнее.

Трудно представить существование человека без мысли. Сложно решать и задачи в сфере безопасности без знаний, ума, разума. Это звучит банально, но это так. Ведь мысли нужны для того, чтобы в зависимости от сложившейся чрезвычайной ситуации мы могли предугадывать происходящее и реагировать на то или иное событие.

Иными словами, мысль определяет наши возможности действия. Как и мысль, эти действия могут быть творческими, креативными, направленными на нерешенные проблемы. В этом случае характерен замкнутый цикл управления: «как мыслим – так и поступаем; как поступаем – так и живем; как живем – так и мыслим». Любая мысль рождает желание. Желание – это живущая в каждом из нас движущая сила. Желание и цель – неразрывные категории. Желание исполнится, цель будет достигнута при одном условии: надо действовать, двигаться к получению какого-либо результата.

Действия могут быть рефлекторными, импульсивными и волевыми. Волевые действия, по А. Н. Леонтьеву, являются актом с большим участием сознания, мышления и направлены на осуществление определенной цели.

Необходимо заметить, что в рассматриваемых элементах структуры деятельности везде присутствует цель – и в мыслях, и в желаниях. В действиях мы также выбираем и ставим определенную цель. Остается только одно – добиваться ее достижения с наименьшими затратами времени, сил и средств.

Гипотеза о влиянии ответственности за деятельность по обеспечению безопасности уже длительное время находится в центре внимания политиков, теоретиков и практических работников. Тезис «без ответственности нет безопасности» стал актуальным в современной России.

Более широко этот тезис рассматривал немецкий философ Г. Ионас: «Если человечество хочет выжить, то в своей деятельности оно должно руководствоваться принципом (основополагающим) ответственности перед природой и будущими поколениями».

Рассмотренные выше элементы деятельностной модели взаимосвязаны, оказывают влияние друг на друга, рассматриваются в качестве постоянных и истинных и находятся в рамках системы управления безопасностью. В идеале они должны обеспечить эффективный процесс достижения поставленной цели.

Законы безопасности напрямую связаны с концепцией национального проекта сбережения народа, через безопасность нации. Между сбережением народа и безопасностью – прямая зависимость. Иными словами, чем выше безопасность, тем больше мы сохраним жизнь людей. Важным фактором сбережения нации является снижение смертности, сохранение жизни и здоровья от опасностей и угроз медицинского, природного, техногенного, социального и террористического характера.

Ситуация с безопасностью в России не простая. Это сказывается и на сбережении народа. Преодоление и устранение угроз, опасностей, в т. ч. демографических, – это и есть сбережение народа. Для этого необходимо новое качество государственного управления всех органов власти (В. Путин), создание единой государственной статистики в области общественной безопасности.

Необходим национальный проект «Безопасность и сбережение народа» по трем направлениям: а) безопасность человека; б) безопасность собственности; в) безопасность окружающей среды. Следует осуществлять комплексный анализ ситуации с безопасностью, в т. ч. анализ качества оказываемых услуг в сфере безопасности. Нужна оценка качественных характеристик деятельности субъектов системы безопасности, в первую очередь – достаточности системы профилактических мер. Именно профилактические меры будут служить не только общей безопасности, но и сбережению народа [3, с. 15–34].

Мы согласны с М. В. Ломоносовым в том, что сбережение народа – это фундамент безопасности.

В научной и специальной литературе отсутствует термин «сбережение народа». На наш взгляд, сбережение народа – это особая функция государства и его органов, осуществляющих меры по сохранению жизни человека, решению демографической проблемы, пропаганде здорового образа жизни, что позволяет мирно развиваться и обеспечить безопасное будущее грядущим поколениям.

По существу, сбережение народа – это этический императив.

Вышесказанное позволяет прийти к следующим выводам.

1. Законы безопасности выражают взаимосвязи и отношения в процессе деятельности субъектов системы обеспечения национальной безопасности. Иными словами, они проявляются в деятельности людей. По существу, это объективные правила, которые регулируют поведение людей в процессе обеспечения безопасности. Знание этих законов необходимо для управления безопасностью, развития теории безопасности.

2. Законы безопасности – это своего рода «картина» безопасности. Они дают возможность человечеству не находиться в беспорядке (хаосе). Они носят нормативный характер, т. е. предписывают правильные алгоритмы мышления и действий.

3. Законы безопасности – это также инструменты управления безопасностью. Они связаны с идеей сохранения жизни и здоровья человека, собственности, с комплексными экологическими мерами, методами, способами, средствами, в том числе правовыми. Их фундаментом является повторяемость и эволюция многочисленных форм мышления, целенаправленных действий управленческих решений.

4. Законы безопасности, в отличие от других законов (физических, биологических, математических и др.), которые в основном остаются неизменными (они вечны), подвержены изменению, прежде всего за счет упорядоченных действий человека.

5. Поступать в соответствии с этими законами – обязанность каждого человека. Они общечеловечны и императивны (от лат. *imperatives* – «повелительный»).

Список литературы:

1. *Бердяев Н.* О назначении человека. М., 2006.
2. *Елагин А. Г.* Безопасность (теория, обеспечение, управление). М., 2013.
3. *Ломоносов М. В.* О сохранении русского народа / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2011.
4. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2002.
5. *Шнайер Б.* Секреты и ложь. СПб., 2003.

References:

1. *Berdyaev N.* O naznachenii cheloveka. M., 2006.
2. *Elagin A. G.* Bezopasnost' (teoriya, obespechenie, upravlenie). M., 2013.
3. *Lomonosov M. V.* O sohranenii russkogo naroda / sost. i otv. red. O. A. Platonov. M., 2011.
4. *Ortega-i-Gasset H.* Vosstanie mass. M., 2002.
5. *Shnajer B.* Sekrety i lozh'. SPb., 2003.

Для цитирования:

Елагин Александр Георгиевич. Некоторые законы безопасности и их характеристики // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 15–22.

For citation:

Elagin Aleksandr Georgievich. Some safety laws and their characteristics // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 15–22.

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КИРИЧЁК,
начальник управления
учебно-методической работы,
доктор юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
125171, г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских д. 8.
E-mail: Kirichek79@yandex.ru

EVGENII VLADIMIROVICH KIRICHEK,
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Educational and Methodical Work Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: Kirichek79@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

Scientific specialty:
12.00.02 – Constitutional Law; Constitutional Judicial Process; Municipal Law.

ORCID 0000–0003–2798–3812

УДК 004.89:343.4

Дата поступления: 12 августа 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Информационно-цифровая сфера общественной жизни: взгляд через призму конституционно-правовой действительности

Information and Digital Sphere of Public Life: a View Through the Prism of Constitutional and Legal Reality

Аннотация

Актуальность: динамично развивающийся процесс – цифровизация является важной составляющей политики нашего государства в условиях конституционно-правовой действительности. Какую бы сферу функционирования государства и общества мы не взяли, она непременно обнаружит свою связь – большую или меньшую – с вопросами использования информационно-коммуникационных технологий. Современный век новых информационно-цифровых технологий принципиальным образом меняет конституционно-правовую жизнь личности, общества и государства, порождает не только новые возможности, но и угрозы для демократии и прав человека, затрагивает сами основы человеческого бытия в обществе. Формирующееся информационно-цифровое пространство объективно становится качественно новой сферой правового, в том числе конституционно-правового, влияния.

Постановка проблемы: основными ориентирами цифровизации являются формирование информационного общества, цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и стратегических национальных приоритетов, создание условий для свободного доступа

Annotation

The relevance: the dynamically developing process – digitalization-is an important component of our state's policy in the context of constitutional and legal reality. Whatever sphere of functioning of the state and society we take, it will certainly find its connection – more or less-with the use of information and communication technologies. The modern age of new information and digital technologies fundamentally changes the constitutional and legal life of the individual, society and the state, creates not only new opportunities, but also threats to democracy and human rights, and affects the very foundations of human existence in society. The emerging information and digital space is objectively becoming a qualitatively new sphere of legal, including constitutional, influence.

The problem statement: the main focus of digitalization is the formation of the information society, the digital economy, ensuring national interests and strategic national priorities, creating conditions for free access of citizens and public authorities to information at all stages of its manifestation and dissemination, as well as improving the regulatory framework in this area.

The purpose of the research: based on the analysis of doctrinal and practical issues, normative

граждан, органов публичной власти к информации на всех стадиях ее проявления и распространения, а также совершенствование нормативной правовой базы в данной сфере.

Цель: на основе анализа доктринальных и практических вопросов, нормативных правовых актов, решений Конституционного Суда Российской Федерации, статистических данных, примеров внедрения и использования цифровых технологий показать особую роль конституционного права в регулировании специфических по своему характеру общественных отношений, охватывающих основополагающие принципы общественно-политической жизни, права и свободы человека и гражданина.

Методологическая основа исследования состоит в применении как общенаучных, так и специальных методов, выработанных в правоведении. При проведении исследования особую роль сыграли следующие методы научного познания: диалектический, исторический, сравнительно-правовой, статистический, логический и др.

В ходе исследования сделаны следующие *выводы:* о влиянии информационных технологий не только на организацию и деятельность органов публичной власти, но и претворение в жизнь предписаний конституционно-правовых норм; о реализации конституционных принципов и норм посредством цифровой среды; о роли права как универсального регулятора, являющегося вектором поступательного движения человека в мир новых технологий; о совершенно новой, ранее неизвестной категории прав личности – цифровых правах.

Ключевые слова: *конституционное право; права и свободы человека и гражданина; Конституционный Суд Российской Федерации; информационно-цифровое пространство; цифровизация.*

legal acts, decisions of the constitutional Court of the Russian Federation, statistical data, examples of the introduction and use of digital technologies, to show the special role of constitutional law in regulating specific public relations that cover the fundamental principles of socio-political life, human and civil rights and freedoms.

The methodological basis of the research consists in the application of both General scientific and special methods developed in law. The following methods of scientific knowledge played a special role in the research: dialectical, historical, comparative legal, statistical, logical, etc.

The research draws the following conclusions: the impact of information technologies not only on the organization and activities of public authorities, but also on the implementation of the requirements of constitutional and legal norms; on the implementation of constitutional principles and norms through the digital environment; on the role of law as a universal regulator, which is a vector of progressive movement of a person into the world of new technologies; on a completely new, previously unknown category of individual rights-digital rights.

Keywords: *constitutional law; human and civil rights and freedoms; constitutional Court of the Russian Federation; digital information space; digitalization.*

Цифровизация с каждым годом проникает во все сферы жизнедеятельности нашего общества. Не остается этот процесс без внимания со стороны отечественной и зарубежной конституционно-правовой науки, а также практики деятельности органов публичной власти, в том числе и Конституционного Суда Российской Федерации [1, с. 23–28; 2, с. 23–25; 5, с. 32–35; 6; 17, с. 26–31; 19, с. 5–16; 21, с. 1075–1082].

Сегодня цифровая индустрия оказывает существенное влияние и на модернизацию традиционных рынков: труда, капиталов, товаров, услуг. Приоритетными становятся ценностные ориентиры: большие данные, информационная платформа, искусственный интеллект, цифровые деньги, цифровое право и др., являющиеся своего рода вектором поступательного развития бизнес-проектов.

В связи с этим становится очевидным, что без создания единой информационной системы рынка невозможно достичь единства экономического пространства, являющегося одним из важнейших конституционных принципов[1].

Информатизация современного общества, внедрение новых информационных технологий неизбежно влияют не только на организа-

[1] По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 года «О рекламе»: постановление Конституционного Суда РФ от 4 марта 1997 г. № 4-П // СЗ РФ. 1997. № 11. Ст. 1372.

цию и деятельность органов публичной власти, но и претворение в жизнь предписаний конституционно-правовых норм. Происходят процессы центростремительной адаптации конституционных институтов к новым реалиям общественной жизни.

В настоящее время в информационном пространстве многие конституционные принципы и нормы реализуются посредством цифровой среды. Особого внимания здесь заслуживает сфера обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в числе которых: право на частную жизнь, свобода выражения мнений, право избирать и быть избранным, право свободно искать, получать и распространять информацию любыми законными способами, право на судебную защиту, право на идентификацию, право доступа к электронной сети, право на конфиденциальность и др. Не случайно сформулированный в Резолюции Совета ООН по правам человека A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» принцип определяет, что права, принадлежащие человеку офлайн (с англ. – «вне сети»), должны также защищаться и онлайн (с англ. – «в сети»).

Современное интернет-пространство не может существовать без права, также как и реализация ряда субъективных прав представляется затруднительной без Интернета. Это говорит о том, что право становится не только средством обеспечения цифровизации, но и цифровизация, являясь важным фактором, оказывает определенное влияние на сферу правового регулирования [20, с. 85–102].

Исследование информационного пространства через призму конституционного права предполагает, с одной стороны, ее конституционализацию, а с другой – цифровизацию общественных отношений, попадающих в сферу регулирования конституционного права.

Наиболее реалистичная картина проникновения новых информационных технологий в конституционно-правовую жизнь наглядно продемонстрирована в социальной сфере. Именно социальная ориентированность цифровизации позволяет выявить ее положительные и отрицательные стороны, а также последствия порой неограниченного, непредсказуемого, неконтролируемого использования потенциала информационно-коммуникационных технологий.

Так, в 2019 г. в России более чем в 13 раз увеличилась доля скам-мошенничества с использованием методов социальной инженерии в сети Интернет [11]. По мнению специалистов, количество подобного рода финансовых правонарушений будет только расти. Это говорит о том, что новые технологии используются далеко не всегда в целях укрепления основ конституционного строя, развития демократии, обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем на законодательном уровне устанавливаются определенные запреты и ограничения.

Например, Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» (ст. 12)[2] устанавливается запрет на использование сетей связи общего пользования, в том числе сети Интернет, для осуществления экстремистской деятельности. И если такая сеть все же используется в целях пропаганды экстремизма, то применяются предусмотренные указанным законом меры с учетом специфики общественных отношений, регулируемых законодательством Российской Федерации в сфере связи. Таким образом, экстремистскими могут быть признаны не только какие-либо отдельные информационные материалы, размещенные в сети Интернет, но и весь сайт в целом[3].

В новой информационно-цифровой среде достаточно заметно стираются грани морально-нравственных, гуманистических начал (о добре и зле, справедливости и несправедливости, свободе и несвободе). Совершенно верно было подмечено, что «если так пойдет и дальше, у человека атрофируются все конечности за исключением пальцев для нажатия кнопок» (Фрэнк Ллойд Райт).

Это свидетельствует о том, что вопросы соразмерности в использовании информационно-коммуникационных технологий не должны решаться исключительно их разработчиками. Это общая гуманистическая задача, охватывающая все сферы жизнедеятельности человека. Она должна быть направлена на предотвращение бездумного, безграничного засилья цифровизации, обеспечение безопасности новых технологий для человека и общества. Иначе может возникнуть опасность, что «придет день, когда мы замеханизируемся до того, что на Земле не останется места людям, только машинам» (Клиффорд Саймак).

В этом смысле именно право как универсальный регулятор должно определять вектор поступательного движения человека в мир новых технологий, даже несмотря на то, что оно (право) само является объектом влияния циф-

[2] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

[3] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы иностранной организации «Watch tower Bible and Tract Society of New York, Inc.» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 1 и статьей 13 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», а также пунктом 2 части 5 статьи 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Определение Конституционного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 3024-О (документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ровизации. Безусловно, это влечет за собой целый ряд проблемных вопросов, связанных с реализацией цифровых прав, пределами вмешательства в частную жизнь, с правосубъектностью автоматических устройств (роботов) и др. [3, с. 25–42]. Однако, независимо от объема и содержания этих проблем, методологической основой их преодоления при любых обстоятельствах должно выступать конституционно-правовое регулирование, в первую очередь принципы и нормы, содержащиеся в Конституции Российской Федерации – нормативном правовом акте высшей юридической силы.

Во-первых, именно конституционное право, с его ярко выраженными публичными и частными началами [18, с. 1–29], способно задать тон в регулировании специфических общественных отношений, возникающих в информационно-правовой сфере, посредством в том числе специализированных конституционно-правовых норм (общих, декларативных и дефинитивных) с их уникальным ценностно-смысловым ориентиром.

Во-вторых, особенность складывающихся отношений в условиях глобальной цифровизации предполагает сочетание внутригосударственных и международно-правовых начал, что, с одной стороны, дает принципиально новые возможности для каждого человека и гражданина, а с другой – порождает массу проблем, коллизий и дефектов, связанных с ограничением уже устоявшихся, традиционных прав и свобод, размыванием их границ и границ ответственности, а также провозглашением прав и свобод нового поколения.

В-третьих, появление новых, имеющих конституционное значение, форм деятельности на местном, региональном, федеральном и международном уровнях (электронное правительство, электронное правосудие, электронное голосование и др.) оказывает непосредственное влияние на поведенческий образ самого человека.

Здесь важное значение приобретают разъяснительная работа среди населения, а также всеобщая информированность о принятых нормативных правовых актах, обеспечивающаяся в том числе с помощью «Официального интернет-портала правовой информации», включенного в перечень официальных сетевых изданий[4], что обусловлено объективными процессами модернизации информационного пространства[5].

Ни для кого не секрет, что все новое, неоднозначно воспринимаемое на начальных этапах, по прошествии определенного времени становится обыденным. Очевидно одно – меняется архитектура политической коммуникации. И этот процесс закономерен, поскольку явный рост масштабов современных технологий является отличительной особенностью настоящих процессов глобализации.

Так, например, разные оценки даются электронному голосованию – совершенно новой области избирательного процесса [12, с. 147–150; 14]. Следует отметить, что Верховный Суд Российской Федерации признал законным эксперимент по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва[6].

Конечно, к какой бы сфере общественных отношений мы не обратились, приоритетным всегда является вопрос о правах и свободах человека и гражданина. Устоявшаяся система разграничения прав и свобод на виды достаточно четко просматривается по содержанию современного российского законодательства, не вызывая принципиальных разногласий в вопросе признания или непризнания тех или иных прав вообще. В юридической литературе можно встретить различные подходы к классификации прав и свобод, например, в качестве самостоятельных иногда выделяются культурные права, социальные объединяются с экономическими, гражданские именуются личными [8, с. 197], а некоторые выделяют экологические [4, с. 102–107; 16, с. 260].

Развитие информационно-правового пространства позволяет говорить о совершенно новой, ранее неизвестной категории прав личности – цифровых правах [6], правовой основой которых выступает фундаментальное конституционное право на свободу информации в его многообразном проявлении (детализирующими его другими конституционными правами и свободами (ч. 2 ст. 23, ч. 1 и 2 ст. 24, ч. 4–5 ст. 29,

[4] О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: федер. закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ (ред. от 1 мая 2019 г.) // СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 801; О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 (ред. от 29 мая 2017 г.) // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2663; О порядке опубликования законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru): указ Президента РФ от 2 апреля 2014 г. № 198 (ред. от 7 августа 2017 г.) // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1612.

[5] По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П // СЗ РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.

[6] Об оставлении без изменения решения Московского городского суда от 26 июля 2019 г., которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим решения Московской городской избирательной комиссии от 18 июля 2019 г. «Об утверждении Положения о порядке дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»: апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 августа 2019 г. № 5-АПА19-93 (документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ст. 42 Конституции Российской Федерации). Таким образом, цифровые права представляют собой всю совокупность вышеназванных прав человека. Другими словами, это конкретизация универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, связанных с информацией [13, с. 26–32], или, если следовать трактовке ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам, и названные в таком качестве в Федеральном законе «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[7].

Правовая регламентация цифровых прав обусловливает необходимость их содержательного наполнения и определения места в общей системе прав и свобод человека и гражданина.

Определяющими принципами здесь должны стать, с одной стороны, недопустимость произвольного вмешательства в пределы автономии индивида[8], а с другой – создание условий свободного самоопределения и самовыражения человека[9], причем эти конституционные установления применимы к любой информации, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет[10].

Речь идет о случаях передачи информации конфиденциального характера (когда трудовой договор обязывает работника не разглашать ее) с рабочего компьютера (с адреса электронной почты владельца и держателя информации) на свой личный адрес электронной почты, что является нарушением запрета, установленного нормативными правовыми актами, локальными актами и (или) договорами, и влечет наступление правовых последствий[11].

Под особой защитой находится также и конституционное право на тайну телефонных переговоров (ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации), в частности, информация, передаваемая по каналам телефонной связи с помощью телефонной аппаратуры, включая сведения о входящих и исходящих вызовах, доступ к которой обеспечивается судебным решением[12].

Особенно актуальными вопросы цифровизации стали именно сегодня, когда основным ориентиром проводимой государственной политики стало обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Сегодня предпринят комплекс мер по переводу на дистанционный режим работы органов власти всех уровней, предприятий, организаций, учреждений, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, а также индивидуальных предпринимателей, что, в свою очередь, потребовало пересмотреть подходы по предоставлению универсальных услуг связи населению[13]. В частности, обеспечить сельские поселения с числом жителей от 100 до 500 человек сотовой связью и Wi-Fi, а имеющиеся в стране 148 тыс. таксофонов, 80 % которых расположены в сельских поселениях, переориентировать на оповещения населения о чрезвычайных ситуациях [10]. Переход на дистанционный удаленный режим работы позволил выявить ряд серьезных проблем: от неготовности, нежелания и элементарной безграмотности населения до вопросов, связанных с техническим и программным обеспечением, защитой информации и линиями связи [7]. Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, именно «от нашей дисциплины и ответственности зависит тот перелом в борьбе с инфекцией, которого мы обязаны достичь» [15]. По данным Росстата, в 2019 г.

[7] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 51 (ч. 1). Ст. 7482; О налогообложении операций с цифровыми правами // Письмо Минфина России от 4 декабря 2019 г. № 03-03-06/1/94158 (документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П // СЗ РФ. 2005. № 14. Ст. 1271.

[9] По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова: постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. 3). Ст. 5489.

[10] По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова: постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П // СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 4019.

[11] По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова: постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П // СЗ РФ. 2017. № 45. Ст. 6735.

[12] Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи»: Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2004; Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Муллина Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 53 Федерального закона «О связи»: Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 528-О-О (документ опубликован не был). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»: федер. закон от 7 апреля 2020 г. № 110-ФЗ // Рос. газ. 2020. 9 апр.

граждане, являющиеся активными пользователями сети Интернет (население, использовавшее сеть Интернет не реже одного раза в неделю) в возрасте от 50 до 59 лет, составляли всего 8,5 % от всего населения страны в возрасте 15 лет и старше [9]. Кроме того, законодательно не урегулированы взаимоотношения работодателя и работника в особых условиях (чрезвычайных ситуациях), обязанности, возникающие в силу форс-мажорных обстоятельств, хотя в Трудовом кодексе особенности регулирования труда надомников (гл. 49) и дистанционных работников (гл. 49.1.) закреплены[14].

Конечно, такой формат деятельности многим ранее не был знаком. Вместе с тем все это позволяет по-иному взглянуть на ситуацию и направить все силы в нужное созидательное русло в целях достижения желаемого результата – реализации комплекса мер по всем направлениям, отчасти, к сожалению, посредством метода проб и ошибок.

Таким образом, в заключение следует отметить, что информационно-цифровое пространство предопределяет восприятие отдельных элементов конституционно-правовой действительности по-новому, что, безусловно, сказывается на взаимоотношениях в системе человек – гражданское общество – власть, подталкивает к размышлениям о взаимосвязанных между собой явлениях и их взаимовлиянии друг на друга, например, о легитимности формирования органов публичной власти и внедрении электронного голосования; пределах свободы личности и власти; создании цифровой экономики и утрате ее социально-гуманистических компонентов; провозглашении конституционных прав и свобод человека и гражданина и их фактической реализации; месте личности в информационно-правовом пространстве и конституционализации инновационных возможностей реализации ее свободы. Очевидно, что решение этих и многих других проблем требует продуманной и кропотливой работы органов власти всех уровней, законодательной регламентации, а с учетом особенностей регулирования новых общественных отношений, еще и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, являющегося важным средством конституционализации информационно-цифрового пространства.

[14] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 16 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Список литературы:

1. *Авакьян С.А.* Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7.
2. *Боброва Н.А.* Цифровизация: плюсы и минусы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10.
3. *Бондарь Н.С.* Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11.
4. *Бринчук М.М.* Экологические права граждан: условия и гарантии реализации / Социальное государство и защита прав человека: сб. статей. М., 1994.
5. *Василевич Г.А.* Цифровизация права как средство повышения его эффективности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8.
6. *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире // Рос. газ. 2018. 29 мая.
7. *Ионова Л. и др.* Не вышел на связь – прогул // Рос. газ. 2020. 19 марта.
8. *Козлов Е. И., Кутафин О.Е.* Конституционное право Российской Федерации. М., 1995.
9. Использование населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей (3.2. Распре-

References:

1. *Avak'yan S.A.* Informacionnoe prostranstvo znanij, cifrovoj mir i konstitucionnoe pravo // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 7.
2. *Bobrova N.A.* Cifrovizaciya: plyusy i minusy // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 10.
3. *Bondar' N.S.* Informacionno-cifrovoe prostranstvo v konstitucionnom izmerenii: iz praktiki Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // ZHurnal rossijskogo prava. 2019. № 11.
4. *Brinchuk M.M.* Ekologicheskie prava grazhdan: usloviya i garantii realizacii / Social'noe gosudarstvo i zashchita prav cheloveka: sb. statej. M., 1994.
5. *Vasilevich G.A.* Cifrovizaciya prava kak sredstvo povysheniya ego ef-fektivnosti // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 8.
6. *Zor'kin V.D.* Pravo v cifrovom mire // Ros. gaz. 2018. 29 maya.
7. I*onova L. i dr.* Ne vyshel na svyaz' – progul // Ros. gaz. 2020. 19 marta.
8. *Kozlov E. I., Kutafin O.E.* Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii. M., 1995.
9. Ispol'zovanie naseleniem informacionnyh tekhnologij i informa-cionno-telekommunikacionnyh setej (6.2. Raspredelenie naseleniya, yavlyayu-shchegosya aktivnymi pol'zovatelyami seti Internet, po tipam poseleniya po po-lovozrast-

деление населения, являющегося активными пользователями сети Интернет (по типам поселения и по половозрастным группам)) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/folder/13877 (дата обращения: 09.04. 2020).
10. *Кривошапко Ю.* В любой точке – RU // Рос. газ. 2020. 9 апреля.
11. *Кривошапко Ю.* Деньги ловят сетью // Рос. газ. 2019. 9 декабря.
12. *Насыбулин А.А.* Проблемы электронного голосования // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 1.
13. *Невинский В. В.* «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10.
14. *Пестерева А., Якунин И.* Электронное голосование подвела техника // Коммерсант. 2019. 11 сентября.
15. *Путин В. В.* Беречь каждого человека // Рос. газ. 2020. 9 апреля.
16. Российское законодательство: проблемы и перспективы. М., 1995.
17. *Саурин А.А.* Цифровизация как фактор трансформации права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8.
18. Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика. Стенограмма круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 3.
19. *Хабриева Т.Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.
20. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.
21. *Шахрай С. М.* «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. № 12. Т. 88.

nym gruppam) // Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. URL: https://www.gks.ru/folder/13877 (data obrashcheniya: 09.04. 2020).
10. *Krivoshapko Yu.* V lyuboj tochke – RU // Ros. gaz. 2020. 9 aprelya.
11. *Krivoshapko Yu.* Den'gi lovyat set'yu // Ros. gaz. 2019. 9 dekabrya.
12. *Nasybulin A.A.* Problemy elektronnogo golosovaniya // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2009. № 1.
13. *Nevinskij V. V.* «Cifrovye prava» cheloveka: sushchnost', sistema, znachenie // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 10.
14. *Pestereva A., Yakunin I.* Elektronnoe golosovanie podvela tekhnika // Kommersant. 2019. 11 sentyabrya.
15. *Putin V. V.* Berech' kazhdogo cheloveka // Ros. gaz. 2020. 9 aprelya.
16. Rossijskoe zakonodatel'stvo: problemy i perspektivy. M., 1995.
17. *Saurin A.A.* Cifrovizaciya kak faktor transformacii prava // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2019. № 8.
18. Sudebnyj («zhivoj») konstitucionalizm: doktrina i praktika. Stenogramma kruglogo stola kafedry gosudarstvennogo i administrativnogo prava yuridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (Sankt-Peterburg, 5 marta 2011 g.) // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2011. № 3.
19. *Habrieva T. Ya.* Pravo pered vyzovami cifrovoj real'nosti // ZHurnal rossijskogo prava. 2018. № 9.
20. *Habrieva T. Ya., Chernogor N. N.* Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1.
21. *Shahraj S. M.* «Cifrovaya» Konstituciya. Sud'ba osnovnyh prav i svobod lichnosti v total'nom informacionnom obshchestve // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2018. № 12. T. 88.

Для цитирования:

Киричёк Евгений Владмирович. Информационно-цифровая сфера общественной жизни: взгляд через призму конституционно-правовой действительности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 23–29.

For citation:

Kirichek Evgenii Vladimirovich. Information and digital sphere of public life: a view through the prism of constitutional and legal reality // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 23–29.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОСЫХ,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: lexovip36@mail.ru

ALEKSEJ ALEKSEEVICH KOSYH,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: lexovip36@mail.ru

Научная специальность:
12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific specialty:
12.00.01 – Theory and History of Law and State;
History of The Teachings of Law and State.

УДК 004.8

Дата поступления: 28 сентября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Перспективы использования искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений

Prospects for Using Artificial Intelligence in the Legal Regulation of Public Relations

Аннотация

Проблема: цифровизация общественных отношений – это неизбежный и закономерный в современных условиях процесс. За последние годы разработан целый ряд национальных проектов, программ, стратегий, принят ряд правовых актов, направленных на регулирование общественных отношений с использованием цифровых технологий. Технологии искусственного интеллекта постепенно проникают и в сферу правового регулирования, что, с одной стороны, видится как очередное достижение человечества, с другой – несет ряд угроз и вызовов.

Цель: провести анализ возможного использования технологий искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений.

Методы: материалистической диалектики, сравнительно-правовой, формально-юридический анализ.

В ходе исследования сделаны следующие *выводы:*

1. Законодательное закрепление дефиниции искусственного интеллекта не сняло ряд вопросов относительно сущности данного явления.

2. Полноценное использование технологий искусственного интеллекта на разных стадиях

Annotation

The problem: digitalization of public relations is an inevitable and natural process in modern conditions. In recent years, a number of national projects, programs, and strategies have been developed, and a number of legal acts have been adopted to regulate public relations using digital technologies. Artificial intelligence technologies are gradually entering the sphere of legal regulation, which, on the one hand, is seen as another achievement of humanity, on the other – it carries a number of threats and challenges.

The purpose: to analyze the possible use of artificial intelligence technologies in the legal regulation of public relations.

The research methods: materialistic dialectics, comparative legal analysis, formal legal analysis.

In the course of the study, the following conclusions were made:

1. the Legislative consolidation of the definition of artificial intelligence did not remove a number of questions about the essence of this phenomenon.

2. the Full use of artificial intelligence technologies at different stages of legal regulation is currently not acceptable due to the lack of the possibility of endowing «machines» with such properties as will, morality, traditions, stereotypes, beliefs, ideas, etc. In this regard, the main forms of imple-

правового регулирования на сегодняшний день не представляется допустимым по причине отсутствия возможности наделения «машин» такими свойствами, как воля, мораль, традиции, стереотипы, убеждения, идеи и т. д. В связи с этим основными формами внедрения технологий искусственного интеллекта выступают подготовительная работа, электронный документооборот, прогнозирование и предиктивная аналитика.

3. В условиях бурно развивающихся цифровых технологий роль права и государства еще более актуализируется, поскольку именно право и государство были и остаются гарантами общественной безопасности на протяжении тысячелетней истории.

Ключевые слова: *интеллект; искусственный интеллект; право и государство; информационные технологии; правовое регулирование.*

mentation of artificial intelligence technologies are preparatory work, electronic document management, forecasting and predictive Analytics.

3. in the context of rapidly developing digital technologies, the role of law and the state is even more relevant, since it is the law and the state that have been and remain the guarantors of public security for thousands of years of history.

Keywords: *intelligence; artificial intelligence; law and state; information technologies; legal regulation.*

В современных условиях развития общества цифровизация выступает как «общемировой тренд». Технологическая революция и цифровые технологии, искусственный интеллект и цифровизация общества, «умные дома» и «умные города» – эти явления наиболее ярко отражают происходящие в современном обществе изменения. По оценкам ведущих специалистов в области экономики и IT-технологий, будущее государств будет зависеть от того, насколько быстро они смогут адаптироваться к информационным технологиям и, в частности, к технологиям искусственного интеллекта. Обусловлено это, прежде всего, экономией расходуемых материальных, социальных, ифромационных и других ресурсов, затрачиваемых на получение конечного продукта с использованием информационных технологий. Как известно, еще К. Маркс в «Капитале» назвал экономику «материальным базисом мира» [13]. В связи с этим ученые констатируют, что «промышленный интернет сокращает затраты на рабочую силу на 25 %, затраты на энергоресурсы – на 20 %, а эксплуатационные расходы – на 40 %» [1, с. 78].

Одним из направлений развития цифровизации современного общества выступает такое явление, как искусственный интеллект (ИИ или Artificial intelligence). Необходимо заметить, как 40–50 лет назад, так и сейчас «гуманитарии» с большой осторожностью относятся к технологиям искусственного интеллекта (возможностям технологического моделирования отдельных функций человека) и их внедрению в правовое пространство, в то время как представители технического направления в науке: инженеры, программисты, биоинженеры видят за искусственным интеллектом будущее во всех сферах общественной жизни, включая право. Актуальность проводимых исследований усиливается масштабами происходящих в обществе процессов, их динамикой, скоростью протекания и, как следствие, стихийностью возникновения новых угроз и вызовов, а также их последствий.

Потенциал современных сетевых моделей (робототехника, большие данные – BigData, технология «блокчейн», интернет вещей – IoT, технологии искусственного интеллекта и др.) позволяет соединить в единую систему искусственный интеллект, высокие технологии, экономику и право. Возможность использования технологий искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений вызывает у ученых как положительные ожидания [7; 10], так и позволяет задуматься о возможных угрозах и рисках [2; 21], исходящих от нового для многих «феномена». Вместе с тем именно право, по мнению автора, в его позитивном понимании наиболее «остро и болезненно» воспринимает столь стремительное развитие общественных отношений, обусловленное повсеместной цифровизацией. Мысль, высказанная А. В. Алтуховым о том, что «правовое регулирование сообщества обычно отстает на десятилетия от технологического прогресса» в складывающейся обстановке, становится особенно актуальной. Возможно, именно по этой причине ни право, ни правовое регулирование не вошло в число шести основных сфер «умных городов», выделенных в своем исследовании П. Неиротти [1, с. 78].

Актуальность представленного исследования обусловлена еще и тем фактом, что право выступает универсальным инструментом упорядочения общественных отношений, что включает в себя управление людьми. В связи с этим возникает вопрос: можно ли доверить «машине управлять людьми» и «машине править законом» (в противовес знаменитым высказываниям профессора В. В. Лазарева – «люди управляют людьми» и «люди правят законом» [11, с. 475])? Попробуем разобраться в этом поэтапно.

Закрепление в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[1] понятий «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта» оставило неразрешимыми некоторые вопросы относительно сущности данного явления, а ведь именно нормы-дефиниции (равно как и нормы-принципы, нормы-цели) выступают основой правового регулирования соответствующей области общественных отношений. Итак, искусственный интеллект – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»[2]. В свою очередь, технологии искусственного интеллекта – это «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта»[3].

В представленной законодательной дефиниции обращают на себя внимание следующие аспекты.

Во-первых, словосочетание *«позволяющий имитировать»*. Если обратиться к этимологическому значению слова «имитировать», то в толковых словарях данный термин представлен в значениях: «1) искусно подражать кому-либо, чему-либо; 2) воспроизводить с возможной точностью какие-либо процессы, образцы; 3) подделать что-либо с целью введения в заблуждение кого-либо» [19]. Думается, что в представленной дефиниции функциональные основы искусственного интеллекта состоят в точном воспроизведении когнитивных функций человека, а не в их «подделке с целью ввести кого-либо в заблуждение». В своей работе Д. В. Пожарский по данному поводу отметил, что «имитация не тождественна замене (подмене) объекта и тем более не может превосходить его» [15, с. 11]. Однако как быть с актерами-двойниками, лицами с идентичными голосами. Известны и такие случаи, когда копии произведений искусства, денежных банкнот стоили дороже оригинала. Результаты подобной «имитации» могут иметь более существенные последствия, чем от использования оригиналов.

Во-вторых, в соответствии с законодательно закрепленной дефиницией искусственный интеллект позволяет получать результаты, *«сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»*. Сравнительный анализ возможностей компьютера и возможностей человеческого мозга продолжается не одно десятилетие. Например, в 2014 г. учеными Окинавского технологического университета и Исследовательского центра Юлих удалось воссоздать одну секунду мозговой активности, что заняло у компьютера 40 минут. Оставив в стороне техническую сторону процесса, хотелось бы разделить позицию Е. В. Смирнова, который пишет о «правомерности аналогии между искусственным и естественным интеллектом в онтологическом плане только при каузально-биологической интерпретации компьютерной метафоры сознания» [17, с. 25] (под биологической составляющей понимаются механизмы функционирования и деятельности человека, порожденные непосредственно природой).

Действительно, лежащие в основе искусственного интеллекта нейронные сети во многом повторяют работу клеток мозга с медицинской точки зрения. Однако, помимо биологических, гормональных процессов, происходящих в организме человека, на его жизнедеятельность существенное влияние оказывают происходящие вокруг него социальные процессы. Как показывает практика, человеческий организм является более устойчивым к окружающему его миру, нежели искусственный интеллект. «Мозг высокоизбыточен и потому очень устойчив к возмущениям – разрывы одних связей не приводят к потере целости всей сети, их компенсируют другие в отличие от компьютера, который представляет собой довольно хрупкую систему» [8, с. 43].

В-третьих, обращают внимание такие признаки искусственного интеллекта, как *«самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма»*. На наш взгляд, законодатель интуитивно заложил основу для развития технологий искусственного интеллекта в ближайшем будущем. Проведенный анализ научных разработок, теорий и концепций в этой области позволяет

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 20219 г. № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[2] Там же.

[3] Там же.

заключить, что многие нейросети на сегодняшний день способны выполнять только те задачи, которым их обучил человек и которые были заложены при их создании. Да и сам человек способность к саморазвитию получает не с самого рождения, а постепенно, в процессе социализации. Многие навыки человек получает в процессе общения с окружающим его миром, в котором общество занимает не последнее место. Умение обмениваться информацией: разговаривать на языке, писать, читать – не «базовые» умения человека, а приобретаемые в ходе его жизненного и социального развития. Аналогию можно провести и по отношению к технологиям искусственного интеллекта. У истоков технологий искусственного интеллекта стоит человек. Человек производит все необходимые операции по введению в эксплуатацию той или иной программы, устанавливает настройки и закладывает первичные алгоритмы. Поэтому говорить о полноценном искусственном интеллекте («сильном» искусственном интеллекте) на сегодняшний день можно с большой осторожностью. Вместе с тем задачи, кажущиеся невыполнимыми тридцать лет назад, на сегодняшний день успешно решены: компьютер обыграл человека в настольные игры – шахматы и го; технологии искусственного интеллекта доказали свою жизнеспособность в творческих направлениях – написании литературных произведений, картин; технологии искусственного интеллекта используются в банковской сфере, на фондовых биржах, в сфере обеспечения безопасности.

Теперь обратимся непосредственно к правовому регулированию и возможности использования технологий искусственного интеллекта на отдельных стадиях правового регулирования.

Правовое регулирование – весьма сложный и неоднозначный процесс, направленный на привнесение порядка в общественную жизнь. Правовое регулирование осуществляется при помощи специальных средств (нормы права, акты реализации права) и особого механизма. При этом правовое регулирование – это лишь одна из форм воздействия права на общественные отношения. Механизм правового регулирования представляет собой ряд последовательных, систематически связанных и взаимообусловленных стадий, в числе которых выделяют: регламентацию общественных отношений (собственно, правотворчество); действие нормы права (совокупность всех форм проявления его юридической силы); выявление сторон правоотношения, их прав и обязанностей, а также их фактическая реализация; издание правореализующего (или правоприменительного) акта, гарантирующего реализацию соответствующих прав или выполнение возложенных обязанностей [16].

Искусственный интеллект и правотворчество.

На сегодняшний день цифровые технологии активно используются на различных этапах правотворчества. Д.А. Пашенцев и М.В. Залоило утверждают, что использование цифровых технологий не должно влиять «на содержание правотворческой деятельности, которая продолжает оставаться деятельностью государственных органов и должностных лиц по принятию или санкционированию норм права», при этом ученые добавляют, что «социальное содержание этой деятельности может меняться по мере изменения регулируемых правом общественных отношений, в том числе происходящих под воздействием цифровизации» [14, с. 233].

Так, на этапе подготовки проекта нормативного правового акта используется форма электронного документа; при подписании проекта нормативного правового акта применяется усиленная квалифицированная электронная подпись руководителя соответствующего уровня. Информационные технологии применяются при оценке регулирующего воздействия: происходит размещение проекта нормативного правового акта и сопроводительных документов, а также осуществляется обсуждение проекта нормативного правового акта на официальном сайте органа власти. О размещении проекта нормативного правового акта и всех документов уведомляются государственные органы и все заинтересованные организации и должностные лица. Цифровизация затронула и стадию официального опубликования принятого нормативного правового акта. Официальным опубликованием нормативных правовых актов считается первая публикация его полного текста в официальных изданиях («Российская газета», «Собрание законодательства Российской Федерации») или первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации»[4].

Правотворчество – это стадия правового регулирования, от которой во многом зависит эффективность всего правового регулирования. По своей природе правотворчество представляет собой интеллектуально-волевую деятельность, которая направлена на создание или изменение существующих правил поведения. Современное правотворчество не лишено недостатков, к которым относят пробелы и коллизии правовых норм, отсутствие механизмов реализации нормативных правовых актов и др. В свя-

[4] О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: федер. закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 8. Ст. 801; О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2663.

зи с этим возникает справедливый вопрос: можно ли доверить столь важную деятельность по созданию правовых актов «комплексу технологических решений»?

Здесь стоит резонно обратить внимание на то, с чего начинается процесс создания правовых актов. Законодательная инициатива выступает начальной стадией формально-юридически. В реальном или практическом выражении начальной стадией любого законопроекта выступает идея законопроекта (или его концепция), которая, как отмечал профессор В. М. Баранов, «представляет систему научных или вненаучных суждений о необходимости принятия новых либо изменения или отмены действующих правовых норм высшей юридической силы, предмете и основных методах законодательной регламентации, *ее целях и ожидаемом результате*» [3, с. 10] *(курсив наш. – А. К.)*.

Если использование технологий искусственного интеллекта в прогнозной или предективной аналитике сегодня активно используется в различных сферах правоприменительной практики (об этом речь пойдет далее) в США, Великобритании, Нидерландах, Китае и ряде других государств, то деятельность по постановке целей и задач, выработке концепции или идеи правового акта представляется непосильной задачей для современных технологий. Адекватное отражение происходящих в обществе процессов в правовых нормах требует постоянного выявления объективных закономерностей, характерных для данного общества на соответствующем этапе его развития. Социальная неоднородность общества, наличие множества правовых традиций, правовых ценностей, обычаев и других социальных регуляторов оказывает существенное воздействие как на урегулирование общественных отношений в целом, так и на технологии правотворческого процесса в частности. Создать алгоритм, позволяющий осознанно подойти к пониманию общечеловеческих ценностей, заложенных в правовых актах, – весьма непростая задача для интеллекта естественного (не говоря уже об искусственном)! Исследование духовных начал правового акта, его телеологических основ предполагает использование не только набора знаний в соответствующей области, но и «особого психологического восприятия данного документа на основе веры в истинность» [5].

В связи с этим стоит упомянуть диссертационное исследование И. А. Быковского, в котором ученый выдвинул тезис относительно невозможности алгоритимической имитации человеческого интеллекта, поскольку он способен не только решать, но и ставить принципиально новые задачи. Ученым также было предложено рассматривать интеллект как некий комплекс способностей, включающих: интуицию, разум, рассудок и здравый смысл [6]. С. И. Сухарев в связи с этим отметил: «Когда интеллектуальное мышление начинает рассуждать о непрерывных понятиях, к примеру, о беспредельности, о времени, о пространстве, то оно в своей работе начинает неизбежно развивать в себе свойства разумного мышления, а следовательно, совершенствуется» [18, с. 18]. Современные технологии, на наш взгляд, еще не достигли данного уровня.

Искусственный интеллект и правоприменение.

В. Д. Зорькин в одной из своих статей о повышении качества правоприменительной работы с использовании технологий искусственного интеллекта отметил: «Искусственный интеллект может значительно ускорить и упростить выполнение возложенных на них публичных правомочий, в том числе связанных с правоприменительной деятельностью. Есть место для искусственного интеллекта и в судопроизводстве...» [9].

В зарубежных странах технологии искусственного интеллекта используются в правоприменительной деятельности в следующих формах:

Подготовительная работа. Оказание юридических услуг «роботами-адвокатами» в ряде стран приобретает повсеместное распространение. Так, в США в 2018 г. подобные технологии по подготовке первичной процессуальной документации и заполнению юридически значимых документов позволили заработать крупным компаниям более 1 млрд долларов.

Электронный документооборот. В ряде стран (Нидерланды, Франция, США, Китай) технологии искусственного интеллекта используются как средство повышения эффективности электронного документооборота. Например, в Великобритании подобные технологии используются для поиска необходимой информации в судебных архивах.

Прогнозирование и предиктивная аналитика. Правоохранительные органы Франции и Нидерландов, пожалуй, единственные на территории ЕС, использующие технологии искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов в ходе предиктивной аналитики. Активно используются технологии искусственного интеллекта Аргентиной. Эксперимент, проводимый в Аргентине в 2018 г. в рамках предиктивного судопроизводства, признан успешным. Местными судьями были утверждены абсолютно все решения, составленные программой с использованием технологии искусственного интеллекта программистом И. Раффой [12].

Электронный суд. Еще дальше в развитии цифрового судопроизводства пошел Китай. Технологии искусственного интеллекта используются в Китае для оказания услуг в судебных

процессах и исполнения судебных решений. В 2017 г. в китайском городе Ханчжоу состоялось открытие первого интернет-суда. Все судебные процедуры, касающиеся подготовки к рассмотрению исков, проводятся через специальные формы на сайте суда. Процессуальные слушания и оглашение финального приговора намерены проводить через видеотрансляции.

Правоприменение – это особая форма реализации права, которая представляет собой властную деятельность уполномоченных органов государства и должностных лиц и заключается в предоставлении субъективных прав и возложении юридических обязанностей на конкретных субъектов. Принятая в 2018 г. «Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях» (далее – Европейская хартия) закрепила пять основных принципов использования технологий искусственного интеллекта в судебных системах:

– принцип уважения основополагающих прав;
– принцип недискриминации;
– принцип качества безопасности;
– принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности;
– принцип контроля пользователем[5].

Выделение принципа безопасности видится вполне оправданным, поскольку от решений правоприменительного органа во многом зависит жизнеспособность правовой системы, сохранность таких ценностей, как жизнь и здоровье человека, его права и свободы. Угрозы безопасности, исходящие от ошибочной правоприменительной деятельности, могут привести к неисправимым последствиям: возможность утраты охранительных и регулятивных свойств права. К основным угрозам, исходящим от использования искусственного интеллекта, стоит отнести:

1. Нарушение основополагающего принципа равноправия сторон в судебном процессе. Так, использование технологий искусственного интеллекта со стороны государственных органов, частных компаний или отдельных граждан дает большой «бонус» в виде информационных, юридических и иных ресурсов и может склонить чашу весов правосудия в ту или иную сторону. Кроме того, под вопросом видится состязательность судебных процессов.

2. Угроза независимости и беспристрастности суда. Использование технологий искусственного интеллекта, у истоков которых стоят заложенные человеком вычислительные алгоритмы, исключает возможность творческой интерпретации правовых актов, их оценки на основе судебного усмотрения. Отсутствие возможности наделения технологий искусственного интеллекта такими свойствами человеческой личности, как воля, мораль, традиции, стереотипы, убеждения, идеи и т. д. не позволяет полноценно использовать данные технологии в правоприменительной деятельности. Как следствие, возможно нарушение принципов справедливости и гуманизма.

3. Нарушение принципа дифференциации и индивидуализации назначения наказания. Поскольку в основе искусственного интеллекта лежат математические вычисления, то их использование может создать ситуацию, когда только один фактор будет иметь решающее значение в принятии решения, а не система таких факторов. Но и использование системного подхода создает определенные риски. В США была разработана новая программа, которая должна была существенно сократить предвзятость судей при принятии решений в зависимости от расовой и этнической принадлежности подозреваемых и обвиняемых. Если предыдущие пилотные проекты, разрабатывавшиеся до 2013 г., рекомендовали отпускать под залог 30,8 % афроамериканцев и почти 40 % белых, то новая система, использующая технологии искусственного интеллекта, оказалась еще более индифферентна в расовом отношении. За 5 месяцев ее использования (с ноября 2019 г. до марта 2020 г.) она вынесла рекомендации об освобождении под залог в отношении 83,9 % афроамериканцев, 83,5 % белых и 85, 8% латиноамериканцев.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на некоторые научные работы и содержащиеся в них весьма категоричные выводы ученых относительно технологий искусственного интеллекта. Например, дискуссионными видятся выводы И. Р. Бегишева, Э. Ю., Латыповой Д. В., Кирпичникова, которые отмечают, что «...качество человеческой интеллектуальной деятельности находится под влиянием социальных и биологических факторов, определяющих его эффективность, что, в свою очередь, для ИИ не свойственно ...человеческий интеллект выступает более динамичной категорией, менее устойчивой к внешнему воздействию» [4, с. 83]. Практика внедрения технологий искусственного интеллекта демонстрирует обратное. Так, известен случай, когда компания Microsoft создала страничку в Twitter (TayTweets), управляемую искусственным интеллектом с заданными базовыми установками. Всего за день самообучающийся бот стал использовать националистические и расистские выражения. После чего данную страничку в социальной сети пришлось удалить.

Кроме того, в указанной работе ученые пишут, что «автомобили, снабженные системами

[5] Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [Электронный ресурс]. URL: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4 (дата обращения: 20.09.2020).

ИИ, лишены правового нигилизма, неосведомленностью об изменениях законодательства, субъективных ошибок в управлении» [4, с. 83]. Здесь тоже можно поспорить и привести другой пример, когда использование технологий искусственного интеллекта в качестве автопилотов компании Uber в г. Сан-Франциско привело к тому, что автомобили стали «сознательно» нарушать правила дорожного движения. Причем, как выяснилось позже, это не было единичным случаем, как и не было ошибкой оператора при установлении базовых настроек.

В заключение хотелось бы отметить, что подобные категоричные и порой преувеличенные суждения относительно технологий искусственного интеллекта зачастую несут большую деструктивность для общественного сознания, чем пользу. Искусственно создаваемый ажиотаж вокруг технологий искусственного интеллекта выступает преградой в развитии реальных достижений в цифровой среде. Справедливости ради стоит задаться вопросом: что же действительно меняется в привычной жизни людей? Возможно, изменения касаются только механизмов организации и управления обществом: привычные методы и приемы насыщаются новой цифровой оболочкой, при этом их сущность, цели и задачи остаются неизменными. Цифровая экономика, цифровые финансы, цифровое право – все это, безусловно, свидетельствует о необходимости создания условий для системного развития нашего общества в рамках мировой цивилизации, что позволило бы государству продолжить реализацию основного своего предназначения: обеспечение постоянного, динамичного и безопасного развития человека, общества и государства. Ведь еще Марк Тулий Цицерон отмечал в труде «О государстве» более двух тысячелетий тому назад (I в. до н.э.): «Да и что такое государство как не общий правопорядок!» [20]. Поэтому в складывающихся условиях не стоит забывать о двух, пожалуй, наиболее значимых регуляторах общественной жизни – это право и государство, которые на протяжении тысячелетней истории были и остаются незаменимыми атрибутами общественной жизни, что пока еще нельзя с уверенностью сказать о цифровых технологиях.

Список литературы:

1. *Алтухов А. В., Кашкин С. Ю.* Юридические аспекты цифровых платформенных технологий управления «умными городами» // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2020. № 1.
2. *Балык А. С., Семкина Е. Н.* Глобализация, технологизация, информатизация, цифровизация – современные тренды, трансформирующие общество – философское осмысление рисков и угроз: сб. статей II Международного научно-исследовательского конкурса. 2020.
3. *Баранов В. М.* Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2 (134).
4. *Бегишев И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В.* Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дифиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1.
5. *Бондарь Н. С.* Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. № 11 (203).
6. *Быковский И. А.* Философские аспекты проблем создания искусственного интеллекта: дис. ... канд. филос. наук. Саратов. 2003.
7. *Горшкова В. В.* Феномен цифровизации в формате инновационной науки // Инновационная наука. 2020. № 1.

References:

1. *Altuhov A. V., Kashkin S. Yu.* Yuridicheskie aspekty cifrovyh platformennyh tekhnologij upravleniya «umnymi gorodami» // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek i obshchestvo». 2020. № 1.
2. *Balyk A. S., Semkina E. N.* Globalizaciya, tekhnologizaciya, informatizaciya, cifrovizaciya – sovremennye trendy, transformiruyushchie obshchestvo – filosofskoe osmyslenie riskov i ugroz: sb. statej II Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. 2020.
3. *Baranov V. M.* Ideya zakonoproekta: sushchnost', prakticheskaya cennost', tekhniko-yuridicheskoe oformlenie // ZHurnal rossijskogo prava. 2008. № 2 (134).
4. *Begishev I. R., Latypova E. YU., Kirpichnikov D. V.* Iskusstvennyj intellekt kak pravovaya kategoriya: doktrinal'nyj podhod k razrabotke difinicii // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2020. T. 14. № 1.
5. *Bondar' N. S.* Bukva i duh rossijskoj Konstitucii: 20-letnij opyt garmonizacii v svete konstitucionnogo pravosudiya // ZHurnal rossijskogo prava. 2013. № 11 (203).
6. *Bykovskij I. A.* Filosofskie aspekty problem sozdaniya iskusstvennogo intellekta: dis. ... kand. filos. nauk. Saratov. 2003.
7. *Gorshkova V. V.* Fenomen cifrovizacii v formate innovacionnoj nauki // Innovacionnaya nauka. 2020. № 1.
8. *Gubajlovskij V. A.* Iskusstvennyj intellekt i mozg cheloveka. M., 2019.

8. *Губайловский В.А.* Искусственный интеллект и мозг человека. М., 2019.
9. *Зорькин* В.Д. Право в цифровом мире. URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (дата обращения: 20.09.2020).
10. *Иванов К. В., Балякин А. А., Малышев А. С.* Технологии больших данных как инструмент обеспечения национальной безопасности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2020. Т. 13. № 1.
11. *Лазарев В.В.* Избранные труды: в 3 т. М., 2010. Т. 1.
12. *Ларина Е. С., Овчинский В. С.* Искусственный интеллект: этика и право М., 2019.
13. *Маркс К.* Капитал. URL: https://www.kapital-marks.ru/ (дата обращения: 20.09.2020).
14. *Пашенцев Д. А., Залоило М.В.* Воздействие современных цифровых технологий на содержание и характер правотворческой деятельности: теоретико-правовой аспект // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44).
15. *Пожарский Д.В.* Искусственный интеллект и человеческий разум в государственно-правовой реальности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53).
16. *Рассказов Л.П.* Теория государства и права: углубленный курс: учебник. М., 2015.
17. *Смирнов Е.В.* Проблема искусственного интеллекта: онтологические и гносеологические аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2012.
18. *Сухарев С.И.* Соотношение разума, интеллекта и рассудка в теософическом познании: гносеологический и онтологический аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2009.
19. Толковый словарь русского языка. URL: https://sanstv.ru/dict/%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C (дата обращения: 01.09.2020).
20. *Цицерон М. Т.* О государстве. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Zizeron_O_gosudarstve.pdf (дата обращения: 20.09.2020).
21. *Яковенко А.В.* Социальная защита населения в условиях цифровизации общества: проблемные аспекты // Социальная работа: современные проблемы и технологии. 2020. № 1.

Для цитирования:

Косых Алексей Алексеевич. Перспективы использования искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 30–37.

9. *Zor'kin V.D.* Pravo v cifrovom mire. URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (data obrashcheniya: 20.09.2020).
10. *Ivanov K. V., Balyakin A. A., Malyshev A.S.* Tekhnologii bol'shih dannyh kak instrument obespecheniya nacional'noj bezopasnosti // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki. 2020. T. 13. № 1.
11. *Lazarev V.V.* Izbrannye trudy: v 3 t. M., 2010. T. 1.
12. *Larina E. S., Ovchinskij V.S.* Iskusstvennyj intellekt: etika i pravo M., 2019.
13. *Marks K.* Kapital. URL: https://www.kapital-marks.ru/ (data obrashcheniya: 20.09.2020).
14. *Pashencev D. A., Zaloilo M.V.* The impact of modern digital technologies on the content and nature of lawmaking: theoretical and legal aspect // Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia. 2018. № 4 (44).
15. *Pozharsky D.V.* Artificial Intelligence and the Human Mind in the State-Legal Reality // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 1 (53). P. 8–15.
16. *Rasskazov L.P.* Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyj kurs: uchebnik. M., 2015.
17. *Smirnov E.V.* Problema iskusstvennogo intellekta: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty: dis. ... kand. filos. nauk. Magnitogorsk, 2012.
18. *Suharev S.I.* Sootnoshenie razuma, intellekta i rassudka v teosoficheskom poznanii: gnoseologicheskij i ontologicheskij aspekty: dis. ... kand. filos. nauk. Ufa, 2009.
19. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. URL: https://sanstv.ru/dict/%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C (data obrashcheniya: 01.09.2020).
20. *Ciceron M. T.* O gosudarstve. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Zizeron_O_gosudarstve.pdf (data obrashcheniya: 20.09.2020).
21. *Yakovenko A.V.* Social'naya zashchita naseleniya v usloviyah cifrovizacii obshchestva: problemnye aspekty // Social'naya rabota: sovremennye problemy i tekhnologii. 2020. № 1.

For citation:

Kosyh Aleksej Alekseevich. Prospects for using artificial intelligence in the legal regulation of public relations // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 30–37.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: методология, правовое обеспечение

ИГОРЬ ЮРЬЕВИЧ ЗАХВАТОВ,
доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: zakhvatov-iu@mail.ru

IGOR' YUR'EVICH ZAHVATOV,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Internal Affairs Organization of the Center for Command and Staff Exercises
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: zakhvatov-iu@mail.ru

ЭДУАРД ВИКТОРОВИЧ ЕРЁМИН,
главный эксперт-специалист управления выработки государственной политики и управленческих решений в сфере внутренних дел
Организационно-аналитический департамент МВД России
Российская Федерация, 119049, г. Москва, ул. Житная, д. 16
E-mail: eremin3334@gmail.com

EDUARD VIKTOROVICH ERYOMIN,
Chief Expert-Specialist of the Department of State Policy Development and Management Decisions in the Field of Internal Affairs
Russian Federation, 119049, Moscow, Zhitnaya St.,16
E-mail: eremin3334@gmail.com

Научная специальность:
12.00.11 – судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.11 – Judicial Activity, Prosecutor's Activity, Human Rights and Law Enforcement Activities.

УДК 343.8

Дата поступления: 2 июня 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Роль МВД России в деятельности по разработке стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации

The role of the Ministry of internal Affairs of Russia in the development of strategies for the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation

Аннотация

Актуальность: представленный в статье материал касается вопросов стратегического планирования правоохранительной деятельности органов внутренних дел, в том числе в виде их участия в реализации стратегий развития субъ-

Annotation

The relevance: the material presented in the article concerns the issues of strategic planning of law enforcement activities of the internal Affairs bodies, including their participation in the implementation of development strategies of the

ектов Российской Федерации. В качестве одного из приоритетных направлений деятельности МВД России определено решение задач по организации выполнения государственных программ Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, национальных проектов (программ), федеральных целевых программ.

Постановка проблемы: правоохранительная сфера по сложившейся практике не входит в число областей стратегического планирования, включенных субъектами Российской Федерации в качестве обязательных разделов проектов региональных стратегий, а рассматриваемые в них области жизнедеятельности не отнесены к компетенции органов внутренних дел, при том, что МВД России призвано участвовать в разработке и реализации стратегий социально-экономического развития регионов Российской Федерации.

В статье дано краткое описание требований принимаемых на федеральном уровне нормативных правовых актов по реализации государственной политики на территории субъекта Российской Федерации в сфере обеспечения общественной безопасности. Высказан ряд положений по правовым аспектам выстраивания баланса общефедеральных и региональных интересов по ряду направлений государственной правоохранительной политики.

Цель исследования: совершенствование правовых основ стратегического планирования правоохранительной деятельности в системе МВД России, определение роли органов внутренних дел в выработке и реализации стратегий развития субъектов Российской Федерации.

Методы исследования: диалектика, сравнительно-правовой анализ, синтез, герменевтика, философская концептология.

Результаты и ключевые выводы: решение проблем формирования полноценной нормативной правой базы стратегического планирования, а также внедрение инновационных технологий в механизм стратегического планирования правоохранительной деятельности органов внутренних дел сможет позитивно повлиять на состояние правопорядка в стране. Это поможет создать сбалансированные условия для обеспечения достойного качества жизни и защищенности населения от противоправных посягательств.

Ключевые слова: *стратегическое планирование; правоохранительная деятельность; региональные стратегии; субъект Российской Федерации, нормативные правовые акты.*

subjects of the Russian Federation. As one of the priority areas of the Russian Ministry of internal Affairs, it is determined to solve the tasks of organizing the implementation of state programs of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation, national projects (programs), and Federal target programs.

The statement of the problem: law enforcement in practice, are not included in the areas of strategic planning, included subjects of the Russian Federation as mandatory sections of the draft regional strategy and considered in these areas of life are not attributed to the competence of bodies of internal Affairs, the Ministry of internal Affairs of Russia is to participate in the development and implementation of strategies for socio-economic development of regions of the Russian Federation.

The article provides a brief description of the requirements of regulatory legal acts adopted at the Federal level for the implementation of state policy in the territory of the subject of the Russian Federation in the field of public security. A number of provisions are made on legal aspects of building a balance of Federal and regional interests in a number of areas of state law enforcement policy.

The purpose of the study: improving the legal framework for strategic planning of law enforcement activities in the interior Ministry of Russia, defining the role of internal Affairs bodies in the elaboration and implementation of development strategies of the constituent entities of the Russian Federation.

The research methods: dialectics, comparative legal analysis, synthesis, hermeneutics, philosophical conceptology.

The results and key conclusions: solving the problems of forming a full-fledged regulatory legal framework for strategic planning, as well as introducing innovative technologies into the mechanism of strategic planning of law enforcement activities of internal Affairs bodies can positively affect the state of law and order in the country. This will help create a balanced environment for ensuring a decent quality of life and protecting the population from illegal attacks.

Keywords: *strategic planning; law enforcement; regional strategies; subject of the Russian Federation, regulatory legal acts.*

Стратегическое планирование – это деятельность по целеполаганию, прогнозированию, планированию, программированию, мониторингу и контролю в различных отраслях экономики, а также сферах государственного и муниципального управления, направленная

на решение задач устойчивого социально-экономического развития России, субъектов федерации, муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности страны и регионов.

Выполняя функцию по обеспечению согласования интересов различных социальных групп и правоохранительных целей, заинтересовывая всех участников правоохранительного процесса в обеспечении безопасности личности, общества, государства, стратегическое планирование увязывает данные потребности с реальными возможностями общества, гарантируя тем самым его устойчивое развитие, потребность в котором приобретает особую важность для современного российского общества [6].

Имея системные, комплексные характеристики, стратегическое планирование является одним из инструментов познания социальных процессов. В методологическом смысле стратегическое планирование представляет собой органическое единство аналитического, логического, комплексного, системного и иных подходов к целеполаганию, разработке концепций, программ и планов развития социума в различных его проявлениях [7].

Кроме того, как инструмент познания реальности, стратегическое планирование – это не только мыслительный, но и социальный процесс, который осуществляется в системе социальных связей и правоотношений в различных сферах жизнедеятельности человека и выступает в качестве одного из важнейших условий стабильности социальных связей, поддержания устойчивости и жизнеспособности социального организма [1].

При этом «стратегическое планирование» как понятие само по себе не имеет четкого определения. Вместе с тем признается, что стратегическое планирование как термин зародилось и получило развитие в области военного искусства, означало способность наиболее эффективно находить пути к достижению победы при проведении крупных военных операций (кампаний) [9].

Главное, что стратегическое планирование имеет прикладное значение, являясь практическим способом разработки стратегических решений на основе выстраивания прогнозов, а опираясь на них – государственных проектов, программ и планов, реализуемых с необходимым эффектом преимущественно в экономической и социальной сферах на долгосрочную перспективу и с учетом возможных изменений внешней среды [10].

Применительно к любым областям социальной жизни, в рамках стратегического планирования предусматривается набор конкретных целей, которые следует достичь к определенному временному периоду. Достижение этих целей означает получение ожидаемого результата по наиболее актуальным проблемам развития общества, что, в свою очередь, позволяет заглянуть на много лет вперед. Но при этом определяемые цели подчиняются своеобразной иерархии. Разрабатываемые же для достижения этих целей планы и программы тесно связаны по своему характеру и содержанию с прогнозами [8].

Стратегическое планирование осуществляется и в правоохранительном сегменте государственного управления. Противодействие преступности, охрана общественного порядка и безопасности как одно из социально значимых направлений деятельности государства не менее чем другие сферы жизнедеятельности общества нуждается в стратегическом планировании, благодаря чему правоохранительная деятельность принимает форму социально организованного процесса.

Именно поэтому стратегическое планирование, осуществляемое в органах внутренних дел, как направление организационной деятельности, выстраивается строго на основе принципов: законности, научности, системности и др. [2]. Это позволяет успешно разрабатывать и реализовывать сложные, комплексные и многоаспектные планы и программы развития и совершенствования системы МВД России [5, с. 28–37].

Для органов внутренних дел предметом стратегического планирования является правоохранительная, ресурсная и управленческая деятельность. Последняя включает в том числе формирование управляемой и управляющей подсистем. Тем самым обеспечивается равновесие внутренних процессов, их упорядочение и согласованность с учетом краткосрочной и долгосрочной перспективы развития системы органов внутренних дел [3].

Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» является базовым документом, которым органы государственной власти руководствуются в ходе подготовки и осуществления стратегического планирования[1]. Устанавливая правовые основы стратегического планирования, а также государственной и муниципальной бюджетной политики в этой области, данный Федеральный закон определяет соответствующие полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, а также порядок их взаимодействия с общественными

[1] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

и иными организациями. Документы стратегического планирования разрабатываются по территориальному признаку: на федеральном уровне, уровнях субъектов РФ и уровнях муниципальных образований, для каждого из которых определены их задачи и особенности. Система этих документов уложена в классифицированную многоуровневую схему, удобную для практики разработки подобных документов и одновременно для профессиональной подготовки специалистов-управленцев.

Основные требования к таким документам изложены в утвержденных Правительством РФ Правилах согласования проекта стратегии социально-экономического развития субъекта РФ с документами стратегического планирования, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти Российской Федерации, в части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов федерации[2].

В соответствии с п. 7 вышеуказанных Правил федеральные органы государственной власти (федеральные министерства) рассматривают проект стратегии социально-экономического развития субъекта РФ на предмет его соответствия основным приоритетам, целям, задачам и предполагаемым (планируемым) показателям, которые определены в документах стратегического планирования общегосударственного уровня в отношении различных областей жизнедеятельности региона: образование, наука, культура, здравоохранение, социальная защита, природопользование, обеспечение экологической безопасности, защита от чрезвычайных ситуаций и ликвидация их последствий, международные и внешнеэкономические связи и др.

Заметно, что правоохранительная сфера не входит в число областей стратегического планирования, включенных в качестве обязательных разделов проектов региональных стратегий, а рассматриваемые области жизнедеятельности не входят в компетенцию МВД России. Решение задач по выработке государственной политики в сферах, определяемых требованиями вышеуказанного правительственного документа, не содержит каких-либо новых толкований основных функций и полномочий Министерства внутренних дел Российской Федерации, установленных Президентом Российской Федерации[3].

Основные принципы и содержание деятельности по обеспечению общественной, экологической безопасности, безопасности личности и государства, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, определяет Федеральный закон «О безопасности»[4], согласно ч. 1 ст. 4 которого государственная политика в области обеспечения безопасности, являясь частью внутренней и внешней политики Российской Федерации, представляет собой совокупность согласованных, скоординированных и объединенных единым замыслом политико-правовых, организационных, социально-экономических, военных, информационных и иных мер.

Именно поэтому МВД России – федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел – принимает активное участие в разработке документов стратегического планирования, которые являются базовыми при подготовке стратегий социально-экономического развития регионов РФ. Однако анализ тематического содержания проектов региональных стратегий показал, что они в целом ориентированы на решение вопросов экономического роста, повышения конкурентоспособности российской экономики и качества жизни населения. Для достижения этих целей определены задачи, приоритеты и показатели социально-экономического развития субъекта РФ. Вопросы же охраны правопорядка в большинстве проектов региональных стратегий отражения не нашли, хотя в соответствии с п. «б» ст. 72 Конституции Российской Федерации обеспечение законности, правопорядка и безопасности относится к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов федерации.

Между тем, исходя из требований п. 3 ст. 4 Федерального закона «О безопасности», региональным органам государственной власти надлежит претворять в жизнь государственную политику в сфере обеспечения безопасности на основе Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[5], иных концептуальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности Российской Федерации и утверждаемых Президентом Российской Федерации.

[2] Об утверждении Правил согласования проекта стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации с документами стратегического планирования, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 14 октября 2016 г. № 1045 // СЗ РФ. 2016. № 43. Ст. 6025.

[3] Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 // СЗ РФ. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7614.

[4] О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

[5] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации соблюдение национальных интересов в сфере государственной и общественной безопасности обеспечивается посредством реализации единой государственной системы мер по профилактике преступности, направленных на снижение уровня криминализации общества.

В свою очередь общественная безопасность, согласно утвержденной Президентом Российской Федерации соответствующей концепции[6], определяется как состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей от преступных и иных противоправных посягательств. Это предполагает недопущение и нейтрализацию социальных и межнациональных конфликтов, а также устранение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Кроме того, ст. 6 Федерального закона «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации» относит к основным направлениям профилактики правонарушений в стране деятельность региональных органов государственной власти по противодействию преступности, охране общественного порядка, обеспечению безопасности, уменьшению негативных проявлений религиозного и национального экстремизма[7].

Роль субъектов РФ в деятельности, направленной на сокращение масштабов незаконного распространения наркотиков, отмечена также в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации[8]. Как представляется, в рамках достижения этой цели в региональные стратегии следует включить такие позиции, как: а) совершенствование системы оказания помощи больным наркоманией и их социальной реабилитации; б) правовое, организационное и ресурсное обеспечение антинаркотической деятельности; в) активизация мер по антинаркотической пропаганде с вовлечением в нее региональных средств массовой информации и использованием современных информационных технологий.

В этом направлении уже предприняты определенные шаги. Так, Председателем Государственного антинаркотического комитета Российской Федерации Министром внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцевым 21 мая 2018 г. был утвержден План мероприятий по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации. В число исполнителей пунктов 13, 15, 16, 20 данного Плана включены органы исполнительной власти субъектов РФ.

В связи с этим полагаем, что в проектах стратегий субъектов РФ в качестве подраздела целесообразно включить вопросы:

– развития волонтерского молодежного антинаркотического движения, общественных антинаркотических объединений и организаций, занимающихся воспитанием, социализацией молодежи, а также профилактики наркотизма;

– активизации проведения спортивных мероприятий, развития бесплатных спортивных и технических секций и кружков, создания условий для вовлечения детей и подростков в систематические занятия физической культурой и спортом, развития массового спорта;

– профилактики немедицинского потребления наркотиков с использованием трибуны Всероссийского молодежного форума.

Вместе с тем необходимо отметить, что в соответствии с п. 3 ст. 20 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» Правительством России применительно ко всей территории страны, с учетом региональной детализации по вопросам социально-экономического развития, разработана Стратегия пространственного развития Российской Федерации[9]. Она предполагает в рамках разработки и корректировки стратегий развития субъектов РФ учет полномочий федеральных и региональных органов государственной власти по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. Это дает возможность при подготовке региональных стратегий социально-экономического развития определять его приоритеты, цели и задачи, а также разрабатывать эффективные меры по их достижению и решению.

Кроме того, принципы, цели, задачи государственной политики регионального развития Российской Федерации и механизмы ее реализации определены в утвержденных Президентом Российской Федерации Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года[10]. Так, в соответствии с п. «в» ст. 7 разд. III данного указа совершенствование механизмов регулирования внутренней и внешней миграции отнесено к приоритетным задачам государствен-

[6] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс] (утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685). URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 21.01.2020).

[7] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

[8] Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 // СЗ РФ. 2010. № 24. Ст. 3015.

[9] О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации: постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 // СЗ РФ. 2015. № 35. Ст. 4989.

[10] Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 // СЗ РФ. 2017. № 4. Ст. 637.

ной региональной политики, что так или иначе пересекается с полномочиями МВД России.

Видимо не случайно п. 4 Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта РФ и плана мероприятий по ее реализации разработчики стратегий, к которым смело можно отнести территориальные МВД России регионального уровня, вправе включать в данные стратегии раздел, посвященный основным направлениям модернизации социальной сферы субъекта РФ, который должен предусматривать возможность демографического и миграционного развития и приоритетные направления обеспечения безопасности жизнедеятельности населения.

Отдельно можно отметить, что в проектах стратегий субъектов РФ должны соблюдаться принципы измеряемости целей и соответствия показателей целям, предусмотренные ч. 11 и 12 ст. 7 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», поскольку ожидаемые результаты реализации предлагаемых решений, их целевые показатели, установленные на конец каждого года, могут содержать данные, на которые обращено внимание в приложении к разрабатываемым документам, в зависимости от приоритетов, целей и задач развития субъекта федерации, а также от специфики и особенностей его социально-экономического развития.

Так, целесообразно при реализации утвержденной правительственным распоряжением Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы[11], в которой определены конкретные целевые ориентиры на временные периоды и установлен показатель социального риска, являющиеся факторами обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития страны, предусмотреть в региональных стратегиях развития критерии (индикаторы), соотносимые со значениями показателей общегосударственной стратегии безопасности дорожного движения.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что одной из приоритетных задач Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных структур регионального уровня должна стать задача обеспечения развития в субъектах РФ региональных систем обеспечения общественной безопасности по всем основным направлениям.

Одновременно ввиду того, что п. 4 ст. 32 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определяет региональную стратегию развития основой для разработки государственных программ субъекта РФ[12], приоритеты, цели, задачи и направления социально-экономического развития региона, показатели достижения целей развития, а также сроки и этапы реализации стратегии, определение объемов финансовых ресурсов, необходимых для ее исполнения, должны быть развернуты в систему региональных программных документов стратегического планирования (государственных программ субъекта РФ), реализующих соответствующие приоритеты и обеспечивающих достижение определенных показателей в проекте стратегии, в том числе правоохранительной направленности [4].

Полагаем, что проведение исполнительными органами власти субъектов РФ и муниципальными властями на своих территориях совместно с территориальными органами МВД России работы по формированию обозначенной системы в расчете на долгосрочную перспективу позволит им создать сбалансированные условия для обеспечения достойного качества жизни и криминологической защищенности населения. Решение проблем формирования полноценной нормативной правой базы стратегического планирования, а также внедрение инновационных технологий в механизм стратегического планирования правоохранительной деятельности органов внутренних дел сможет позитивно повлиять на состояние правопорядка в стране и регионах.

Таким образом, учитывая, что требования положений вышеуказанных документов стратегического планирования так или иначе предполагают региональную детализацию разрабатываемых стратегий развития субъектов РФ, на наш взгляд, целесообразно внести соответствующие изменения в вышеобозначенные ранее Правила согласования проекта стратегии социально-экономического развития субъекта РФ в части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ с документами стратегического планирования, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти Российской Федерации[13], предусмотрев в разрабатываемых проектах региональных стратегий специальный раздел «Региональная система общественной безопасности».

[11] Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы: распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-р // СЗ РФ. 2018. № 5. Ст. 774.

[12] О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.

[13] Об утверждении Правил согласования проекта стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации с документами стратегического планирования, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 14 октября 2016 г. № 1045 // СЗ РФ. 2016. № 43. Ст. 6025.

Список литературы:

1. *Андреев Н. А., Коробов В. Б.* Стратегическое управление в правоохранительной сфере: учебник / под ред. В. В. Гордиенко. М., 2015.
2. *Бородушко И. В., Васильева Э. К.* Стратегическое планирование и контроллинг. СПб., 2006.
3. *Вачугов Д. Д., Веснин В. Ф.* Стратегия планирования. Основы менеджмента и рынка // Социально-политический журнал. 1998. № 8.
4. *Власов Б. Е.* Целевые программ правоохранительной и антикриминальной направленности в деятельности ОВД: монография. М., 2014.
5. *Горелов А. П.* Организация планирования в системе МВД России // Экономический вестник МВД России. 2006. № 2.
6. *Данилов-Данильян В. И.* Устойчивое развитие. Термин в энциклопедии «Глобалистика». М., 2006.
7. *Дрогомирецкий И. И., Маховикова Г. А., Кантор Е. Л.* Стратегическое планирование. СПб., 2006.
8. *Моргун А. И.* Стратегическое планирование в органах внутренних дел: теоретический, организационный и правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
9. Советская военная энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. М., 1983.
10. *Уткин Э. А.* Стратегическое планирование. М., 1998.

References:

1. *Andreev N. A., Korobov V. B.* Strategicheskoe upravlenie v pravoohranitel'noj sfere: uchebnik / pod red. V. V. Gordienko. M., 2015.
2. *Borodushko I. V., Vasil'eva E. K.* Strategicheskoe planirovanie i kontrolling. SPb., 2006.
3. *Vachugov D. D., Vesnin V. F.* Strategiya planirovaniya. Osnovy me-nedzhmenta i rynka // Social'no-politicheskij zhurnal. 1998. № 8.
4. *Vlasov B. E.* Celevye programm pravoohranitel'noj i antikrimi-nal'noj napravlennosti v deyatel'nosti OVD: monografiya. M., 2014.
5. *Gorelov A. P.* Organizaciya planirovaniya v sisteme MVD Rossii // Ekonomicheskij vestnik MVD Rossii. 2006. № 2.
6. *Danilov-Danil'yan V. I.* Ustojchivoe razvitie. Termin v enciklope-dii «Globalistika». M., 2006.
7. *Drogomireckij I. I., Mahovikova G. A., Kantor E. L.* Strategicheskoe planirovanie. SPb., 2006.
8. *Morgun A. I.* Strategicheskoe planirovanie v organah vnutrennih del: teoreticheskij, organizacionnyj i pravovoj aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003.
9. Sovetskaya voennaya enciklopediya / pod red. A. M. Prohorova. M., 1983.
10. *Utkin E. A.* Strategicheskoe planirovanie. M., 1998.

Для цитирования:

Игорь Юрьевич Захватов, Эдуард Викторович Ерёмин. Роль МВД России в деятельности по разработке стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 38–44.

For citation:

Igor' Yur'evich Zahvatov, Eduard Viktorovich Eryomin. System-structural analysis of administrative responsibility for violation of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 38–44.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ органов внутренних дел

МИХАИЛ ВИКТОРОВИЧ ДУЛЬЦЕВ,
начальник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: dultsev@inbox.ru

MIHAIL VIKTOROVICH DUL'CEV,
Candidate of Law,
Gender Balance in the Police Forces of Russia and Foreign Countries: a Comparative Legal Study
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: dultsev@inbox.ru

АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ КОТЯЖОВ,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук
Московский государственный университет технологии управления имени Г. К. Разумовского
Российская Федерация, 109004, г. Москва,
ул. Земляной Вал, д. 73
E-mail: amonitor69@mail.ru

ANDREJ VALER'EVICH KOTYAZHOV,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Moscow State University of Management Technology named After G. K. Razumovsky
Russian Federation, 109004, Moscow,
Zemlyanoy Val St.,73
E-mail: amonitor69@mail.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.12 – Criminalistics, Forensic Activities, Operational Search Activities.

УДК 004.42:343

Дата поступления: 17 мая 2020 года
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Актуальные вопросы информационно-аналитического обеспечения выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров

Current Issues of Information and Analytical Support for Detecting and Solving Crimes in the Field of Illicit Trafficking in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Their Precursors

Аннотация

Актуальность и постановка проблемы: анализ состояния оперативной обстановки и результаты научных исследований показывают, что с момента начала реализации Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 г.

Annotation

The relevance and problem statement: the analysis of the operational situation and the results of scientific research show that since the beginning of the implementation of the Strategy of the state anti-drug policy until 2020, there has

коренного перелома в борьбе с наркопреступностью не наступило. Продолжают действовать объективные и субъективные факторы, способствующие расширению масштабов незаконного оборота наркотиков и новых психоактивных веществ, которые формируют зависимые формы поведения. Прогнозируется снижение раскрываемости тяжких и особо тяжких преступлений за счет сокращения количества раскрытых преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, совершенных в крупном и особо крупном размерах. Проведенный в 2019 г. экспертный опрос руководителей управлений и отделов ГУНК МВД России, начальников подразделений по контролю за незаконным оборотом наркотиков территориальных органов МВД России показал, что большинством респондентов отмечены рост уровня наркопреступности; неудовлетворительное состояние организации оперативно-розыскной деятельности подразделений по контролю за незаконным оборотом наркотиков; снижение эффективности выявления и раскрытия преступлений, обусловленное в том числе недостаточным уровнем информационно-аналитического обеспечения и оперативного информирования, отсутствием автоматизированных баз данных, совмещенных с субъектами внешнего взаимодействия, и др.

Цель исследования: на основе рассмотрения информационных ресурсов, используемых наркобизнесом, обосновать необходимость реализации технологий искусственного интеллекта для решения задач выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Методы исследования: общий диалектический метод познания, способствующий системному и разноаспектному рассмотрению специфики обработки больших данных в целях выявления и раскрытия рассматриваемых преступлений; методы описания, обобщения, сравнения, логико-юридический метод.

Результаты и ключевые выводы: обоснована необходимость:

– реализации технологий искусственного интеллекта при решении задач выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров посредством автоматизированного поиска и анализа признаков совершения наркопреступлений на информационных ресурсах системы Интернет; результатов биометрической идентификации лиц, совершивших наркопреступления; данных геолокации средств мобильной связи и маршрутов перемещения автотранспортных средств лиц, подозреваемых в совершении наркопреступлений;

– прогнозирования изменений оперативной

not been a radical change in the fight against drug crime. Objective and subjective factors that contribute to the expansion of illicit drug trafficking and new psychoactive substances that form dependent behaviors continue to operate. It is predicted that the detection rate of serious and especially serious crimes will decrease due to a reduction in the number of solved crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors committed on a large and especially large scale. Held in 2019, an expert survey of heads of departments and departments of GUNK Ministry of internal Affairs of Russia, chiefs of divisions on control over drug trafficking of the territorial bodies of the MIA of Russia revealed that the majority of respondents noted the growing level of drug-related crime; unsatisfactory state of the organization of operational and investigative activities of drug trafficking control units; reduced efficiency of detection and disclosure of crimes, including due to the insufficient level of information and analytical support and operational information, the lack of automated databases combined with external interaction subjects, etc.

The purpose of the study: based on the consideration of information resources used by the drug business, to justify the need to implement artificial intelligence technologies to solve the problems of detecting and solving crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors. Research methods: General dialectical method of cognition that promotes systematic and multi-aspect consideration of the specifics of big data processing in order to identify and solve the crimes under consideration; methods of description, generalization, comparison, logical and legal method.

The results and key conclusions: the need for:

– implementation of artificial intelligence technologies in solving the problems of detecting and solving crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors through automated search and analysis of signs of drug crimes on the Internet information resources; results of biometric identification of persons who committed drug crimes; geolocation data of mobile communications and routes of movement of vehicles of persons suspected of committing drug crimes;

– forecasting changes in the operational situation as a necessary condition for long-term, current and problematic planning of the organization of operational search activities of the territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia. In pursuance of the National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 it is concluded that the application of artificial intelligence to solve tasks

обстановки как необходимое условие перспективного, текущего и проблемного планирования организации оперативно-розыскной деятельности территориальных органов МВД России.

В развитие положений Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года сделан вывод о том, что применение искусственного интеллекта в целях решения задач по противодействию наркопреступности основано на анализе потоков больших данных, требующем кратного повышения быстродействия вычислительной техники, что может быть реализовано посредством внедрения современных технологий.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; информационные технологии; комплекс технологических решений; средства информатизации; искусственные нейронные сети; интернет-ресурсы; выявление и раскрытие наркопреступлений; поиск; биометрическая идентификация; позиционирование; анализ данных; прогнозирование; планирование; незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.*

of combating drug-related crime based on the analysis of big data flows that require a tenfold increase in performance of computers that can be realized through the introduction of modern technologies.

Keywords: *artificial intelligence; information technologies; complex of technological solutions; informatization tools; artificial neural networks; Internet resources; detection and disclosure of drug crimes; search; biometric identification; positioning; data analysis; forecasting; planning; illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors.*

Решение государственной задачи обеспечения прорывного социально-экономического [10] и научно-технологического развития Российской Федерации связано с внедрением инновационных программно-технических средств, включая искусственный интеллект, в целях обеспечения национальной безопасности и правопорядка[1], в том числе в сфере реализации правоохранительных мер по контролю за оборотом наркотиков[2].

Анализ состояния оперативной обстановки и результаты научных исследований показывают, что с момента начала реализации Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 г. коренного перелома в борьбе с наркопреступностью не наступило. В частности, количество выявленных и раскрытых преступлений, предусмотренных ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации, доминирующих в статистике наркопреступлений, имеет стойкую тенденцию к снижению. Отсутствует практика выявления незаконного производства, сбыта или пересылки прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ. Прогнозируется снижение раскрываемости преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств психотропных веществ и их прекурсоров (далее – НОН), совершенных в значительном, крупном и особо крупном размере [1, с. 106].

Продолжают действовать объективные и субъективные факторы, способствующие расширению масштабов незаконного оборота высококонцентрированных, в том числе синтетических, наркотиков, каннабиоидов и новых психоактивных веществ, а также формированию зависимых форм поведения, а именно:

– наличие высокого спроса на наркотики среди «золотой» молодежи, сторонников неформальных молодежных объединений (АУЕ, музыкальных фанатов и др.), маргинальных слоев населения (ранее судимых, низкоквалифицированных рабочих, безработных и др.);

– наличие значительного объема наркотикосодержащего растительного сырья (дикорастущей конопли), общедоступность средств и простота методики его переработки;

– широкие возможности для создания нелегальных нарколабораторий в малонаселенных муниципальных образованиях, территориально приближенных к крупным городам и административным центрам, а также для приобретения лабораторного оборудования и прекурсоров в интернет-магазинах;

– низкий уровень доходов отдельных категорий населения: учащихся колледжей и техникумов, студентов, в том числе фармацевтических (медицинских) вузов, лаборантов-химиков, безработных, мигрантов создает возможности их вербовки членами организованных групп (пре-

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2020). Ч. 23

[2] Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690 // СЗ РФ. 2010. № 24. Ст. 3015. П. 17.1

ступных сообществ) для работы в нелегальных нарколабораториях, а также в качестве курьеров, закладчиков, кладовщиков, операторов и др.;

– наличие широких возможностей для сбыта больших объемов наркотиков и других запрещенных веществ через развитую сеть частных ночных и фитнесс клубов, баров, саун, кафе, дискотек, наркопритонов и притонов проституток и т. д.;

– использование территории России для международного (межгосударственного) наркотрафика. Этому способствуют прозрачность государственной границы со странами СНГ и относительная свобода передвижения товаров, миграция людей;

– недостаточная эффективность мер воспитательного воздействия и антинаркотической пропаганды среди подростков и в молодежной среде (учащиеся школ и средних специальных учебных заведений, студентов вузов, молодых специалистов и др.).

Как показали результаты проведенного в 2019 г. экспертного опроса[3], большинством респондентов отмечены рост уровня наркопреступности в стране в отличие от показателей официальной статистики; неудовлетворительное состояние организации оперативно-розыскной деятельности подразделений по контролю за незаконным оборотом наркотиков; снижение эффективности выявления и раскрытия преступлений, обусловленное в том числе недостаточным уровнем информационно-аналитического обеспечения и оперативного информирования, отсутствием автоматизированных баз данных, совмещенных с субъектами внешнего взаимодействия, и др.

Вместе с тем сегодня в системе МВД России обеспечен базовый уровень оснащенности средствами информатизации подразделений. Так, в частности, внедрены система информационно-аналитического обеспечения субъектов внутриведомственного взаимодействия; автоматизированные системы информационного обеспечения биометрической идентификации личности, а также автоматического поиска (распознавания) движущихся в потоке, разыскиваемых транспортных средств.

Результативность использования указанных средств информатизации непосредственно зависит от качества формирования банков розыскной и криминалистической информации территориальных органов внутренних дел регионального уровня и ГИАЦ МВД России [8, с. 38], а также интеграции автоматизированных информационно-поисковых систем в единую инфраструктуру на базе современных технологий искусственного интеллекта, позволяющих осуществлять сбор, обработку и хранение больших данных.

По нашему мнению, искусственный интеллект можно определить как совокупность аппаратно-программных комплексов, направленных на поиск информации, ее накопление, обработку, прием и использование, который позволяет, имитируя аналитические и синтетические когнитивные функции человека (включая самообучение), автономно принимать решения без заранее заданного алгоритма при выполнении конкретных задач. Такое понимание искусственного интеллекта характеризует перспективную способность искусственного интеллекта как информационной системы полного информационного цикла [5, с. 17], созданной на основе искусственных нейронных сетей, обладающих свойствами обучения (адаптации и самонастройки), обобщения (нечувствительности к небольшим изменениям входных сигналов), абстрагирования (способности оперировать данными), автономно находить и реализовывать решения поставленной задачи.

Искусственный интеллект, созданный на основе использования комбинаторных методов, искусственных нейронных сетей и машинного обучения, обладает свойствами распознавания образов, идентификации и прогнозирования. В связи с этим использование такого рода инструментов в борьбе с преступлениями, связанными с НОН, является, на наш взгляд, не только возможностью, но и острой необходимостью. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что эффективность их использования в значительной степени зависит от методов обучения искусственных нейронных сетей и качества созданного алгоритма машинного обучения.

В качестве основных направлений комплексного использования искусственного интеллекта при решении задач выявления и раскрытия преступлений в сфере НОН можно определить следующее:

Во-первых, поиск признаков совершения наркопреступлений в информационных ресурсах информационно-телекоммуникационной системы Интернет (веб-сайты торговых площадок, а также социальных сетей, в том числе DarkNet и др.), основанный на результатах:

– анализа свойств приобретаемых химических веществ и оборудования, которые могут использоваться для производства наркотиков; специфической терминологии пользователей социальных сетей; размещенных фото – и видеоизображений пользователей, имеющих признаки наркотического опьянения, а также находящихся в местах произрастания наркосодержащих растений, нарколабораториях, и др.;

– позиционирования мест вероятного производства (нарколабораторий), хранения и сбы-

[3] Опрошены 92 респондента из числа руководителей (начальников) подразделений по контролю за незаконным оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях; руководящего состава управлений и отделов ГУНК МВД России.

та наркотиков (торговых площадок) по признакам местности, отраженным на носителях визуальной информации, размещенным в социальных сетях в комплексе с оценкой данных геолокации средств мобильной связи и маршрутов перемещения автотранспортных средств лиц, подозреваемых в совершении наркопреступлений, с помощью обработки данных территориально-распределенной ФИС ГИБДД-М[4] и др.

Во вторых, использование централизованной базы данных лиц, совершивших наркопреступления посредством вынесенного на периферию соответствующего АПК биометрической идентификации – элемента информационной системы, интегрированного в условиях мегаполисов (на примере г. Москва), с ГИС «Единый центр хранения данных» (далее – ГИС ЕЦХД) и АИС «Единое геоинформационное пространство». Это позволит с помощью общегородской системы видеонаблюдения и посредством встроенной в ЕЦХД системы аналитической обработки изображений устанавливать маршруты передвижения и отслеживать местонахождение разыскиваемых лиц, подозреваемых в совершении наркопреступлений.

В других крупных муниципальных образованиях информационные системы анализа видеопотока и распознавания лиц в режиме реального времени интегрированы в структуру АПК «Безопасный город»[5].

В третьих, прогнозирование состояния оперативной обстановки в сфере противодействия НОН на территории обслуживания органа внутренних дел как необходимое условие перспективного, текущего и проблемного планирования реализации оперативно-розыскных мер.

Элементами такого прогнозирования являются: прогнозирование деятельности организованных групп и преступных сообществ (организаций), отдельных преступников, специализирующихся в сфере НОН; прогнозирование противодействия выявлению и раскрытию преступлений подразделениями по контролю за незаконным оборотом наркотиков территориальных органов внутренних дел МВД России; прогнозирование отдельной оперативно-розыскной ситуации. Прогнозные выводы следует использовать для составления планов оперативно-розыскных мероприятий по делам оперативного учета с целью определения тактики оперативно-розыскных мероприятий, расстановки сил и средств.

Интернет-ресурсы активно используются участниками организованных групп и преступных сообществ (организаций) для увеличения объемов наркобизнеса посредством осуществления широкого онлайн поиска компаньонов-посредников и потребителей [4, с. 59]. В сетевом пространстве размещено значительное количество веб-сайтов (интернет-магазинов), осуществляющих скрытую рекламу наркотиков и других запрещенных к обороту веществ, для расширения клиентской базы потребителей. Значительная часть таких сайтов зарегистрирована с зашифровкой истинных целей, другая – на ресурсах DarkNet, что требует дополнительных усилий по доказыванию фактов совершения наркопреступлений и привлечения к уголовной ответственности владельцев сайтов – организаторов наркобизнеса [14, с. 436].

Значительные возможности для интеллектуального поиска имеет информация, размещенная участниками наркофорумов на развлекательных игровых порталах, TOR-сетях, а также социальных сетях: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook и др.

На таких форумах анонимно оговариваются способы передачи наркотиков, тактика поведения наркопотребителя либо сбытчика в случае задержания сотрудниками правоохранительных органов, широко обсуждаются различные лекарственные средства, обладающие свойствами, сходными с наркотическими, особенно, если они имеются в свободной продаже.

Одним из основных способов совершения наркопреступлений в настоящее время является бесконтактный сбыт наркотиков посредством использования интернет-сервисов [9, с. 68]. С этой целью используются возможности интернет-телефонии («Skype», WhatsApp) [3, с. 34]. Оплата за приобретение наркотиков осуществляется анонимно с использованием электронных платежных систем, посредством передачи «логина» и «пароля» от электронного кошелька, зарегистрированного на покупателя, сбытчику наркотика.

Высокие темпы развития современных информационных технологий позволяют организованной преступности «усовершенствовать» схемы сбыта наркотиков и разрабатывать новые способы легализации денежных средств [11, с. 158]. С использованием интернет-ресурсов реализуются различные платежные схемы для проведения взаиморасчетов между наркодилерами (банковские и почтовые переводы, переводы посредством электронных платежных систем, «онлайн-покупки», оформленные на подставных лиц, «выигрыши» на электронных торгах и др.) [12, с. 30].

Современные интернет-сервисы предоставляют возможность скрытной переписки с другими пользователями (например, в чатах онлайн-игр), а также заведения странички с вымышленными анкетными данными. Современные форумы, видео – и фотохостинги, почтовые сервисы,

[4] О системе информационного обеспечения подразделений Госавтоинспекции: приказ МВД России от 3 декабря 2007 г. № 1144.

[5] Об утверждении Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 2446-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2020).

сообщества для ведения блогов обладают практически всеми свойствами социальных сетей, при этом сохраняя собственные возможности контента. В качестве примеров можно привести крупнейший видео-хостинг Youtube, любую почтовую и поисковую систему, платформы для ведения блогов LiveJournal и Twitter, какой-либо популярный форум, например, Guns.ru.

Информационный поиск в социальных сетях с использованием технологии искусственного интеллекта направлен на решение следующих задач:

– обеспечение непрерывности и заданной глубины мониторинга образной и вербальной информации;

– анализ и оценка действий каждого выявленного лица и контактирующих с ним пользователей (общее количество постов и комментариев, среднее количество комментариев к одному посту, среднее количество комментариев на каждого участника группы);

– стабильность обсуждаемых тем, упоминание ключевых слов, уровень внимания (заинтересованность пользователей, получивших информацию о появлении в продаже нового наркотического средства);

– вовлеченность в активное обсуждение данной информации (например, распространение либо приобретение наркотика по специальной акции, бесплатное пользование «пробниками»);

– влияние (насколько лояльно выявленная группа относится к наркопотреблению);

– формирование и генерация отчетов на основании полученных данных и их анализа в режиме реального времени.

Для сокрытия истинных намерений, в целях противодействия выявлению совершаемых преступлений в сети Интернет сбытчики и потребители наркотиков и психотропных веществ в ходе общения используют жаргонную терминологию, принятую в употреблении узкого круга лиц, «посвященных в тему».

Так, при создании алгоритмов программного обеспечения для фильтрации контента в сетевом информационном пространстве следует учитывать, что в качестве условных обозначений марихуаны используются в том числе «клевер», «божья травка», «сено», «Мери Джейн»; гашиша – «опилки», «план», «дурь», «кенаф»; гашишного масла – «химка»; опия – «третьяк», «опиуха», «химканка», «симпляк», «кархан», «султыга», «чернь», «черняшка»; морфина – «марфута», «мария», «марьянка»; героина – «белый», «перец», «порох», «керья», «горыныч», «порошок»; метадона – «лошадка»; галлюциногенов – «мерседес», «слон», «велосипед»; кокаина – «кока», «кокс», «марафет»; эфедрона – «коктейль Джеф», «мулька», «космос» и т. д.

Распространены предложения «легальных курительных смесей, миксов, порошков»: Afghan Incence, AK-47, Avrora, Body&Mind, Coco, Crictolius, El Diablo, Indigo, JWN, Nirvana, Sexy Star+, Space Dust и др.

Проверке также должны подвергаться объявления о найме круглосуточными интернет-магазинами розничных курьеров, одновременно содержащие информацию об оплате товара в биткоинах (btc), а также предложения о переводе рублей в биткоины через QIWI-кошелек.

Раскрытие наркопреступлений (установление личности подозреваемого) на основании аналитических данных искусственного интеллекта возможно в два этапа: 1) запрос хостинг-провайдеру о предоставлении соответствующей информации об IP-адресе персонального компьютера и MAC-адресе используемого оборудования для последующего установления провайдера пользователя; 2) запрос провайдеру пользователя, который в свою очередь обладает сведениями о личности, в том числе паспортных данных абонента, об адресе точки доступа; копией договора-аферты на подключение доступа в сеть [2, с. 105].

Для раскрытия наркопреступления значимой будет информация, которая может быть получена по запросам владельцев следующих интернет-сайтов:

– социальная сеть: учетная запись, содержащая анкетные данные пользователя и дату регистрации, переписка пользователя (по судебному решению), дата и продолжительность пользования учетной записью, платежные операции;

– электронная почта: учетная запись, содержащая анкетные данные пользователя и дату регистрации, изменения учетной записи (смена пароля, изменения номера телефона и контрольного вопроса и др.), сеансы доступа к почтовому ящику, переписка пользователя по судебному решению.

В свою очередь, от операторов мобильной связи значимость представляют следующие сведения о мобильном устройстве подозреваемого в совершении наркопреступления [6, с. 126]: анкетные данные владельца сим-карты, данные других сим-карт, использовавшихся в мобильном телефоне, входящие и исходящие соединения, движение денежных средств по счету, индивидуальный номер устройства (IMEI). Позиционирование устройства с встроенными модулями геолокации позволяет установить посещенные места и маршруты передвижения пользователя; общие места пребывания нескольких пользователей.

Анализ контактов подозреваемого в совершении наркопреступления может осуществляться по следующим метрикам: наглядная демонстрация связей внутри группы; выявление соединений между владельцами мобильных устройств и их контактами; поиск общих контактов; построение диаграммы коммуникативной активности; определение наиболее исполь-

зуемых в тот или иной момент времени контактов; отображение контактов с определенным количеством связей; получение информации о каждом отображаемом контакте (предпочитаемый тип связи, первую и последнюю дату связи, общее время разговоров и количество принятых и отправленных сообщений) [7, с. 36].

В свою очередь задача автоматизации биометрической идентификации лиц может быть решена посредством внедрения единой габитоскопической автоматизированной системы на базе АПС «Портрет-Поиск», которая обладает широким спектром возможностей, в том числе по созданию и ведению баз данных произвольной структуры; графическому распознаванию по изображениям. Итоги тестирования указанной АПС показали высокую результативность поиска лиц по конкретным образцам с различными исходными параметрами (возрастные изменения, наличие или отсутствие усов, бороды, очков, повороты головы, различные условия съемки и т. д.). Кроме того, указанная система не критична к возможностям определения графического изображения лица, зрачков глаз и может осуществлять идентификационные поиски по другим антропометрическим точкам. Такая особенность позволяет проводить сравнение по фотографиям трупов и фотороботам разыскиваемых лиц [13, с. 209].

В развитие положений Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года можно заключить, что применение искусственного интеллекта, в том числе для решения поисковых задач по выявлению и раскрытию преступлений в сфере НОН, основано на анализе потоков больших данных. Обработка такой информации в отношении конкретного лица возможна в большинстве случаев при наличии соответствующих правовых оснований (конфиденциальность персональных данных), а нередко и при принятии судебных решений в случае ограничения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и др. Комплексный анализ такой информации потребует кратного повышения быстродействия вычислительной техники, что может быть реализовано посредством внедрения современных технологий, рассчитанных на выполнение миллионов вычислений одновременно, тем самым превосходя современные вычислительные системы по мощности в несколько раз.

Список литературы:

1. *Бульбачева А. А., Бунова И. И., Котяжов А. В.* Борьба с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров: состояние, оценка, прогноз (оперативно-розыскной аспект). М., 2019.
2. *Гаврилин Ю. В., Шмонин А. В.* Использование информации, полученной из сети Интернет, в расследовании преступлений экстремистской направленности // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49).
3. *Ильяшенко А. Н.* Противодействие легализации доходов, приобретенных преступным путем, совершаемой с использованием современных платежных инфраструктур // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86).
4. *Кубасова Н. В.* Деятельность МВД России по противодействию распространению пронаркотического контента в сети «Интернет» // Вестник ВИПК МВД России. 2019. № 1 (49).
5. *Ларина Е. С., Овчинский В. С.* Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М., 2018.
6. *Ляпичев В. Е., Рустамзода З. Р.* Об установлении субъекта преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49).

References:

1. *Bul'bacheva A. A., Bunova I. I., Kotyazhov A. V.* Bor'ba s nezakonnym oborotom narkoticheskih sredstv, psihotropnyh veshchestv i prekursorov: sostoyanie, ocenka, prognoz (operativno-rozysknoj aspekt). M., 2019.
2. *Gavrilin Yu. V., Shmonin A. V.* Use of Information Obtained from the Internet in the Extremist Crimes' Investigation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 1 (49).
3. *Il'yashenko A. N.* Counteraction against legalization of income acquired by the criminal way committed with the use of modern payment infrastructures // Bulletin of Ufa Law Institute. 2019. № 4 (86).
4. *Kubasova N. V.* Activity of the ministry of internal affairs of russia on counteraction to distribution of pro-drug content on the internet // Bulleten of the All-Russian Advanced Training Institute. 2019. № 1 (49).
5. *Larina E. S., Ovchinskij V. S.* Iskusstvennyj intellekt. Bol'shie dannye. Prestupnost'. M., 2018.
6. *Lyapichev V. E., Rustamzoda Z. R.* On identifying the subject of a crime related to illicit drugs and psychotropic substances traffic // Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the interior of Russia. 2019. № 2 (49).
7. *Makeeva N. V.* Dokumentirovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti i ih

7. *Макеева Н. В.* Документирование результатов оперативно-розыскной деятельности и их использование как повод и основание для возбуждения уголовного дела о незаконном сбыте наркотических средств бесконтактным способом с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5.
8. *Осипенко А. Л.* Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75).
9. *Петухов А. Ю., Куликов К. С.* Проблемы противодействия использованию компьютерных технологий в незаконном обороте наркотиков // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 1 (47).
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.04.2020).
11. *Родичев М. Л., Семёнов М. В., Шахматов А. В.* Выявление легализации наркодоходов оперативными подразделениями МВД России: современное состояние и основные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84).
12. *Русскевич Е. А.* О некоторых аспектах квалификации соучастия в преступлениях в сфере компьютерной информации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (57).
13. *Свистильников А. Б.* Некоторые вопросы внедрения на объектах транспортной инфраструктуры автоматизированных информационно-поисковых систем идентифицирующих личность различных категорий разыскиваемых преступников, в том числе причастных к террористической деятельности: сб. трудов XXV Всерос. науч. конф. «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов» (Москва, 7 июня 2016 г.). М., 2016.
14. *Щербаков М. Г.* Правовые запреты и ограничения в области исследований искусственного интеллекта // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 4 (38).

ispol'zovanie kak povod i osnovanie dlya vozbuzhdeniya ugolovnogo dela o nezakonnom sbyte narkoticheskih sredstv beskontaktnym sposobom s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 5.
8. *Osipenko A. L.* Crime Detection in an Information Society: Adaptation to the Conditions of Digital Reality // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia. 2019. № 4 (75).
9. *Petuhov A. Yu., Kulikov K. S.* Problemy protivodejstviya ispol'zovaniyu komp'yuternyh tekhnologij v nezakonnom oborote narkotikov // Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA. 2020. № 1 (47).
10. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii 1 marta 2018 g. Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 19.04.2020).
11. *Rodichev M. L., Semyonov M. V., Shahmatov A. V.* Detection of legalization of drug proceeds by operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia: current state and main problems // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 4 (84).
12. *Russkevich E. A.* O nekotoryh aspektah kvalifikacii souchastiya v prestupleniyah v sfere komp'yuternoj informacii // Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 3 (57).
13. *Svistil'nikov A. B.* Nekotorye voprosy vnedreniya na ob"ektah transportnoj infrastruktury avtomatizirovannyh informacionno-poiskovyh sistem identificiruyushchih lichnost' razlichnyh kategorij razyskivaemyh prestupnikov, v tom chisle prichastnyh k terroristicheskoj deyatel'nosti: sb. trudov XXV Vseros. nauch. konf. «Informatizaciya i informacionnaya bezopasnost' pravoohranitel'nyh organov» (Moskva, 7 iyunya 2016 g.). M., 2016.
14. *Shcherbakov M. G.* Legal Prohibitions and Limitations in Artificial Intelligence Research // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. № 4 (38).

Для цитирования:

Дульцев Михаил Викторович, Котяжов Андрей Валерьевич. Актуальные вопросы информационно-аналитического обеспечения выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 45–52.

For citation:

Dul'cev Mihail Viktorovich, Kotyazhov Andrej Valer'evich. Current issues of information and analytical support for detecting and solving crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 45–52.

РОМАН ВАСИЛЬЕВИЧ ПАВЛЕНКОВ,
начальник Уральского
юридического института МВД России,
кандидат экономических наук, доцент
Российская Федерация, 620057,
г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66
E-mail: ural-yui@mvd.ru

РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ДЕРЮГИН,
заместитель начальника кафедры
криминалистики, кандидат юридических наук
Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057,
г. Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66
E-mail: deryugin.r.a@mail.ru

Научная специальность:
12.00.11 – судебная деятельность,
прокурорская деятельность, правозащитная
и правоохранительная деятельность.

УДК 37.091.3

Дата поступления: 24 сентября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

ROMAN VASIL'EVICH PAVLENKOV,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Ural Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Russian Federation, 620057, Ekaterinburg,
Korepina St., 66
E-mail: ural-yui@mvd.ru

ROMAN ALEKSANDROVICH DERYUGIN,
Candidate of Law, Deputy Head
of the Department of Criminalistics
Ural Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Russian Federation, 620057, Ekaterinburg,
Korepina St., 66
E-mail: deryugin.r.a@mail.ru

Scientific specialty:
12.00.11 – Judicial Activity,
Prosecutor's Activity,
Human Rights and Law Enforcement Activities.

Реализация практико-ориентированной модели обучения с использованием учебной передвижной криминалистической лаборатории (УПКЛ-2019) как учебно-полигонного центра

Implementation of a Practice-Oriented Training Model Using the Mobile Forensic Laboratory (MFL-2019) as a Training Ground Center

Аннотация

Актуальность использования передвижных криминалистических лабораторий в организации образовательного процесса обусловлена необходимостью реализации практико-ориентированного подхода в процессе обучения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, а также внедрения современных педагогических технологий в систему подготовки кадров для МВД России.

Постановка проблемы: качество подготовки специалистов в целях реализации основных функций органов внутренних дел Российской Федерации зависит от наличия в конкретной образовательной организации модели обучения, адаптированной к современным условиям жизнедеятельности общества. Применение учебной передвижной криминалистической лаборатории становится необходимой предпо-

Annotation

The relevance of using mobile forensic laboratories in the organization of the educational process is due to the need to implement a practice-oriented approach in the training of employees of the internal Affairs bodies of the Russian Federation, as well as the introduction of modern pedagogical technologies in the training system for the Ministry of internal Affairs of Russia.

The problem statement: the quality of training of specialists in order to implement the main functions of the internal Affairs bodies of the Russian Federation depends on the availability of a specific educational organization training model adapted to modern conditions of society. The use of a mobile forensic laboratory becomes a necessary prerequisite for the development of private methods of conducting training sessions, an obligatory element of which is the work of students in conditions

сылкой к разработке частных методик проведения учебных занятий, обязательным элементом которых является работа обучающихся в условиях, максимально приближенных к реальным.

Цель исследования: обосновать необходимость применения передвижных криминалистических лабораторий в организации образовательного процесса, продемонстрировать достигнутые положительные результаты качества подготовки обучающихся.

Методы исследования: моделирование, анализ полученных данных.

Результаты и ключевые выводы: применение частной методики использования криминалистической лаборатории как учебно-полигонного центра в образовательном процессе Уральского юридического института МВД России позволило достичь следующих результатов:

– повысить уровень подготовки обучающихся по формированию, закреплению, развитию практических умений и навыков, необходимых для сотрудников органов внутренних дел, за счет отработки нестандартных ситуаций и моделирования алгоритмов действий участников следственно-оперативной группы;

– обеспечить формирование соответствующих профессиональных компетенций только на базовом и продвинутом уровнях;

– сформировать в процессе обучения сознательное отношение к выполнению профессиональных обязанностей, повысить уровень мотивации к изучению учебных дисциплин и занятию научно-исследовательской деятельностью.

Ключевые слова: *криминалистическая лаборатория; практико-ориентированная модель; учебно-полигонный центр; педагогические технологии; профессиональное образование; методика обучения; образовательный процесс.*

as close as possible to real ones.

The purpose of the study: to justify the need to use mobile forensic laboratories in the organization of the educational process, to demonstrate the achieved positive results of the quality of training of students.

The research methods: modeling, analysis of the obtained data. Results and key conclusions: the use of a private method of using the forensic laboratory as a training ground center in the educational process of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia allowed us to achieve the following results:

– to increase the level of training of students in the formation, consolidation, development of practical skills necessary for employees of internal Affairs bodies, by working out non-standard situations and modeling algorithms for the actions of participants in the investigative task force;

– ensure the formation of relevant professional competencies only at the basic and advanced levels;

– to form a conscious attitude to the performance of professional duties in the course of training, to increase the level of motivation to study academic disciplines and engage in research activities.

Keywords: *forensic laboratory; practice-oriented model; training ground center; pedagogical technologies; professional education; teaching methods; educational process.*

Стремительная динамика развития всех сфер жизнедеятельности общества диктует необходимость своевременной подготовки специалистов, способных оперативно и качественно выполнять свои профессиональные обязанности. Так, в Указе от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Президент Российской Федерации В. В. Путин в качестве одной из приоритетных задач, требующей решения в сфере образования, обозначил модернизацию профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ[1].

Основным средством решения поставленной задачи является использование современных педагогических технологий, преимущество которых заключается в том, что они основаны не на простом пассивном восприятии обучающимися информации, а на активном вовлечении их в образовательный процесс. Главная цель инновационных педагогических технологий заключается в ориентации обучающегося на индивидуальное профессионально-творческое развитие.

Система ведомственного профессионального образования, отвечая современным требованиям, претерпевает качественные изменения в вопросах профессиональной подготовки кадров в системе МВД России.

[1] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // СЗ РФ. 20018. № 20. Ст. 2817.

Развитие многоуровневой практико-ориентированной системы непрерывного профессионального образования, а также обеспечение инновационного характера являются приоритетными задачами в области профессиональной подготовки кадров в Министерстве внутренних дел. Одним из направлений обеспечения инновационного характера профессионального образования является создание материально-технической базы, необходимой для внедрения новых образовательных технологий, инновационных моделей и актуального содержания образования, комплексной модернизации технической базы образовательных учреждений. Данный ресурс востребован для использования в образовательном процессе современных информационных и коммуникационных технологий, электронных образовательных ресурсов и пособий, обеспечения профессорско-преподавательскому составу и обучающимся эффективного доступа к источникам информации в области науки и техники.

Примером образовательной организации системы МВД России, отвечающей современным требованиям подготовки кадров в системе МВД России, является Уральский юридический институт МВД России (далее УрЮИ МВД России), в котором разработана и внедрена частная методика использования криминалистической лаборатории как учебно-полигонного центра. Применение данной методики в образовательном процессе позволяет подготовить высококвалифицированных специалистов, обладающих необходимым перечнем сформированных профессиональных компетенций, в числе которых способность использовать в целях установления объективной истины по конкретным уголовным делам технико-криминалистические методы и средства, тактические приемы производства следственных действий[2].

В качестве материально-технического обеспечения реализации вышеуказанной методики на базе автобуса ПАЗ 32053-50 спроектирована и оборудована учебная передвижная криминалистическая лаборатория (УПКЛ-2019) [2], которая оснащена современными технико-криминалистическими средствами по обнаружению, изъятию и фиксации следов преступления.

УПКЛ-2019 адаптирована для работы в особых географических условиях труднодоступной и удаленной местности, при экстремальных погодных условиях и колебаниях температур от – 450 С до +450 С.

Конструктивные особенности элементов внутреннего оснащения салона обеспечивают эффективную работу обучающихся на смоделированном месте происшествия, обстановка которого максимально приближена к реальным условиям работы участников следственно-оперативной группы.

Как указывалось ранее, основная цель представленной частной методики заключается в приобретении и отработке обучающимися навыков по работе со следами, обнаруженными на месте происшествия, а также по их предварительному исследованию, что способствует организации раскрытия преступления по горячим следам. Для ее достижения в процессе разработки учебной передвижной криминалистической лаборатории реализованы уникальные конструкторно-технологические решения (рис. 1).

[2] Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности (уровень специалитета): приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2016 г. № 1614 // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: http://fgosvo.ru (дата обращения: 22.05.2020);

Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета): приказ Министерства образования и науки РФ от 16 ноября 2016 г. № 1424 // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. URL: http://fgosvo.ru (дата обращения: 22.05.2020).

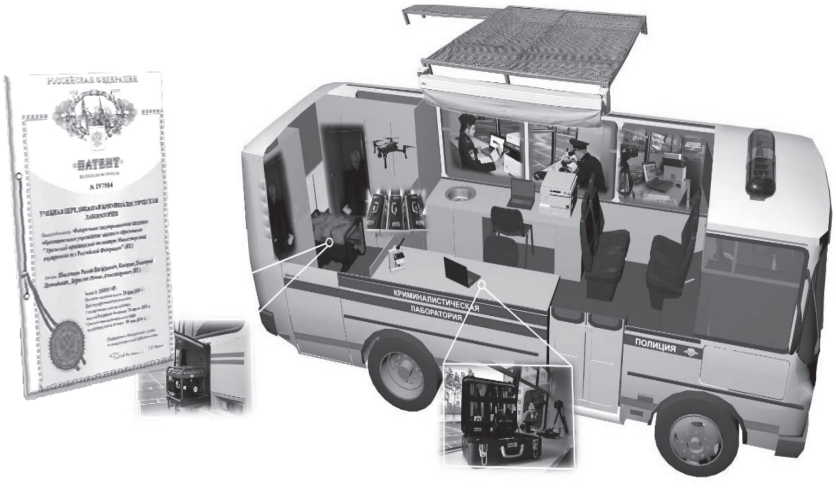

Рисунок 1. Схема расположения оборудования и основных элементов конструкции УПКЛ-2019

УПКЛ-2019 укомплектована наборами специального, вспомогательного оборудования и инструментами. Комплект оборудования включает современные экспертно-криминалистические чемоданы («Унифицированный», «Следователь», «Стигат», «Комплект изъятия объемных следов»), фотоаппаратуру, дактилоскопические порошки и кисти, упаковочный материал, осветительные приборы, микроскоп, медикаменты и предметы для оказания первой помощи.

Комфортные условия работы обеспечиваются наличием пассажирского салона на девять посадочных мест, два из которых оборудованы для работы с изъятыми следами. Конструктивные особенности автобуса ПАЗ-32053-50, в частности, размещение системы отопления и вентиляции салона, обусловили необходимость монтажа последних в корпус рабочих мест. Таким образом, для указанных элементов были вырезаны и смонтированы специальные короба из ЛДСП, которые оставляют возможность их штатного функционирования и при этом декоративно закрыты в корпусе тумб рабочих мест. Вместе с тем тумбы рабочих мест являются опорой для столешниц и перегородки между салоном и технической частью, а также закрывают колесные арки шасси лаборатории.

Размер рабочей поверхности столов позволил разместить на них два ноутбука с набором специального программного обеспечения, многофункциональное устройство, сочетающее в себе функции принтера, сканера, копировального модуля, микроскоп. Таким образом, обучающийся, выполняющий роль специалиста, может оперативно составить фототаблицу к протоколу осмотра места происшествия, субъективный портрет лица, которого описывает потерпевший или свидетель, предварительно исследовать обнаруженные следы. Добавим, что в передней части салона установлен smart-телевизор с возможностью передачи изображения с камеры квадрокоптера в режиме онлайн, что позволяет качественно оценить оперативную обстановку, определить границы места происшествия, осуществить поиск следов преступления и проанализировать пути отхода и подхода преступников, а также организовать тактическую операцию по задержанию преступника по горячим следам. Кроме того, на телевизор можно вывести изображения с экрана ноутбука и продемонстрировать другим участникам осмотра необходимую информацию, например, увеличенное и обработанное фото с места происшествия, составленный фоторобот или результаты предварительного исследования.

Оптимальное использование возможностей криминалистической фотографии, правильной фиксации обстановки и расположения следов преступления, а также предотвращение их утраты обеспечивается наличием в конструкции учебной передвижной криминалистической лаборатории смотровой площадки, расположенной на крыше, доступ на которую осуществляется при помощи лестницы. Конструкция включает в себя площадку размерами 2 460х3 200 мм, выполненную из профильной трубы 4 мм (40х40 мм), металлической сетки 1,6х1,6 мм (1,5х2 мм), и лестницу 400х2 300 мм, выполненную из профильной трубы 4 мм (20х40 мм и 40х40 мм). Внешняя часть площадки покрыта металлической сеткой 1,5х2 мм. С правой стороны на боковой стенке смотровой площадки размещена выдвижная локтевая маркиза, которая служит для защиты при проведении работ на открытом воздухе от атмосферных осадков и солнечных лучей.

Работа в особых географических условиях требует наличия дополнительного источника питания для функционирования криминалистической и специальной техники, оборудованной в лаборатории, на протяжении всего следственного действия. В этих целях УПКЛ-2019 оснащена генератором автономного питания (3,5 кВт), который установлен на выдвижной платформе 600х550х80 мм. Платформа выдерживает вес генератора 39 кг с полным баком бензина (+15 л.) и моторного масла (+0,5 л.) и обеспечивает полный выкат генератора из багажного отсека на улицу. Данная функция способствует уменьшению шума и обеспечивает изоляцию выхлопных газов и запаха бензина в салоне учебной передвижной криминалистической лаборатории. Бензиновый генератор является компактной автономной силовой установкой и установлен в целях бесперебойной работы техники в любых погодных условиях. Помимо обеспечения электричеством 220 Вт всей техники, установленной в салоне, от генератора одновременно работают переносной и стационарно установленный на кузове светодиодные прожекторы, мощностью 100 Вт.

Дополнительное освещение – очень важный элемент конструкции, обеспечивающий качественный осмотр места происшествия даже в условиях ограниченной видимости и в темное время суток.

Для соблюдения правил по работе со следами преступления на месте происшествия в УПКЛ-2019 оборудовано рабочее место, которое представляет собой функциональный и удобный гибрид мойки и стола. Мойка оборудована электрическим краном со встроенной аккумуляторной батареей и системой подачи и слива воды. Вода необходима для добавления в химические растворы, проведения смывов на месте происшествия, очистки объектов от грязи или пыли, удаления красящего вещества с рук после дактилоскопирования и т. п.

Помимо оборудования учебной передвижной криминалистической лаборатории функциональными рабочими местами, в конструкции салона рационально, с учетом общей площади, оборудованы места для хранения криминалистической и специальной техники. Каждый шкаф спроектирован с учетом габаритов и назначения конкретного предмета (выдвижные шкафы – для криминалистических чемоданов, выдвижной ящик (полка) – для квадрокоптера, отдельно стоящий шкаф – для манекена, встроенный шкаф – для манекена и одежды). Все элементы мебели закреплены между собой, к полу, стенам и крыше внутри салона, обеспечивая целостность и устойчивость конструкции при передвижении (рис. 2).

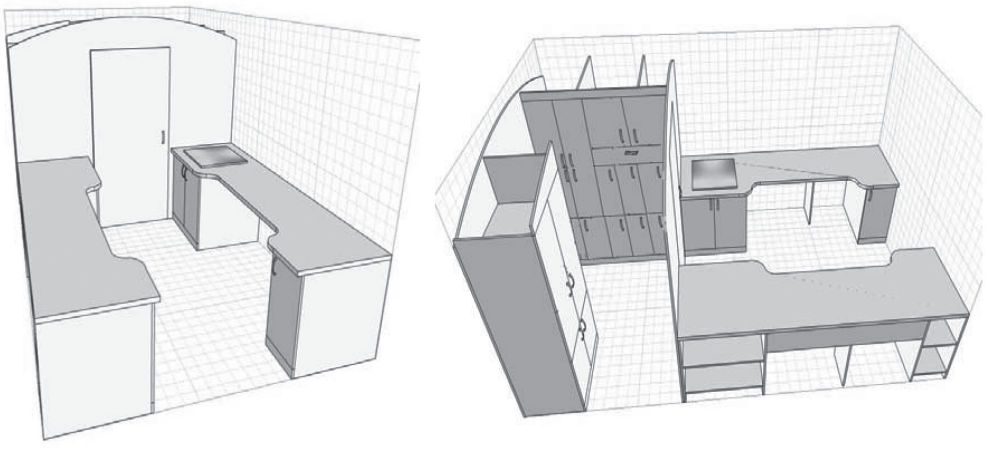

Рисунок 2. Схема расположения мебели в салоне УПКЛ-2019

В настоящее время учебная передвижная криминалистическая лаборатория активно используется при проведении практических занятий по следующим дисциплинам: «Криминалистика», «Методика расследования отдельных видов преступлений», «Практикум по проведению следственных действий», «Расследование дорожно-транспортных преступлений» и др. Продуманные технологические решения, оснащение, мобильность лаборатории позволяют преподавателю провести занятие на высоком организационном и методическом уровне, индивидуализировать смоделированные следственные ситуаций и обстановку практически любого места происшествия для каждого обучающегося или малого коллектива в группах обучающихся. Например, практическое задание может представлять собой описание конкретной ситуации (фабулы), для разрешения которой необходимо определить состав участников следственного действия (сформировать следственно-оперативную группу (далее – СОГ)), выбрать научно-технические средства и тактические приемы его проведения, самостоятельно провести следственное действие на имитируемом месте происшествия с выездом СОГ на учебной передвижной криминалистической лаборатории. Прибывая на заранее подготовленное преподавателем место происшествия, обучающиеся, выполняя роли участников СОГ, анализируют и фиксируют обстановку места происшествия, обнаруживают, фиксируют и изымают следы преступления, составляют необходимые процессуальные документы, получают образцы для сравнительного исследования и проводят предварительные криминалистические исследования [1, с. 17]. Добавим, что значительным преимуществом таких занятий является возможность их проведения за территорией института, в лесном массиве, на пересеченной местности, в городских условиях, в парковой зоне, независимо от погоды и времени года.

Частная методика использования криминалистической лаборатории как учебно-полигонного центра активно используется в образовательном процессе Уральского юридического института МВД России при проведении занятий семинарского типа, в основном по дисциплинам, обеспечиваемым кафедрой криминалистики. Системный анализ качества подготовки обучающихся позволяет сделать вывод об эффективности применяемой методики [3, с. 120]. Так, с началом применения частной методики использования УПКЛ-2019 как учебно-полигонного центра в группах по соответствующим дисциплинам и темам занятий не только снизилось количество неуспевающих, но и стабильно прослеживались увеличение успеваемости, а также увеличение доли обучающихся, освоивших навыки по обнаружению, фиксации, изъятию следов преступления в различных практических ситуациях, в том числе и во взаимодействии в составе СОГ (рис. 3).

Рисунок 3. Показатели успеваемости обучающихся.
(Для наглядности динамики показателей успеваемости обучающиеся разделены на группы 1, 2 и 3. Показатели среднего балла рассчитаны по итогам трех периодов времени: с сентября по октябрь 2019 г.; с ноября по декабрь 2019 г.; с января по март 2020 г.).

Таким образом, достигнут качественно положительный педагогический эффект, позволяющий оценить деятельность обучающихся главным образом в роли участников СОГ, их способности к планированию, организации совместной работы, приобретению навыков коллективного принятия решения. Использование материалов реальных уголовных дел позволяет смоделировать практическую ситуацию, максимально приближенную к предстоящей профессиональной деятельности, а навыки, формируемые в процессе проведения занятия, необходимы обучающимся в дальнейшей профессиональной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Важно отметить, что использование учебной передвижной криминалистической лаборатории при проведении занятий способствует не только формированию профессиональных компетенций в области правоприменительной деятельности, а также стимулирует обучающихся к занятию научно-исследовательской деятельностью, мотивирует на изучение иных дисциплин профессионального цикла, развивает творческое мышление и способность к самостоятельному поиску решений поставленной задачи.

Принимая во внимание специфику деятельности образовательных организаций системы МВД России, следует указать на важность их научного, методического и материально-технического обеспечения. При этом отметим, что в научной литературе возможности использования специального транспорта, в частности передвижных криминалистических лабораторий, для повышения качества образовательного процесса в вузах системы МВД России не нашли достаточного отражения. Данное обстоятельство, а также потребности практики органов внутренних дел свидетельствуют об актуальности, практическом значении и необходимости развития данного направления в системе образовательных организаций МВД России.

На примере положительного опыта Уральского юридического института МВД России можно с уверенностью полагать, что использование в образовательном процессе учебных передвижных криминалистических лабораторий оправданно и перспективно. Полагаем, что проделанная работа может послужить вектором для совершенствования деятельности не только образовательных организаций МВД России, но и других высших учебных заведений юридического профиля.

Список литературы:

1. *Дерюгин Р.А.* Использование передвижной криминалистической лаборатории в организации образовательного процесса: сборник по итогам межведомствен-

References:

1. *Deryugin R.A.* Ispol'zovanie peredvizhnoj kriminalisticheskoj laboratorii v organizacii obrazovatel'nogo processa: sbornik po itogam mezhvedomstvennoj nauch.-prakt. konf.

ной науч.-практ. конф. «СПЕЦ-поисково-досмотровая и криминалистическая техника». М., 2019.
2. Коллектив кафедры криминалистики Уральского юридического института МВД России презентовал учебную передвижную криминалистическую лабораторию. URL: https://xn—h1api9b.xn—b1aew.xn—p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/18604832 (дата обращения: 01.09.2020).
3. Частная методика использования криминалистической лаборатории как учебно-полигонного центра // Инновационные образовательные технологии в образовательных организациях МВД России. Информационный бюллетень. 2019. № 1.

«SPEC-poiskovo-dosmotrovaya i kriminalisticheskaya tekhnika». M., 2019.
2. Kollektiv kafedry kriminalistiki Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii prezentoval uchebnuyu peredvizhnuyu kriminalisticheskuyu laboratoriyu. URL: https://xn—h1api9b.xn—b1aew.xn—p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/18604832 (data obrashcheniya: 01.09.2020).
3. Chastnaya metodika ispol'zovaniya kriminalisticheskoj laboratorii kak uchebno-poligonnogo centra // Innovacionnye obrazovatel'nye tekhnologii v obrazovatel'nyh organizaciyah MVD Rossii. Informacionnyj byulleten'. 2019. № 1.

Для цитирования:

Роман Васильевич Павленков, Роман Александрович Дерюгин. Реализация практико-ориентированной модели обучения с использованием учебной передвижной криминалистической лаборатории (УПКЛ-2019) как учебно-полигонного центра. 2020. № 4 (56). С. 53–59.

For citation:

Roman Vasil'evich Pavlenkov, Roman Aleksandrovich Deryugin. Implementation of a practice-oriented training model using the mobile forensic laboratory (MFL-2019) as a training ground center // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 53–59.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
и уголовный процесс

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬЮХОВ,
доцент кафедры уголовного права
и уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Смоленский государственный университет
Российская Федерация, 214000, г. Смоленск,
ул. Пржевальского д. 4
E-mail: alexsmol672019@yandex.ru

ALEKSEJ ALEKSANDROVICH IL'YUHOV,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal
Law and Criminal Procedure
Russian Federation, 214000, Smolensk,
Przhevalskogo St., 4
E-mail: alexsmol672019@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.09 — уголовный процесс.

Scientific specialty:
12.00.09 — Criminal Procrdure.

УДК 342.56

Дата поступления: 2 марта 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Апелляционные и кассационные инстанции в рамках современной судебной реформы: правовые и организационные вопросы

Appeal and Cassation Instances in the Framework of Modern Judicial Reform: Legal and Organizational Issues

Аннотация

Актуальность: о необходимости совершенствования существовавшего в российском законодательстве механизма проверки судебных актов, ввиду совмещения различных функций одной и той же судебной инстанцией, указывалось в замечаниях к организации российского судопроизводства в Промежуточной Резолюции Комитета Министров Совета Европы ResDH (2006). О целесообразности создания самостоятельных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции свидетельствует опыт дореволюционного российского законодательного регулирования процедуры проверки судебных решений.

Цель: изучение механизма проверки судебных решений в апелляционном и кассационном порядке в целях их совершенствования.

Методы: анализ, обобщение, сравнение, описание, системный анализ.

Выводы: проводимое с 2018 г. реформирование в сфере судопроизводства и структурное

Annotation

The relevance: the need to improve the existing mechanism for checking judicial acts in Russian legislation, due to the combination of different functions of the same court, was indicated in the comments on the organization of Russian legal proceedings in the interim resolution of the Committee of Ministers of the Council of Europe ResDH (2006). The expediency of creating independent cassation and appeal courts of General jurisdiction is evidenced by the experience of pre-revolutionary Russian legislative regulation of the procedure for verifying court decisions.

The purpose of the study: to study the mechanism of verification of court decisions in the appeal and cassation procedure in order to improve them. Methods: analysis, generalization, comparison, description, system analysis.

The conclusions: the ongoing reform in the field of judicial proceedings since 2018 and the structural allocation of independent cassation and appeal courts in the subsystem of courts of

выделение в подсистеме судов общей юрисдикции самостоятельных кассационных и апелляционных судов усовершенствовало ранее существовавшую процедуру проверки судебных решений. Вместе с тем механизм проверки судебных решений, вступивших в законную силу, должен получить дальнейшее конституционно-правовое развитие, воплотив в жизнь основополагающие конституционные принципы судопроизводства, повысив эффективность проверки судебных решений и реальность восстановления нарушенных прав и свобод.

Ключевые слова: *уголовный процесс; апелляционное и кассационное производство; судебная реформа.*

General jurisdiction have improved the previously existing procedure for verifying court decisions. At the same time, the mechanism for checking court decisions that have entered into legal force should be further developed by implementing the fundamental constitutional principles of judicial proceedings, increasing the effectiveness of checking court decisions and the reality of restoring violated rights and freedoms.

Keywords: *criminal procedure; appeal and cassation proceedings; judicial reform.*

В связи со вступлением в силу Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»[1] с 1 октября 2019 г. (по мере формирования) начали функционировать пять апелляционных и девять кассационных судов общей юрисдикции и по одному апелляционному и кассационному военному суду на территории судебных округов, охватывающих ряд субъектов Российской Федерации.

До указанной судебной реформы суды республиканского (областного) уровня в соответствии с предоставленными им полномочиями рассматривали уголовные дела по первой инстанции (ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)); проверяли промежуточные судебные решения, постановленные этими же судами при рассмотрении уголовного дела по первой инстанции (ст. 389.2, 389.3 УПК РФ); проверяли решения районных и соответствующих им судов в порядке апелляционного производства (ст. 389.3 УПК РФ); проверяли апелляционные постановления и определения, а также промежуточные судебные решения республиканских (областных) и приравненных к ним судов при рассмотрении уголовного дела по первой инстанции (ст. 401.3 УПК РФ).

Таким образом, в судах одного уровня существовало три инстанции, одна из которых была наделена полномочиями по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции, другая – по проверке судебных решений в обычном апелляционном порядке, а третья инстанция в порядке кассации проверяла правосудность судебных актов, принятых двумя предыдущими инстанциями. Однако многочисленность судебных инстанций, обладающих полномочиями по проверке судебных актов, не гарантировала эффективного, справедливого, независимого и беспристрастного правосудия, а только создавала иллюзию обеспечения конституционной гарантии исправления судебной ошибки, а также реализации конституционного права на судебную защиту.

В целом же существующая российская модель кассационного порядка проверки судебных актов не соответствовала п. 1, подп. «d» п. 3, п. 5 ст. 14 положений Международного пакта о гражданских и политических правах[2] и п. 1, подп. «c» п. 3 ст. 6, п. 1 ст. 2 Протокола № 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[3], в которых отмечалась необходимость законодательного обеспечения обвиняемому (осужденному) возможностей для реализации защиты своих прав и интересов при рассмотрении дела в суде второй инстанции.

Несовершенство процедуры проверки судебных актов в российском уголовно-процессуальном законе отмечается и в Промежуточной Резолюции Комитета Министров Совета Европы

[1] О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: федер. конституционного закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 1357.

[2] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс]. URL: http:// www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 27.09.2019).

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) с изм. от 13 мая 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www/echr/coe.int/Document/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 24.06.2019).

ResDH (2006)[4], где обращается внимание на совмещение различных функций одной и той же судебной инстанцией. В данном случае беспокойство вызывает тот факт, что на региональном уровне часто один и тот же суд действует последовательно как кассационная, так и надзорная инстанция по одному и тому же уголовному делу.

Европейский суд по правам человека, рассматривая уголовные дела и выявляя нарушения международных обязательств, также выявлял и дефекты российской внутригосударственной системы защиты прав и свобод человека и в ряде решений указал на необходимость соблюдения процедуры проверки судебных решений независимым и беспристрастным судом.

Так, в постановлении от 24 июля 2003 г. по делу «Рябых против России» Европейский суд по правам человека, давая правовую оценку процедуры проверки судебного решения, указал на то, что пересмотр уголовного дела должен осуществляться для исправления судебных ошибок вышестоящим судом [12, с. 110–119].

Позже Европейский суд в своих решениях по делу «Праведная против России» от 2 ноября 2006 г. и по делу «Нелюбин против России» разъяснил, что право на справедливое судебное разбирательство судом предполагает, в частности, и исправление вышестоящими судами, пересматривающими судебные решения, судебных ошибок, неправильного отправления правосудия (фундаментальных нарушений) [11, с. 47, 76–83].

Положения ст. 45, ч. 3 ст. 50, п. «о» ст. 71 и ч. 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации устанавливают, что решение суда не может быть пересмотрено той же судебной структурой, в которой постановлено судебное решение, и таким судом должен выступать вышестоящий суд. В него не могут входить ни судьи, вынесшие оспариваемое судебное решение, ни судьи того суда или того же уровня, что вытекает из смысла самого понятия вышестоящего суда.

Конституционный суд РФ, осуществляя толкование вышеприведенных конституционных установлений и одновременно обращая внимание законодателя на необходимость обеспечения конституционных гарантий судебной защиты, в своих решениях указал, что конституционное право на судебную защиту предполагает и определенные законодательные гарантии восстановления в правах путем пересмотра ошибочного судебного акта. Реализация данного права позволит осуществить правосудие, обеспечив справедливость, а при отсутствии этого гражданин лишается возможности на судебную защиту[5], что требует от законодателя в ходе установления порядка осуществления правосудия предусмотреть правовой механизм (процедуру) исправления судебных ошибок[6].

В противном случае заинтересованные лица ограничиваются в праве на защиту своих прав и законных интересов всеми способами, не запрещенными законом, и на исправление возможных судебных ошибок, допущенных при постановлении решения, что также препятствует реализации требований Конституции Российской Федерации об обеспечении прав и свобод человека и гражданина в ходе осуществления правосудия[7].

Своими разъяснениями Конституционный суд РФ отметил неразрывную связь права граждан на судебную защиту с их правом на обжалование судебных актов судами вышестоящих инстанций и в то же время пришел к выводу, что отсутствие возможности исправления судебной ошибки ведет к ограничению конституционного права граждан на судебную защиту.

Разъяснения Конституционного суда явились поводом для совершенствования ранее существующей процедуры обжалования судебных решений в Российской Федерации, для образования самостоятельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, на что указывают судебные решения, которые нарушают конституционные гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в ходе реализации судами процессуальной процедуры, не соответствующей конвенционным критериям справедливого судебного разбирательства и конституционным принципам правосудия.

Следствием несовершенства процедуры проверки судебных актов стало проведение в Российской Федерации в 2018 г. реформы судопроизводства, которая внесла ряд корректировок в нормативное регулирование указанной процедуры, приведя к созданию отдельных апелляционных и кассационных инстанций. Такого рода структурные изменения совершенствовали правовой механизм пересмотра судебных решений, обеспечив независимость данных судов

[4] О нарушении принципа правовой определенности надзорным производством в гражданском процессе в Российской Федерации: промежуточная резолюция ResDH (2006) [Электронный ресурс]. URL: http://www/echr/coe.int/Document/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 24.06.2019).

[5] По делу о проверке конституционности части 2 статьи 266 и пункта 3 части 1 статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука: постановление Конституционного суда РФ от 28 мая 1999 г. № 9-П // Вестник Конституционного суда РФ. 1999. № 5.

[6] По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса РФ: постановление Конституционного суда РФ от 3 февраля 1998 г. № 5-П // Вестник Конституционного суда РФ. 1998. № 3.

[7] По жалобе ООО «Мемфис Дивижн» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 185 Арбитражного процессуального кодекса РФ: определение Конституционного суда РФ от 1 января 2000 г. № 3-О // Вестник Конституционного суда РФ. 2000. № 3.

и реализовав требования ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод касаемо обеспечения справедливого правосудия.

Анализируя данную реформу, некоторые авторы полагают, что ее целью явилось усиление независимости и самостоятельности судебной власти от региональных властей, местных правоохранительных органов, с которыми суды не желали конфликтовать, а введение судебных округов обеспечило их беспристрастность и свободу от всякого рода воздействий и манипуляций со стороны заинтересованных лиц [6, с. 134; 2, с. 74]. Другие полагают, что такого рода судебная реформа уменьшила нагрузку на суды субъектов Российской Федерации, так как изъяла из их юрисдикции рассмотрение уголовных дел и материалов по кассационным представлениям и жалобам на решения судов, вступившие в законную силу, и промежуточные судебные решения, которые постановлены этими судами при рассмотрении уголовных дел и материалов по первой инстанции [9].

Аналогичного мнения придерживается и Председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев, отметивший, что указанная судебная реформа вследствие введения межрегионального функционирования судов уменьшила возможное давление на них со стороны администрации субъектов страны. Причем, подчеркнул он, «такое разделение исключит «двойное» обжалование в одной и той же судебной инстанции, а в настоящий момент в областной и равный ему суд обжалуются решения районных судов и затем в кассационном порядке обжалуют в тот же суд. Да, инстанции разные, но суд-то – один коллектив. Поэтому резонно каждую инстанцию разделить, чтобы она была самостоятельной» [13].

Отчасти можно согласиться с утверждением указанных авторов, что судебная реформа повысит уровень независимости и самостоятельности судебной власти, в том числе и от региональных властей, ввиду отсутствия апелляционных и кассационных судов в одном и том же субъекте Российской Федерации, одновременно снизив нагрузку на суды субъектов Российской Федерации. Вместе с тем представляется, что истинной целью этой судебной реформы выступает возможность наделения апелляционных и кассационных судов статусом вышестоящей судебной инстанции по отношению к судам республиканского (областного) уровня.

Создание структурно самостоятельных кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов обеспечило закрепленное в ч. 3 ст. 50 Конституции право на пересмотр судебного решения именно вышестоящей судебной инстанцией, которую следует рассматривать как гарантию реализации конституционного права на судебную защиту.

Закрепленное в ч. 3 ст. 50 Конституции право осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом корреспондирует с п. 5 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: у каждого, кто осужден за преступление, есть право на то, «чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону». Данное право, будучи неотъемлемой составляющей конституционного и международного права на судебную защиту, носит абсолютный характер, предусматривая возможность каждого осужденного инициировать производство по проверке законности и обоснованности приговора в вышестоящую судебную инстанцию. Поэтому федеральное законодательство не вправе ограничить его в этом ни по кругу лиц, ни по видам судебных приговоров, подлежащих пересмотру, ни по иным обстоятельствам, что обеспечивается введением обособленных судебных апелляционных и кассационных инстанций. Такого рода структурные изменения позволили воплотить в жизнь указанные выше конституционные установления, что и усовершенствовало процессуальную процедуру проверки судебных решений. Из юрисдикции республиканских (областных) и приравненных к ним судов были исключены полномочия по проверке судебных решений, принимаемых судьями этого же суда в ходе рассмотрения дел первой инстанции, в том числе и при рассмотрении дел в порядке апелляционного производства.

С учетом изложенного представляется, что реформа структуры судебной системы в российском судоустройстве сформировала условия для эффективного, справедливого отправления правосудия независимыми и беспристрастными судами, которые отличны от нижестоящих инстанций по количественному и качественному составу судебного корпуса. Это, в свою очередь, позволило реализовать гражданам их конституционное право на судебную защиту, включающее в том числе и субъективное право на проверку постановленного судебного решения вышестоящей судебной инстанцией.

Бесспорно, проверка судебных решений на предмет выявления и исправления судебных ошибок судьями с более высоким профессиональным уровнем позволяет обеспечивать реализацию механизма правовой защиты граждан. Причем данный правовой механизм должен отвечать требованиям процессуальной эффективности в процессе использования средств судебной защиты, что обеспечит гарантии справедливого судебного разбирательства, баланс публично-правовых и частноправовых интересов,

позволит соблюсти международные стандарты защиты прав и свобод человека.

Стоит отметить, что особые требования к процедуре проверки судебного решения обусловлены закрепленной в ст. 10 Конституции Российской Федерации концепцией разделения властей, где судебная власть, выступая независимым и самостоятельным элементом, выполняет присущие только ей функции и решает собственные цели и задачи. Одной из задач выступает проверка собственных судебных решений, позволяя тем самым обеспечивать реализацию конституционных гарантий судебной защиты прав и свобод граждан, а также баланс таких конституционно защищаемых ценностей, как справедливость и стабильность судебных постановлений. Разрешение этих задач формирует условия эффективного и справедливого разбирательства в суде и восстановления нарушенных прав и свобод, в том числе судебным решением, исправляющим судебную ошибку.

Следует подчеркнуть, что структурное выделение в подсистеме судов общей юрисдикции самостоятельных кассационных и апелляционных судов повлечет и изменение компетенций судебных инстанций – как областных и равных им судов общей юрисдикции, так и Верховного суда РФ. При этом будет исключена ситуация, при которой в областных и приравненных к ним судах проверка судебного решения осуществляется тем же судом, в котором уголовное дело рассматривалось в качестве суда первой инстанции.

Вместе с тем из ведения Верховного суда как высшего судебного органа по делам, подсудным, в частности, судам общей юрисдикции, будет исключена функция рассмотрения дел по апелляционным жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу судебные акты. Представленный законодательный подход отвечает экстраординарному характеру данной судебной инстанции, поскольку содержание его предмета проверки позволяет вмешиваться в разрешение спора только лишь после исчерпания всех способов проверки судебного акта другими инстанциями и только в исключительных случаях. В свою очередь, выделение кассационных судов позволит стабилизировать судебную практику, поскольку раньше как таковая она разнилась и по одному и тому же вопросу принимались разные решения в различных субъектах Российской Федерации, что, соответственно, затрудняло формирование единой судебной практики по всей стране. В настоящее время эта практика анализируется и формируется кассационными судами, проверяющими решения, вступившие в законную силу субъектов Российской Федерации.

С учетом вышеизложенного представляется возможным сделать вывод о том, что структурное реформирование посредством выделения в подсистему судов общей юрисдикции самостоятельных кассационных и апелляционных судов улучшило ранее существовавшую в российском уголовном процессе процедуру обжалования судебного решения, существенно повысив тем самым конституционные гарантии судебной защиты прав и основных свобод человека и гражданина от ошибочного судебного решения.

Вместе с тем в целях дальнейшего конституционно-правового развития механизма проверки судебных решений и воплощения основополагающих конституционных принципов судопроизводства следует усовершенствовать правовое регулирование процедуры рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке, обеспечив конституционное право каждого, интересы которого затронуты оспариваемым судебным актом, на участие в заседании суда кассационной инстанции. Для этого следует распространить применение видеоконференцсвязи и обеспечить участие заявителей и иных лиц, выразивших желание принять участие в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи, что обеспечит лицам, находящимся, как правило, в другом регионе Российской Федерации, возможность довести до суда кассационной инстанции свою позицию относительно законности и обоснованности оспариваемого судебного акта.

Список литературы:

1. Верховный Суд Российской Федерации с середины 2018 года меняет структуру судов общей юрисдикции. URL: https://zakon.ru/blog/2017/8/7 (дата обращения: 05.04.2019).
2. *Коршунов Ю. А.* Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. 2019. № 4.
3. *Коршунов Ю. А.* Судебные округа судов общей юрисдикции – хорошо забытое ста-

References:

1. Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii s serediny 2018 goda menyaet strukturu sudov obshchej yurisdikcii. URL: https://zakon.ru/blog/2017/8/7 (data obrashcheniya: 05.04.2019).
2. *Korshunov Yu. A.* Sozdanie apellyacionnyh i kassacionnyh sudov: nekotorye itogi masshtabnoj reformy // YUridicheskaya nauka. 2019. № 4.
3. *Korshunov Yu. A.* Sudebnye okruga sudov obshchej yurisdikcii – horosho zabytoe staroe //

рое // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 3А.
4. План уже начавшейся реформы. URL: https://www.sysert.ru/news/country_world/plan_uzhe_nachavsheysya_reformy/ (дата обращения: 05.04.2019).
5. Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Пронина М. П.* Проблемы реформирования институтов апелляции и кассации // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34).
7. *Рукавишников А. А.* Дифференциация производства в суде кассационной инстанции: проблемы и перспективы // Уголовная юстиция. 2019. № 13.
8. *Смирнов Л. А.* Верховный Суд Российской Федерации утвердил концепцию реформы судов общей юрисдикции. URL: https://legal.report/article/13072017 (дата обращения: 05.04.2019).
9. Судебная реформа в России. Плюсы и минусы создания апелляций и кассационных судов. URL: https://www.eg-online.ru/article/353062/ (дата обращения: 05.04.2019).
10. Судебная реформа // Судебно-юридическая газета. 2017. № 5.
11. *Eur. Court H. R.* Pravednaya v. Russia. Judgment of 18 November 2004 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2005. № 5.
12. *Eur. Court H. R. Ryabykh V.* Russia. Judgment of 23 July 2004 // Журнал российского права. 2004. № 5.
13. URL: http://pravo.ru/news/view/135456; https://rg.ru/2016/11/10/verhovnyj-sud-predlozhil-sozdat-neskolko-otdelnyh-apelliacionnyh-sudov.html (дата обращения: 16.06.2017).
14. URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7 (дата обращения: 19.03.2019).

Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2018. T. 8. № 3A.
4. Plan uzhe nachavshejsya reformy. URL: https://www.sysert.ru/news/country_world/plan_uzhe_nachavsheysya_reformy/ (data obrashcheniya: 05.04.2019).
5. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo konstitucionnogo zakona «O vnesenii izmenenij v federal'nye konstitucionnye zakony v svyazi s sozdaniem kassacionnyh sudov obshchej yurisdikcii i apellyacionnyh sudov obshchej yurisdikcii». Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
6. *Pronina M. P.* Problemy reformirovaniya institutov apellyacii i kassacii // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2018. № 4 (34).
7. *Rukavishnikov A. A.* Differenciaciya proizvodstva v sude kassacionnoj instancii: problemy i perspektivy // Ugolovnaya yusticiya. 2019. № 13.
8. *Smirnov L. A.* Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii utverdil koncepciyu reformy sudov obshchej yurisdikcii. URL: https://legal.report/article/13072017 (data obrashcheniya: 05.04.2019).
9. Sudebnaya reforma v Rossii. Plyusy i minusy sozdaniya apellyacij i kassacionnyh sudov. URL: https://www.eg-online.ru/article/353062/ (data obrashcheniya: 05.04.2019).
10. Sudebnaya reforma // Sudebno-yuridicheskaya gazeta. 2017. № 5.
11. *Eur. Court H. R.* Pravednaya v. Russia. Judgment of 18 November 2004 // Byulleten' Evropejskogo suda po pravam cheloveka. Rossijskoe izdanie. 2005. № 5.
12. *Eur. Court H. R. Ryabykh V.* Russia. Judgment of 23 July 2004 // ZHurnal rossijskogo prava. 2004. № 5.
13. URL: http://pravo.ru/news/view/135456; https://rg.ru/2016/11/10/verhovnyj-sud-predlozhil-sozdat-neskolko-otdelnyh-apelliacionnyh-sudov.html (data obrashcheniya: 16.06.2017).
14. URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7 (data obrashcheniya: 19.03.2019).

Для цитирования:

Ильюхов Алексей Александрович. Апелляционные и кассационные инстанции в рамках современной судебной реформы: правовые и организационные вопросы // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 60–65.

For citation:

Il'yuhov Aleksej Aleksandrovich. Appeal and cassation instances in the framework of modern judicial reform: legal and organizational issues // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 60–65.

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ ПОБЕДКИН,
начальник кафедры уголовной политики,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: apobedkin71@mail.ru

ALEKSANDR VIKTOROVICH POBEDKIN,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Criminal Policy
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: apobedkin71@mail.ru

Научная специальность:
12.00.09 — уголовный процесс.

Scientific specialty:
12.00.09 — Criminal Procedure.

УДК 343.1

Дата поступления: 12 августа 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве

Criteria for the Legality of Applying the Analogy in Criminal Proceedings

Аннотация

В статье рассматривается проблема применения аналогии в уголовном судопроизводстве, анализируются причины, по которым в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации – единственном из процессуальных кодексов – отсутствуют какие-либо правила ее применения. Доказывается, что без аналогии в уголовном процессе производство не представляется возможным, обосновываются критерии правомерности применения аналогии, предлагаются соответствующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

Целью данной работы являются выработка отдельных теоретических положений, на основании которых может быть разрешен вопрос о допустимости аналогии в уголовном судопроизводстве, критериях ее правомерности, а также внесение предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части применения аналогии.

Постановка проблемы: уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает ни возможности применения аналогии, ни, соответственно, критериев ее правомерности. Как следствие, должностные лица, осуществляющие уголовно-процессуальное законодательство, склонны применять закон на основе исключительно буквального толкования, а в неурегулированных прямо ситуациях не имеют понятных ориентиров для продолжения судопроизводства.

Annotation

The article deals with the problem of applying analogy in criminal proceedings, analyzes the reasons why the Criminal procedure code of the Russian Federation – the only one of the procedural codes – does not contain any rules for its application. It is proved that without analogy in criminal proceedings, the proceedings are not possible, the criteria for the legality of applying the analogy are justified, and the corresponding changes to the criminal procedure legislation are proposed.

The purpose of this work is to develop certain theoretical provisions on the basis of which the question of the admissibility of analogy in criminal proceedings, the criteria for its legality, as well as to make proposals for improving the criminal procedure legislation in terms of the application of analogy can be resolved.

The statement of the problem: the criminal procedure legislation does not provide for the possibility of applying the analogy, or, accordingly, the criteria for its legality. As a result, officials who implement criminal procedure legislation tend to apply the law on the basis of an exclusively literal interpretation, and in situations that are not directly regulated, they do not have clear guidelines for continuing legal proceedings.

The study used a variety of methods: the materialist dialectic (the use of analogy in criminal proceedings is studied, taking into account General issues of criminal procedure, including its public character, values, principles of justice, the system

В ходе исследования применялись различные *методы*: материалистической диалектики (вопросы применения аналогии в уголовном судопроизводстве исследованы с учетом общих проблем уголовного судопроизводства, в том числе его публичного характера, значения принципов судопроизводства, системы источников уголовно-процессуального права с опорой на социальную потребность в результатах уголовного процесса, его конституционно значимых идей); социологический (исследована и обобщена правоприменительная практика, выводы использованы в работе); исторический (обозначена динамика регламентации аналогии в уголовном судопроизводстве); формально-юридический (проанализированы нормы, регламентирующие применение аналогии в иных отраслях отечественного права); сравнительно-правовой (проведено сравнительное исследование в части возможности использования опыта нормативной регламентации критериев правомерности применения аналогии в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве) и др.

Результаты: в ходе проведенного исследования удалось сформулировать теоретические аргументы неизбежности применения аналогии в уголовном судопроизводстве, обосновать критерии правомерности ее применения, внести предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства по результатам исследования.

Ключевые выводы: законодателю необходимо прямо предусмотреть возможность применения аналогии в уголовном процессе и нормативно закрепить критерии ее правомерности: отсутствие нормы, регулирующей общественное отношение, обязательность применения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации или разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации; при их отсутствии – применение принципов уголовного судопроизводства или общих принципов осуществления правосудия с учетом публичности уголовного судопроизводства и приоритета ценностей, предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации; невозможность какого-либо принуждения по аналогии.

Ключевые слова: *аналогия в уголовном судопроизводстве; принципы уголовного процесса; публичность уголовного процесса; принуждение в уголовном судопроизводстве.*

of the sources of criminal procedural law based on social need in the results of the criminal process, its important constitutional ideas); sociological (researched and summarized law enforcement, and insights used in the work); historical (the dynamics of regulation of analogies in criminal proceedings is indicated); formal-legal (the norms regulating the use of analogies in other branches of domestic law are analyzed); comparative-legal (a comparative study is conducted in terms of the possibility of using the experience of regulatory regulation of criteria for the legality of applying analogies in civil, arbitration, administrative proceedings), etc.

The results: in the course of the study, it was possible to formulate theoretical arguments for the inevitability of using the analogy in criminal proceedings, justify the criteria for the legality of its application, and make suggestions for improving the criminal procedure legislation based on the results of the study. Key findings: the legislator must make Express provision for the possibility of applying analogy in criminal proceedings and to consolidate the normative criteria of legitimacy: the absence of norms regulating social relation, the mandatory legal positions of the constitutional Court of the Russian Federation or clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; in the absence of the application of the principles of criminal procedure or the General principles of justice, given the publicity of criminal proceedings and priority values under p. 3 art. 55 of the Constitution of the Russian Federation; the impossibility of any compulsion by analogy.

Keywords: *analogy in criminal proceedings; principles of criminal proceedings; publicity of criminal proceedings; coercion in criminal proceedings.*

Уголовное судопроизводство – сфера социально-правовой действительности, обладающая определенными признаками, отсутствие которых лишило бы ее право на существование в качестве сферы самостоятельной, основанной на специфичном нормативно-правовом

регулировании. Наиболее принципиальной характеристикой, определяющей особенности уголовно-процессуального права, является метод уголовно-процессуального регулирования. Ранее мы неоднократно стремились доказать, что его суть фактически состоит в отсутствии у должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу и состоящих в правоотношениях с иными участниками уголовного процесса, прав в их субъективном смысле. Властные участники судопроизводства имеют только полномочия, которые являются их обязанностями [11, с. 109] действовать определенным образом в конкретных обстоятельствах в целях реализации публичной функции уголовного судопроизводства: правильного установления обстоятельств по уголовному делу как условия принятия справедливого решения, потребность в котором испытывает каждый нравственно здоровый член общества, стремящийся ощущать себя защищенным от преступности.

Именно это принципиальное отличие уголовно-процессуального права по методу регулирования от ряда иных процессуальных отраслей (конечно, нельзя не учитывать и особенности предмета регулирования, однако он весьма подвижен в системе процессуальных отраслей права и является вторичным для самоидентификации отрасли права), прежде всего гражданского и арбитражного процессуального права, должно определять содержание уголовно-процессуального права, уровень процессуальных гарантий, особенности процессуальной формы.

Вместе с тем очевидно, что процессуальные отрасли права не могут не иметь ряда общих признаков, поскольку представляют собой систему процедур, содержание которых в целом составляет процесс познания и которые требуют средств, единых в своей познавательной, информационной сущности, невзирая на преобладание в цивилистических процессах интересов сторон перед публичными потребностями. В связи с этим система доказательств, сам процесс доказывания, его элементы, свойства доказательств, предъявляемые к ним требования и ряд других правовых институтов принципиально различаться в различных видах судопроизводства никак не должны, хотя на деле сегодня имеют мало общего.

Таким образом, судопроизводство любого вида как процесс динамично возникающих, прекращающихся, сменяющих друг друга общественных отношений неизбежно и навсегда связан с проблемой принятия решений и совершения действий в возникающих обстоятельствах, которые законом прямо не урегулированы. Это означает, что проблемы пробелов в праве, их преодоления, применения аналогии имеют одинаковую фактическую природу и должны решаться в целом на общих подходах, поскольку подходы к преодолению пробелов в праве и к аналогии не относятся к числу тех, которые определяют самоидентификацию отрасли права и ее отличие от другой отрасли.

Между тем законодатель, последовательно стирая характерные черты уголовно-процессуального права, без которых ему достаточно бы стать разделом Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), хаотично меняя порядок уголовного судопроизводства под интересы конкретных ведомств или стремясь объяснить плохо подготовленному правоприменителю, что он не прав в конкретной точечной ситуации, либо «ужасаясь» отдельным резонансным или политико-значимым примерам (никак не дискредитирующим в целом порядок производства), неосновательно подчеркивает различие процессуальных отраслей права в тех его институтах, где, напротив, регулирование должно было бы быть единым.

Очевидно, что процессуальную деятельность (за редкими исключениями) независимо от отрасли права нельзя остановить по причине неясности уголовно-процессуального закона или отсутствия конкретной нормы, регулирующей порядок действий в определенной возникшей ситуации. В связи с этим юридическая наука давно выработала ряд юридических приемов, которые в таких случаях позволяют принимать решения, обеспечивая их законность и продолжение производства.

К числу этих приемов относится и аналогия, представлявшая серьезный научный интерес и подвергшаяся анализу специалистами различных научных специальностей, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства (Р.Д. Рахунов, В.О. Белоносов, Н.А. Власенко, Э.Ш. Кемулария, В.В. Тихомирова, Д.Ю. Сильченко, В.В. Фидаров, Ю.В. Франциформов, Е.Д. Шиндяпина и др.). Нельзя сказать, что по вопросам правил применения аналогии в уголовном судопроизводстве удалось достигнуть единого мнения. Вероятно, продолжающие научные споры тоже подвигли законодателя воздержаться от какого-либо упоминания об аналогии в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ). В других же процессуальных кодексах законодатель, напротив, посчитал необходимым прямо предусмотреть применение аналогии.

Так, согласно ч. 4 ст. 1 ГПК РФ отсутствие нормы, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, является достаточным для применения судами нормы, регулирующей сходные отношения (аналогия закона), а при ее отсутствии – для действия, исходя из принципов осуществления правосудия в России (аналогия права). Аб-

солютно такое же правило установлено в ч. 5 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ). Существует оно и в ч. 4 ст. 2 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). В проекте Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях упоминания на возможность применения аналогии, равно как и в УПК РФ, не содержится, что, вероятно, свидетельствует об ориентации законодателя на позицию, согласно которой в публичных отраслях процессуального права аналогия неуместна. Так, Н.А. Власенко, в частности, замечает, что специалисты, допускающие аналогию в уголовном судопроизводстве, не учитывают предмета уголовно-процессуального права, который столь специфичен, что его «природа предполагает детальное правовое регулирование», а публичная природа отрасли, «скажем больше – не позволяет ни аналогии закона..., ни, тем более, аналогии субсидиарной (применение норм сходной отрасли)». «Трудно представить, – пишет Н.А. Власенко, – и «процессуальное решение, основанное на аналогии права (применении общих принципов отрасли» [5, с. 36].

Относительно субсидиарной аналогии, если имеется в виду применение в уголовном процессе норм гражданского процессуального или арбитражного процессуального права, спорить не будем ввиду принципиально особого публичного предназначения уголовно-процессуального права.

Однако ни одно самое детальное правовое регулирование не исключает при реализации норм процессуального права, даже и публичного характера, неурегулированных ситуаций. Кроме того, они неизбежны. Процесс, как известно, форма жизни материального права, а «жизнь» предполагает объективное существование определенных обстоятельств, даже если не замечать их по принципу «не может быть, потому что не может быть никогда». Запрет на применение аналогии означал бы невозможность продолжать производство, т. е. фактически отказ в правосудии, который справедливо и регулярно рассматривается Конституционным Судом Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) как деяние антиконституционное. Логично, что им же применение «процессуальной аналогии» считается вполне нормальным явлением и в уголовном процессе[1].

Публичную природу уголовного судопроизводства осознали далеко не сегодня, именно она и является причиной существования самостоятельной отрасли права – уголовно-процессуального. Между тем запрет останавливать разрешение уголовного дела под предлогом неполноты, неясности, противоречия законов устанавливался и Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав), и уголовно-процессуальными кодексами РСФСР как 1922, так и 1923 г. Не исключаем, что в Уставе законодатель имел в виду и уголовный закон: «...в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, ... основывать решение на общем смысле законов», однако процессуальный закон подразумевался во всех указанных нормативных актах, тем более, и вне всякого сомнения.

Действия законодателя, прямо указавшего на возможность аналогии в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве и исключившего упоминание о ней в уголовно-процессуальном законодательстве, конечно, дают основания для предположения, что в уголовном судопроизводстве аналогия недопустима. Отсюда неудивительно, что одной из самых масштабных проблем современного правоприменения является толкование закона уполномоченными субъектами только буквально. Чего же ожидать, когда законодатель недвусмысленно толкает их к такому пониманию своей правоприменительной роли, угнетая в должностных лицах, в том числе и осуществляющих уголовное судопроизводство, чувство ответственности за совершаемые действия и принимаемые решения. При этом именно буквальное толкование уголовно-процессуального закона зачастую не учитывает его дух, влечет нарушение прав человека [2, с. 144].

В связи с этим отрицать возможность использования аналогии в уголовном судопроизводстве – значит заведомо предполагать незаконность производства, продолжаемого после выявления неурегулированной ситуации. Его же, конечно, все равно придется продолжить, оно не может быть остановлено ввиду того, что законодатель ясно не выразил свою волю относительно возникшей процессуальной ситуации, на какой бы стадии судопроизводства она не возникла[2]. Согласиться с иной постановкой вопроса, очевидно, невозможно.

Равно можно понять и беспокойство специалистов относительно применения аналогии вообще и в уголовном судопроизводстве

[1] По делу о проверке конституционности пункта 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и пункта 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 г. № 4-П // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

[2] Потому и нельзя согласиться с подходом, согласно которому аналогия может применяться только судом и никак не должностными лицами, осуществляющими досудебное производство, как иногда полагают [19, с. 160].

в частности, поскольку грань между произволом правоприменителя и ординарным юридическим приемом – аналогией и лежит в правилах ее применения, правовых критериях правомерности, которые ни в одном процессуальном законе, даже допускающем аналогию (ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ), не определены.

Правомерность аналогии в уголовном судопроизводстве как юридического приема определяется принципиальным тезисом, согласно которому УПК РФ не является инструкцией [3, с. 92–99][3] или административным регламентом, которые имеют целью определить поведение исполнителей до мельчайших деталей, однако практически всегда также безуспешно. Уголовно-процессуальный закон закрепляет процессуальную форму производства, основным содержанием которой являются процессуальные гарантии как правосудия, так и защиты прав человека, оказавшегося в системе уголовно-процессуальных отношений. Указанные гарантии представляют собой средства и способы некоторой степени общности, применимые к различным конкретным ситуациям потому, что в законе рассчитаны на ситуацию наиболее типичную или представляют собой требования разумной рамочности.

Наиболее высокая степень общности процессуальных гарантий заложена в принципах уголовного судопроизводства [14, с. 20–25] – замечательном достижении уголовного судопроизводства советского уголовного процесса, от которого не спешат отказываться даже страны на постсоветском пространстве. Именно в них, как известно, заложен «дух закона», его смысл. На принципы уголовного процесса обязан ориентироваться как законодатель, совершенствуя закон, так и правоприменитель, толкуя применяемые нормы или действуя в ситуациях, неурегулированных прямо.

Однако очевидно, что огромная проблема современного правоприменителя в его желании видеть в УПК РФ инструкцию с ответом на все возможные вопросы, возникающие в конкретном уголовном процессе: проблема, проистекающая из недостаточной юридической подготовки (действительно, для чего стоит обучать юриста 4–5 лет в образовательных организациях высшего образования, если достаточно просто почитать нормативный акт?) [2, с. 140–154; 15, с. 3–10], усугубляющейся традиционным ремесленническим отношением к процессу правоприменения в ходе юридической практики.

Ключевая проблема законодателя – стремление объяснить недостаточно квалифицированному правоприменителю правильный вариант применения закона преимущественно посредством внесения в него изменений. В результате получаем «рваный», несбалансированный, утерявший начальные теоретические основы и не связанный с заявленными принципами законодательный акт. Например, законодатель, стремясь ограничить поточные продления судами сроков содержания под стражей, в новой редакции ч. 8 ст. 109 УПК РФ требует учитывать целый перечень обстоятельств, кроме оценки наличия (отсутствия) на момент данного продления оснований избрания меры пресечения, или предлагает при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу учитывать конкретные фактические обстоятельства, которыми не могут являться результаты оперативно-розыскной деятельности, не приобретшие статуса доказательств: будто бы при избрании других мер пресечения действуют иные правила! В стремлении обеспечить вслед за Конституционным Судом адвокатскую тайну, нарушаемую слабо подготовленными должностными лицами, законодатель так сформулировал п. 2.1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, что из нее можно сделать ошибочный вывод, согласно которому предметы и документы являются вещественными доказательствами не только, если они получены в ходе процессуальных действий, но в ходе действий оперативно-розыскных. Для какого уровня специалистов следовало подчеркивать в ч. 6 ст. 161 УПК РФ, что изложение сведений по уголовному делу в ходатайствах и жалобах не является разглашением данных предварительного расследования? Для чего требовалась новая редакция п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, позволяющая прокурору требовать устранения нарушений законодательства не только при производстве дознания и предварительного следствия, но и при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях? Более-менее квалифицированному правоприменителю такое право должно было быть очевидным, даже если ему и неведомы четкие правила применения аналогии. То же можно отметить и относительно новой редакция п. 1 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ, где в настоящее время предусмотрено право начальника подразделения дознания проверять материалы не только уголовного дела, но и проверки сообщения о преступлении. Те же претензии уместны и к решению о новой редакции п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, предусмотревшей право руководителя следственного органа лично осуществлять проверку сообщения о преступлении.

К сожалению, принципы уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ) оказались напрочь оторванными как от остального содержания уголовно-процессуального закона, безжалостно изменяемого без какой-либо оглядки на положения, призванные определять «дух» закона, так и от правоприменительной практики. В луч-

[3] Автор настоящей статьи писал об этом в ряде трудов.

шем случае должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, учитывают только регулятивные положения, заложенные в нормы-принципы (например, ч. 3–3.1, 6 ст. 6.1, ч. 2 ст. 11, ч. 3 ст. 18 УПК РФ), которых, строго говоря, в статьях, посвященных принципам судопроизводства, вообще не должно быть. Принцип – общая регулятивная норма. Место конкретным правилам поведения в статьях УПК РФ, составляющих содержание других процессуальных институтов. Тем более, что зачастую регулятивные нормы, не к месту оказавшиеся в статьях гл. 2 УПК РФ, дублируются в иных его статьях (ч. 2–3 ст. 11, ч. 2 ст. 18 УПК РФ и др.). Нормы-принципы должны представлять собой положения высокой степени общности, формируя дух именно отечественного уголовно-процессуального права. Такие положения большей частью не требуют определений: справедливость, истина, добросовестность, разумный срок, уважение чести и достоинства, милосердие, гуманизм и др. [4, с. 110–118].

Они понимаются россиянами на генетическом уровне, точнее даже не понимаются, а ощущаются и никаким точным определениям вообще не поддаются. Так, Конституционный Суд, например, привычно оперирует общими понятиями, не делая попыток давать им исчерпывающие определения и каждый раз усматривая в них новые грани применительно к конкретному рассматриваемому вопросу.

Ни один закон не выдержит непомерных объемов, если станет превращаться в пошаговую инструкцию, он будет неповоротлив, нечитаем, неуважаем, и иного отношения к такому закону, кроме нигилистического, ожидать вряд ли приходится. Однако самое главное – такой закон не исчерпает случаи, прямо в нем не предусмотренные.

Сегодня мы имеем объективное право, которое В. Д. Зорькин называет правом «эпохи постмодернизма», т. е. правом «эпохи, победившей иронии, насмешки и тотального отрицания аксиологических основ общества», где пренебрежительное отношение к закону, т. е. правовой нигилизм проявляют не только граждане, но и законодатель, не стремящийся обеспечить стабильность законодательной системы и не умеющий «средствами юридической техники должным образом подготовить законодательные тексты» [7]. Культура «скроллинга» – прокручивание новостей без возможности остановиться и осмыслить [7] захватила и законодателя, и правоприменителя – механистическое применение закона и такие же бессмысленные технологические его дополнения, как реакция не на слабость закона, а на слабость того, кто его применяет. Не помогут здесь и цифровые технологии, большие данные, которые, по модному ныне мнению [10, с. 96–97], снизят роль человека в принятии процессуальных решений, а значит, и минимизируют риск ошибок. Можно потерять дух права и его гуманистическую сущность [7]. Это, конечно, верно.

Впрочем, принятие решений искусственным интеллектом без анализа закона, понимания его духа, смысла, учета принципов, конечно, возможно. Только тогда право утратит его неотъемлемую гуманистическую сущность и превратится в разновидность технологических, а не социальных правил [7], где нет места совести, милосердию, справедливости, которые не могут укладываться в обобщенные схемы судебных прецедентов.

Таким образом, применение аналогии в уголовном судопроизводстве объективно необходимо, без этого юридического приема судопроизводство просто невозможно.

Другой вопрос: во всех ли случаях отсутствия прямого законодательного регулирования уголовно-процессуальным законодательством возникшей ситуации допустимо применять аналогию, которую, как известно, традиционно классифицируют на аналогию закона и аналогию права?

Принято считать, что аналогия может применяться в случае наличия пробела в праве. Проблема пробела в праве далеко не нова, и его понимание в теории неоднозначно. Ч. Беккариа, например, категорически отрицал допустимость судей действовать по духу закона, поскольку они не являются законодателями [5, с. 44]. Не принимали и не принимают пробельность права представители естественного права, «психологической» теории права (эмоциональные и психологические процессы не могут иметь пробелов), «реалистической школы», фактически отождествлявшие право с решениями; «нормативистской» теории, согласно которой право познается из самого себя, из системы позитивных норм, и это понимание не связано с волей законодателя [18, с. 31]. Специалисты, признающие наличие такого явления, как пробел в праве, либо отождествляют его с пробелом в законодательстве при фактическом нахождении общественного отношения в сфере правового регулирования, либо как отсутствие норм права, необходимость которых обусловлена объективно существующими обстоятельствами.

Весьма распространено мнение о различии понятий «пробел в праве» и «пробел в законодательстве» (последнее рассматривается как проблема технического характера, первое – отсутствие норм, потребность в которых объективно обусловлена) [17, с. 58–61]. Делается попытка разграничить эти понятия по объему отсутствующего правового регулирования: пробел в праве –

отсутствие нормативного акта, а пробел в законе – всего лишь его неполнота [18, с. 40].

Право – система правил поведения, включающая систему норм различной степени общности, в том числе его положения наибольшей абстракции – принципы (общие принципы отечественного права могут быть сформулированы как на теоретическом уровне, так и на уровне правоприменения, как представляется, с опорой на конституционные положения; отраслевые принципы сегодня в подавляющем большинстве случаев прямо предусмотрены в нормативных актах, что представляет собой явление, безусловно, позитивное, хотя их система в ряде случаев страдает неполнотой). Положения высокой степени общности (принципы) имеют при этом прямое регулятивное значение (о чем правоприменитель зачастую вряд ли задумывается). Такие положения обеспечивают связь права с общественными отношениями, конечно, развивающимися и меняющимися (позиция нормативистов об отсутствии такой связи вряд ли выдерживает критику). При этом развитие общественных отношений и их особенности, в зависимости от социальной ситуации в стране, общественных потребностей, обусловленных базисными (в меньшей степени надстроечными отношениями), могут потребовать наполнения норм высокой степени общности новым смыслом, обеспечивая актуальность правил поведения, жизнь права, связь его с контекстом событий, с обществом в целом и конкретным человеком [8].

«Живое право», реагирующее на социальные запросы, фактически отменяет такое понятие, как «мнимые пробелы» в праве, под которыми принято понимать ситуации, когда, невзирая на отсутствие прямой регламентации отношения, воля законодателя может быть выявлена правоприменителем. К сожалению, воля законодателя, отраженная в принципах, сегодня в уголовно-процессуальном праве вполне уживается с прямо противоположными положениями других процессуальных институтов. В связи с этим принципы становятся автономными образованиями, уже не связанными с меняющейся волей законодателя. Между тем, именно они – «дух права», который обязан чтить сам законодатель, что, к сожалению, делает далеко не всегда.

Именно наличие общих положений в законе освобождает законодателя от обязанности регулировать все общественные отношения, возникновение которых возможно в ходе уголовного судопроизводства. Не лишним здесь будет напомнить известную формулу Гельвеция, согласно которой понимание принципов возмещает незнание некоторых фактов. В связи с этим нет никаких возражений относительно предложенной в науке и поддержанной Конституционным Судом концепции «квалифицированного умолчания законодателя».

Так, рассматривая вопрос о возможности сочетания адвокатского статуса с осуществлением адвокатом, избранным депутатом представительного органа муниципального образования, депутатских полномочий на непостоянной основе, Конституционный Суд констатирует, что отсутствие прямой позиции по этом вопросу законодателя не является пробелом в праве, а представляет собой «квалифицированное умолчание», означающее, что запрет на такое совмещение законодателем не распространяется. К такому выводу Конституционный Суд приходит, исходя из анализа «сложных взаимосвязей правовых предписаний», который необходим, если «необходимая степень определенности правового регулирования» не может быть выявлена «из содержания конкретного нормативного положения или из системы находящихся во взаимосвязи нормативных положений»[4]. Иными словами, Конституционный Суд полагает возможным отсутствие прямого регулирования общественного отношения, даже если для принятия правильного решения необходимым «анализ сложных взаимосвязей правовых предписаний», не говоря уже об анализе взаимосвязей более простых. Несмотря на то, что в данном случае речь идет о толковании, а не об аналогии, очевидно, что законодатель не должен, да и не сможет регулировать все возможные отношения.

В. М. Баранов справедливо пишет, что прежде чем вести речь о пробеле в праве, необходимо решить вопрос о том, нет ли в данном случае «квалифицированного умолчания законодателя», которое является «нормальным средством правообразования» [1, с. 76]. Нельзя не согласиться, что «...зачастую вполне можно решить дело "на стыке" с нормами морали, обычаями, корпоративными и даже религиозными нормами. Но для этого требуется инициативность, профессионализм и, естественно, гражданская смелость» [1, с. 78]. О возможности разрешить возникающие неурегулированные ситуации при должном уровне профессионализма пишут и другие авторы [6, с. 10].

К сожалению, хорошие студенты, способные в процессе обучения предлагать обоснованные, смелые и верные решения ситуаций [2, с. 146] неподъемных для правоприменителя, сами, став таковыми, теряют и инициативность, и граж-

[4] По делу о проверке конституционного положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской федерации» в связи с жалобой гражданина О. В. Сухова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2019 г. № 29-П // Рос. газ. 2019. 2 авг.

данскую смелость, а приобретенные компетенции чаще всего стараются не демонстрировать.

Собственно, при наличии сформулированных в законе принципов, не как регулятивных норм, а как полноценных идей, основанных на традиционных отечественных ценностях, вообще не приходится говорить о наличии пробела в праве. Эта мысль звучала в работах специалистов. Так, например, А. С. Пиголкин пишет, что пробела в праве не существует, если можно применить нормы общего характера. Пробелом в праве он называет ситуации, когда решение ситуации правовыми средствами не предусмотрено вовсе или предусмотрено не в полной мере [12, с. 49–50]. Мысль верная. Из нее вытекает единственный вывод относительно возможности пробела в праве: он существует только в случае недостаточности общих норм, на основании которых может быть разрешена неурегулированная ситуация.

В связи с этим отдельные правовые позиции Конституционного Суда, усматривающего пробелы в праве там, где вполне достаточно профессионализма правоприменителя, вызывают недоумение. Например, признавая не соответствующими Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) положения ч. 2 ст. 313 УПК РФ, Конституционный Суд отмечает, что наличествует пробел в правовом регулировании, который имеет конституционную значимость и «вступает в противоречие с конституционными гарантиями охраны права частной собственности, а также принципами равенства, справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод»[5]. Суть пробела в том, что ч. 2 ст. 131 УПК РФ не позволяет выявить волю законодателя относительно решения вопроса о том, какие именно меры по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, могут быть определены судом, на каких субъектов может быть возложена обязанность принимать эти меры и за счет каких источников финансирования. При этом, указывая на невозможность устранения этой неопределенности посредством конституционно-правового истолкования, в постановлении Конституционного Суда прямо перечисляются возможные меры и органы, которые должны их реализовывать до внесения изменений в законодательство. Таким образом, неопределенность может быть устранена без внесения изменений в законодательство. Примечательно, что практически те же меры и органы были определены решением суда общей юрисдикции, оставленным без изменения всеми судебными инстанциями. В данном случае правоприменитель проявил профессионализм, верно разобрался в «квалифицированном умолчании законодателя», в то время как по решению Конституционного Суда законодатель вынужден сделать еще один шаг по пути превращения уголовно-процессуального закона в инструкцию.

Итак, пробел в процессуальном праве при наличии полноценно обозначенных принципов процессуальной деятельности существовать не может. Их недостаточность, непозволяющая выявить «дух права» – единственный возможный вариант пробела в праве.

Поскольку право существует только в форме нормативных актов, пробел в праве означает и пробел в законе. Вместе с тем не исключены ситуации, когда закон противоречит заявленным им же принципам либо содержит механизмы, не позволяющие реализовать нормы-принципы, или включает процедуры, позволяющие принципы проигнорировать. В таком случае можно условно говорить о пробелах в законе при отсутствии пробела в праве. В. В. Тихомирова ситуации, требующие совершенствования законодательства, называет «несовершенством формы выражения права» [16, с. 8]. Это верно для ситуаций, когда законодатель полноценно заявил принципы соответствующего вида процессуальной деятельности, если же эта часть закона пробельна, то это и есть пробел в праве.

Аналогию как юридический прием (хотя и основанный на законах логики) традиционно классифицируют на аналогию закона и аналогию права. Законодатель, допуская аналогию в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, поступает также. Между тем и в случае наличия нормы, регулирующей аналогичное общественное отношение, и в случае ее отсутствия правоприменитель, в том числе и в уголовном судопроизводстве, фактически применяет принципы процессуальной деятельности, предусмотренные законом. В первом случае должностное лицо мысленно формулирует аналогичную норму, соотносит ее с принципами судопроизводства и, если она соответствует им, разрешает ситуацию. Иначе говоря, применяется принцип, позволяющий воспользоваться правилом, созданным самим правоприменителем для конкретной ситуации. В случае отсутствия аналогичной нормы правило поведения в неурегулированной ситуации также мысленно создается должностным лицом путем непосредственного выведения его из норм-принципов [16, с. 157].

Учитывая, что пробельность права может быть обусловлена только отсутствием полноценного закрепления в законе принципов уго-

[5] По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи и жалобой администрации муниципального образования город Мурманск: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 43-П // Рос. газ. 2020 г. 20 июля.

ловного судопроизводства, нельзя считать, что аналогия является способом преодоления только пробелов в праве. Напротив, чаще всего аналогия применяется в ситуациях, когда правильный вариант поведения при надлежащей квалификации правоприменителя может быть найден без каких-либо изменений закона [6, с. 10; 16, с. 11–12].

Однако должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, обязаны действовать и в ситуациях пробелов в праве: отсутствие прямого регулирования общественного отношения при неполноценной системе уголовно-процессуальных принципов. Именно по причине такой неполноценности пробельность уголовно-процессуального права – заметная проблема. К сожалению, принципиальное положение о публичности уголовного судопроизводства так тщательно «зашито» в системе процессуальных норм, что отыскать его едва ли возможно. Очевидно, что положения ст. 21 УПК РФ об обязательности уголовного преследования как в силу их расположения в системе уголовно-процессуальных норм и проходного наименования статьи, в которой они размещены, так и в силу их очевидной узости не могут считаться ясным обозначением публичности, которая предполагает защиту средствами уголовного судопроизводства интересов нравственно здорового большинства населения страны.

Конечно, производство не может быть остановлено и в случае пробела в уголовно-процессуальном праве, т. е. в ситуациях невозможности опереться на закрепленные принципы при принятии решения. В данном случае ожидание от правоприменителя смелости самостоятельного формулирования недостающего принципа – из числа несбыточных. Однако только такой вариант аналогии права в данном случае является единственным выходом, найти который можно только при наличии условий, названных В. М. Барановым и обозначенных выше, в числе которых и смелость. Например, вопрос о праве суда производить следственно-судебные действия, не предусмотренные прямо в гл. 37 УПК РФ, в том числе и по собственной инициативе, должен быть разрешен исключительно положительно, поскольку принцип состязательности не отменяет публичности уголовного судопроизводства, которая в данном случае требует принятия судом всех необходимых мер для правильного установления значимых для уголовного дела обстоятельств. Однако повсеместно суды таких действий, конечно, не совершают.

Конституционно-правовой основой публичности как основной идеи уголовного судопроизводства являются положения ч. 3 ст. 55 Конституции, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Именно эти публично-правовые ценности должны в первую очередь учитываться при принятии решений в случае пробела в уголовно-процессуальном праве и лишь после этого – права и свободы отдельной личности, обеспечение которых также является элементом публичного интереса, однако которые не являются той исключительной ценностью, ради которой ограничиваются блага, указанные в ч. 3 ст. 55 Конституции.

Правильное применение аналогии в типичных ситуациях «квалифицированного умолчания законодателя» или в случае наличия пробела в уголовно-процессуальном праве может определяться правовыми позициями Конституционного Суда и разъяснениями судебной практики Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд). Статус таких правовых позиций и разъяснений спорен и в науке уголовного процесса продолжает дискутироваться.

Между тем мы продолжаем занимать позицию, которую отстаивали еще в 2008 г. [13, с. 34–44]: правовые позиции Конституционного Суда и разъяснения по вопросам судебной практики Пленума Верховного Суда отвечают всем признакам правовой нормы. Они представляют собой правила поведения, рассчитаны на неоднократное применение неограниченным кругом участников правоотношений, их невыполнение влечет негативные последствия со стороны государства в лице его органов (отмена приговора, признание иного процессуального решения незаконным и др.). По сути, Конституционный Суд или Пленум Верховного Суда либо формулируют правило, конкретизирующее правовую норму с точки зрения ее правильного толкования, либо диктуют вариант поведения при наличии пробела в праве (аналогия права), или же указывают на путь применения аналогии закона. В связи с этим правило, предусмотренное для гражданского (ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ), арбитражного (ч. 4 ст. 170 АПК РФ) и административного судопроизводства (п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ), согласно которому в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда, вполне оправданы. Кроме того, следовало бы указать на прямую обязанность руководствоваться разъяснениями судебной практики, которые дал Пленум Верховного Суда, и не только ими: точнее в этом смысле КАС РФ, где речь идет о воз-

можности ссылок (лучше бы об обязанности руководствоваться) на постановления и решения Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного Суда Российской Федерации. Согласиться с допустимостью ссылок в мотивировочной части решения на постановления Президиума Верховного Суда, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда, утвержденные его Президиумом (ч. 4 ст. 170 АПК РФ, ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС РФ), никак нельзя. Не спасает здесь и оговорка в КАС, согласно которой такие ссылки делаются в целях обеспечения единства судебной практики и законности. Конституционный статус имеют только разъяснения Верховного Суда по вопросам судебной практики, которые согласно законодательству даются Пленумом Верховного Суда. Ссылки на решения Президиума Верховного Суда или на утвержденные им обзоры судебной практики вполне могут оказаться ссылками на незаконные правоприменительные решения. Незаконное же единство судебной практики, естественно, очевидный нонсенс.

Правоприменитель в существующих условиях конституционно урегулированных полномочий Конституционного и Верховного судов обязан не только ориентироваться на правила, сформулированные ими, но и прямо ими руководствоваться. Будем справедливы, многие решения Конституционного Суда весьма спорны, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, к сожалению, подменяют собой законодателя, они не только разъясняют судебную практику, но и вторгаются в исключительную сферу законодателя, формулируя вместо него правила, которые в нарушение ч. 3 ст. 55 УПК РФ могут ограничиваться только федеральным законом. Как иначе можно расценить, например, разъяснение Пленума Верховного Суда, согласно которому допускается продление срока задержания на срок не более чем 72 часа в случае неявки в судебное заседание по рассмотрению ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу защитника, избранного обвиняемым, подозреваемым (или с его согласия) в случае, если участие защитника является обязательным. Очевидно, что п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ предполагает совершенно иные случаи: продление срока задержания допускается только в случае необходимости представления дополнительных доказательств необходимости (отсутствия таковой) избрания меры пресечения в виде заключения под стражу[6]. Аналогия в данном случае недопустима. Ограничение конституционных прав личности по организационным причинам – нарушение принципа законности, охраны прав и свобод человека и гражданина и, главное, справедливости, требованиям которой, согласно многочисленным позиция Конституционного Суда, должно отвечать судопроизводство.

Кроме того, явно неконституционно применение по аналогии процессуального принуждения, поскольку всегда представляет собой ограничение конституционных прав человека и гражданина, которое возможно только по прямому разрешению законодателя (ч. 3 ст. 55 Конституции) [16, с. 13–14][7]. Отсюда следует, что, например, при производстве любых следственных действий в ходе проверки сообщения о преступлении принуждение непозволительно, если прямо не предусмотрено в отношении участников судопроизводства, действующих на стадии возбуждения уголовного дела. Например, невозможно на данной стадии принудительное освидетельствование, поскольку обязательность постановления о нем предусмотрена только в отношении обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего и свидетеля.

Недоумение вызывают некоторые решения законодателя, которыми не только размываются критерии допустимости аналогии в уголовном судопроизводстве, но и попросту предлагается действовать вопреки иным законодательным установлениям. Требование законодателя предупреждать (судя по всему по аналогии) участников проверки сообщения о преступлении о неразглашении данных досудебного производства в порядке, предусмотренном ст. 161 УПК РФ, весьма близко к разрешению незаконного воздействия на участников уголовного судопроизводства, поскольку ст. 310 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность только за разглашение данных предварительного расследования, о чем и должны, согласно ст. 310 УПК РФ, предупреждаться участники процесса.

Законодателю следовало бы не умалчивать об аналогии в уголовном судопроизводстве, а прямо предусмотреть ее возможность и нормативно закрепить критерии, при которых она правомерна: отсутствие нормы, регулирующей возникшее общественное отношение, обязательность применения правовых позиций Кон-

[6] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

[7] Стремление законодателя ограничить поток жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в суд положениями ч. 1 ст. 125 УПК РФ, предусматривающими такую возможность только для действий, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ к правосудию, вполне понятно. Однако будем реалистами (как любил повторять в своих трудах профессор О. Я. Баев), вряд ли мы найдем меру принудительного характера в уголовном судопроизводстве, которая не ограничивала бы конституционные права человека так или иначе.

ституционного Суда или разъяснений по вопросам судебной практики Пленума Верховного Суда; при их отсутствии применение принципов уголовного судопроизводства или (при их недостаточности) общих принципов осуществления правосудия в России с учетом публичности уголовного судопроизводства и приоритета исключительных ценностей, предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции; невозможность какого-либо принуждения по аналогии.

Умолчание законодателя об аналогии и правилах ее использования именно в уголовном судопроизводстве – существенная ошибка, дезориентирующая правоприменителя и склоняющая его к исключительно буквальному подходу к тексту УПК РФ.

Список литературы:

1. *Баранов В. М.* «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. М., 2008.
2. *Белоносов В. О.* Современное состояние уголовно-процессуального законотворчества в России // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 2.
3. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 2000.
4. *Васильев О. Л.* Нравственные начала уголовного процесса // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1.
5. *Власенко Н. А.* Об аналогии в современном процессуальном праве // Российская юстиция. 2005. № 7.
6. *Зайцева Е. С., Козловский П. В.* Аналогия как способ преодоления пробелов в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 4 (63).
7. *Зорькин В.* Право будущего в эпоху цифр (индивидуальная свобода или сильное государство?) // Рос. газ. 2020. 15 апреля.
8. *Зорькин В. Д.* Право – и только право // Рос. газ. 2015. 24 марта.
9. *Зорькин В. Д.* Из выступления на IX Всероссийском Съезде судей. URL: www.supcourt.ru (дата обращения: 01.08.2020).
10. *Зуев С. В.* Трансформация уголовного судопроизводства: перспективы и возможные риски // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: матер. XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения): в 3 ч. М., 2019. Ч. 3.
11. Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л. В. Головко. М., 2017.
12. *Пиголкин А. С.* Обнаружение и преодоление пробелов права // Советское государство и право. 1970. № 3.
13. *Победкин А. В.* Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как форма толкования и преодоления пробелов уголовно-процессуального права // Государство и право. 2008. № 11.

References:

1. *Baranov V. M.* «Kvalificirovannoe molchanie zakonodatelya» kak obshchepravovoj fenomen (k voprosu o sushchnosti i sfere funkcionirovaniya probelov v prave) // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. M., 2008.
2. *Belonosov V. O.* Sovremennoe sostoyanie ugolovno-processual'nogo zakonotvorchestva v Rossii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2019. T. 27 (1–4). № 2.
3. *Bekkaria Ch.* O prestupleniyah i nakazaniyah. M., 2000.
4. *Vasil'ev O. L.* Nravstvennye nachala ugolovnogo processa // Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process. 2018. № 1.
5. *Vlasenko N. A.* Ob analogii v sovremennom processual'nom prave // Rossijskaya yusticiya. 2005. № 7.
6. *Zajceva E. S., Kozlovskij P. V.* Analogiya kak sposob preodoleniya probelov v ugolovnom sudoproizvodstve // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 4 (63).
7. *Zor'kin V.* Pravo budushchego v epohu cifr (individual'naya svoboda ili sil'noe gosudarstvo?) // Ros. gaz. 2020. 15 aprelya.
8. *Zor'kin V. D.* Pravo – i tol'ko pravo // Ros. gaz. 2015. 24 marta.
9. *Zor'kin V. D.* Iz vystupleniya na IX Vserossijskom S"ezde sudej. URL: www.supcourt.ru (data obrashcheniya: 01.08.2020).
10. *Zuev S. V.* Transformaciya ugolovnogo sudoproizvodstva: perspektivy i vozmozhnye riski // Rossijskaya pravovaya sistema v usloviyah chetvertoj promyshlennoj revolyucii: mater. XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kutafinskie chteniya): v 3 ch. M., 2019. CH. 3.
11. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva / pod red. L. V. Golovko. M., 2017.
12. *Pigolkin A. S.* Obnaruzhenie i preodolenie probelov prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1970. № 3.
13. *Pobedkin A. V.* Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii kak forma tolkovaniya i preodoleniya probelov ugolovno-processual'nogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2008. № 11.
14. *Rossinskij S. B., Chelohsaev O. Z.* O ponyatii i sushchnosti principov ugolovnogo sudoproiz-

14. *Россинский С. Б., Челохсаев О. З.* О понятии и сущности принципов уголовного судопроизводства // Юридическое образование и наука. 2017. № 6.
15. *Россинский С. Б.* Что может быть практичнее хорошей теории: продолжаем обсуждать проблемы юридического образования // Юридическое образование и наука. 2018. № 9.
16. *Тихомирова В. В.* Применение аналогии закона и аналогии права в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
17. *Уранский Ф. Р.* Способы установления и восполнения пробелов в праве // Ученые записки юридического факультета. Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. 2005. № 3 (13).
18. *Фидаров В. В.* Пределы допустимости применения института аналогии закона и аналогии права в правовой системе России: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
19. *Францифоров Ю. В., Овчинникова Н. О.* Аналогия закона и аналогия права в российском уголовном процессе как способ преодоления пробелов в уголовно-процессуальном праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2016. № 1 (30).

vodstva // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2017. № 6.
15. *Rossinskij S. B.* Chto mozhet byt' praktichnee horoshej teorii: prodolzhaem obsuzhdat' problemy yuridicheskogo obrazovaniya // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2018. № 9.
16. *Tihomirova V. V.* Primenenie analogii zakona i analogii prava v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012.
17. *Uranskij F. R.* Sposoby ustanovleniya i vospolneniya probelov v prave // Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i finansov. 2005. № 3 (13).
18. *Fidarov V. V.* Predely dopustimosti primeneniya instituta analogii zakona i analogii prava v pravovoj sisteme Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Tambov, 2009.
19. *Franciforov Yu. V., Ovchinnikova N. O.* Analogiya zakona i analogiya prava v rossijskom ugolovnom processe kak sposob preodoleniya probelov v ugolovno-processual'nom prave // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya. 2016. № 1 (30).

Для цитирования:

Победкин Александр Викторович. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66–77.

For citation:

Pobedkin Aleksandr Viktorovich. Criteria for the legality of applying the analogy in criminal proceedings // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 66–77.

ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА СИЗОВА,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: svnn@inbox.ru

Научная специальность:
12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

ORCID 0000–0002–0996–4389

УДК 343.271

Дата поступления: 6 мая 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

VIKTORIYA NIKOLAEVNA SIZOVA,
Candidate of Law,
Leading Researcher at the Research Center
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: svnn@inbox.ru

Scientific specialty:
12.00.08 – Criminal Law and Criminology;
Criminal Executive Law.

Анализ международно-правовых норм об уголовной ответственности юридических лиц в контексте введения института уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство

Analysis of International Legal Norms on Criminal Liability of Legal Entities in the Context of the Introduction of the Institution of Criminal Liability of Legal Entities in Russian Legislation

Аннотация

Актуальность: учитывая возросшую сегодня дискуссионность по вопросу целесообразности, научной и практической обусловленности включения в систему российского уголовного законодательства института уголовной ответственности юридических лиц, а также существование различных точек зрения на данную проблему, считаем необходимым в рамках настоящей статьи предпринять попытку осуществления анализа международно-правовых норм об уголовной ответственности юридических лиц.

Постановка проблемы: необходимо отметить, что первые нормы об уголовной ответственности юридических лиц нашли свое отражение в законодательной системе небольшого числа стран, относящихся к системе общего права. С ростом числа государств, в которых положения об уголовной ответственности юридических лиц были закреплены законодателем,

Annotation

The relevance: taking into account the increased discussion on the expediency, scientific and practical conditionality of including the Institute of criminal liability of legal entities in the system of Russian criminal legislation, as well as the existence of various points of view on this problem, we consider it necessary to make an attempt to analyze international legal norms on criminal liability of legal entities within the framework of this article.

The problem statement: it should be noted that the first rules on criminal liability of legal entities are reflected in the legislative system of a small number of countries belonging to the common law system. With the growing number of States where the provisions on criminal liability of legal entities have been fixed by the legislator, the question of the importance and significance of international legal regulation of this type of liability has become particularly relevant, which has resulted in the development of a system of international treaties in

особую актуальность приобрел вопрос о важности и значимости международно-правовой регламентации данного вида ответственности, результатом чего стала разработка системы международных договоров в указанной сфере. По прошествии времени принятые международные договоры, в которых были учтены и обобщены наиболее важные положения национальных законодательных систем об уголовной ответственности юридических лиц, начали существенно влиять на становление национальных законодательных систем.

Цель исследования состоит в развитии научного понимания о целесообразности включения в систему российского уголовного законодательства норм об уголовной ответственности юридических лиц.

Методы исследования: диалектика, анализ, системно-структурный; формально-логический, сравнительно-правовой.

Результаты и ключевые выводы: уголовно-правовые системы не всех государств в полной мере готовы сегодня к включению в них института уголовной ответственности юридических лиц. Вместе с тем очевидные условия для этого имеются в различного рода международных нормативных положениях, а стремительное увеличение числа некоторых видов преступных деяний еще более подчеркивает важность и значимость правовых установлений в вопросе привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. В современном обществе уже назрело понимание того, что эффективное противодействие преступности сегодня возможно лишь при активном взаимодействии и объединении усилий законодательных и правоприменительных органов различных государств, о чем регулярно идет речь в дискуссиях по вопросу необходимости конвергенции национального уголовного законодательства.

Ключевые слова: *уголовное законодательство; уголовная ответственность; юридические лица; субъекты совершенных уголовных преступлений; международно-правовые нормы; национальные законодательные системы; эффективное противодействие преступности.*

this area. Over time, the international treaties adopted, which took into account and summarized the most important provisions of national legal systems on criminal liability of legal entities, began to significantly influence the development of national legal systems.

The purpose of the study is to develop a scientific understanding of the feasibility of including in the system of Russian criminal legislation norms on criminal liability of legal entities.

The research methods: dialectics, analysis, system-structural, formal-logical, comparative-legal.

The results and key conclusions: the criminal law systems of not all States are fully ready to include the institution of criminal liability of legal entities in them today. However, there are obvious conditions for this in various types of international regulations, and the rapid increase in the number of certain types of criminal acts further emphasizes the importance and significance of legal provisions in the issue of bringing legal entities to criminal responsibility. In modern society, there is already an understanding that effective crime prevention today is possible only with active interaction and joint efforts of legislative and law enforcement agencies of various States, which is regularly discussed in discussions on the need for convergence of national criminal legislation.

Keywords: *criminal legislation; criminal liability; legal entities; subjects of committed criminal crimes; international legal norms; national legislative systems; effective counteraction to crime.*

Необходимо отметить, что изучение международных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы, связанные с возможностью привлечения к ответственности юридических лиц, учеными ранее уже осуществлялось [7, с. 112–124]. Вместе с тем настоящее исследование посвящено правовому анализу данных документов с учетом актуализации отдельных положений, а также тех изменений и тенденции, которым подверглись на сегодняшний день социально-правовая, экономическая, духовная сферы жизни общества.

Приступая к анализу международно-правовых норм об уголовной ответственности юридических лиц, отметим, что изучение законодательных актов, ее устанавливающих, должно осуществляться с обязательным учетом тенденций и взаимообусловленности в процессах

определения такой ответственности. Так, например, соответствующие международные договоры, исходя из приоритета уголовной ответственности, допускают применение к юридическим лицам административно-правовых мер и мер гражданской ответственности. Что касается уголовной ответственности, следует отметить довольно широкое ее понимание в международных актах, включающее в себя применение уголовных наказаний и иных мер уголовно правового характера: очевидно, что юридические лица не во всех случаях выступают в качестве субъектов совершенных уголовных преступлений, иногда достаточным оказывается признание их субъектами уголовной ответственности. Определение уголовной ответственности в отношении юридических лиц в конкретных государствах определяется тем, что именно национальный законодатель понимает под данным определением.

В частности, необходимо отметить, что содержанием нормативных правовых документов, затрагивающих вопросы противодействия преступлениям в условиях формирования перспективной модели системы экономики, предусматривается возможность для законодателей различных стран рассмотреть вопрос о привлечении к уголовной ответственности лица, действовавшего в интересах компании, организации и самого такого учреждения, корпорации или предприятия, с помощью разработки необходимых направлений по предупреждению возможных преступных действий с их стороны и назначению справедливого наказания за совершение таких действий[1].

Отметим, что вопросы применения уголовной ответственности в отношении юридических лиц имеют актуальность в международном праве на протяжении длительного периода времени. Так, в 1929 г. в ходе работы Международного конгресса по уголовному праву ключевой идеей, получившей одобрение, стало указание на необходимость законодательного закрепления института уголовной ответственности в отношении юридических лиц [6, с. 137].

Компетентные должностные лица, входящие в Европейский комитет по проблемам преступности, вышли с обращением в адрес законодателей различных стран с инициативой изучения проблемы, связанной с определением статуса юридического лица в качестве субъекта преступлений [4].

Очевидно, что кроме административно-правовых и гражданско-правовых мер ответственности изучению следует подвергать вопрос о роли и значимости уголовно-правовых норм, образующих эффективный инструментарий в осуществлении подобного контроля. Учитывая то обстоятельство, что и законно созданные организации могут оказаться вовлеченными, например, в транснациональную преступность, имеющую пагубные последствия для экономической системы в целом, соответствующим правоохранительным органам следует направить усилия на создание комплексных профилактических мероприятий в данном направлении.

В ходе проводимых конференций по вопросам профилактики и борьбы с преступностью [5] острую дискуссионность получили вопросы, связанные с возможностью привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Представители многих стран, принимавшие участие в работе данных Конгрессов, поддержали идею корпоративной уголовной ответственности в государствах, где она на тот момент отсутствовала, обусловливая этот шаг необходимостью предупреждения экологической катастрофы, которую могли бы вызвать определенные противоправные действия предприятий. Обсуждению были подвергнуты и вопросы видов наказаний за совершение подобных преступлений применительно к юридическим лицам. Предлагалось ввести высокие денежные санкции; ликвидацию предприятий; невозможность заключения с ними договоров на проведение тех или иных работ, осуществление которых обеспечивается государством; судебный надзор; ограничительные санкции в функционировании предприятия, конфискацию производимых предприятием товаров или производственного оборудования, выступивших орудием или предметом совершения преступления.

Сегодня на первый план выходят проблемы установления уголовной ответственности в отношении юридических лиц, которые стали предметом обсуждения и заложили основу для разработки фундаментальной базы документов с разносторонними наборами факторов и условий решения указанной проблемы.

Одним из первых документов, направленным на решение вышеизложенных вопросов, стала Конвенция «Против транснациональной организованной преступности»[2], которая регламентирует деяния, в обязательном порядке требующие криминализации для всех без исключения стран-участников. Исходя из текста

[1] Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового экономического порядка // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия». Нью-Йорк, 1992 г. URL: http://docs.cntd.ru/document/901809391 (дата обращения: 24.04.2020).

[2] Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.). Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 25 июня 2004 г. // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.

ст. 10 Конвенции, каждое государство-участник должно разработать перечень мер, учитывающих сложившуюся в нем систему правовых принципов, которые потребуются для введения в национальное законодательство института ответственности юридических лиц в связи с их участием в преступлениях[3]. Таким образом, разработчики Конвенции обозначили острую актуальность вопроса об установлении уголовной ответственности юридических лиц за отмывание доходов от преступной деятельности, коррупционные преступления.

В следующем примечательном с точки зрения рассматриваемых вопросов документе[4] указывается, что всем странам-участникам необходимо выработать комплекс мероприятий, позволяющих использовать в отношении юридических лиц действенные уголовные или неуголовные санкции, в том числе денежные штрафы. Отличительной особенностью данного положения является то важное обстоятельство, что юридические лица могли оказаться привлеченными к ответственности в случае совершения любого из указанных в тексте Конвенции преступлений, а не в строго определенных ситуациях, как это было прежде. В данном случае имеется в виду криминализациия подкупа национальных публичных должностных лиц, т. е. обещания, предложения или предоставления публичному должностному лицу, лично или с помощью посредников, неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического, или юридического лица с тем, чтобы это должностное лицо совершило действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей[5].

Немалый интерес в рамках настоящего исследования, на наш взгляд, представляют собой нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы ответственности юридических лиц, принятые на региональном уровне. Отметим, что региональные международные организации в процессе своей законодательной деятельности полномочны принимать документы, посвященные законодательному регулированию вопросов уголовной ответственности в отношении юридических лиц.

В связи с этим нельзя не отметить документ, направленный на выработку комплексных мер, в качестве цели которых выступает криминализация преступлений коррупционной направленности с отдельным акцентом на уголовную ответственность юридических лиц[6].

Кроме того, в указанном документе содержится разъяснение понятия юридического лица, под которым предлагается понимать образование с присущим ему таковым статусом, исходя из положений национального законодательства. Исключение из данного положения составляют государства; публичные органы, осуществляющие свою деятельность в целях реализации возложенных на них государством полномочий; межправительственные организации[7].

Подлежит применению в отношении юридических лиц и ст. 7 Конвенции, в которой, в частности, речь идет о подкупе в частном секторе – обещание, предложение, предоставление неправомерного преимущества лицам, занимающим руководящие посты на предприятиях частного сектора[8].

Проводимый анализ нормативных правовых документов позволяет сделать промежуточный вывод о наличии коррупционной составляющей в вопросе привлечения юридических лиц к уголовной ответственности. Указанный вопрос становился предметом дискуссий на самых различных конференциях, итогом которых явилось издание соответствующих правовых актов. Так, например, была создана Конвенция о предупреждении терроризма[9], положения которой призывали представителей иностранных стран направить усилия на борьбу с терроризмом, в том числе совершаемым и юридическими лицами. Более того, данный документ регламентирует вопросы, связанные с устранением воздействия терроризма, оказываемого в части права каждого индивида на жизнь, и содержит указание на комплекс мер, обязательных к применению в рамках национального и международного законодательства. Положения ст. 5–7 Конвенции регламентируют вопросы уголовной ответственности за осуществление действий, связанных с подстрекательством к совершению террористических актов[10].

Следующим актуальным в рамках темы настоящего исследования документом выступает правовой акт, направленный на борьбу с компьютерными преступлениями[11]. Нельзя не при-

[3] Там же.

[4] Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Россия подписала Конвенцию 27 января 1999 г. (распоряжение Президента Российской Федерации от 25 января 1999 г. № 18-рп). Ратифицирована Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.

[5] Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Россия подписала Конвенцию 27 января 1999 г. (распоряжение Президента Российской Федерации от 25 января 1999 г. № 18-рп). Ратифицирована Федеральным законом от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.

[6] Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 1 февраля 2007 г. // Бюллетень международных договоров. 2009. № 9.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма. Ратифицирована Федеральным законом РФ от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ // Бюллетень международных договоров. 2006. № 6.

[10] Там же.

[11] Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). URL: https://base.garant.ru/4089723/ (дата обращения: 23.04.2020 г.).

знать тот очевидный факт, что на сегодняшний день вряд ли кто мыслит свою жизнь без обращения к сети Интернет. Вместе с тем всемирная компьютерная сеть используется в весьма различных целях, в том числе и преступных, среди которых глобальные угрозы для всего человечества содержит террористическая деятельность многообразных организаций, а также отдельных лиц. Целями террористической деятельности являются насильственное изменение основ конституционного строя, дезорганизация нормального функционирования органов государственной власти. Данные преступные замыслы зачастую реализуются посредством использования всемирной компьютерной сети с задействованием тех или иных ресурсов для размещения и постоянной актуализации экстремистской информации.

Организации подобного толка зачастую организуют работу по отбору кандидатов в свои члены, используя именно социальную сеть как крупнейший обобщенный источник информации. Сегодня у всех на слуху такое явление современности, как кибертерроризм[12] [1, с. 189].

Отметим, что наша страна не входит в перечень стран-участниц данной Конвенции. Однако важным является действие положений Конвенции и в отношении юридических лиц. Указанные положения касаются таких составов преступлений, как противозаконный доступ к компьютерной системе, неправомерный перехват компьютерных данных, передаваемых в компьютерную систему, и т. п.[13].

Уточняя и конкретизируя вопросы, связанные с привлечением к уголовной ответственности юридических лиц, положения Конвенции содержат указание на то, что каждое государство-участник должно разработать комплекс законодательных мер, направленных на создание условий для привлечения юридических лиц к ответственности за преступления, совершаемые ими во всемирной компьютерной сети. При этом государства-участники должны выработать перечень необходимых мер в целях реализации привлечения юридических лиц к уголовной ответственности в ситуациях совершения указанной категории компьютерных преступлений физическим лицом, которое действовало исходя из делегированных ему полномочий со стороны юридического лица[14].

Учитывая потребность современного общества и государства в целом в эффективной уголовно-правовой политике, имеющей в качестве первоочередных целей обеспечение защиты общества от наиболее опасных видов преступной деятельности юридических лиц, принимается документ, посвященный проблемам, связанным с отмыванием доходов от преступной деятельности[15].

Развивая нормативные правовые установления, отраженные в Конвенции об отмывании доходов 1990 г., Совет Европы принимает еще один важный с точки зрения науки и практики установления уголовной ответственности в отношении юридических лиц правовой акт, регламентирующий финансирование терроризма[16].

Положениями ст. 10 указанного документа регламентируется порядок привлечения к уголовной ответственности юридических лиц за совершение ими преступлений, относящихся к группе предикатных, а именно: отмывание денег, совершаемое в целях получения выгод[17].

Завершая изучение конвенциональных соглашений Совета Европы, особое внимание необходимо обратить на сплочение усилий многих стран в противодействии преступлениям, совершаемым юридическими лицами, и выработку ими на этой основе соответствующих нормативных правовых актов с яркой тенденцией усиления принимаемых в отношении юридических лиц санкций.

Что касается ряда других нормативных правовых актов, направленных на противодействие совершаемым юридическими лицами преступлениям, необходимо указать и на документ, направленный на борьбу с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок[18]. Среди причин принятия данного документа находятся обоснованные опасения со стороны ряда стран, обусловленные масштабами совершения подкупа в процессе заключения коммерческих сделок международного уровня, угрожающие политической сфере и дестабилизирующие экономику.

Еще одним документом, представляющим особый интерес в рамках темы исследования,

[12] Термин «кибертерроризм» стал известен, начиная с середины 80-х гг. XX в. Автором разработки данного термина стал Бэрри Коллин, работавший старшим научным сотрудником в американском Институте безопасности и Разведки. Первоначально указанный термин подразумевал террористические действия в виртуальном пространстве и подлежал применению лишь для прогнозов на будущее.

[13] Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.). URL: https://base.garant.ru/4089723/(дата обращения: 23.04.2020 г.).

[14] Там же.

[15] Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности. Ратифицирована Федеральным законом от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 3.

[16] Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма CETS № 198. Варшава, 16 мая 2005 г. Ратифицирована Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 183-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.04.2020 г.).

[17] Там же.

[18] Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 17 апреля 2012 г. // СЗ РФ. 2012. № 17. Ст. 1899.

является Рамочное решение Совета Европейского Союза «О борьбе с коррупцией в частном секторе», закрепляющее своими положениями применение следующих санкций в отношении юридических лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния: прекращение льготной поддержки данных лиц органами власти, обязательный судебный надзор за этими лицами, ликвидация по решению суда[19].

Усилиями Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег – Groupe d'financiere (GAFI) [8] были разработаны рекомендации относительно эффективности мер, принимаемых в целях противодействия отмыванию денежных средств. Данные рекомендации призваны обеспечить защиту банковских учреждений, страховых и трастовых компаний и т. п. от указанных преступных действий с помощью специализированной системы отбора их владельцев (в первую очередь) и сотрудников [9].

Таким образом, исследование международно-правовых норм об уголовной ответственности юридических лиц позволяет сделать вполне обоснованный, на наш взгляд, вывод о той колоссальной по своим масштабам работе, которая ведется в направлении решения проблем, связанных с привлечением юридических лиц к уголовной ответственности.

Призывают к этому и положения многочисленных нормативных предписаний, содержащихся в международных конвенциях. Следует отметить, что принимаемые прежде международные нормативные правовые акты имели в основном рекомендательный характер, тогда как принимаемые сегодня документы международного уровня накладывают на государства обязательства по привлечению юридических лиц к уголовной ответственности в случае совершения ими преступлений, подвергающих реальной опасности экономические и политико-правовые устои всего международного сообщества.

Несмотря на идеи достаточности и соразмерности применения в отношении юридических лиц гражданско-правовых и административно-правовых санкций за совершение ими противоправных деяний, высказываемые сегодня противниками введения института уголовной ответственности юридических лиц, по нашему мнению, эффективным способом противодействия указанным деяниям должно стать именно уголовно-правовое регулирование данного вопроса.

На необходимость скорейшего положительного решения вопроса о привлечении юридических лиц к уголовной ответственности обращается внимание и в юридической литературе. Так, в частности, указывается на то, что противоправные деяния, совершаемые юридическими лицами, не только создают у населения ощущение вседозволенности, но и способствуют формированию нигилистического отношения к правовым предписаниям в целом. Отмечается, что на сегодняшний день крайне важно осуществить масштабную переоценку правовых ценностей, направить комплексные усилия на борьбу с преступной деятельностью, осуществляемой юридическими лицами, разработать действенный механизм в виде создания специальных мер по оказанию противодействия такой деятельности [2, с. 184].

В связи с этим Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин совершенно справедливо отмечает, что сегодня стоит вести речь о появлении неизвестного ранее российскому обществу вида преступной деятельности, участниками которой становятся юридические лица [3].

А. В. Федоров указывает на то, что отдельно взятое преступное деяние в отдельно взятом случае вполне может представлять собой совокупность противоправных действий многих лиц, действующих исходя из политики руководства юридического лица. В подобной ситуации привлечение к уголовной ответственности отдельного лица вряд ли может являться достаточно действенной мерой, направленной на недопущение преступных действий со стороны юридического лица [1, с. 116].

Доводы против включения института уголовной ответственности юридического лица выстраиваются на убежденности противников положительного решения данного вопроса в отсутствии достаточной степени готовности российской законодательной системы к подобному новшеству. Вместе с тем, по нашему мнению, сегодня имеются все условия для организации эффективного противодействия преступлениям, совершаемым юридическими лицами. Для этого и создана глобальная международно-правовая база, о чем указывалось ранее, а законодательные и правоохранительные органы различных государств все чаще обращаются к вопросу о необходимости объединения принимаемых усилий в организации борьбы с преступлениями, совершаемыми юридическими лицами, на международном уровне, что обусловливает важность положительного решения о введении института уголовной ответственности юридических лиц в систему российского уголовного законодательства.

[19] Рамочное решение № 2003/568/ПВД Совета Европейского Союза «О борьбе с коррупцией в частном секторе» (принято в г. Брюсселе 22 июля 2003 г.) // Информационный банк данных «Международное право». URL: http://www.consultant.ru/(дата обращения: 24.04.2020 г.).

Список литературы:

1. *Бураева Л.А.* Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 2.
2. *Бытко Ю.И.* Нужен ли России такой закон (к вопросу о проекте закона об уголовной ответственности юридических лиц) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2 (103).
3. Интервью Председателя Следственного Комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина Российской газете. URL: rg.ru (дата обращения: 20.04.2020).
4. Пленарное заседание Европейского комитета по проблемам преступности (ЕКПП). Страсбург, 1978 г. URL: http://crimescience.ru/wp-content/ (дата обращения: 20.04.2020).
5. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992.
6. *Смольянинов Е.С.* Особенности уголовной политики зарубежных стран в сфере охраны экономической деятельности: история и современное состояние // Вестник РГГУ. Серия Экономика. Управление. Право, 2015.
7. *Федоров А.В.* Международные договоры об установлении уголовной ответственности юридических лиц // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 2 (54).
8. URL: https://www banki.ru/http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.04.2020).
9. URL: https://www.rbc.ru/finances/ (дата обращения: 24.04.2020).

References:

1. *Buraeva L.A.* Kiberterrorizm kak novaya i naibolee opasnaya forma terrorizma // Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki. 2017. № 2.
2. *Bytko Yu. I.* Nuzhen li Rossii takoj zakon (k voprosu o proekte zakona ob ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskih lic) // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2015. № 2 (103).
3. Interv'yu Predsedatelya Sledstvennogo Komiteta Rossijskoj Federacii A.I. Bastrykina Rossijskoj gazete. URL: rg.ru (data obrashcheniya: 20.04.2020).
4. Plenarnoe zasedanie Evropejskogo komiteta po problemam prestupnosti (EKPP). Strasburg, 1978 g. URL: http://crimescience.ru/wp-content/ (data obrashcheniya: 20.04.2020).
5. Sbornik standartov i norm Organizacii Ob"edinennyh Nacij v oblasti preduprezhdeniya prestupnosti i ugolovnogo pravosudiya. N'yu-Jork, 1992.
6. Smol'yaninov E.S. Osobennosti ugolovnoj politiki zarubezhnyh stran v sfere ohrany ekonomicheskoj deyatel'nosti: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Vestnik RGGU. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo, 2015.
7. *Fedorov A.V.* Mezhdunarodnye dogovory ob ustanovlenii ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskih lic // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. № 2 (54). 2015.
8. URL: https://www banki.ru/http://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya: 24.04.2020).
9. URL: https://www.rbc.ru/finances/ (data obrashcheniya: 24.04.2020).

Для цитирования:

Сизова Виктория Николаевна. Анализ международно-правовых норм об уголовной ответственности юридических лиц в контексте введения института уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 78–84.

For citation:

Sizova Viktoriya Nikolaevna. Analysis of International Legal Norms on Criminal Liability of Legal Entities in the Context of the Introduction of the Institution of Criminal Liability of Legal Entities in Russian Legislation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 78–84.

ВЯЧЕСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ УРБАН,
ученый секретарь ученого совета,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8)

E-mail: policaj@mail.ru

VYACHESLAV VLADIMIROVICH URBAN,
Candidate of Law,
Academic Secretary of the Academic Council
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: policaj@mail.ru

Научная специальность:
12.00.09 — уголовный процесс.

Scientific specialty:
12.00.09 — Criminal Procedure.

УДК 343.13

Дата поступления: 7 мая 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации

Concept and Content of the Criminal Procedure Policy of the Russian Federation

Аннотация

Актуальность темы: в настоящее время в науке нет единого подхода к определению понятия уголовно-процессуальной политики, к ее содержанию, что негативным образом сказывается на эффективности реализации правоохранительной функции государства.

Так, отсутствие единого теоретического фундамента приводит к тому, что при исследовании одних и тех же проблем различными учеными полученные результаты содержат диаметрально противоположные выводы. Кроме того, данное обстоятельство не дает возможности произвести объединение имеющихся наработок и сформировать эффективно функционирующую систему элементов уголовно-процессуальной политики.

Целью данной работы является определение содержания уголовно-процессуальной политики и выявление характера взаимосвязи и взаимозависимости ее структурных элементов.

Методы исследования: Методологической базой исследования является прежде всего диалектический метод познания, позволивший всесторонне и объективно рассмотреть вопросы уголовно-процессуальной политики. Использование формально-логического метода дало возможность выявить и проанализировать элементы, составляющие понятие и содержание уголовно-процессуальной политики. В работе представлен анализ имеющихся в юридической науке подходов к определениям уголовной и уголовно-процессуальной политики.

Annotation

The relevance of the study: currently, there is no unified approach in science to the definition of the concept of criminal procedure policy and its content, which negatively affects the effectiveness of the implementation of the law enforcement function of the state.

Thus, the lack of a single theoretical Foundation leads to the fact that when studying the same problems by different scientists, the results obtained contain diametrically opposite conclusions. In addition, this circumstance also makes it impossible to combine existing developments and form an effectively functioning system of elements of criminal procedure policy.

The purpose of this work is to determine the content of criminal procedure policy and identify the nature of the relationship and interdependence of its structural elements.

The research methods: the Methodological basis of the research is primarily a dialectical method of cognition, which allowed us to comprehensively and objectively consider the issues of criminal procedure policy. The use of the formal-logical method made it possible to identify and analyze the elements that make up the concept and content of criminal procedure policy. The paper presents an analysis of the approaches available in legal science to the definitions of criminal and criminal procedure policy.

The results: as a result of the research, the concept of criminal procedure policy is proposed as a system of measures of legal influence on public re-

Результаты: в результате проведенного исследования предложено понятие уголовно-процессуальной политики как системы мер правового воздействия на общественные отношения в уголовно-процессуальной сфере. Выделены несколько уровней уголовно-процессуальной политики: доктринальный, законодательный и правоприменительный. Сформулирован вывод о том, что уголовно-процессуальная политика находит свое выражение как непосредственно в источниках уголовно-процессуального права, так и в нормативных правовых актах, расставляющих приоритеты при ее реализации. Лишь совокупность всех вышеуказанных элементов представляет собой уголовно-процессуальную политику.

Полученные данные могут быть использованы для дальнейшей теоретической разработки вопросов уголовно-процессуальной политики и повышения эффективности правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: *уголовная политика; уголовно-процессуальная политика; уголовный процесс; эффективность уголовного судопроизводства; принципы уголовного процесса; уголовно-процессуальная форма.*

lations in the criminal procedure sphere. There are several levels of criminal procedure policy: doctrinal, legislative and law enforcement.

The conclusion is made that the criminal procedure policy finds its expression both directly in the sources of criminal procedure law and in the normative legal acts that set priorities for its implementation. Only the combination of all the above elements constitutes a criminal procedure policy. The obtained data can be used for further theoretical development of issues of criminal procedure policy and improving the effectiveness of law enforcement activities.

Keywords: *criminal policy; criminal procedure policy; criminal procedure; efficiency of criminal proceedings; principles of criminal procedure; criminal procedure form.*

Прежде чем перейти к раскрытию темы, обозначенной в названии статьи, представляется необходимым кратко остановиться на вопросах более высокой степени общности, рассмотрев понятие политики в целом, а также такого ее направления, как политика уголовная.

Этимологически термин «политика» произошел от греческого politike, что означает искусство управления государством. В настоящее время определений политики существует множество. Так, под ней понимают систему мер по эффективному управлению любой социальной системой (научная политика, социальная политика, экономическая политика, финансовая политика и т. д.) [8]; совокупность концепций, идей, теорий, взглядов, используемых в управлении государством [5]; деятельность государственной власти в области управления и международных отношений [19]; деятельность общественных классов (групп, каст, партий), определяемая их интересами и целями, а также деятельность органов власти в государстве, отражающая социально-экономическую природу данного общества и государства [21]; область в основном целенаправленных отношений между группами по поводу использования институтов публичной власти для реализации их общественно значимых запросов и потребностей [13] и др.

Несмотря на то, что единого понятия политики не выработано, практически все имеющиеся определения сводятся к тому, что политика – это в первую очередь управление, воздействие на те или иные общественные отношения.

Изучая имеющиеся в науке подходы к определению уголовной политики, можно увидеть, что и здесь нет единства мнений. Разные научные школы и даже разные исследователи по-своему определяют ее понятие, представляя свое видение ее предмета и содержания.

В рамках настоящей работы не станем углубляться в научную полемику по данному вопросу, а исходя из вышеприведенных дефиниций политики, отметим, что, ведя речь об уголовной политике, мы имеем в виду систему мер правового воздействия на общественные отношения в сфере борьбы с преступностью.

Более развернуто уголовную политику можно определить как деятельность по управлению общественными процессами в сфере противодействия преступности, т. е. целенаправленного воздействия на нее и на общественную жизнь в целом с тем, чтобы обеспечить безопасность от криминальных посягательств [20, с. 27].

К структурным элементам уголовной политики большинство исследователей относит уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную политику. При этом еди-

ного мнения по данному вопросу также не существует. Некоторые исследователи склонны выделять помимо вышеуказанных еще профилактическую политику, криминологическую, оперативно-розыскную. Данный перечень не является исчерпывающим. К вопросу о структурных элементах уголовной политики мы вернемся в последующих работах, а пока лишь констатируем, что с отнесением первых трех элементов (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная) к структуре уголовной политики согласно абсолютное большинство исследователей, тогда как выделение других элементов остается предметом научных дискуссий.

Как видно из приведенной классификации, каждый структурный элемент именуется политикой в определенной области. Однако самостоятельными направлениями политики они не являются, оставаясь лишь отдельными направлениями общей уголовной политики.

Справедливое замечание по этому поводу высказано профессором Н. А. Беляевым, который отметил, что политика есть понятие более широкой степени общности. Так о политике можно говорить по отношению к вопросам борьбы с преступностью в целом, а не к деятельности по изобличению преступника или к деятельности по назначению или исполнению наказания [2, с. 20].

Таким образом, лишь единство вышеуказанных структурных элементов образует собой политику по реализации правоохранительной функции государства.

Соответственно, термины «уголовно-правовая», «уголовно-процессуальная» и др. используются лишь для обозначения составных частей уголовной политики. Термин «политика» по отношению к ним можно заменить термином «воздействие». Полагаем допустимым говорить об уголовно-правовом, уголовно-процессуальном воздействии и др.

К настоящему времени имеется значительное количество исследований, посвященных вопросам уголовной политики. При этом структурные элементы исследованы в значительно меньшей степени. Те исследования, которые были проведены, освящают не весь спектр вопросов, необходимых к рассмотрению. К тому же проведенные исследования зачастую не имели под собой единой «почвы», единого теоретического фундамента. Это приводит к получению диаметрально противоположных результатов при исследовании одних и тех же проблем различными учеными. Отсутствие единого теоретического фундамента не дает возможности произвести объединение имеющихся наработок и сформировать эффективно функционирующую систему элементов уголовной политики.

Как справедливо отмечает В.В. Николюк, в рамках одной или двух отраслей соответственно наук, права, правоприменительной деятельности даже самые совершенные концепции уголовной политики не имеют перспективы в плане практической реализации. Так, на примере доктрины уголовной политики можно наблюдать удивительную замкнутость, закрытость друг от друга ученых-юристов, специализирующихся в области исследования проблем преступности. В итоге мы получаем усеченные варианты различных концепций, программ, дорожных карт, не учитывающих фактор совместного, практически одновременного участия целого ряда родственных законов в регулировании общественных отношений по поводу совершения преступления [11, с. 244].

На основании изложенного полагаем, что к настоящему времени назрела необходимость в проведении комплексных исследований основных структурных элементов уголовной политики, в основу которых должен быть положен анализ их взаимодействия и взаимовлияния между собой.

В рамках данной статьи акцентируем внимание на политике уголовно-процессуальной.

Понятие уголовно-процессуальной политики можно сформулировать как систему мер правового воздействия на общественные отношения в уголовно-процессуальной сфере.

К настоящему времени имеется ряд опубликованных статей и монографических исследований, посвященных вопросам уголовно-процессуальной политики. Ведутся дискуссии относительно ее предмета и содержания. Однако представляется, что все высказываемые мнения так или иначе фокусируются на непосредственно уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, В.А. Пономаренков, рассматривая уголовно-процессуальную политику, определяет ее как целенаправленную, научно обоснованную, последовательно системную деятельность прежде всего государственных органов и должностных лиц по созданию эффективного механизма уголовно-процессуального регулирования, оптимизации уголовно-процессуальной деятельности в целях реализации назначений уголовного судопроизводства, наиболее полной защиты прав, свобод и законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений [15, с. 158]. Исходя из данного определения, видно, что уголовно-процессуальная политика – это деятельность, связанная только с уголовно-процессуальным регулированием.

Коллектив авторов в составе В.П. Сальникова, С.И. Захарцева и М.В. Сальникова высказывает категоричное суждение, что уголовно-процессуальная политика – это предмет ведения уголовного процесса, т. е. процессуальной отрасли права [18, с. 261].

В указанной работе делается справедливая оговорка, что невозможно представить себе эффективную уголовно-процессуальную политику без общественного влияния на нее. Однако указан-

ное общественное влияние авторы видят, в частности, в участии присяжных заседателей в уголовном процессе. Также под общественным влиянием они понимают соответствующую деятельность политических партий, иных общественных объединений, направленную на изменение уголовно-процессуального законодательства. Представляется, что такой подход несколько заужен и не отражает всех реалий действительности.

А. И. Александров дал определение уголовно-процессуальной политики как отношение власти к расследованию преступлений и судебному рассмотрению уголовных дел. По его мнению, власть определяет, на каких принципах будет строиться уголовный процесс, каким образом должны устанавливаться обстоятельства преступления, каков порядок привлечения лица к уголовной ответственности, каковы возможные меры процессуального принуждения, в каком порядке виновному лицу назначается наказание, а невиновное – реабилитируется, и т. д. [1, с. 2].

О. З. Челохсаев определил уголовно-процессуальную политику государства как систему законодательно сформулированных основных начал (идей, принципов) уголовного процесса, реализуемых в нормах уголовно-процессуального права и в уголовно-процессуальной практике [23, с. 18].

Данный список исследователей вопросов уголовно-процессуальной политики можно продолжить, однако ключевой момент заключается в том, что все они рассматривают лишь вопросы влияния законодательства на формирование уголовно-процессуальной политики.

Как представляется, такой подход изменяет понимание реальной картины, включающей, помимо непосредственно уголовно-процессуального закона, также иные факторы, оказывающие значительное влияние на формирование уголовно-процессуальной политики.

Так, можно условно выделить несколько уровней уголовно-процессуальной политики:

1) доктринальный уровень;
2) законодательный уровень;
3) правоприменительный уровень.

Следует отметить, что в научной литературе нет единства мнений относительно уровней уголовной политики и, как следствие, – уголовно-процессуальной. К примеру, выделяются следующие уровни:

1) теоретико-познавательный уровень, предполагающий формирование теоретических основ;
2) концептуальный уровень, под которым понимается выработка концепции уголовной политики;
3) законодательный уровень;
4) управленческий уровень [12, с. 7].

Имеются и иные точки зрения на уровни уголовной политики:

1) доктринальный (заключается в формировании теоретических основ);
2) директивный (издание документов, утверждаемых Президентом Российской Федерации – концепций, стратегий, регламентирующих общие направления противодействия преступности);
3) законодательный;
4) организационно-управленческий;
5) правоприменительный [22, с. 293].

Как представляется в той или иной интерпретации все подходы имеют право на существование. Различие мнений связано с подходом каждого конкретного исследователя, выделяющих и использующих различные критерии классификации.

Однако в рамках данной работы, в целях формирования наиболее общего видения модели уголовно-процессуальной политики полагаем оптимальным рассмотреть именно трехступенчатую градацию уровней. Аргументировать это можно тем, что разработка нормативных правовых актов невозможна без осмысления и формулирования теоретических основ борьбы с преступностью, поэтому не имеет смысла выделение данного направления. Содержание понятия правоприменительного уровня в данной работе рассматривается в широком смысле, подразумевающем как организационную составляющую, так и непосредственное применение правовых норм.

Остановимся более подробно на рассмотрении уровней уголовно-процессуальной политики.

1. Доктринальный уровень (формирование теоретических основ правового воздействия на общественные отношения в сфере борьбы с преступностью). Основным содержанием данного уровня является научно-исследовательская деятельность ученых по разработке концептуальных основ уголовной политики.

На основе выстроенных теоретических концепций вырабатываются соответствующие директивные документы – документы стратегического планирования Российской Федерации, отражающие главные приоритеты в этой сфере. К таковым можно отнести ежегодные послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ, Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, Национальную стратегию противодействия коррупции, Концепцию противодействия терроризму в Российской Федерации и другие документы стратегического планирования, представляющие собой формы выражения правовой политики в целом. Данные документы выражают суть государственной политики в соответствующей области общественных отношений. Все это позволяет констатировать, что они оказывают существенное влияние на формирование абсолютного большинства элементов правовой системы государства, в том числе и на об-

щественные отношения в уголовно-процессуальной сфере.

Соответственно, данный уровень уголовно-процессуальной политики отражает общие, наиболее значимые направления развития государственной политики в области борьбы с преступностью уголовно-процессуальными средствами.

Именно на этом уровне определяются основные тенденции развития отраслевого законодательства и расставляются приоритеты в организации работы правоприменительных органов.

2. Законодательный уровень.

Согласно иерархии нормативных правовых актов основой формирования законодательства уголовно-процессуального блока является Конституция Российской Федерации, закрепляющая основные принципы уголовного процесса.

Вместе с тем вполне очевидно, что основное выражение уголовно-процессуальная политика находит в нормах уголовно-процессуального законодательства.

При этом идеологию любого закона составляют его цели (назначение) и принципы. Именно данные элементы очерчивают общую канву, в рамках которой происходит функционирование соответствующих общественных отношений. Именно принципы определяют тип уголовного судопроизводства, его формы, расставляют приоритеты.

К слову о приоритетах. Как бы ни хотелось уделять одинаковое внимание всем вопросам, которые приходится решать при уголовно-процессуальном воздействии, на практике это не выполнимо. Невозможность этого определяется тем обстоятельством, что любые ресурсы всегда ограничены. Не являются исключением и ресурсы, выделяемые на правоохранительную деятельность. Ввиду этого при решении тех или иных вопросов приходится расставлять приоритеты, т. е., уделяя чему-либо внимание, «отодвигать в сторону» что-то иное. В сфере уголовно-процессуального воздействия, как и в любых иных социальных системах, роль факторов, определяющих приоритеты, выполняют принципы.

Соответственно, основное закрепление уголовно-процессуальная политика, идеология уголовного судопроизводства находят в принципах уголовного процесса.

Важное значение, напрямую влияющее на эффективность реализации уголовно-процессуальной политики, имеет уголовно процессуальная форма.

Вопросы принципов уголовного процесса, уголовно-процессуальной формы имеют перманентное освещение на страницах юридической печати. Дискуссии вокруг данных категорий не утихают с течением времени, изменениями законодательства, со сменой политических режимов. Именно данные вопросы, как отмечено выше, служат основным предметом исследования ученых, занимающихся изучением уголовно-процессуальной политики. В связи с этим, учитывая относительно существенную научную разработку принципов и процессуальных форм, оставим их рассмотрение на перспективу дальнейших исследований.

Однако уголовно-процессуальное законодательство не является единственным источником соответствующей политики.

Так, в значительной степени уголовно-процессуальная политика находит выражение, во-первых, в иных кодифицированных актах, таких как Уголовный кодекс Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Особую значимость имеет УК РФ, в котором содержатся понятие преступления, основания освобождения от уголовной ответственности. В диспозициях статей Особенной части УК РФ закреплены юридические факты, входящие в предмет доказывания уголовно-процессуальными средствами.

Кроме того, дополнительными источниками уголовно-процессуального права являются некоторые иные законы, имеющие отношение к регламентации уголовного судопроизводства. Например, федеральные законы от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности», от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления», от 20 августа № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и др. Данные нормативные правовые акты содержат конкретизацию положений УПК РФ.

Однако в настоящее время имеется ряд проблемных вопросов, связанных с конфликтами, возникающими между нормами, относящимися к различным отраслям права, специализированным законам уголовно-правового блока, которые открывают простор для неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения правовых норм. На это справедливо обращает внимание В. В. Николюк, указывая, что в этих условиях требуется своеобразная «санация» нормативного регулирования для исправления соответствующих законов, где подобные дефекты имеют место, дисквалификация дефектных норм [10, с. 120].

3. Правоприменительный уровень.

Все вышеперечисленные элементы уголовно-процессуального воздействия именуются в науке источниками уголовно-процессуального права.

Однако, как представляется, содержание уголовно-процессуальной политики отлич-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

но от понятия уголовно-процессуального права. Так, имеются еще ряд факторов, не являющихся в строгом смысле источниками права, но существенно влияющих на правоприменительную практику. В частности, такими факторами являются системы оценки деятельности правоохранительных органов, на которые ориентируются субъекты уголовного процесса.

Помимо систем оценки деятельности, утверждаемых ведомственными приказами, существует еще ряд документов, призванных расставлять приоритеты в деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства. Так, в частности, в системе МВД России к таким документам относится Директива Министра внутренних дел Российской Федерации «О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», издаваемая ежегодно.

Кроме того, к ориентирам при реализации уголовной политики можно причислить акты судебного толкования права, к которым относятся соответствующие решения Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

При этом в решениях (постановлениях) Конституционного Суда нередко содержатся правовые позиции, которые в совершенно ином свете, в отличие от изначально заложенного смысла, истолковывают нормы права. А учитывая, что законодательные органы обязаны приводить нормы права в соответствие с позицией Конституционного Суда, можно констатировать, что фактически Конституционный Суд формирует прообразы норм права, которые впоследствии инкорпорируются в соответствующее законодательство. Тем самым решения Конституционного Суда, помимо актов толкования уголовно-процессуального закона, можно причислить к источникам права.

Таким образом, уголовно-процессуальная политика находит свое выражение как непосредственно в источниках уголовно-процессуального права, так и в нормативных правовых актах, расставляющих приоритеты при ее реализации. Лишь совокупность всех вышеуказанных элементов представляет собой уголовно-процессуальную политику. При этом не стоит забывать, что сама по себе уголовно-процессуальная политика является лишь составной частью уголовной политики. В связи с этим в существенной степени на нее влияют и иные элементы, такие как уголовно-правовая политика, уголовно-исполнительная политика и др.

Описав в общих чертах структуру уголовно-процессуальной политики, следует остановиться на вопросах взаимосвязи и взаимовлияния ее элементов.

Формально иерархия прослеживается достаточно просто и вопросов не вызывает. Как уже было отмечено ранее, основное выражение уголовно-процессуальная политика находит в нормах УПК РФ. Глобальные приоритеты расставляются документами стратегического планирования, а документы, издаваемые на правоприменительном уровне, логично подчинены вышеуказанным и предназначены для закрепления механизмов реализации их положений.

Однако на практике все выглядит несколько иначе.

Так, влияние систем оценки деятельности правоохранительных органов, на которые ориентируются субъекты уголовно-процессуальное деятельности, временами «перевешивает» все остальное.

Значение данных факторов при реализации уголовно-процессуальной политики отмечается в ряде исследований, посвященных проблемам эффективности правоохранительной деятельности. Так, в работе, подготовленной коллективом Института проблем правоприменения, указано, что в правоохранительных органах, как и в любой бюрократической, управляемой иерархически структуре, поведение сотрудников определяется в первую очередь, системами отчетности и оценки результатов деятельности отдельных сотрудников и подразделений [17].

Ориентация на систему оценки происходит с момента получения информации о возможном факте преступной деятельности, особенно на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении, а также на протяжении предварительного расследования до направления уголовного дела в суд, т. е. распространяется на всю уголовно-процессуальную деятельность правоохранительных органов. Соответственно, фактором, определяющим приоритеты в работе, является именно ведомственная система оценки [3].

Возникает парадоксальная ситуация – практика применения уголовно-процессуального законодательства зависит не только и не столько от самих требований закона, сколько от ведомственной системы оценки деятельности.

Исходя из вышеизложенного, не вызывает сомнений необходимость закрепления примата законодательства перед системами оценки деятельности. При этом, как известно, одной лишь декларации недостаточно. Необходимо наличие четкого механизма реализации любого положения закона. Данное требование не должно быть исключением. То есть при законодательном закреплении примата законодательства необходимо предусмотреть четкие требования к формированию систем оценки деятельности. Представляется, что дальнейшая разработка и реализация указанных предложений будет способствовать повышению эффективности правоохранительной деятельности.

Рассуждая о соотношении структурных элементов уголовно-процессуальной политики, следует

отметить, что на практике правоприменительный уровень зачастую подменяет законодательный.

Например, Б.Я. Гаврилов совершенно справедливо отмечает значительное влияние «административного» фактора регулирования преступности на формирование уголовной политики. В частности, в качестве аргументов им приводятся данные о зависимости показателя регистрируемой преступности от требований МВД России и Генеральной прокуратуры РФ к соблюдению учетно-регистрационной дисциплины от +32,7 % в 1989 г. до –14,9 % в 2002 г., тогда как, например, в Германии изменения данного показателя ежегодно не превышают 1–1,5 % [4, с. 91].

На основании вышеизложенного, логичным выглядит такое положение вещей, при котором задачи, полномочия и ответственность между правоохранительными органами четко разграничены. Системы оценки деятельности исходят из духа законодательства и соотносятся с ориентирами, отраженными в ключевых документах стратегического планирования.

Однако отсюда возникает вполне закономерный вопрос: каким образом достичь этого баланса? Как «настроить» работу всех структурных элементов уголовно-процессуальной политики в едином ключе?

Во-первых, следует выработать единое, четкое понимание цели и роли уголовной политики (и, соответственно, уголовно-процессуальной) в общей политической системе государства.

Во-вторых, для решения представленной задачи необходимо четкое понимание всех структурных элементов уголовно-процессуальной политики, характера их взаимосвязи и взаимовлияния.

Решение этих двух задач на практике приводит к значительным затруднениям.

Рассуждая о роли уголовной политики (и, соответственно, уголовно-процессуальной) в общей политической системе государства, в качестве примера можно рассмотреть тенденции либерализации уголовного закона в сфере противодействия экономической преступности. Так, уголовная политика является лишь одним из элементов правовой политики государства [9, с. 28]. Из этого следует, что она является не самоценностью, а средством реализации более важных задач, в том числе в экономике, обеспечивающей основу жизнедеятельности общества [18, с. 78].

Абсолютно согласуется с этим утверждением и позиция В. Н. Кудрявцева, которую трудно не разделить: «Многие полезные и, вероятно, эффективные меры борьбы с преступностью, предлагаемые правоохранительными органами или общественностью, не могут быть приняты и реализованы, ибо есть более важные национальные интересы» [7, с. 11].

Данный тезис поддерживает Н.А. Колоколов, добавляя при этом, что преступность предопределена природой человека, а борьба с нею дело далеко не самое важное [6, с. 4].

Что касается предпринимательской сферы, то следует отметить, что бизнес вообще интересен государству с экономической точки зрения. Этот интерес связан в первую очередь с налоговыми отчислениями, созданием новых рабочих мест, снижением импортной зависимости государства и др.

Главной целью уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности является охрана отношений, порождающих увеличение производства товаров и услуг, от действий, разрушающих эти отношения и порождающих правовую неопределенность субъектов экономической деятельности [14, с. 80]. То есть содействие в создании и поддержании условий, когда у субъекта права имеется возможность однозначно определить объем и условия реализации своих прав, юридических обязанностей и запретов.

Исходя из вышеприведенных суждений, становятся более ясными официальные высказывания руководства страны в сфере противодействия экономической преступности.

Так, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. отмечено, что необходимо убрать «размытые нормы уголовного законодательства в части так называемых экономических составов. Так, предприниматели неоднократно обращали внимание на статью 210 УК РФ, по которой любая компания, чьи руководители нарушили закон, могла квалифицироваться как организованное преступное сообщество, а значит, практически все сотрудники подпадали под статью, устанавливались при этом более строгие меры пресечения и наказания. Правоохранительные органы впредь будут обязаны доказать, что организация, компания изначально умышленно создавалась под незаконные цели» [16].

Далее: «На основе лучших мировых стандартов следует настроить механизмы государственной поддержки инструментов прямого и венчурного финансирования. У технологического предпринимателя должно быть право на риск, чтобы неудачная реализация идеи автоматически не означала нецелевое использование средств с последующим возможным уголовным преследованием. Словом, нужно создать такие правовые, финансовые условия, чтобы как можно больше стартапов, новаторских команд могли стать сильными, успешными инновационными компаниями».

Таким образом, основывая дальнейшие рассуждения на фундаменте вышеуказанных постулатов, справедливо ориентирующих на развитие общества и государства, а не на попытке максимальной криминализации деяний, которые лишь гипотетически могут являться общественно опасными, можно заключить, что це-

лью уголовной политики является не достижение какого-то «осязаемого» результата, который можно расценивать как конечный, а обеспечение функционирования общественных и государственных институтов, чья деятельность связана с экономическим, культурным, правовым и иным развитием, а также с обеспечением прав и свобод человека и гражданина.

В этом контексте целью уголовно-процессуальной политики следует назвать обеспечение быстрой и эффективной реализации уголовного законодательства.

Относительно вопросов характера взаимосвязи и взаимовлияния всех структурных элементов уголовно-процессуальной политики следует отметить, что модель их построения в общих чертах раскрыта выше. Лишь при системном видении вопросов, связанных с функционированием уголовно-процессуальной политики, возможна выработка адекватных приемов юридической техники для построения иерархичной системы нормативных правовых актов, обеспечивающей эффективную реализацию уголовного законодательства.

Список литературы:

1. *Александров А. И.* Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербургский государственный университет, 10–11 июня 2015 г.) / под ред. Н. П. Кирилловой, Н. Г. Стойко. СПб., 2016.
2. *Беляев Н. А.* Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986.
3. *Божьев В. П., Урбан В. В.* Влияние ведомственной системы оценки на эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87).
4. *Гаврилов Б. Я.* Влияние «административного» фактора регулирования преступности на формирование уголовной политики и меры по его преодолению // Уголовная политика и культура противодействия преступности: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. 2019.
5. *Кикель П. В., Сороко Э. М.* Краткий энциклопедический словарь философских терминов. 2-е изд. Минск, 2008.
6. *Колоколов Н. А.* Уголовная политика: в поисках «дорожной карты» // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2.
7. *Кудрявцев В. Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003.
8. *Лебедев С. А.* «Философия науки. Словарь основных терминов». М., 2004.
9. *Малышева О. А.* К вопросу о понятии «уголовная политика» // Российский следователь. 2005. № 9.
10. *Николюк В. В.* Проблемы взаимосвязей уголовно-процессуального законодательства с иными законами о противодействии преступности // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / науч. ред. О. И. Андреева, Т. В. Трубникова. 2018.

References:

1. *Aleksandrov A. I.* Ugolovno-pravovaya politika i ugolovno-processual'naya politika sovremennoj Rossii: ponyatie i aktual'nye problemy // Nauchnaya shkola ugolovnogo processa i kriminalistiki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta i sovremennaya yuridicheskaya nauka: sb. statej po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 10–11 iyunya 2015 g.) / pod red. N. P. Kirillovoj, N. G. Stojko. SPb., 2016.
2. Belyaev N. A. Ugolovno-pravovaya politika i puti ee realizacii. L., 1986.
3. *Bozhev V.P., Urban V.V.* Influence of the departmental system of estimation on the effects of criminal procedure activity // Vestnik eastern siberia institute of the Ministry of the interior of the Russian Federation. 2018. № 4 (87).
4. *Gavrilov B. Ya.* Vliyanie «administrativnogo» faktora regulirovaniya prestupnosti na formirovanie ugolovnoj politiki i mery po ego preodoleniyu // Ugolovnaya politika i kul'tura protivodejstviya prestupnosti: sb. mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2019.
5. *Kikel' P. V., Soroko E. M.* Kratkij enciklopedicheskij slovar' filosofskih terminov. 2-e izd. Minsk, 2008.
6. *Kolokolov N. A.* Ugolovnaya politika: v poiskah «dorozhnoj karty» // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2017. № 2.
7. *Kudryavcev V. N.* Strategii bor'by s prestupnost'yu. M., 2003.
8. *Lebedev S. A.* «Filosofiya nauki. Slovar' osnovnyh terminov». M., 2004.
9. *Malysheva O. A.* K voprosu o ponyatii «ugolovnaya politika» // Rossijskij sledovatel'. 2005. № 9.
10. *Nikolyuk V. V.* Problemy vzaimosvyazej ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva s inymi zakonami o protivodejstvii prestupnosti // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sb. statej / nauch. red. O. I. Andreeva, T. V. Trubnikova. 2018.

11. *Николюк В. В.* Современные уголовная политика и карательная практика в России: доктринальные и организационно-правовые аспекты // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. матер. XXIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. 2018.
12. *Побегайло Э. Ф.* Уголовная политики современной России: авторская концепция // Вестник РГУ имени И. Канта. 2007. Вып. 9.
13. Политология: учебник для бакалавров. Орел, 2015.
14. *Поляков С. Б., Сидоренко А. И., Нечкина Е. Ю.* Правовая неопределенность бизнеса – часть уголовной политики России? // Библиотека криминалиста. 2014. № 3 (14).
15. *Пономаренков В. А.* Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): учеб. пособ. / науч. ред. А. В. Малько. М., 2014.
16. Послание Президента Федеральному Собранию // Рос. газ. № 7. 2020. 16 янв.
17. Правоохранительная деятельность в России: структура, функционирование, пути реформирования. Подготовлено коллективом ИПП при поддержке Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив / под общ. ред. В. Волкова, Э. Панеях. СПб., 2013. Ч. 1–2.
18. *Сальников В. П., Захарцев С. И., Сальников М. В.* Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35).
19. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=52954 (дата обращения: 15.04.2020).
20. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учеб: в 2 ч. / под ред. Л. И. Беляевой. М., 2014. Ч. 1.
21. Уголовная политика: учеб. для бакалавриата и магистратуры / В. П. Ревин, Ю. С. Жариков, В. В. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
22. *Цепелев В. Ф.* Уголовная политика: теория и реальность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35).
23. *Челохсаев О. З.* О понятии уголовно-процессуальной политики // Российский следователь. 2006. № 10.

Для цитирования:

Урбан Вячеслав Владимирович. Понятие и содержание уголовно-процессуальной политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 85–93.

11. *Nikolyuk V. V.* Sovremennye ugolovnaya politika i karatel'naya praktika v Rossii: doktrinal'nye i organizacionno-pravovye aspekty // Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah: sb. mater. XXIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. 2018.
12. *Pobegajlo E. F.* Ugolovnaya politiki sovremennoj Rossii: avtorskaya koncepciya // Vestnik RGU imeni I. Kanta. 2007. Vyp. 9.
13. Politologiya: uchebnik dlya bakalavrov. Orel, 2015.
14. *Polyakov S. B., Sidorenko A. I., Nechkina E. Yu.* Pravovaya neopredelennost' biznesa – chast' ugolovnoj politiki Rossii? // Biblioteka kriminalista. 2014. № 3 (14).
15. *Ponomarenkov V. A.* Ugolovno-processual'naya pravovaya politika // Pravovaya politika Rossii (obshcheteoreticheskie i otraslevye problemy): ucheb. posob. / nauch. red. A. V. Mal'ko. M., 2014.
16. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu // Ros. gaz. № 7. 2020. 16 yanv.
17. Pravoohranitel'naya deyatel'nost' v Rossii: struktura, funkcionirovanie, puti reformirovaniya. Podgotovleno kollektivom IPP pri podderzhke Fonda Kudrina po podderzhke grazhdanskih iniciativ / pod obshch. red. V. Volkova, E. Paneyah. SPb., 2013. Ch. 1–2.
18. *Salnikov V. P., Zakhartsev S. I., Salnikov M. V.* Criminal and criminal procedure policy // Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia. 2016. № 3 (35).
19. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. D. N. Ushakova. URL: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=52954 (data obrashcheniya: 15.04.2020).
20. Ugolovnaya politika i ee realizaciya organami vnutrennih del: ucheb: v 2 ch. / pod red. L. I. Belyaevoj. M., 2014. CH. 1.
21. Ugolovnaya politika: ucheb. dlya bakalavriata i magistratury / V. P. Revin, Yu. S. Zharikov, V. V. Revina. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2018.
22. *Tsepelev V.F.* Criminal policy: theory and reality // Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia. 2016. № 3 (35).
23. *Chelohsaev O. Z.* O ponyatii ugolovno-processual'noj politiki // Rossijskij sledovatel'. 2006. № 10.

For citation:

Urban Vyacheslav Vladimirovich. Concept and content of the criminal procedure policy of the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 85–93.

ЕВГЕНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ЧЕРНЫХ,
заместитель начальника по научной работе,
кандидат юридических наук, доцент
Нижегородская академия МВД России
Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3
E-mail: ewg.cherniykh84@yandex.ru

EVGENIYA EVGEN'EVNA CHERNYH,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head for Research and Development
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Russian Federation, 603950, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3
E-mail: ewg.cherniykh84@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Scientific specialty:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology; Criminal Executive Law.

УДК 343.3.7

Дата поступления: 17 ноября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Ответственность за «неблагоприятные последствия» в сфере медицины: теория, техника, практика

Responsibility for «Adverse Consequences» in the Field of Medicine: Theory, Technique, Practice

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена устойчивой негативной тенденцией к росту числа преступлений медицинского характера. Общественно опасные деяния, встречающиеся в сфере здравоохранения, обладают высокой распространенностью, латентностью и общественной опасностью, в то же время дела о врачебных ошибках не редко вызывают серьезный общественный резонанс. Каждое из них затрагивает наиболее значимые права и законные интересы граждан на получение квалифицированной и результативной медицинской помощи или услуги, непосредственно связанной с жизнью или здоровьем личности.

Постановка проблемы: в настоящее время в уголовно-правовой доктрине, законодательстве и правоприменительной деятельности не существует единого представления о сущности противоправных посягательств, осуществляемых медицинскими работниками. Результатом чего стала неконтролируемая и неосознанная имплементация медицинских терминов в сферу юриспруденции: ятрогения, врачебная ошибка, дефект оказания помощи и т. д. Каждый из них может отождествляться друг с другом и при этом иметь совершенно иное значение в суждениях разных специалистов. Расширительное толкование отдельных категорий привело к нарушениям юридической

Annotation

The relevance of the study is due to a stable negative trend towards an increase in the number of medical crimes. Socially dangerous acts that occur in the field of health care have a high prevalence, latency and public danger, at the same time, cases of medical errors often cause a serious public response. Each of them affects the most significant rights and legitimate interests of citizens to receive qualified and effective medical care or services directly related to the life or health of the individual.

The problem statement: currently, the criminal law doctrine, legislation and law enforcement activities do not have a single idea about the nature of illegal attacks carried out by medical professionals. The result was an uncontrolled and unconscious implementation of medical terms in the field of law: iatrogenism, medical error, defect in care, etc. Each of them can be identified with each other and, at the same time, have a completely different meaning in the judgments of different specialists. The broad interpretation of certain categories has led to violations of legal technology, the lack of universal concepts and definitions associated with medical crimes. As a result, it is not possible to speak about any regularity of this group of acts in the criminal law, which negatively affects the qualification process, as well as law enforcement activities in this area in General.

техники, отсутствию универсальных понятий и определений, сопряженных с преступлениями медицинского характера. В конечном итоге говорить о какой-либо упорядоченности данной группы деяний в уголовном законе не представляется возможным, что негативным образом влияет на процесс квалификации, а также в целом на правоохранительную деятельность в указанной сфере.

Цель исследования состоит в разработке научных положений по систематизации уголовно-правовых норм, посвященных ответственности за преступления медицинского характера, в том числе посредством формирования единых подходов к оценке подобного рода посягательств и разработки унифицированного терминологического аппарата.

Методы исследования базируются на диалектике познания социальной и правовой действительности, позволяющей предложить перспективные направления совершенствования правоприменительной практики по отдельным делам об общественно опасных деяниях в сфере здравоохранения. Вместе с тем фигурируют методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация, системный, статистический, логический.

Результаты и ключевые выводы: проведенное исследование позволило сформировать унифицированный терминологический аппарат, раскрывающий сущность и содержание основных понятий, связанных с антисоциальными деяниями, совершаемыми врачами при оказании медицинской помощи или услуги. Разработана авторская идея по определению круга интересующей группы преступлений с учетом особенностей их субъекта, способа, объекта и последствий, на основе чего осуществлена соответствующая систематизация уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: *преступления медицинского характера; ятрогения; врачебная ошибка; медицина; терминология; уголовный закон; систематизация.*

The purpose of the study is to develop scientific provisions on the systematization of criminal law norms on responsibility for medical crimes, including through the formation of unified approaches to the assessment of such attacks and the development of a unified terminological apparatus.

The research methods are based on the dialectic of cognition of social and legal reality, which allows us to offer promising directions for improving law enforcement practice in individual cases of socially dangerous acts in the field of health care. However, there are methods: analysis, synthesis, induction, deduction, description, classification, system, statistical, logical.

The results and key conclusions: the study allowed us to form a unified terminology that reveals the essence and content of the main concepts related to anti-social acts committed by doctors in the provision of medical care or services. The author developed an idea to determine the range of the group of crimes of interest, taking into account the characteristics of their subject, method, object and consequences, on the basis of which the corresponding systematization of criminal law norms was carried out.

Keywords: *medical crimes; iatrogeny; medical error; medicine; terminology; criminal law; systematization.*

«Ничто так не обязательно всему роду человеческому, как медицина» – высказывание, родившееся практически две тысячи лет назад, благодаря известному римскому мыслителю Марку Фабию Квинтилиану не потеряло своей актуальности и сегодня. Более того, даже когда технологии в сфере здравоохранения достигнут своего апогея и в нашем распоряжении будут находиться лекарства от всех болезней, медицина не уступит своего законного места на «пьедестале» в иерархии наиболее значимых общественных отношений. Причиной тому выступает вполне очевидный и оттого не менее существенный аргумент, что экономика, право, культура, религия и другие отрасли государства практически полностью утрачивают ценность без своего первоисточника – человеческого ресурса. При этом считаем справедливым отметить, что не будет ложным утверждение о возведении фактора здоровья на уровень базовых потребностей [32, с. 98–100], поскольку именно

от его состояния порой зависят жажда, голод, сон, гомеостаз и экскреция.

В свою очередь, значимость отдельных прав и вещей, как правило, предопределяет перспективу извлечения выгоды из них, что не редко сопряжено с серьезным риском наступления неблагоприятных последствий для их владельцев. Так, например, громкое дело Алены Верди – пластического хирурга без медицинского диплома, которая с 2015 г. в течение четырех лет со скальпелем в руках пыталась нести красоту в массы. Результат оказывался противоположным ожиданиям, однако умелый маркетинг, красноречие, навыки манипуляции и специальные препараты позволяли предоставляемым услугам найти своего потребителя, который, несмотря на очевидно негативные последствия и советы других квалифицированных врачей, мог неоднократно обращаться к Алене Верди за помощью. Впоследствии было возбуждено уголовное дело: женщина обвинялась в оказании медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности, а также повлекших тяжкий вред здоровью. В послужном списке преступницы не менее семи пострадавших, одна женщина даже скончалась через 20 часов после операции [14].

Примечательно, что пациенток не останавливал даже тот факт, что лжехирург принимала их у себя дома – на диване на кухне. «В погоне за здоровьем и красотой все средства хороши» – таков лозунг значительной части социума, что указывает на наличии определенных психических отклонений и потребности в получении опять-таки медицинской помощи, но не отменяет того факта, что такова реальность, и человек может не остановиться ни перед чем для достижения поставленной цели.

Пластическую хирургию можно выделить в качестве самостоятельной площадки для правонарушений, но если на ее базе они являются относительно очевидными и не составляющими особого труда в доказывании вины соответствующих лиц, то далее перед нами открывается массив деяний, находящихся на границе правомерности и общественной опасности. Практически каждый такой случай можно охарактеризовать с позиции медицинского риска и освободить от уголовной ответственности, однако как минимум элементарная логика, теория вероятностей [28, с. 70], само назначение уголовного судопроизводства[1] говорят об обратном и, к сожалению, подтверждают многочисленные факты действительных нарушений в сфере здравоохранения, приводящих в том числе и к трагичным последствиям.

Как следует из данных, обнародованных в СМИ председателем Следственного комитета Российской Федерации Александром Бастрыкиным, «общее количество сообщений о преступлениях в сфере медицины в 2019 г. – более 6,5 тыс., возбуждено 2 168 уголовных дел, направлено в суд с обвинительным заключением 332; в 2018 г. – 6 623, возбуждено 2 229 уголовных дел, направлено в суд с обвинительным заключением 265; в 2017 г. – 6 050, возбуждено 1 791 уголовное дело, направлено в суд с обвинительным заключением 175; в 2016 г. – 4 947, возбуждено 878 уголовных дел, в 2015 г. – 4376» [8–9; 23]. В свою очередь, в 2012 г. таких сообщений было всего 2 100, а уголовных дел только 311 (рис.) [20].

[1] Ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

Рисунок

С учетом общего количества зарегистрированных в России преступлений, приведенные данные могут показаться незначительными и не заслуживающими оказываемого внимания. Однако еще в XVIII в. премьер-министр Великобритании Джордж Каннинг отметил, что «ненадежнее фактов могут быть только цифры», согласно им ежегодно более 70 тыс. осложнений у пациентов возникают по причине врачебных ошибок [13]. В связи с чем результат становится более чем значительным, особенно если вспомнить частоту наших обращений за медицинской помощью или услугами. Фактически каждый человек оказывается в группе риска, от которого никто не способен застраховать.

Таким образом, вполне оправданным будет вывод о том, что на протяжении целого десятилетия наблюдается устойчивая негативная тенденция к увеличению количества «правонарушений в сфере здравоохранения». Стоит отметить, что данная категория приводится посредством использования относительно гуманного словосочетания, тогда как для юридического сообщества и самих обывателей наиболее приемлема дефиниция «преступления», однако в медицинских кругах подобное приобретает окрас неуважительного или, скорее, оскорбительного отношения к профессии. Даже термин «врачебная ошибка» представляется не имеющим права на жизнь, поскольку, как подчеркивает генеральный секретарь российского общества хирургов, профессор А. В. Федоров, «...он искажает смысл процесса. Здесь нужно говорить именно об осложнениях, которые в медицине имеют четко детерминированный процент. И это ни в коем случае не «ошибка», а естественный ход событий. Мы ведь пациента всегда предупреждаем о возможности осложнений! Например, при аппендиците летальность составляет 0,12 процента. При очень сложных операциях – до четырех-десяти процентов. И это не результат ошибки, а неблагоприятный исход процесса лечения. Когда поступает пациент, мы его лечим по всем нынешним нормам и учитываем при этом мировую статистику – всегда есть определенный риск» [29]. Сложно не согласиться с такими доводами, но тем не менее в каждой сфере общественных отношений есть свои «черные пятна», которые хотелось бы скрыть от пристального взгляда окружающих. Особенно, когда в них начинают прослеживаться признаки, позволяющие начать квалификацию соответствующего состава преступления, что в итоге может привести к подобным формулировкам: «...не обеспечил и не проконтролировал правильность и своевременность обследования, лечения на уровне современных достижений науки и практики, не проконтролировал врачей-неврологов вверенного отделения, что, в свою очередь, привело к неоказанию своевременного оперативного вмешательства и гибели пациентки» [19].

С целью разграничения так называемых осложнений, детерминированных правомерным и делинквентным поведением, а также демонстрации объективного и непредвзятого взгляда на сущность исследуемого феномена выделим **характерные черты преступлений медицинского характера**:

1. Пограничный характер общественной опасности, варьирующий между правомерным и преступным поведением.

2. В качестве объекта посягательства (как минимум дополнительного) всегда выступает здоровье личности.

3. Деяние, независимо от своей формы, приводит к неблагоприятному исходу либо в силу своей несвоевременности, либо некачественности.

4. Распространено наличие материальных неимущественных последствий (вред жизни и здоровью).

5. Установление прямой причинно-следственной связи практически невозможно без специальных познаний в сфере медицины.

6. Небрежность выступает в качестве основной формы вины.

7. Наиболее актуален материальный состав преступления.

8. Исключительная латентность, в особенности при отсутствии летальных исходов.

9. Возможность рассмотреть большинство неблагоприятных последствий через призму обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Вышеприведенные пункты наглядно отражают юридическую природу «поступков», вызывающих негодование, в том числе резонанс в обществе. Даже несмотря на используемую терминологию, стоит понимать, что перед нами не что иное, как признаки преступного поведения. Более того, с учетом действительной распространенности, латентности и общественной опасности, возникает неоспоримая потребность в совершенствовании действующих уголовно-правовых механизмов с целью создания достойного «противовеса», отвечающего имеющейся угрозе. В данном ключе одним из таких направлений модернизации должна стать систематизация и унификация положений уголовного законодательства, посвященных противодействию «преступлениям медицинского характера».

Использованная дефиниция не находит своего отражения на страницах действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), однако именно она будет первым шагом на обозначенном пути. Любая сфера познания должна начинаться с грамотно выстроенной терминологии, особенно это ка-

сается юриспруденции, поскольку именно «с помощью терминов достигается важнейшее свойство права – его формальная определенность» [21, с. 39]. Стоит отметить, что использованная категория не является общепризнанной и в настоящее время в юридической литературе и в правоохранительной деятельности существует серьезная терминологическая путаница в вопросе дефинирования противоправных деяний, совершенных медицинскими работниками: «ятрогения», «врачебная ошибка», «дефект оказания медицинской помощи», «неблагоприятный исход», «несчастный случай» и т. д. [5; 12; 15–16; 18; 22; 25–27]. В связи с этим считаем оправданным решением остановиться на обозначенных категориях с целью создания целостного и объективного представления о сущности исследуемого явления, с последующим формированием определения, наиболее приемлемого для его описания.

Наиболее популярным и распространенным в правовой доктрине сейчас является словосочетание «ятрогенные преступления», которое изначально было расширено до заболеваний, связанных с ошибочными действиями врача, а затем и вовсе до всех болезней и травм, ассоциированных с любым медицинским вмешательством [10, с. 3–10].

Согласно современному словарю иностранных слов «ятрогения» (греч. iatros – врач + gennao – порождаю] – «заболевание, возникшее как результат на неправильно истолкованные больным слова или поведение врача, прочитанную медицинскую литературу, и т. п.» [24, с. 731]. В то же время в толковом словаре психиатрических терминов отмечено, что этот феномен является результатом «неправильного поведения медицинского работника (неосторожное высказывание о тяжести и плохом прогнозе болезни, предоставление пациенту возможности ознакомиться с медицинской документацией, научно-популярная лекция, построенная в пессимистическом плане, рассказ о плохом исходе аналогичного заболевания у другого больного и т. п.), при этом сам врач не замечает своей роли в психогенезе заболевания» [1, с. 636]. Большая медицинская энциклопедия описывает этот феномен, как ненамеренно спровоцированное отрицательное воздействие врача на больного, когда вместо терапевтического эффекта у больного создаются представления, усугубляющие его болезненное состояние, или образуется психический комплекс новой болезни» [4, с. 816].

Вместе с тем нельзя не отметить разработанный РАМН стандарт Росздравнадзора – «Правила формулировки диагноза», в котором со ссылкой на международную классификацию болезней девятого пересмотра (МКБ-9), принятой ВОЗ в 1979 г., и международную классификацию болезней десятого пересмотра (МКБ-10 (1989 г.)), указывается, что «это групповое понятие, объединяющее все разнообразие неблагоприятных последствий (нозологические формы, синдромы, патологические процессы) любых медицинских воздействий на больного, независимо от правильности их исполнения. По своей сущности ятрогении являются вариантом дефектов оказания медицинской помощи» [17].

При этом особого внимания заслуживает то обстоятельство, что указанный термин запрещается использовать в клиническом и патологоанатомическом диагнозах, в заключении о причине смерти, медицинском свидетельстве о смерти. В частности, речь идет о том, что ятрогения не является их первопричиной, т. е. действия врача не находятся в прямой причинно-следственной связи с наступившими «неблагоприятными последствиями», ключевая роль здесь принадлежит изначальному заболеванию, с которым поступил пациент, а также реактивности (чувствительности) и мнительности его самого, что обусловливает невозможность установления «удельной значимости» медицинского воздействия в образовавшихся осложнениях.

Официального толкования «ятрогении» на страницах действующего законодательства и других нормативных актов обнаружить не удастся, более того, в той же международной классификации болезней десятого пересмотра[2] какое-либо упоминание о ней также отсутствует. Таким образом, данный термин лишился унифицированности, он приобрел неоднозначный характер и множество самостоятельных значений: медики, юристы, лингвисты, СМИ, обыватели – в каждой группе можно встретить свои «авторские» элементы, даже внутри самих групп нет единства в понимании сущности рассматриваемого понятия.

Впервые же дефиниция «ятрогения» была введена немецким психиатром Освальдом Бумке в научном труде «Врач как причина душевных расстройств» [31]. Примечательно, что впоследствии указанная статья на русский язык не переводилась, что и могло привести к расширительному толкованию и даже появлению абсурдной с точки зрения лингвистики и соответственно медицины юридической конструкции – «ятрогенные преступления».

С целью обоснования справедливости приведенного умозаключения выделим **отличительные признаки ятрогении,** наглядно демонстри-

[2] Международная классификация болезней десятого пересмотра МКБ-10 (принята 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения) [Электронный ресурс]. URL: https://mkb-10.com/ (дата обращения: 05.11.2020).

рующие несостоятельность рассматриваемого словосочетания:

1. Ятрогения предполагает неблагоприятный результат, что не тождественно общественной опасности, подобную же аналогию можно привести на основе административных правонарушений, гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных проступков и т. д.

2. Осложнения, вызванные неправильным, недальновидным, неэтичным – в целом непрофессиональным поведением медицинского работника, не свидетельствуют о неправомерности, тем более, преступности содеянного.

3. Врач не осознает свою роль в развитии заболевания, не предвидит неблагоприятных последствий и не желает их наступления. Более того, его ошибочные действия также способны привести и к положительному результату, что, с одной стороны, говорит о «счастливой случайности», а с другой – свидетельствует о его невиновности.

4. Нестабильное психоэмоциональное состояние и/или высокая предрасположенность пациента к ипохондрии являются обязательными составляющими для неблагоприятного исхода. При этом самостоятельные меры больного по самолечению в обход указаний врача, приводящие к ухудшению состояния здоровья, не должны рассматриваться в контексте ятрогении.

5. Паталогические процессы являются результатом именно медицинских действий, а незапоздалых мероприятий или бездействия, что следует расценивать как врачебную ошибку, но не ятрогению.

6. Действия врача, независимо от их правильности, не способны стать самостоятельной причиной неблагоприятных последствий в отсутствии целого ряда других факторов и условий, в том числе предшествующих медицинскому вмешательству.

Кроме того, стоит учитывать, что осложнения также не редко возникают и при правильных действиях со стороны врача, причиной чему может выступать высокая предрасположенность пациента к преувеличению и «накручиванию» своей болезни. Таким образом, прямая причинно-следственная связь между отправной точкой и конечным результатом невозможна в отсутствии определенных детерминантов, в том числе: несвоевременность обращения за помощью, наличие изначальных осложнений состояния здоровья больного, его свойства личности, здоровья, особенно психики, предопределяющие возможность развития дополнительных симптомов, после чего уже следуют медицинские технологии, научно-практические и материально-технические возможности здравоохранения, профессионализм врача. Даже такие объективные условия, как время, место и обстановка также могут иметь существенное значение. Вместе с тем не стоит забывать о «человеческом факторе», «удаче», а также «риске».

Рассмотрение доктринального толкования понятия «ятрогения» представляется нецелесообразным в силу того, что на уровне этимологии, терминологии и медицины наглядно демонстрируется его разнородность с категорией «преступление». В рамках сферы здравоохранения также отрицается синергия этих категорий: «...охарактеризовать целую группу преступлений, как ятрогенные, звучит неприемлемо, потому что это накладывает тень на все профсообщество. Может называть их за глаза медицинскими преступлениями, но не ятрогенными» [6].

Более того, как отметил президент Союза Национальной медицинской палаты Леонид Рошаль, «...совместная работа со Следственным комитетом России позволила исключить использование в медицинских делах категории «ятрогенные преступления». Так называемые врачебные ошибки не имеют отношения к понятию «ятрогении», и СК РФ прекратил применение данного термина по отношению к рассматриваемой проблеме» [11].

Таким образом, **ятрогению следует определить как негативные последствия в виде вреда жизни или здоровью пациента, обусловленные его личностными характеристиками, спецификой имеющегося у него заболевания, а также порядком и особенностями оказанной ему медицинской помощи/услуги.**

С учетом вышеизложенного считаем целесообразным перейти к рассмотрению следующей не менее распространенной категории, а именно к «врачебным ошибкам». В широком смысле, даже не обращаясь к терминологическому аппарату, можно сделать заключение, что к ним относятся фактически все неблагоприятные последствия от проведения медицинских процедур. Однако в таком случае правоохранительные органы пошли бы по неверному пути объективного вменения, грубо нарушая «принцип вины»[3] уголовного закона. Тем не менее не стоит возводить врача в ранг идеала, способного всегда однозначно поставить диагноз и определить стопроцентную вероятность успеха операции. Речь, скорее, должна идти о формировании **критериев, свидетельствующих о правильности осуществленных медицинских процедур**:

– своевременности (незамедлительное решение об оказании медицинской помощи, принятие неотложных мер, динамичное проведение необходимых процедур и т. д.);

[3] Ст. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

– достаточности (определяется с помощью объема и характера реализуемых мероприятий – диагностики, лечения, профилактики);

– обоснованности (соответствие врачебных процедур требованиям основным правилам и медицинским стандартам на основе текущей ситуации и проведенного обследования состояния здоровья пациента);

– безопасности (минимизация риска причинения вреда здоровью больного);

– оптимальности (использование всех необходимых ресурсов, которые есть в распоряжении врача, медицинского учреждения, региона, выбор из них наиболее перспективного варианта врачевания);

– результативности (достижение благоприятного результата).

Обозначенные критерии позволяют проследить принципиальную разницу между халатностью, врачебной ошибкой, адекватной медицинской помощью и надлежащей медицинской помощью. Неиспользование всех имеющихся ресурсов и возможностей, повлекшее за собой негативные последствия для здоровья пациента, демонстрирует грубое нарушение нормативных предписаний и врачебной этики, что однозначно должно рассматриваться с позиции уголовной ответственности.

В иных случаях неблагоприятные последствия далеко не всегда будут основанием для наказания врача, особенно, если проведенное им лечение соответствовало реальным условиям, в которых он вынужден был действовать, что свидетельствует об оказании действительно адекватной медицинской помощи. Тем не менее это не означает, что она была надлежащей, в силу отсутствия определенных препаратов или технических средств, но здесь уже последует переадресация вопросов к руководству медицинского учреждения.

Бесспорен тот факт, что понятие «врачебная ошибка» значительно старше «ятрогении», возможно, оно даже способно посоревноваться в данном контексте с термином «преступление». Тем не менее при всем этом его нормативного закрепления в действующем законодательстве обнаружить не удастся, что, в свою очередь, лишает однозначного взгляда на соотношение приведенных категорий, и, соответственно, затрудняет процесс квалификации общественно опасного деяния.

С точки зрения формальной логики целесообразно обратиться к определению «ошибки», так как это позволяет проследить ее сущностные характеристики без специализированного вмешательства «медицинского элемента». Так, в соответствии с толковым словарем С. И. Ожегова под ней следует понимать «неправильность в действиях, мыслях» [28, с. 452]. При этом ошибиться означает «поступить, оценить кого-, что-л. неправильно» [28, с. 452]. Исходя из этого, можно заключить, что природа рассматриваемой дефиниции берет свое начало в *отступлении от общепринятых правил и/или норм поведения*. В то же время проследить отношение субъекта к содеянному удается только благодаря этимологии, которая располагает следующей информацией относительно исследуемого слова: «промахнуться, ударить мимо цели» [30, с. 179]. В данных строчках прослеживаются два ключевых признака: *несоответствие полученного результата имеющимся ожиданиям, а также непредумышленный характер совершаемых действий*, что уже существенно сужает соотносимость категорий «врачебная ошибка» и «преступление». Приведенные умозаключения также подтверждаются через призму философской терминологии, согласно которой «ошибкою называется всякое непроизвольное отклонение человеческой деятельности от нормы. При этом в сфере юриспруденции она противоположна обману, психологии – лжи, логики – софизму. Тогда как родственным явлением по отношению к ней является заблуждение» [7, с. 198].

Вполне ожидаемым фактом оказалось то, что сама же медицинская доктрина поддержала эту идею и пошла по пути самозащиты, утверждая о несоотносимости категорий преступление и врачебная ошибка, так как последняя основана на добросовестном заблуждении [2; 12].

Далее следует обратить внимание на весьма примечательную, в силу своей неоднозначности позицию, отраженную в специализированной терминологии. Так, современная большая медицинская энциклопедия придерживается того, что под врачебной ошибкой следует понимать «действия врача, имеющие ошибочное суждение в момент исполнения им профессиональных обязанностей, повлекшие негативные последствия для здоровья или жизни пациента, в связи с чем она влечет за собой административную или уголовную ответственность» [2, с. 29]. Тогда как изначально к ней относились «добросовестные заблуждения врача в его суждениях и действиях при исполнении тех или иных специальных врачебных обязанностей, при отсутствии в этом явной небрежности, невнимательности, неосторожности или очевидного невежества, а равно формально неправильных или незаконных моментов, что соответственно и отграничивает ошибку от врачебных преступлений» [3, с. 697].

Последняя трактовка действительно кажется способной разграничить эти две категории, однако установление приведенных в ней критериев, представляется практически невозможным, поскольку затруднительно зафиксировать

и при этом отличить небрежность от невежества и от незнания в ситуации, когда врач решается на проведение тяжелой операции, повлекшей за собой летальный исход. В случае удачи он мог бы считаться героем, спасшим жизнь человеку, но «судьба» распорядилась так, что как минимум родственники погибшего считают его преступником. Стоит понимать, что подобного рода примеры имеют место быть и в практике виднейших представителей медицинской профессии, имеющих высокую квалификацию и многолетний опыт работы в конкретной области медицины, тогда как сельским врачам, в силу определенных кадровых проблем, зачастую приходится сталкиваться с необходимостью брать на себя функции и, соответственно, ответственность специалиста широкого профиля.

В целом весь спектр **детерминант врачебных ошибок можно классифицировать, в зависимости от источника их происхождения,** следующим образом:

I. Объективные:

1. Несовершенство научной составляющей здравоохранения и, как следствие, пробелы в теоретических знаниях и практических навыках медицинского персонала. Наиболее уместно данный фактор описывает тавтология – в основе врачебных ошибок нередко лежат ошибки самой медицины.

2. Широкая медицинская специализация, требующая осуществлять работу по различным врачебным направлениям, что было бы оправдано при должной организации постоянных консультаций, повышения квалификации, однако это фактически нереализуемо в отдельных регионах страны.

3. Чрезвычайно высокое количество больных на одного врача, недостатки общего и специального оборудования, препаратов, литературы.

4. Тяжелые, нетипичные осложнения здоровья пациента, затрудняющие процесс диагностики заболевания и, соответственно, лечения.

5. Отсутствие надлежащей подготовки, переподготовки, повышения квалификации.

II. Субъективные:

1. Низкий уровень общих или специальных познаний, что приводит к крайностям – излишней инициативе либо ее недостатку, неоправданной смелости либо высокой осторожности и растерянности.

2. Недостаточная сформированность или полное отсутствие необходимых врачу профессиональных качеств и черт характера.

3. Некачественно проведенное исследование состояния здоровья, в котором находится пациент.

4. Переоценка или неверная оценка данных, полученных в ходе диагностики.

5. Легкомыслие или небрежность в суждениях, выводах, действиях;

6. Отсутствие должного контроля за процессом протекания болезни.

Данная классификация наглядно демонстрирует разницу между добросовестной и уголовно наказуемой врачебной ошибкой. Квалификация общественно опасного деяния, безусловно, должна осуществляться объективно, в том числе с учетом ранее выделенных критериев правильности проведенных мероприятий. Тем не менее, если в обстоятельствах произошедшего прослеживаются элементы из второй разновидности вышеуказанной классификации, то вполне уместно будет вести речь о привлечении к уголовной ответственности.

Таким образом, **врачебную ошибку с точки зрения уголовного права можно определить как юридический факт, свидетельствующий о возможности привлечения медицинского работника к уголовной ответственности за деяния, выразившиеся в неосторожном причинении вреда жизни или здоровью пациента, в связи с заблуждением о правильности проводимых мероприятий в ходе лечения**.

Отсутствие данного понятия, так же как и определения «ятрогении», на законодательном уровне формирует у правоохранительных органов неоднозначное представление об этих явлениях, что в свою очередь негативно сказывается и на процессе квалификации общественно опасных деяний, совершаемых медицинскими работниками.

Тем не менее именно эти категории выступают стержнем для формирования **классификации преступлений медицинского характера в зависимости от формы вины**:

I. Неосторожные общественно опасные деяния:

– причинение смерти по неосторожности;

– причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности;

– заражение ВИЧ-инфекцией;

– неоказание помощи больному;

– оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности;

– халатность.

II. Умышленные посягательства:

– незаконное проведение искусственного прерывания беременности;

– незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях

– подмена ребенка;

– незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ;

– незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности.

III. Преступления с двойной формой вины:

– нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ;

– использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте.

При этом стоит понимать, что в сфере здравоохранения встречается значительно большее количество составов преступления, к которым могут относиться различные формы хищения, причинения вреда жизни и здоровью, фальсификации официальных документов, коррупция и т. д. Однако они по своей природе и сущностным характеристикам относятся к другим проявлениям делинквентного поведения, в связи с чем отождествление их с категорией медицинских правонарушений является нецелесообразным.

Одновременно с этим здесь подчеркивается не только их значительная распространенность, но также и хаотичность – проследить характерные особенности и отличительные черты лишь на уровне нормативных предписаний практически нереально. Для достижения указанной цели, как это и было продемонстрировано в рамках настоящей работы, приходится обращаться к этимологии, терминологии, логике, философии, доктрине медицины и юриспруденции, публицистике и правоприменительной практике.

С учетом разноплановости субъективной стороны, дальнейшая систематизация представляется оправданной через призму объекта преступного посягательства:

1. Деяния, наносящие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану жизни и здоровья личности (ст. 109, 118,122, 123,124 УК РФ).

2. Правонарушения, ставящие в опасность общественные отношения, охраняющие свободу личности (ст. 128 УК РФ).

3. Посягательства на общественные отношения, обеспечивающие охрану интересов семьи и ребенка (ст. 153УК РФ).

4. Преступления, создающие угрозу общественным отношениям, обеспечивающим охрану здоровья населения (ст. 228.2, 230.2, 233, 235, 238 УК РФ).

5. Противоправное поведение, причиняющее ущерб общественным отношениям, обеспечивающим установленный порядок осуществления медицинской деятельности (ст. 293 УК РФ).

6. Иные общественно опасные деяния медицинского характера.

Последний пункт является отсылкой к абсолютно всем, еще не затронутым общественно опасным деяниям, которые могут быть отнесены к исследуемой категории. Однако подобная трактовка может оказаться излишне «размытой» и привести к ложным умозаключениям. В связи с этим предлагается выделить критерии определения соответствующего круга преступных посягательств:

– *субъект* (медицинский работник);

– *способ* (общественно опасные действия/бездействия, которые сопряжены с оказанием медицинской помощи или медицинских услуг);

– *объект* (жизнь и здоровье, свобода личности, интересы семьи и ребенка, здоровье населения, а также установленный порядок осуществления медицинской деятельности);

– *последствия* (причинение вреда здоровью либо непосредственная угроза его наступления).

На основании проведенного исследования сформировано авторское видение унифицированной дефиниции, определяющей интересующую нас группу противоправных деяний, которая предлагается для использования в уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике.

Преступления медицинского характера – общественно опасные деяния, основанные на оказании медицинской помощи или услуг работниками сферы здравоохранения, посягающие на жизнь и здоровье, свободу личности, интересы семьи и ребенка, здоровье населения, а также установленный порядок осуществления медицинской деятельности, предусмотренные статьями 109, 118, 122, 123, 124, 128, 153, 228.2, 230.2, 233, 235, 238, 293 УК РФ.

Список литературы:

1. *Блейхер В. М., Крук И. В.* Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж, 1995.
2. Большая медицинская энциклопедия: в 30 т. Калининград; Москва, 2012. Т. 3.
3. Большая медицинская энциклопедия: в 35 т. М., 1928. Т. 5.
4. Большая медицинская энциклопедия: в 35 т. М., 1936. Т. 35.
5. *Бондаренко Д. В.* К вопросу о юридической ответственности медицинских работников // Медицинское право. 2006. № 4.

References:

1. *Blejher V. M., Kruk I. V.* Tolkovyj slovar' psihiatricheskih terminov. Voronezh, 1995.
2. Bol'shaya medicinskaya enciklopediya: v 30 t. Kaliningrad; Moskva, 2012. T. 3.
3. Bol'shaya medicinskaya enciklopediya: v 35 t. M., 1928. T. 5.
4. Bol'shaya medicinskaya enciklopediya: v 35 t. M., 1936. T. 35.
5. *Bondarenko D. V.* K voprosu o yuridicheskoj otvetstvennosti medicinskih rabotnikov // Medicinskoe pravo. 2006. № 4.

6. *Габай П.* Само определение «ятрогенных преступлений» – чудовищно // Онлайн издание «Медицинская Россия». 27 декабря 2018 г. URL: https://medrussia.org/24866-polina-gabay-samo-opredelenie-yatrog (дата обращения: 05.11.2020).
7. *Давыдовский И. В.* Врачебные ошибки // Советская медицина. 1941. № 3.
8. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации газете «Известия» // Сетевое издание Мультимедийного информационного центра «Известия». 25 июля 2018 г. URL: https://iz.ru/768767/formiruetsia-novoe-pokolenie-sledovatelei (дата обращения: 05.11.2020).
9. *Козлова Н., Петров И.* «Бастрыкин: В большинстве дел о врачебных ошибках вины медработников нет» // Рос. газ. 2020. 14 янв.
10. *Красильников А. П.* Ятрогении и безопасность медицинской помощи // Медицинские новости. 1996. № 4.
11. *Кузнецова Т.* Александр Бастрыкин и Леонид Рошаль не пришли к согласию по вопросам ятрогенных преступлений // Сетевое издание «Адвокатская газета». 21 декабря 2018 г. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/aleksandr-bastrykin-i-leonid-roshal-ne-prishli-k-soglasiyu-po-voprosam-yatrogennykh-prestupleniy/ (дата обращения: 05.11.2020).
12. *Мазин П. В., Мазин В. П.* Клинико-юридическая классификация дефектов оказания медицинской помощи // Медицинское право. 2005. № 3.
13. Минздрав сообщил о 70 тысячах осложнений в год из-за ошибок врачей // РИА Новости. 8 февраля 2020 г. URL: https://ria.ru/20200208/1564435275.html?in=t (дата обращения: 05.11.2020).
14. *Мотренко Е.* «Доктор Франкенштейн» не дождалась суда: умерла лжехирург Алена Верди // Мультимедийный информационный центр «Известия». 6 июня 2020 года.
15. *Мохов А. А., Мохова И. Н.* Врачебная ошибка как актуальная проблема судебной практики // Медицинское право. 2004. № 2.
16. Ответственность за правонарушения в медицине: учеб. пособ. для студентов высшего учебного заведений / [О. Ю. Александрова и др.]. М., 2006.
17. *Пальцев М. А., Автандилов Г. Г., Зайратьянц О. В., Кактурский Л. В., Никонов Е. Л.* Правила формулировки диагноза. М., 2006. Ч. 2.
18. *Пашинян А. Г.* Анализ неблагоприятных исходов при оказании дерматовенерологической помощи // Медицинское право. 2004. № 2.
19. Приговор Заволжского районного суда города Твери от 1 декабря 2016 г. Дело № 1-116/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.11.2020).
20. *Рошаль Л. М.* СК: в 90 % расследований в отношении врачей подтверждается их невино-

6. *Gabaj P.* Samo opredelenie «yatrogennyh prestuplenij» – chudovishchno // Onlajn izdanie «Medicinskaya Rossiya». 27 dekabrya 2018 g. URL: https://medrussia.org/24866-polina-gabay-samo-opredelenie-yatrog (data obrashcheniya: 05.11.2020).
7. *Davydovskij I. V.* Vrachebnye oshibki // Sovetskaya medicina, 1941. № 3.
8. Interv'yu Predsedatelya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii gazete «Izvestiya» // Setevoe izdanie Mul'timedijnogo informacionnogo centra «Izvestiya». 25 iyulya 2018 g. URL: https://iz.ru/768767/formiruetsia-novoe-pokolenie-sledovatelei (data obrashcheniya: 05.11.2020).
9. *Kozlova N., Petrov I.* «Bastrykin: V bol'shinstve del o vrachebnyh oshibkah viny medrabotnikov net» // Ros. gaz. 2020. 14 yanv.
10. *Krasil'nikov A. P.* YAtrogenii i bezopasnost' medicinskoj pomoshchi // Medicinskie novosti. 1996. № 4.
11. *Kuznecova T. Aleksandr* Bastrykin i Leonid Roshal' ne prishli k soglasiyu po voprosam yatrogennyh prestuplenij // Setevoe izdanie «Advokatskaya gazeta». 21 dekabrya 2018 g. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/aleksandr-bastrykin-i-leonid-roshal-ne-prishli-k-soglasiyu-po-voprosam-yatrogennykh-prestupleniy/ (data obrashcheniya: 05.11.2020).
12. *Mazin P. V., Mazin V. P.* Kliniko-yuridicheskaya klassifikaciya defektov okazaniya medicinskoj pomoshchi // Medicinskoe pravo. 2005. № 3.
13. Minzdrav soobshchil o 70 tysyachah oslozhnenij v god iz-za oshibok vrachej // RIA Novosti. 8 fevralya 2020 g. URL: https://ria.ru/20200208/1564435275.html?in=t (data obrashcheniya: 05.11.2020).
14. *Motrenko E.* «Doktor Frankenshtejn» ne dozhdalas' suda: umerla lzhekhirurg Alena Verdi // Mul'timedijnyj informacionnyj centr «Izvestiya». 6 iyunya 2020 goda.
15. *Mohov A. A., Mohova I. N.* Vrachebnaya oshibka kak aktual'naya problema sudebnoj praktiki // Medicinskoe pravo. 2004. № 2.
16. Otvetstvennost' za pravonarusheniya v medicine: ucheb. posob. dlya studentov vysshego uchebnogo zavedenij / [O. Yu. Aleksandrova i dr.]. M., 2006.
17. *Pal'cev M. A., Avtandilov G. G., Zajrat'yanc O. V., Kakturskij L. V., Nikonov E. L.* Pravila formulirovki diagnoza. M., 2006. Ch. 2.
18. *Pashinyan A. G.* Analiz neblagopriyatnyh iskhodov pri okazanii dermatovenerologicheskoj pomoshchi // Medicinskoe pravo. 2004. № 2.
19. Prigovor Zavolzhskogo rajonnogo suda goroda Tveri ot 1 dekabrya 2016 g. Delo № 1-116/2016. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 05.11.2020).

вность // Российское информационное агентство федерального уровня ТАСС. 19 июля 2018 г. URL: https://tass.ru/obschestvo/5387580 (дата обращения: 05.11.2020).
21. *Савицкий В. М.* Язык процессуального закона (вопросы терминологии) / под ред. А. Я. Сухарев. М., 1987.
22. *Сергеев Ю. Д., Ерофеев С. В.* Ятрогенная патология – актуальная судебно-медицинская проблема // Судебно-медицинская экспертиза. 1998. № 6.
23. СК довел до суда 332 уголовных дела о врачебных ошибках в 2019 году // РИА Новости. 3 марта 2020 г. URL: https://ria.ru/20200303/1567774151.html (дата обращения: 05.11.2020).
24. Современный словарь иностранных слов: ок. 20000 слов. М., 1992.
25. *Стеценко С. Г.* Врачебная ошибка и несчастные случаи в практике работ учреждений здравоохранения: правовые аспекты // Эксперт-криминалист. 2006. № 2.
26. *Стеценко С. Г.* Дефекты оказания медицинской помощи: проблемы юридической квалификации и экспертизы // Российский следователь. 2002. № 5.
27. *Сучков А. В.* Правовые проблемы взаимоотношения медицинских работников и пациентов при совершении медиками профессиональных правонарушений // Вятский медицинский вестник. 2008. № 3–4.
28. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / *С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова;* Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2013.
29. «У каждого из нас свое кладбище». Виноваты ли врачи в смерти людей // РИА Новости. 18 марта 2020 г. URL: https://ria.ru/20200318/1568745978.html (дата обращения: 05.11.2020).
30. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1911.
31. *Bumke O.* Der ArztalsUrsacheseelischerSt rungen // Deutsche Medizinische Wochenschrift. 1925. № 51 (1).
32. *Maslow A. H.* Motivation and Personality. N. Y., 1954.

20. *Roshal' L. M.* SK: v 90 % rassledovanij v otnoshenii vrachej podtverzhdaetsya ih nevinovnost' // Rossijskoe informacionnoe agentstvo federal'nogo urovnya TASS. 19 iyulya 2018 g. URL: https://tass.ru/obschestvo/5387580(data obrashcheniya: 05.11.2020).
21. *Savickij V. M.* Yazyk processual'nogo zakona (voprosy terminologii) / pod red. A. Ya. Suharev. M., 1987.
22. *Sergeev YU. D., Erofeev S. V.* Yatrogennaya patologiya – aktual'naya sudebno-medicinskaya problema // Sudebno-medicinskaya ekspertiza. 1998. № 6.
23. SK dovel do suda 332 ugolovnyh dela o vrachebnyh oshibkah v 2019 godu // RIA Novosti. 3 marta 2020 g. URL: https://ria.ru/20200303/1567774151.html (data obrashcheniya: 05.11.2020).
24. Sovremennyj slovar' inostrannyh slov: ok. 20000 slov. M., 1992.
25. *Stecenko S. G.* Vrachebnaya oshibka i neschastnye sluchai v praktike rabot uchrezhdenij zdravoohraneniya: pravovye aspekty // Ekspert-kriminalist. 2006. № 2.
26. *Stecenko S. G.* Defekty okazaniya medicinskoj pomoshchi: problemy yuridicheskoj kvalifikacii i ekspertizy // Rossijskij sledovatel'. 2002. № 5.
27. *Suchkov A. V.* Pravovye problemy vzaimootnosheniya medicinskih rabotnikov i pacientov pri sovershenii medikami professional'nyh pravonarushenij // Vyatskij medicinskij vestnik. 2008. № 3–4.
28. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova; Rossijskaya akademiya nauk. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M., 2013.
29. «U kazhdogo iz nas svoe kladbishche». Vinovaty li vrachi v smerti lyudej // RIA Novosti. 18 marta 2020 g. URL: https://ria.ru/20200318/1568745978.html (data obrashcheniya: 05.11.2020).
30. Filosofskij slovar' logiki, psihologii, etiki, estetiki i istorii filosofii / pod red. E. L. Radlova. SPb., 1911.
31. *Bumke O.* Der ArztalsUrsacheseelischerSt rungen // Deutsche Medizinische Wochenschrift. 1925. № 51 (1).
32. *Maslow A. H.* Motivation and Personality. N. Y., 1954.

Для цитирования:

Черных Евгения Евгеньевна. Ответственность за «неблагоприятные последствия» в сфере медицины: теория, техника, практика // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 94–104.

For citation:

Chernyh Evgeniya Evgen'evna. Responsibility for «adverse consequences» in the field of medicine: theory, technique, practice // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 94–104.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ
и расследование преступлений

ТАМАРА НИКОЛАЕВНА БЕЛЯЕВА,
специалист Управления организации материально-технического обеспечения, кандидат юридических наук
Департамент по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД России
Российская Федерация, 119049, г. Москва, ул. Житная, д. 12а
E-mail: bellatomina@mail.ru

TAMARA NIKOLAEVNA BELYAEVA,
Candidate of Law,
Specialist of Management of Organization of Material and Technical Support
Department of logistics and medical support of the Ministry of internal Affairs of Russia
Russian Federation, 119049, Moscow, Zhitnaya St., 12A
E-mail: bellatomina@mail.ru

СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ БОРИСОВ,
научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений, противодействия экстремизму, кандидат юридических наук, доцент
Университет прокуратуры Российской Федерации
Российская Федерация, 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, д.15
E-mail: svbors@yandex.ru

SERGEJ VYACHESLAVOVICH BORISOV,
Candidate of Law, Associate Professor,
Research Associate of the Department of Scientific Support for Prosecutor's Supervision and Strengthening the Rule of Law in the Field of Federal Security, Interethnic Relations, and Countering Extremism
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Russian Federation, 123022, Moscow, 2-ya Zvenigorodskaya St., 15
E-mail: svbors@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.11 – судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.11 – Judicial Activity, Prosecutor's Activity, Human Rights and Law Enforcement Activities.

УДК 343.341:048.66

Дата поступления: 2 марта 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Противодействие экстремизму (терроризму): приоритетное направление правоохранительной деятельности в аспекте обеспечения национальной безопасности

Countering extremism (terrorism): priority direction of law enforcement activities in the aspect of ensuring national security

Аннотация

Актуальность темы, посвященной вопросам противодействия экстремизму и терроризму посредством предупреждения их проявлений правоохранительными органами, в том чис-

Annotation

The relevance of the topic devoted to countering extremism and terrorism by preventing their manifestations by law enforcement agencies, including the Prosecutor's office, is beyond doubt.

ле прокуратурой, не вызывает сомнений. Она определяется комплексом факторов социально-политического, правового, науковедческого характера.

Экстремизм приобретает черты значимой угрозы, без преувеличения, не только криминологической, но и шире – национальной безопасности страны. Он ставит под угрозу интересы конкретных граждан, социальное спокойствие и порядок внутри отдельно взятого общества, страны, а также мирное сосуществование государств и благополучие человечества в целом. Чувство самосохранения и ответственности за будущее заставляет государства искать оптимальные пути и методы профилактики, сдерживания, контроля экстремистских течений и практик, преследования наиболее опасных форм проявления экстремизма – терроризма, определения стратегии и тактик минимизации социальных противоречий без использования радикальной риторики.

Постановка проблемы: экстремизм как социально-политическое явление является одной из наиболее сложных проблем современности, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений (форм, видов): криминальный, политический, националистический, радикально-религиозный, молодежный, биологический, генетический, экологический и др., а также терроризм (крайнее проявление экстремизма). За последние годы увеличилось число внешних и внутренних экстремистских угроз, в том числе возрос и активизировался денежный поток, изощряются методы и способы финансирования экстремизма и иной пособнической деятельности преступникам.

Цель исследования: противодействие экстремизму на всех его этапах – приоритетное направление деятельности правоохранительной системы Российской Федерации, входящей в государственно-правовой механизм страны. В статье определены цели и задачи по предотвращению фактов экстремизма, выявлению и раскрытию преступлений экстремистской и террористической направленности, а также обозначены направления надзора за исполнением законов о противодействии экстремисткой деятельности и терроризма, деятельности правоохранительных органов по предупреждению проявлений экстремизма. Наряду с теоретическим подходом к общему пониманию целей и задач прокурорского надзора, на основании анализа оперативной обстановки и дальнейшего прогноза определены и конкретизированы цели и задачи изучаемой сферы противодействия экстремизму, положений нормативных правовых актов.

It is determined by a complex of socio-political, legal, and scientific factors.

Extremism takes on the features of a significant threat, without exaggeration, not only criminological, but also more broadly-the national security of the country. It threatens the interests of specific citizens, social peace and order within a particular society or country, as well as the peaceful coexistence of States and the well-being of humanity as a whole. A sense of self – preservation and responsibility for the future forces States to look for optimal ways and methods to prevent, contain, and control extremist trends and practices, pursue the most dangerous forms of extremism-terrorism, and determine strategies and tactics to minimize social contradictions without using radical rhetoric.

The problem statement: extremism as a socio-political phenomenon is one of the most complex problems of our time, which is primarily due to the variety of its manifestations (forms, types): criminal, political, nationalist, radical religious, youth, biological, genetic, environmental, etc., as well as terrorism (extreme extremism). In recent years, the number of external and internal extremist threats has increased, including increased and intensified cash flow, sophisticated methods and methods of financing extremism and other aiding and abetting criminals.

The purpose of the study: countering extremism at all its stages is a priority activity of the law enforcement system of the Russian Federation, which is part of the state-legal mechanism of the country. The article defines the goals and objectives for preventing the facts of extremism, identifying and solving crimes of extremist and terrorist orientation, as well as the directions of supervision over the implementation of laws on countering extremist activities and terrorism, and the activities of law enforcement agencies to prevent manifestations of extremism. Along with a theoretical approach to a General understanding of the goals and objectives of Prosecutor's supervision, based on the analysis of the operational situation and further forecast, the goals and objectives of the studied sphere of countering extremism and the provisions of regulatory legal acts are defined and specified.

The research methods: the methodological basis of the research consists of General scientific methods, materialistic dialectics, logical-legal method and method of factor analysis, comparative legal and statistical methods.

The results and key conclusions: as a result of the research, the authors conclude that this topic is not only of theoretical and practical, but also of scientific interest. The article rightly notes that countering extremism in all its manifestations and forms is a priority for the entire Russian law enforcement system. At the same time, the Interde-

Методы исследования: методологическую основу исследования составили общенаучные методы, материалистическая диалектика, логико-юридический метод и метод факторного анализа, сравнительно-правовой и статистический, сравнительный методы.

Результаты и ключевые выводы: в результате исследования авторы статьи делают выводы о том, что указанная тема представляет не только теоретический и практический, но и научный интерес. В статье справедливо отмечается, что противодействие экстремизму во всех его проявлениях и формах является приоритетным для всей правоохранительной системы России. При этом Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации на межведомственной основе выполняет функцию координации правоохранительной деятельности по противодействию экстремизму. В то же время органы прокуратуры способны и в состоянии координировать деятельность по предупреждению преступлений и проявлений экстремизма и терроризма. Противодействие экстремизму (терроризму) в аспекте обеспечения национальной безопасности является актуальным направлением правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: *судебные органы; правоохранительные органы; прокурорский надзор; противодействие финансированию экстремистской деятельности; российское законодательство; терроризм; экологический экстремизм; биологический терроризм; экстремистская деятельность; предупреждение проявлений экстремизма.*

partmental Commission on countering extremism in the Russian Federation performs the function of coordinating law enforcement activities to counter extremism on an interdepartmental basis. At the same time, the Prosecutor's office is able and able to coordinate activities to prevent crimes and manifestations of extremism and terrorism. Countering extremism (terrorism) in the aspect of ensuring national security is an urgent area of law enforcement activity.

Keywords: *judicial authorities; law enforcement agencies; Prosecutor's supervision; countering the financing of extremist activities; Russian legislation; terrorism; environmental extremism; biological terrorism; extremist activities; prevention of manifestations of extremism.*

Современный мир проходит через переломный этап, характеризующийся тем, что меняются взаимоотношения между государствами, все чаще делается ставка на силовое разрешение противоречий. При этом претензии отдельных стран, в частности Великобритании, США и ряда государств – участников Североатлантического Альянса (НАТО), подталкивают мир к новой гонке вооружений, на фоне этого усиливается антироссийская риторика, активизируется недружественная военная деятельность вблизи российских границ. В связи с этим государством предпринимаются целенаправленные действия по *обеспечению национальной безопасности* и основной упор делается на борьбу с экстремистской (террористической) угрозой, масштабы которой за последние годы значительно возросли.

Рассмотрим наиболее важные, доктринальные и методологические подходы к сущности и содержанию понятия «безопасность» в аспекте исследуемой темы. Национальная безопасность включает в себя как оборону страны, так и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую и др.

Основополагающим нормативным актом, содержащим расширенное толкование и применение понятия «безопасность», является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации[1], в которой этот термин был сущест-

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Феде-

венно расширен и фактически распространился на все сферы деятельности государства – экономику, энергетику, культуру, здравоохранение, продовольствие и др. Так, в стратегическом смысле национальная безопасность понимается как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» (п. 6).

Помимо «легитимных» определений безопасности, содержащихся в нормативных правовых актах, существуют еще вполне распространенные и употребляемые в официальных документах разночтения и довольно разные интерпретации. По нашему мнению, под определением понятия «безопасность» можно понимать следующее:

– во-первых, ограничения, дополнительная нагрузка, повышенные расходы на поддержание системы государства в стабильном положении. Любая безопасность – это как защита, так и ограничение, тогда как развитие – это всегда детерминация, содержащая обязательные риски и угрозы краха, распада. В современном правовом и экономическом контексте издержки по обеспечению безопасности государства практически не калькулируются и не входят в себестоимость продуктов, образа жизни, здоровья, поддержания государственной системы в равновесном состоянии;

– во-вторых, постоянная оценка и прогнозирование вызовов и угроз (расчет их адекватности и возможности совершения), в зависимости от этого выстраиваются приоритеты развития и критерии эффективности противодействии либо упреждения. Как преувеличение, так и преуменьшение величины (степени) угроз критически важно для управления государства, экономики, права и др.

Угроза проявлений насильственного экстремизма и терроризма, а также эффективное противодействие данным явлениям и их финансированию крайне актуальны как для современного общества в целом, так и для каждого государства в отдельности. Прежде всего это связано с развитием новых средств и методов ведения гибридных войн и ростом террористической активности в системе глобальных угроз [8, с. 70–84].

Проблема современного терроризма и насильственного экстремизма, а также эффективное противодействие данным явлениям и их финансированию крайне актуальны как для мирового сообщества, так и для Российской Федерации. Важными аспектами борьбы с этими вызовами и угрозами являются совершенствование ее криминологического направления и правового регулирования. Это обусловливается транснациональным характером данных явлений в современном мире [1, с. 344–347; 6, с. 45–50; 9, с. 9–10; 11, с. 432–434; 17, с. 2–5].

В настоящее время эксперты по обеспечению национальной безопасности констатируют повышенную активность деструктивных организаций, признанных экстремистскими, выражающуюся в повсеместном вовлечении адептов религиозных организаций и сект по территории субъектов РФ в деятельность международных экстремистских (террористических) организаций (далее – МЭТО), запрещенных на территории Российской Федерации, в том числе «Исламского государства», «Талибан», «Хизбут Тахрир аль Ислами», «Нурджулар», «Таблиги Джамаат» и др. Попытки создания и организация сети «спящих» ячеек МЭТО дают основания прогнозировать сохранение вызовов и угроз террористического характера в ряде субъектов РФ, а также приграничных регионах [2, с. 2–3; 16].

Признание особой опасности угроз экстремистского характера и определение противодействия проявлениям экстремизма в качестве одного из ведущих направлений государственной правоохранительной деятельности впервые нашло отражение в Указе Президента РФ «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации»[2]. Необходимость эффективного противодействия экстремизму требовала реализации соответствующих законодательных мер, которые нашли свое воплощение в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности»[3].

Профессор О.Л. Дубовик считает, что в XXI в. человечество столкнулось с данными вызовами и угрозами в невиданных ранее масштабах, а именно: в преступных деяниях задействованы не только конкретные исполнители и их пособники, но и социальные группы, характеризующиеся этническими, религиозными, политическими признаками, преследующие цели различного уровня – от глобаль-

рации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2006. № 1 (ч. II). Ст. 212.

[2] О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации: указ Президента РФ от 23 марта 1995 г. № 310 // СЗ РФ. 1995. № 13. Ст. 1127.

[3] О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

ных (создание халифата и уничтожение христианского мира, представителей разных ветвей ислама (сунниты, шииты)) до «точечных», когда террористические (экстремистские) действия совершаются в отношении конкретных людей или организаций, и даже до действий государства, приобретающего клеймо «террористическое» либо «экстремистское» [4, с. 75].

Международный терроризм и насильственный экстремизм постоянно расширяют возможности своего влияния, а именно: к ним примыкают «адепты», непосредственно осуществляющие террористические акты и акции насильственного экстремизма; «активные участники» – те, кто снабжает их оружием, взрывчаткой, документами, транспортом и др.; «вербовщики» (вовлекают в эту деятельность, обучают и разрабатывают как стратегию, так и планы конкретных акций); «пособники», финансирующие масштабные либо не очень крупные операции.

Во всем мире растет число жертв, пострадавших в результате терактов, а также погибших или получивших увечья от акций насильственного экстремизма, переживших эмоциональный шок, их родственников и близких, более того, всех, у кого из-за возможности оказаться на месте преступления возникает чувство страха, неуверенности, недоверия к властям и силовым структурам.

Необходимо отметить, что общее число преступлений террористического характера, например в России, продолжает сокращаться. За прошлый год правоохранительными органами предотвращено 57 таких преступлений, в том числе 34 теракта. Отмечается развитие сотрудничества с зарубежными коллегами. Так, благодаря своевременной информации, поступившей от представителей ФБР США, 27 декабря 2019 г. в Санкт-Петербурге задержаны два сторонника ИГИЛ, готовившие теракты в новогодние праздники. Мы с вами отдаем себе отчет в том, что это такое, и в том, какие были бы последствия, если бы вам этого сделать не удалось, – подытожил на расширенном заседании коллегии федеральной службы безопасности Президент Российской Федерации В. В. Путин [14]. На коллегии также была отмечена положительная тенденция по многим направлениям, в том числе по выявлению и ликвидации так называемых спящих ячеек террористов, по пресечению каналов финансирования террористических групп и поставок им оружия.

На расширенной коллегии МВД России главой страны было отмечено, что число преступлений экстремисткой направленности уменьшилось, причем более чем вдвое. Однако это не повод для самоуспокоения – на Министерстве лежит особая ответственность за сохранение и стабильность в обществе. Конечно, самого серьезного внимания требует обеспечение безопасности в местах массового пребывания граждан [15].

Глава МВД России В. А. Колокольцев в своем докладе отметил о тенденции снижения общего количества преступлений экстремистской направленности, уточнив, что произошло это с учетом частичной либерализации законодательства [15]. Так, в 2019 г. было зарегистрировано 585 таких фактов, в то время как в 2017–2018 гг. – 1 521 и 1 265 соответственно[4].

В результате корректировки правоприменительной практики в минувшем году произошло резкое сокращение количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации[5] (далее – УК РФ), до 19 (в 2017 г. – 985, в 2018 г. – 780). Наибольший удельный вес (46,5 %) в числе преступлений экстремистской направленности пришелся на преступления, предусмотренные ст. 280 УК РФ. В период 2017–2019 гг. было зарегистрировано 310, 269 и 272 подобных преступлений соответственно.

Необходимо отметить, что в информационно-аналитических материалах Университета прокуратуры Российской Федерации[6] было отражено, что в прошлом году произошел стремительный рост преступлений, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ. Если в 2017–2018 гг. было зарегистрировано 65 и 87 данных преступлений соответственно, то в 2019 г. – 161. Отмеченная динамика во многом обусловлена наличием фактов продолжения в различных регионах страны деятельности экстремистской религиозной организации Свидетели Иеговы, ликвидированной на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г.

Массовый характер подобных фактов свидетельствует о необходимости разработки более действенных мер прежде всего организационного характера, направленных на пресечение деятельности данной организации.

Помимо указанной экстремистской организации, правоохранительными органами выявляется организованная преступная деятельность и иных подобных формирований. Так, в частности, на территории Центрального федерального округа уголовные дела по ст. 282.1

[4] Выборочные данные из формы № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за 2017–2019 гг.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 295.

[6] Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2019 г.: информационная-аналитическая записка.

и 282.2 УК РФ расследовались в отношении участников и руководителей экстремистских формирований: «Таблиги Джамаат», «Армия воли народа», «Партия националистов» (ЭПО «Русские»), «Правый Сектор», «Национальный блок».

Вместе с тем эксперт Е.А. Капитонова считает, что, несмотря на все силы и средства, которые направляются государствами на защиту от проявлений экстремистского и террористического характера, изжить их полностью пока не получилось ни у одной из них. Борьба с этими вызовами и угрозами осложняется еще и тем, что методы террористов (экстремистов) постоянно меняются, а боевики задействуют все новые способы совершения террористических актов [8, с. 70].

Отягчает данную проблему то, что в мире также могут появиться (и уже проявляются) исключительные виды терроризма и экстремизма – *атомный*, *биологический*, *генетический*, *экологический* и др.

Экологический экстремизм, биологический терроризм и потенциальные возможности использования биологического оружия в качестве средства массового поражения, угрожающего национальной безопасности и устойчивому развитию государств, являются предметом все возрастающей обеспокоенности как ученых, общественности, так и правоприменителей.

С одной стороны, бурное развитие новых средств и методов ведения локальных войн и рост террористической активности в системе глобальных вызовов и угроз, с другой – постоянный прогресс в биологии и химии, расширяющий перечень так называемых погранично опасных технологий, которые потенциально могут быть использованы террористами. Например, бактерии, вызывающие сальмонеллез и другие кишечные инфекции, можно вырастить в бытовых (комнатных) условиях.

Радикалы экологической направленности в сравнении с террористами-боевиками несут в себе не меньше опасностей современному обществу и отдельному человеку, в частности: насильственное блокирование тепловых-, электростанций, ГЭС, АЭС, предприятий, производственных площадок, наливных танкеров, буровых платформ; нападения на научно-исследовательские центры, проводящие работы в различных областях научных исследований (биологических, медицинских, химических и др.), иные противоправные действия. Нередко данные мероприятия, организованные и проводимые экологами-экстремистами, сопровождаются применением насилия к окружающим их лицам и совмещены с незаконным проникновением в режимные объекты (помещения) и др.

В качестве примера можно привести выдержки из интервью журналу Spiegel бургомистра Тюбингена от партии «зеленых» Б. Пальмера (Boris Palmer), в котором говорится о противостоянии с радикальными защитниками животных в связи с тем, чтобы институт биокибернетики Макса Планка прекратил исследовательские работы с приматами. На руководство и сотрудников института оказывалось давление вплоть до угроз убийством членов семей, с пикетами у их домов, от чего страдали и находившиеся рядом другие люди [12, с. 98]. Это на самом деле весьма своеобразный феномен экологической культуры, экологического сознания (правосознания), экологического поведения многих индивидов и социальных – даже небольших – групп, который разделил позиции двух противоборствующих сторон и очертил границу между неофитами экологического экстремизма, его противниками и лицами, их поддерживающими по морально-этическим и прагматическим, но противоположным соображениям.

Экологический экстремизм, может быть, наиболее ярко и наглядно связан с эколого-правовыми конфликтами, а также с медико-правовыми и криминальными конфликтами (убийства и угрозы убийством в отношении врачей, делающих аборт, научных сотрудников, проводящих лабораторные исследования на животных, поджоги клиник, центров и пр.). Даже «антиатомное» протестное движение не использовало таких крайних форм давления и личностного насилия [4, с. 77].

Полагаем, что стратегическая угроза национальной безопасности на современном этапе – это возможность применения террористами-боевиками биологического (бактериологического) оружия.

В частности, заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации Ю. А. Коков отмечает, что международные террористические организации постоянно совершенствуют тактику своих действий, предпринимают попытки получить доступ к сведениям об изготовлении средств ядерного, химического и биологического поражения, проявляют повышенное внимание к темам, связанным с возможностью применения патогенных биологических агентов и токсичных химикатов [5].

Директор ФСБ России А.В. Бортников высказал мнение о том, что преступники уже располагают материалами, технологиями и инфраструктурой для производства химического оружия и биотоксинов, а в качестве средств доставки поражающих элементов готовы применять беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) [3].

Их использование позволяет проводить точечные нападения, в частности, управляемая атака «дронов» на российскую авиабазу Хмеймим в Сирии потребовала немедленного реагирования систем противовоздушной обороны. Атака же БПЛА, загруженных вирусами сибирской язвы или ботулотоксином, или другим опасным по своей силе и активности распространения, может убить несколько тысяч человек в центре крупного мегаполиса и в арифметической прогрессии пойти далеко за его пределы. Масштабы поражений могут превосходить последствия ядерного взрыва многократно, а их действие будет носить скрытый пролонгированный характер или же может вызывать в течение короткого периода времени массовые жертвы. Защита же от этого – проведение эпидемиологических (антибактериологических) мероприятий специалистов службы безопасности специализированной лаборатории и др., в какой степени будет достаточна или нет – вопрос больше риторический.

Российским законодателем уже учтены данные угрозы и меры противодействия БПЛА новеллой российского законодательства[7], а именно в части предотвращения использования БПЛА в противоправных целях. Сотрудники силовых ведомств (МВД Росси, ФСБ России, Минобороны, Росгвардии, ФСИН России и др.) получили право пресекать нахождение беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве России. Установлены способы пресечения полетов БПЛА, а также полномочия руководителей компетентных органов по определению порядка принятия решения о пресечении нахождения «беспилотников» в воздушном пространстве и права сотрудников ведомств на применение оружия и специальных средств в целях такого пресечения.

С каждым годом все большую актуальность приобретает проблема несанкционированного вмешательства террористов в работу автоматизированных систем управления потенциально опасных и критически важных объектов, в том числе транспортных и топливно-энергетических систем, с целью нарушения порядка их функционирования и создания аварийных ситуаций.

Для противодействия этим негативным тенденциям необходимо обеспечить эффективное правовое регулирование вопросов использования современных робототехнических комплексов, а также надежную охрану и защиту объектов критически важной инфраструктуры, в том числе связанных с хранением и использованием опасных веществ и материалов: взрывчатых, радиоактивных, химических, биологических. В России такая работа ведется на постоянной основе, а вопросы ее совершенствования находятся в компетенции Совета безопасности Российской Федерации и других силовых структур.

Благодаря своей дешевизне и технологической доступности биологическое оружие, по оценкам спецслужб зарубежных государств, может и будет все шире использоваться террористическими группами и реакционными режимами в борьбе за передел природных ресурсов и геополитическое доминирование в мире.

Уголовным законодательством Российской Федерации (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ) предусмотрена ответственность за террористический акт – деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они: а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения, либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ.

Также имеется ответственность за преступления, предусмотренные в ст. 355 УК РФ «Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения», ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», ст. 357 УК РФ «Геноцид», ст. 358 УК РФ «Экоцид».

Изучение практики работы государственных, судебных и правоохранительных органов показывает на необходимость дальнейшей ее активизации в сфере противодействия, предупреждения и профилактики проявлений экстремизма (терроризма).

Чтобы иметь представление о том, какое место в системе противодействия экстремистской деятельности (терроризму) отведено деятельности органов прокуратуры, необходимо назвать функции, реализуемые прокурором в данной области, а именно: надзорные полномочия прокурора за исполнением законов в рассматриваемой сфере; за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (в контексте соблюдения права на жизнь, здоровье и др., благоприятную среду современного общества, достоверную информацию о ее состоянии); возмещение ущерба, причиненного правонарушениями и преступлениями экстремистской и террористической направленности и др.

Кроме того, законодательством предусмотрены полномочия прокуроров *по блокировке сайтов* экстремистских (террористических) организаций, *мониторинг* в сети Интернет материалов экстремистской направленности, выявление и признание нежелательными ино-

[7] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 декабря 2019 г. № 404-ФЗ // Рос. газ. 2019. 5 дек. № 275.

странных организаций в Российской Федерации [2, с. 51, 73].

Так, в период с 2006 г. по настоящее время более 5 тыс. материалов при активном взаимодействии прокуратуры, МВД России, ФСБ России были признаны судами экстремистскими, из них 193 материала включены в соответствующий список в 2019 г.

Еще одним важнейшим направлением работы органов прокуратуры вне уголовно-правовой сферы, хотя и не закрепленным в законодательном порядке, но широко используемым на практике, является *межведомственное взаимодействие* органов прокуратуры с иными органами и организациями по вопросам предупреждения и профилактики проявлений экстремизма и терроризма [10, с. 245].

Общий надзор прокуратуры можно разграничить на подвиды надзорной деятельности, а именно: за исполнением законов поднадзорными прокуратуре органами и организациями, которые при этом являются участниками отношений в данной теме, и за законностью правовых актов, регламентирующих отношения в указанной сфере [13].

Правонарушения, влекущие возникновение угрозы жизни и здоровью людей, требуют незамедлительного реагирования государственных органов, органов контроля и надзора, судебных и правоохранительных органов.

Так, при выявлении информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности и терроризму, прокурорами немедленно готовятся заключения по результатам проверки, ограничивается доступ к информационным ресурсам в установленном порядке.

Отметим, что радикалы и их пособники могут в короткий срок собрать достаточное количество людей (иногда даже несведущих о предстоящих правонарушениях) для организации массовых беспорядков, а с помощью интернет-сервисов, – мессенджеров координировать и направлять свои преступные действия.

В ряде субъектов РФ на постоянной основе создаются объединения участников – органов прокуратуры и институтов гражданского общества: научных, общественных и религиозных организаций, деятельность которых направлена на предупреждение проявлений экстремизма и терроризма в конкретном регионе страны.

При осуществлении прокурорского надзора в исследуемой цели приоритет должен отдаваться противодействию финансирования терроризма (экстремизма) *контрольно-надзорными органами*, так как выполнение возложенных на них задач не на должном уровне может порождать распространение нарушений в поднадзорных им организациях.

В зависимости от круга задач указанного направления надзор можно условно разделить:

– на непосредственное выявление и пресечение фактов финансирования терроризма (экстремизма);

– на профилактику, предупреждение фактов их финансирования.

Следует отметить, что степень непосредственного выявления и пресечения фактов финансирования экстремистской деятельности и терроризма органами прокуратуры мала, что обусловлено отсутствием определенных оперативных полномочий и сложностью сбора и предъявления доказательств.

И все же при проведении проверочных мероприятий, особенно различных некоммерческих организаций, не стоит упускать из виду возможность самостоятельного выявления прокурорами фактов финансирования экстремистской деятельности и терроризма. К предупреждению данного вида преступлений правильно будет отнести надзор за исполнением законов органами контроля и надзора.

Таким образом, прокуроры принуждают вышеназванные *субъекты* противодействия финансированию терроризма (экстремизма) работать должным образом и на ранних стадиях идентифицировать и пресекать попытки осуществления финансирования терроризма (экстремизма).

Предупреждение и профилактика правонарушений и преступлений экстремисткой (террористической) направленности является актуальным направлением правоохранительной деятельности, в частности, прокуроры получают от законодателя дополнительные средства прокурорского реагирования, осуществляется оперативная блокировка противоправной информации, используются предостережения и решения прокурора по противодействию экстремистской деятельности и др.

Изучение правоприменительной и судебной практики указывает на перспективы дальнейшей ее тактической активизации в борьбе с проявлениями насильственного экстремизма и терроризма, основная цель которой – оказание профилактического, контролирующего и надзорного воздействия на определенную категорию лиц, вынашивающих националистические, радикально-религиозные и политические идеи, планирующих, подготавливающих, совершающих и совершивших правонарушения и преступления экстремистской и террористической направленности, а также на пособников, подпитывающих боевиков-террористов финансовыми, материально-техническими и людскими ресурсами. При

этом наличие прочных теоретико-методологических основ оперативно-розыскного противодействия финансированию экстремистской деятельности, по мнению специалистов, рассматривается как один из путей повышения эффективности перекрытия каналов и источников финансирования экстремизма и терроризма.

Приказами Генерального прокурора Российской Федерации от 21 марта 2018 г. № 1 56 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности», от 17 мая 2018 г. № 295 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму» надзор за исполнением законов в указанной сфере выделен как отдельное важное направление.

С целью совершенствования организационного взаимодействия и взаимопонимания между органами исполнительной власти, государственными органами субъектов РФ и органами местного самоуправления по укреплению законности и правопорядка требуется координация данной деятельности.

Так, Генеральной прокуратурой Российской Федерации 13 сентября 2018 г. было проведено межведомственное совещание руководителей правоохранительных органов «О состоянии работы и эффективности принимаемых правоохранительными и контролирующими органами мер по предупреждению, выявлению, пресечению и расследованию преступлений террористического характера и экстремистской направленности».

Активизация деятельности правоохранителей и прокуроров в сфере противодействия экстремизму (терроризму), а также их финансированию, в том числе при осуществлении надзора за исполнением законов и законностью правовых актов, в рамках межведомственного взаимодействия (правоохранительные органы и иные), а также взаимодействия с институтами гражданского общества является действенным средством укрепления законности в рассматриваемой сфере и профилактики правонарушений экстремистской и террористической направленности.

Представляется целесообразным разработка на межведомственной основе понятий «биотерроризм» и «биодиверсия» с дальнейшим закреплением их в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также продолжение развития нормативной и методической базы в области профилактики инфекционных заболеваний, противодействия биотерроризму и др.

В целях совершенствования уголовного законодательства следует дополнить ст. 281 УК РФ «Диверсия» частью четвертой, устанавливающей повышенную ответственность за деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей указанной статьи, если они сопряжены с использованием радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения, либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ. Эти и другие новые источники угроз общественной безопасности в Российской Федерации целесообразно предусмотреть в основополагающем документе стратегического планирования – *Концепции* общественной безопасности Российской Федерации до 2030 года, в которой также обозначить цели, задачи, принципы и основные направления деятельности сил обеспечения общественной безопасности.

Следует актуализировать и вопрос о негосударственной системе обеспечения общественной безопасности, ее роли и месте в системе обеспечения безопасности личности и общества.

Задачи по предупреждению и профилактике преступлений и проявлений террористической и экстремистской направленности для правоохранительных органов можно представить следующим образом:

– участие в разработке и реализации комплексных программ по предупреждению преступлений террористического и экстремистского характера;

– изучение в пределах своей компетенции на федеральном и межрегиональном уровнях социальных, экономических и других факторов, способствующих совершению преступлений террористической и экстремистской направленности, и участие в разработке мер по их устранению;

– организация взаимодействия и координация правоохранительной деятельности по противодействию экстремизму (терроризму);

– информирование населения и средств массовой информации о состоянии и мерах по предупреждению преступлений экстремистской и террористической направленности;

– повышение профессиональной подготовки сотрудников и работников правоохранительных органов: изучение, обобщение и распространение положительного опыта по предупреждению и профилактике проявлений экстремизма и терроризма.

Важным элементом эффективной работы по предупреждению проявлений экстремизма (терроризма) являются знание и правильное применение норм российского законодательства, которые позволяют квалифицировать противоправные деяния данной категории и регламентируют деятельность правоохранительных органов по их пресечению.

Предупреждение преступлений и проявлений экстремистской и террористической направленности административно-предупредительными методами является одной из важных задач в деятельности органов внутренних дел, а именно подразделений полиции, осуществляющих охрану общественного порядка и обеспечивающих общественную безопасность (участковые уполномоченные полиции, патрульно-постовые подразделения полиции, дорожно-патрульные службы полиции и др.) [7, с. 11].

Данным подразделениям при планировании оперативно-служебной деятельности необходимо владеть основными правовыми понятиями и терминами, относящимися к сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом. Сотрудники подразделений должны обладать знаниями о причинах терроризма и экстремизма и условиях, способствующих им, вероятных участниках террористических и экстремистских акций, формах и методах ведения профилактической работы.

Профилактические мероприятия по предупреждению проявлений террористической и экстремистской деятельности целесообразно представить следующими мероприятиями:

– планирование профилактических действий на основе тщательного анализа складывающейся на обслуживаемой территории оперативной обстановки;

– систематическое изучение социальных, криминологических характеристик и инфраструктуры обслуживаемой территории;

– регулярное обследование обслуживаемой территории, общение с проживающим на ней населением, анализ статистики совершаемых в ее пределах административных правонарушений и преступлений;

– надзор за находящимися на обслуживаемой территории опасными производствами, могущими стать потенциальными целями диверсионно-террористических актов, которые связаны с переработкой, хранением и транспортировкой отравляющих веществ; объектами науки, энергетики, транспортного комплекса и др.;

– постоянный контроль за местами вероятной закладки взрывных устройств в жилых домах и иных местах массового пребывания людей, особого внимания требуют подвальные и чердачные помещения, а также нежилые помещения, сдаваемые в аренду различным коммерческим структурам. Данный контроль может осуществляться как путем личных проверок, так и через установленные доверительные отношения с гражданами;

– проведение инструктажей и бесед о способах, применяемых террористами при минировании, о первоначальных действиях граждан в случае обнаружения подозрительных предметов;

– применение мер административного предупреждения, предусмотренных кодифицированным административно-правовым актом: проверка документов, удостоверяющих личность либо подтверждающих правомерность осуществления какого-либо вида деятельности; личный досмотр; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений и территорий, вещей и документов; досмотр транспортных средств и др.

Полагаем, что административно-правовые методы предупреждения террористической и экстремистской деятельности можно представить как совокупность предусмотренных федеральным и ведомственным законодательством приемов и способов профилактического и предупредительного характера, включающих в себя мероприятия, осуществляемые сотрудниками правоохранительных органов в рамках их компетенции, направленные на достижение целей и задач борьбы с терроризмом и экстремизмом и способствующие удержанию отдельных лиц от противоправных деяний и следующих за ними негативных последствий.

Таким образом, усиление правоохранительной роли в системе обеспечения национальной безопасности сопровождается постановкой приоритетных направлений, стратегических задач по противодействию экстремизму и терроризму в свете новых вызовов и угроз, в том числе по осуществлению государственного правового мониторинга обеспечения национальной безопасности. Координация и эффективное взаимодействие субъектов противодействия экстремистской деятельности и терроризму важные составляющие системы предупреждения и профилактики проявлений экстремизма (терроризма).

Список литературы:

1. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы: монография / под общ. ред. В. В. Меркурьева // Университет прокуратуры Российской Федерации. М., 2019.
2. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ

References:

1. Bor'ba s terrorizmom: novye vyzovy i ugrozy: monografiya / pod obshch. red. V.V. Merkur'eva // Universitet prokuratury Rossijskoj Federacii. M., 2019.
2. Deyatel'nost' organov prokuratury po preduprezhdeniyu prestuplenij protiv osnov kon-

конституционного строя и безопасности государства: монография / [П. В. Агапов, С. В. Борисов, Д. А. Соколов и др.]; под общ. ред. П. В. Агапова. М., 2019.
3. Директор ФСБ России: террористы получили возможность производить химическое и биологическое оружие. URL: https://life.ru/tierroristy_poluchili_v_svoi_ruki_novoie_smiertielnoie_oruzhiie (дата обращения: 02.02.2020).
4. *Дубовик О. Л.* Криминологические и уголовно-правовые предпосылки борьбы с экологическим терроризмом и экологическим экстремизмом в России // Lex russica. 2018. № 9.
5. Заместитель секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Ю. А. Коков высказал прогнозы об обеспечении национальной безопасности в интервью «Российской газете» // Рос. газ. 2019. № 230 (7988).
6. *Иванов П. И.* Противодействие финансированию терроризма и экстремизма (в аспекте международного сотрудничества) // Безопасность бизнеса. 2019. № 4.
7. *Канунникова Н. Г.* Административно-правовые методы предупреждения органами внутренних дел террористической и экстремистской деятельности // Административное право и процесс. 2017. № 7.
8. *Капитонова Е. А.* Уголовная ответственность за терроризм // Lex russica. 2016. № 7.
9. *Кочубей М. А.* и др. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. СПб., 2018.
10. *Курбатов С. О.* Правовоспитательная деятельность прокурора как средство обеспечения национальной безопасности России // Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности (Сухаревские чтения): сб. матер. III науч.-практ. конф. (Москва, 6 октября 2017 г.) / под общ. ред. О. С. Капинус. М., 2018.
11. *Меркурьев В. В., Васнецова А. С., Ульянов М. В.* Криминологическая характеристика лиц, участвующих в незаконных вооруженных формированиях на территории Ирака и Сирии // Проблемы детерминации и предупреждения преступности: сб. статей / под ред. А. И. Долговой. М., 2017.
12. *Пальмер Б.* Партия зеленых – камнем по голове // Spiegel. 2017. № 19.
13. Проверка прокурором исполнения законов: пособие / [под общ. ред. Н. В. Субановой]; Генеральная прокуратура Российской Федерации; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2015.
14. Расширенное заседание коллегии ФСБ России 20 февраля 2020 года. URL: http://www.

stitucionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: monografiya / [P. V. Agapov, S. V. Borisov, D. A. Sokolov i dr.]; pod obshch. red. P. V. Agapova. M., 2019.
3. Direktor FSB Rossii: terroristy poluchili vozmozhnost' proizvodit' himicheskoe i biologicheskoe oruzhie. URL: https://life.ru/tierroristy_poluchili_v_svoi_ruki_novoie_smiertielnoie_oruzhiie (data obrashcheniya: 02.02.2020).
4. *Dubovik O. L.* Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye predposylki bor'by s ekologicheskim terrorizmom i ekologicheskim ekstremizmom v Rossii // Lex russica. 2018. № 9.
5. Zamestitel' sekretarya Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii YU. A. Kokov vyskazal prognozy ob obespechenii nacional'noj bezopasnosti v interv'yu «Rossijskoj gazete» // Ros. gaz. 2019. № 230 (7988).
6. *Ivanov P. I.* Protivodejstvie finansirovaniyu terrorizma i ekstremizma (v aspekte mezhdunarodnogo sotrudnichestva) // Bezopasnost' biznesa. 2019. № 4.
7. *Kanunnikova N. G.* Administrativno-pravovye metody preduprezhdeniya organami vnutrennih del terroristicheskoj i ekstremistskoj deyatel'nosti // Administrativnoe pravo i process. 2017. № 7.
8. *Kapitonova E. A.* Ugolovnaya otvetstvennost' za terrorizm // Lex russica. 2016. № 7.
9. *Kochubej M. A. i dr.* Profilaktika terrorizma i ekstremizma v molodezhnoj srede. SPb., 2018.
10. *Kurbatov S. O.* Pravovospitatel'naya deyatel'nost' prokurora kak sredstvo obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii // Prokuratura v sisteme obespecheniya nacional'noj bezopasnosti (Suharevskie chteniya): sb. mater. III nauch.-prakt. konf. (Moskva, 6 oktyabrya 2017 g.) / pod obshch. red. O. S. Kapinus. M., 2018.
11. *Merkur'ev V. V., Vasnecova A. S., Ul'yanov M. V.* Kriminologicheskaya harakteristika lic, uchastvuyushchih v nezakonnyh vooruzhennyh formirovaniyah na territorii Iraka i Sirii // Problemy determinacii i preduprezhdeniya prestupnosti: sb. statej / pod red. A. I. Dolgovoj. M., 2017.
12. *Pal'mer B.* Partiya zelenyh – kamnem po golove // Spiegel. 2017. № 19.
13. Proverka prokurorom ispolneniya zakonov: posobie / [pod obshch. red. N. V. Subanovoj]; General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii; Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. M., 2015.
14. Rasshirennoe zasedanie kollegii FSB Rossii 20 fevralya 2020 goda. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62834 (data obrashcheniya: 21.02.2020).

kremlin.ru/events/president/news/62834 (дата обращения: 21.02.2020).
15. Расширенное заседание коллегии МВД России 26 февраля 2020 года. URL: http://www.krem lin.ru/events/president/news/62860 (дата обращения: 26.02.2020).
16. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2018 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. О. С. Капинус. М., 2019.
17. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор: монография / [П. В. Агапов и др.]; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2016.

15. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD Rossii 26 fevralya 2020 goda. URL: http://www.krem lin.ru/events/president/news/62860 (data obrashcheniya: 26.02.2020).
16. Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossijskoj Federacii i rabota organov prokuratury. 2018 god: inform.-analit. zapiska / pod obshch. red. O. S. Kapinus. M., 2019.
17. Ekstremizm: strategiya protivodejstviya i prokurorskij nadzor: monografiya / [P. V. Agapov i dr.]; Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. M., 2016.

Для цитирования:

Беляева Тамара Николаевна, Борисов Сергей Вячеславович. Противодействие экстремизму (терроризму): приоритетное направление правоохранительной деятельности в аспекте обеспечения национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 105–116.

For citation:

Belyaeva Tamara Nikolaevna, Borisov Sergej Vyacheslavovich. Countering extremism (terrorism): priority direction of law enforcement activities in the aspect of ensuring national security // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 105–116.

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ БЕССОНОВ,
доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук
Нижегородская академия МВД России
Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, д. 3

E-mail: kvadro-nn@yandex.ru

ДЕНИС ВАЛЕРЬЕВИЧ НАМЁТКИН,
доцент кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)
Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 17 А
E-mail: nametkindv@mail.ru

Научная специальность:
12.00.09 — уголовный процесс.

УДК343.1

Дата поступления: 24 февраля 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

VLADIMIR ANATOL'EVICH BESSONOV,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Operational and Investigative Activities of Internal Affairs Bodies
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Russian Federation, 603022, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe shosse St., 3
E-mail: kvadro-nn@yandex.ru

DENIS VALER'EVICH NAMYOTKIN,
Candidate of Law,
Associate Professor of Criminal Procedure Law,
Privolzhsky Branch of the Russian State University of Justice (Nizhny Novgorod)
Russian Federation, 603022, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 17A

E-mail: nametkindv@mail.ru

Scientific specialty:
12.00.09 — Criminal Procedure.

Актуальные аспекты выявления и расследования преступлений в сфере оказания социально значимых услуг населению

Current Aspects of Detection and Investigation of Crimes in the Sphere of Providing Socially Significant Services to the Population

Аннотация

*Актуальность: в*опросы противодействия угрозам общественной безопасности, связанные с криминализацией сферы оказания социально значимых услуг населению, всегда стоят в центре внимания. Проникновение преступности в жизненно важные сферы общества, а также предпринимательскую деятельность, которая ведется вне госконтроля и учета, тормозит социально-экономическое развитие государства.

Постановка проблемы: как показывает практика, изучение актуальных аспектов выявления и расследования преступлений в сфере оказания социально значимых услуг населению

Annotation

The relevance: issues of countering threats to public safety related to the criminalization of the provision of socially significant services to the population are always in the center of attention. The penetration of crime into vital areas of society, as well as business activities that are conducted outside of state control and accounting, hinders the socio-economic development of the state.

The problem statement: as practice shows, the study of current aspects of detecting and investigating crimes in the sphere of providing socially significant services to the population can raise the level of public confidence in various re-

позволяет поднять уровень доверия населения в различных регионах страны.

Цель исследования: изучить комплекс мероприятий по декриминализации сферы оказания социально значимых услуг населению и предложить пути решения данных проблем.

Методы исследования: анализ, моделирование, дедукция, наблюдение.

Результаты и выводы: необходимо доработать комплекс мероприятий по декриминализации сферы оказания социально значимых услуг населению. Проанализировать практику органов внутренних дел по вопросам противодействия угрозам общественной безопасности, связанным с криминализацией сферы оказания социально значимых услуг населению.

Ключевые слова: *выявление и расследование преступлений; социально значимые услуги населению; контрафактная продукция.*

gions of the country.

The purpose of the study: to study a set of measures to decriminalize the provision of socially significant services to the population and to suggest ways to solve these problems.

The research methods: analysis, modeling, deduction, observation.

The results and conclusions: it is necessary to finalize a set of measures to decriminalize the provision of socially significant services to the population. To analyze the practice of internal Affairs bodies on countering threats to public security related to the criminalization of the provision of socially significant services to the population.

Keywords: *detection and investigation of crimes; socially significant services to the population; counterfeit products.*

Министерством внутренних дел Российской Федерации во взаимодействии с другими правоохранительными и контролирующими органами постоянно проводятся мероприятия по противодействию угрозам общественной безопасности, связанным с криминализацией сферы оказания социально значимых услуг населению. Существуют различные подходы к определению рассматриваемой проблемы.

Так, И. В. Малофеев определил социально значимую услугу как государственную услугу, направленную на обеспечение социально-экономических прав физических и (или) юридических лиц [2, с. 23–24], а О. М. Чикова, Т. В. Харитонова приравнивают данное понятие к понятию социально значимого рынка [10, с. 30–31], так как государство с социально ориентированной экономикой с высоким уровнем доходов населения предоставляет такие услуги как значимые и оказывающие социальную помощь (образовательные, медицинские, продовольственные и т. д.). В свою очередь, словарь специальных бизнес-терминов для термина «социальные услуги» акцентирует внимание именно на понятии социальной помощи [4].

На наш взгляд, социально значимая услуга – это услуга, предоставляемая государством, направленная на обеспечение социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических, социально-трудовых, социально-правовых прав физических и (или) юридических лиц. Считаем, что социально значимые услуги населению оказываются исключительно из средств государственных, муниципальных бюджетов.

Мы полагаем, что криминализация экономики напрямую влияет на состояние национальной безопасности государства. Правонарушения в сфере оказания социально значимых услуг населению негативно влияют на условия и качество жизни граждан, создают предпосылки к дестабилизации социально-политической ситуации в отдельных регионах, способствуют формированию радикальных настроений в обществе.

Вопросы декриминализации отрасли рассматриваются на оперативных совещаниях при руководстве МВД России. Кроме того, территориальные органы МВД России ориентируются на активизацию работы по выявлению правонарушений в данной сфере.

Комплекс мероприятий по декриминализации сферы оказания социально значимых услуг населению включает в себя целый ряд направлений: потребительский рынок, розничная торговля, жилищно-коммунальное хозяйство, ритуальные услуги, пассажирские перевозки.

В результате принимаемых мер в январе–августе текущего года соответствующими подразделениями ОВД выявлено свыше 7,3 тыс. преступлений. Сумма изъятых денежных средств, имущества и товарно-материальных ценностей превысила 3 млрд рублей, а размер причиненного ущерба – 4 млрд рублей.

На постоянной основе проводятся мероприятия по противодействию преступлениям, совершаемым *в сфере розничной торговли*.

По вышеуказанной линии работы за период январь–август 2019 г. выявлено более 5 тыс. преступлений, из них налоговых – 665, коррупционной направленности – 377. Предварительно расследованы уголовные дела о 3,6 тыс. преступлений,

из них совершено группой лиц либо организованными группами – 504. Размер причиненного материального ущерба превысил 1,2 млрд рублей.

Особое внимание уделяется выявлению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным производством и реализацией контрафактной алкогольной и спиртосодержащей продукции, неправомерным использованием товарного знака, федеральных специальных и акцизных марок, которые создают угрозу жизни и здоровью населения. Сегодня контрафактная продукция определяется в ст. 1515 ГК РФ: товары, на которых незаконно размещен товарный знак, являются контрафактными [3, с. 10–11].

Федеральная специальная марка и акцизная марка являются документами государственной отчетности, удостоверяющими законность информации о реализуемой на территории Российской Федерации алкогольной продукции в ЕГАИС [8].

В первой половине настоящего года проведено 94 тыс. проверок организаций – производителей спирта и алкогольной продукции, выявлено 60,8 тыс. правонарушений, в том числе 1,4 тыс. нарушений, связанных с выпуском и оборотом продукции, маркированной поддельными специальными и акцизными марками. Возбуждено 3,7 тыс. уголовных дел, выявлено 57,5 тыс. административных правонарушений, внесено 38 представлений на приостановление действий лицензий.

Можно с уверенностью констатировать, что основной массив таких преступлений совершается преступными группами, сформированными по этническому принципу. Этническая преступность всегда оставалась одной из наиболее сложных для противодействия форм преступности, требующей специального подхода к борьбе с ней [1, с. 149]. Например, Т. Н. Тимина определяет этническую преступность как обладающую высокой степенью общественной опасности форму социальной патологии, выражающуюся в воспроизводстве запрещенных уголовным законом деяний [7, с. 208].

Так, ГУЭБиПК МВД России во взаимодействии с ГУСБ МВД России и УЭБиПК УМВД России по Тверской области в рамках оперативного сопровождения расследования нескольких уголовных дел, возбужденных по признакам составов преступлений, предусмотренных ч. 6 ст. 171.1, ч. 3 ст. 180, ч. 2 ст. 238, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 293, ч. 4 ст. 327.1 УК РФ и соединенных следственным управлением (далее – СУ) следственного комитета (далее – СК) России по Тверской области в одно производство, установлено, что часть фальсифицированной алкогольной продукции, употребление которой повлекло случаи массовой гибели граждан в ноябре–декабре 2018 г., распространялась по регионам Российской Федерации с торговой площадки ООО «Фуд Сити» (г. Москва). К ее реализации причастны члены этнического преступного сообщества, осуществляющего незаконное производство и сбыт алкогольной продукции. На основании собранной доказательственной базы СУ СК России по Тверской области в марте 2019 г. возбуждено уголовное дело по чч. 1, 2 ст. 210 УК РФ в отношении лидера организованного преступного сообщества Алиева Вагифа Намаз Оглы и его активных участников.

Также в ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий пресечена деятельность преступной группы, в состав которой входили гражданин Грузии (осуществлял руководство работой подпольного цеха), четыре гражданина Таджикистана, восемь граждан Узбекистана, а также иные неустановленные лица, которые осуществляли производство контрафактной алкогольной продукции на территории подпольного цеха, получив незаконный доход в размере свыше 7,5 млн рублей. По данному факту УМВД России по Пензенской области возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ.

Еще одна важнейшая линия работы – защита отечественного рынка *от контрафактных медикаментов*.

По мнению О. Д. Соловьева и А. В. Тимченко [6, с. 212–213], сотрудники органов внутренних дел выявляют новые фальсифицированные и контрафактные препараты как в процессе их производства и реализации, так и при указании на них Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения.

Распоряжением МВД России от 15 августа 2016 г. № 1/8060 создана Межведомственная рабочая группа по борьбе с подобного рода правонарушениями. В состав вошли представители МВД России, Росздравнадзора и СК РФ.

В результате принятых мер в январе–августе текущего года выявлено 100 преступлений, связанных с торговлей фармацевтическими, медицинскими товарами и ортопедическими изделиями, из них 95 преступлений совершены организованными группами либо преступными сообществами.

Так, ГУ МВД России по г. Москве пресечена деятельность преступной группы, которая мошенническим путем реализовывала медицинские приборы и БАДы лицам, имевшим проблемы со здоровьем.

Значительное внимание уделяется декриминализации рынка *ритуальных услуг*. Территориальные органы МВД России ориентированы на проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление правонарушений в данной сфере и дальнейшее расследование преступлений.

По материалам МВД России, 20 января 2016 г. СО по Нахимовскому району СУ СК России

по г. Севастополю возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 291.1 УК РФ в отношении заведующей кладбищами ГУП г. Севастополя «Специализированная служба по вопросам похоронного дела» Г.Н. Королёвой, которая получила и передала директору вышеуказанного ГУП Г.А. Басову взятку в размере свыше 1,5 млн рублей от предпринимателя Е.А. Раппопорт за общее покровительство и возможность осуществлять на территории кладбища коммерческую деятельность.

Кроме того, по результатам проведенных сотрудниками УЭБиПК УМВД России по Омской области мероприятий установлено, что Н.Н. Черемнов, являясь должностным лицом – сотрудником кладбища бюджетного учреждения г. Омска «Комбинат специальных услуг», неоднократно получал взятки в виде денег до 15 тыс. рублей. По данному факту СУ СК России по Омской области в отношении Н.Н. Черемнова возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 290 УК РФ.

В мае 2019 г. на территории Хованского кладбища в Москве произошли массовые беспорядки, в связи с чем были приняты дополнительные меры по декриминализации сферы оказания ритуальных услуг.

Так, утвержден план проверок кладбищ и мест захоронения в Москве, в рамках которого совместно с органами прокуратуры проведены проверки 78 кладбищ. Нарушения миграционного законодательства выявлены на территории Люблинского, Рогожского, Головинского, Северного, Центрального, Хованского, Ивановского и Остафьевского кладбищ. Нарушители привлечены к административной ответственности и выдворены за пределы Российской Федерации, работодатели привлечены к административной ответственности.

Одним из важнейших элементов, обеспечивающих деятельность экономики государства, является *жилищно-коммунальный комплекс* [8, с. 13].

В этой связи МВД России реализует мероприятия по пресечению хищений и злоупотреблений в данной сфере, в том числе связанных с тарифообразованием, капитальным ремонтом, утилизацией бытовых отходов, переселением граждан из аварийного жилья.

Организовано взаимодействие с государственной корпорацией – Фондом содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства в рамках подписанного соглашения [9].

Подразделениями ЭБиПК органов внутренних дел в январе–августе 2019 г. выявлено 1,5 тыс. преступлений (из них коррупционной направленности – 585). Свыше 3,9 млрд рублей – сумма причиненного материального ущерба, из которых возмещено ущерба на сумму более 1,9 млрд рублей.

Так, во Владимирской области в рамках расследования уголовного дела, возбужденного УМВД России по Владимирской области по ч. 4 ст. 160 УК РФ, доказана причастность генерального директора ООО «Управляющая компания МРГ-Инвест» А.С. Филиппова к хищению имущества ООО «Владимиртеплогаз» на общую сумму 111,7 млн рублей. В июне 2019 г. он осужден к лишению свободы на 4 года. В настоящее время Филиппов является фигурантом еще двух уголовных дел. В частности, направлено в суд уголовное дело по ч. 1 ст. 201 УК РФ и по ч. 4 ст. 159 УК РФ по обвинению указанного лица в совершении убыточной сделки по покупке ООО «Энерго-Сервис» на общую сумму 900 млн рублей, а также в сокрытии ОАО «Владимирэнергосбыт» дополнительного дохода и в предоставлении в Департамент цен и тарифов администрации Владимирской области ложных сведений, необходимых для расчета тарифа, в результате чего населению и организациям Владимирской области причинен ущерб в размере 117,4 млн рублей.

Реализуются меры по противодействию злоупотреблениям *при ремонте жилого фонда и оплате коммунальных услуг.*

На постоянной основе проводятся мероприятия по документированию преступлений, связанных со сбором и утилизацией бытовых и промышленных отходов.

В январе–августе 2019 г. выявлено 180 преступлений, связанных с удалением сточных вод, отходов и аналогичной деятельностью. Общая сумма причиненного материального ущерба – свыше 214,4 млн рублей. Обеспечительное возмещение материального ущерба – более 87,9 млн рублей.

Так, в августе 2019 г. СУ СК России по Владимирской области возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ в отношении руководства ООО «ВторРесурс Гусь Хрустальный», которое осуществляло деятельность по утилизации твердых бытовых отходов I–IV классов опасности без соответствующей лицензии, в результате чего извлечен доход в размере свыше 50,7 млн рублей.

Нам представляется, что в настоящее время перечень социально значимых услуг, оказываемых государством, должен быть расширен в рамках реализации приоритетов Правительства РФ, Минэкономразвития России, Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ и закреплен в нормативных актах. Например, за нарушениями в осуществлении ежемесячных выплат лицам, ухаживающим за детьми-инвалидами I группы, в предоставлении материнского капитала гражданам, имеющим 3 и более детей, в предоставлении компенсаций расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг некоторым категориям граждан уже сегодня скрываются уголовно наказуемые деяния.

Общественная опасность подобных проявлений преступной деятельности подрывает авторитет государственной власти в сфере регу-

лирования правоотношений, связанных с оказанием социально значимых услуг населению. Проведение мероприятий по противодействию угрозам общественной безопасности, связанным с криминализацией сферы оказания социально значимых услуг населению, должно продолжаться с учетом правоприменительной практики.

Список литературы:

1. *Ахмедов А. Г., Жидков А. А.* Оперативно-разыскная характеристика преступлений, совершаемых этническими преступными сообществами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85).
2. *Малофеев И. В.* Социальные услуги в системе социального обслуживания населения. М., 2013.
3. Рынки контрафактной продукции в России: сборник научных статей / отв. ред. В. В. Радаев. М., 2008.
4. Словарь бизнес-терминов. URL: https://biznes-prost.ru/category/slovar-terminov (дата обращения: 25.03.2020).
5. Соглашение о взаимодействии между МВД России и государственной корпорацией – Фондом содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства от 3 сентября 2013 г. № 1/8168-КЦ-05/34.
6. *Соловьев О. Д., Тимченко А. В.* Использование специальных знаний при выявлении фальсифицированных и контрафактных лекарственных средств // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017.
7. *Тимина Т. Н.* Основные признаки, характеризующие этническую организованную преступность: матер. регион. науч.-практ. конф. СПб., 2017.
8. Федеральные специальные марки. URL: http://wiki.egais.ru/wiki/Федеральные_специальные_марки (дата обращения: 25.03.2020).
9. *Хрусталев Б. Б., Демьянова В. С., Ганиев М. Г.* Особенности функционирования жилищно-коммунального комплекса // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2012.
10. *Чикова О. М., Харитонова Т. В.* Социальная направленность сферы услуг // Сервис в России и за рубежом. ФГБОУ ВПО Российский университет туризма и сервиса. М., 2012.

References:

1. *Ahmedov A. G., Zhidkov A. A.* Operative characteristic of crimes committed by ethnic criminal community // // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (85).
2. *Malofeev I. V.* Social'nye uslugi v sisteme social'nogo obsluzhivaniya naseleniya. M., 2013.
3. Rynki kontrafaktnoj produkcii v Rossii: sbornik nauchnyh statej / otv. red. V. V. Radaev. M., 2008.
4. Slovar' biznes-terminov. URL: https://biznes-prost.ru/category/slovar-terminov (data obrashcheniya: 25.03.2020).
5. Soglashenie o vzaimodejstvii mezhdu MVD Rossii i gosudarstvennoj korporaciej – Fondom sodejstviya reformirovaniyu zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva ot 3 sentyabrya 2013 g. № 1/8168-KC-05/34.
6. *Solov'ev O. D., Timchenko A. V.* Ispol'zovanie special'nyh znanij pri vyyavlenii fal'sificirovannyh i kontrafaktnyh lekarstvennyh sredstv // YUridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2017.
7. *Timina T. N.* Osnovnye priznaki, harakterizuyushchie etnicheskuyu organizovannuyu prestupnost': mater. region. nauch.-prakt. konf. SPb., 2017.
8. Federal'nye special'nye marki. URL: http://wiki.egais.ru/wiki/Federal'nye_special'nye_marki (data obrashcheniya: 25.03.2020).
9. *Hrustalev B. B., Dem'yanova V. S., Ganiev M. G.* Osobennosti funkcionirovaniya zhilishchno-kommunal'nogo kompleksa // Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2012.
10. *Chikova O. M., Haritonova T. V.* Social'naya napravlennost' sfery uslug // Servis v Rossii i za rubezhom. FGBOU VPO Rossijskij universitet turizma i servisa. M., 2012.

Для цитирования:

Бессонов Владимир Анатольевич, Намёткин Денис Валерьевич. Актуальные аспекты выявления и расследования преступлений в сфере оказания социально значимых услуг населению // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 117–121.

For citation:

Bessonov Vladimir Anatol'evich, Namyotkin Denis Valer'evich. Current aspects of detection and investigation of crimes in the sphere of providing socially significant services to the population// Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 117–121.

ISSN 2072-9391
Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56)

ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ ГАВРИЛИН,
начальник кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: Yuriy902@gmail.com

YURI VIKTOROVICH GAVRILIN,
Doctor of Law, Head of the Department of Management of Crime Investigation Bodies
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: Yuriy902@gmail.com

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.12 – Criminalistics; Forensic Activity; Operational Search Activity.

УДК 343

Дата поступления: 28 сентября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара)

Countering The Digital Transformation Of Drug Addiction (Based On The Results Of The All-Russian Online Seminar)

Аннотация

Актуальность проблем выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обусловлена активным применением в противоправных целях средств анонимизации личности в цифровом пространстве, криптовалют, а также появлением электронных торговых площадок, исключающих непосредственный контакт покупателей и сбытчиков запрещенных веществ. Распространение дистанционных способов совершения данных преступлений обусловливает потребность в совершенствовании методического обеспечения борьбы с ними.

Постановка проблемы: цифровая трансформация механизма совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ требует выявления комплекса факторов, обусловливающих деятельность органов внутренних дел в условиях новой реальности, выработки предложений правового и организационного характера, направленных на снижение их негативного воздействия, а также использования особого программно-технического инструментария по

Annotation

The relevance of the problems of detection, disclosure and investigation of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances committed using information and telecommunications technologies is due to the active use of personal anonymization tools in the digital space, cryptocurrencies for illegal purposes, as well as the appearance of electronic trading platforms that exclude direct contact between buyers and sellers of prohibited substances. The spread of remote methods of committing these crimes makes it necessary to improve the methodological support for combating them.

The problem statement: digital transformation of the mechanism of committing crimes in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances requires identifying a set of factors that determine the activities of internal Affairs bodies in the new reality, developing legal and organizational proposals aimed at reducing their negative impact, as well as using special software and technical tools to solve problems of deanonymization of the individual by digital traces.

The purpose of the study: to develop new approaches to the content of the activities of internal Affairs bodies to prevent the functioning of infor-

решению задач по деанонимизации личности по цифровым следам.

Цель исследования: выработка новых подходов к содержанию деятельности органов внутренних дел по пресечению функционирования в сети Интернет информационных ресурсов, используемых для распространения наркотиков.

Методы исследования: диалектика, анализ, абстрагирование, прогнозирование. Применительно к теме исследования в основу методологии положены принципы конкретности, объективности, рациональности.

Результаты и ключевые выводы: с развитием и повсеместным распространением информационно-телекоммуникационных технологий совершенствуются методы, способы и средства совершения наркопреступлений. В настоящее время бесконтактный сбыт наркотических средств осуществляется посредством электронных торговых площадок, интернет-мессенджеров, сервисов шифрования трафика пользователя, а также криптовалют. Отрицательно сказываются на деятельности органов внутренних дел по противодействию наркоугрозе техническая сложность отслеживания письменной и голосовой информации, передаваемой посредством интернет-мессенджеров, низкая эффективность существующей правовой модели ограничения использования средств анонимизации личности в цифровом пространстве и их широкая распространенность, неурегулированность отдельных вопросов взаимодействия с интернет-провайдерами и операторами связи в процессе расследования, а также оборота цифровых валют. В этих условиях предложен ряд решений организационно-правового характера, касающихся ограничения доступа к информационным ресурсам, обеспечивающим сокрытие сведений о личности пользователя сети Интернет или используемом им оборудовании; порядка регистрации организаторами распространения информации в сети Интернет своих пользователей; оценки рисков использования отдельных цифровых технологий.

Ключевые слова: *расследование преступлений; информационно-телекоммуникационные технологии; незаконный оборот наркотиков; дистанционный сбыт; онлайн-семинар.*

mation resources used for drug distribution on the Internet.

The research methods: dialectics, analysis, abstraction, forecasting. In relation to the research topic, the methodology is based on the principles of concreteness, objectivity, and rationality.

The results and key conclusions: with the development and widespread use of information and telecommunications technologies, methods, methods and means of committing drug crimes are being improved. Currently, the contactless sale of narcotic drugs is carried out through electronic trading platforms, Internet messengers, user traffic encryption services, as well as cryptocurrencies. Adversely affect the activities of the bodies of internal Affairs to fight the drug trade technical difficulty tracking written and voice content transmitted through instant messengers, the low efficiency of the existing legal model limits the use of funds anonymisation of the individual in the digital space and their wide prevalence, the lack of resolution to certain issues of cooperation with Internet providers and Telecom operators in the process of investigation, as well as trafficking of digital currencies. Under these conditions, a number of organizational and legal solutions have been proposed to restrict access to information resources that provide concealment of information about the identity of an Internet user or the equipment used by them; the procedure for registration by organizers of information dissemination on the Internet of their users; and risk assessment of the use of certain digital technologies.

Keywords: *crime investigation; information and telecommunication technologies; drug trafficking; remote sales; online seminar.*

Цифровая трансформация современной преступности, проявляющаяся в продолжающемся на притяжении ряда лет росте числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), представляет собой серьезный вызов перед правоохранительной системой и криминалистической наукой. Поиску адекватных ответов на этот вызов посвящались крупные научно-представительские форумы [3].

Наряду с преступлениями против личности, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, цифровой трансформации в значительной степени оказались подвер-

жены преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее – преступления в сфере НОН). Если до 2014 г. незаконный сбыт наркотических средств осуществлялся в основном способом «из рук в руки», то с развитием цифровых технологий он стал осуществляться с использованием электронных торговых площадок в теневом сегменте Интернета, преимущественно на платформе Гидра (Hydra), принимающих оплату посредством криптовалюты (обеспечивая тем самым анонимность сделок) и передающих информацию о местонахождении заранее оборудованных тайников – «закладок», в которых находятся запрещенные препараты. Для привлечения новых и удержания постоянных клиентов организаторами дистанционного сбыта наркотиков проводятся специальные маркетинговые акции, осуществляются бесплатные доставки «пробников», предоставляются скидки, осуществляются иные маркетинговые акции.

В настоящее время цифровая платформа Гидра (Hydra), созданная в 2016 г., является крупнейшей торговой площадкой, оказывающей услуги по реализации не только наркотических средств и психотропных веществ, но и фальшивых денежных билетов, банковских карт, поддельных документов, специального оборудования для слежения, доступа к компьютерной информации и т. д. Платформа содержит в себе интернет-магазины, предлагающие запрещенные к гражданскому обороту товары и услуги, а также предложения о трудоустройстве для лиц, размещающих наркотические средства в потайных местах («закладчиков»), производителей наркотических средств в кустарных лабораториях, а также дизайнеров и промоутеров (для рекламы и распространения предлагаемых товаров/услуг). В магазинах, расположенных на этой площадке, размещена информация о виде, весе, цене предлагаемого наркотического средства, способах связи и оплаты. Сразу после совершения платежа покупатель получает координаты и фотоизображение ближайшего к нему тайника с наркотическим средством (психотропным веществом) [2]. Средняя стоимость открытия интернет-магазина на площадке Гидра – 450 долларов США, ежемесячная аренда – 100 долларов (+ 5 % с каждой покупки). По данным ГУ МВД России по г. Москве, на этой электронной торговой площадке происходит свыше 90 % всех незаконных операций с наркотиками, совершенных в интернет – пространстве, ориентированном на московский регион[1].

Согласно данным ГИАЦ МВД России [5], в 2019 г. органами внутренних дел выявлено 24 155 (+31,2 %) преступлений в сфере НОН, для совершения которых использовались ИТТ, что составляет 8,3 % от всех преступлений, совершенных с использованием таких технологий, выявленных органами внутренних дел (289 796), и 13,2 % от всех преступлений в сфере НОН, зарегистрированных органами внутренних дел (182 746)[2]. Основная часть (24 027 (99,5 %)) наркопреступлений, совершенных с использованием IT-технологий, связана с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотиков (ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). По итогам первого полугодия 2020 г. зарегистрировано 19 631 (+67,3 %) наркопреступление, совершенное с использованием ИТТ (ст. 228.1, 228.2, 228.4, 230, 234 Уголовного кодекса Российской Федерации), что составило 97,1 % от выявленных правоохранительными органами таких преступлений. По-прежнему основная часть выявленных преступлений данного вида (99,3 %; 19 495; +67,1 %) связана с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотиков.

Приведенные статистические показатели свидетельствуют о том, что результаты работы по противодействию преступлениям в сфере НОН не в полной мере соответствуют общественному запросу на сокращение масштабов данного опаснейшего социально-правового явления.

В этих условиях Академия управления МВД России продолжает цикл научно-образовательных онлайн-семинаров в рамках цикла «Противодействие преступности в условиях развития информационного общества». Очередное мероприятие, состоявшееся 23 апреля 2020 г., было посвящено актуальным вопросам выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере НОН, совершенных с использованием ИТТ. Семинар проходил в особых условиях, вызванных реализацией противоэпидемиологических мероприятий, направленных на недопущение распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Мероприятие проводилось в дистанционном формате.

При этом было отмечено влияние противоэпидемиологических мероприятий и на состояние преступности в сфере НОН, в частности, на изменения локации «закладок» для дистанционного сбыта запрещенных веществ. Так, по данным ГУНК МВД России, на время пред-

[1] Письмо ГУ МВД России по г. Москве от 26 августа 2020 г. № 1/11957.

[2] За 2018 г. правоохранительными органами выявлено 18 918 преступлений в сфере НОН, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что составило 10,8 % от всех преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и 9,4 % от всех зарегистрированных преступлений в сфере НОН.

принятых противоэпидемиологических мер наркомагазинами временно были сняты с реализации размещенные ранее закладки наркотиков в отдельных местах, ставших труднодоступными для посещения (парки, скверы и другие общественные места отдыха граждан). Для обеспечения возможности длительного потребления наркотиков предложены среднеоптовые продажи, обеспечена адресная доставка заказов, в том числе формирование закладок в местах, находящихся в непосредственной близости с местонахождением заказчика. Для адресных поставок широко использовались сотрудники курьерских служб по доставке продуктов питания[3]. В этот период общее число интернет-магазинов, реализующих психоактивные вещества, сократилось, ликвидировались магазины с небольшими финансовыми ресурсами. Одновременно с этим крупные интернет-магазины активизировали свою деятельность. Об этом свидетельствуют многочисленные объявления в неиндексируемом сегменте сети Интернет, о требующихся закладчиках (так называемых кладменах).

Кроме того, перевод образовательных организаций на онлайн – обучение повлек увеличение продолжительности пребывания несовершеннолетних в сети Интернет, и, как следствие, рост масштабов их вовлечения в деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотиков[4].

Участниками семинара констатировано, что пандемия COVID-19 окончательно закрепила сложившуюся тенденцию по осуществляю незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ дистанционным способом, при котором исключается непосредственный контакт соучастников как между собой, так и с покупателями. Взаимодействие участников противоправной деятельности между собой или с третьими лицами при этом осуществляется опосредованно, используя средства связи и информационные ресурсы сети Интернет, в первую очередь такие, как социальные сети, электронная почта, сервисы мгновенных сообщений, онлайн-продаж и пр. [11].

Выявлен комплекс факторов, негативно сказывающихся на деятельности органов внутренних дел по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере НОН, совершенных с использованием ИТТ, а именно:

1. Техническая сложность отслеживания письменной и голосовой информации, передаваемой посредством интернет-мессенджеров, осуществляющих шифрование сообщений (Viber, WhatsApp, Imo, CoverME, Signal, Vipole, Telegram и др.). Электронные ключи для расшифровки сообщений создаются и хранятся на устройствах пользователей, а не на внешних серверах. В процессе отправки сообщения программным обеспечением отправителя и получателя по специальным алгоритмам генерируется уникальный ключ, дешифрование которого за разумное время представляется затруднительным, что делает передаваемую информацию труднодоступной для третьих лиц.

Получает распространение переход интернет-магазинов, занимающихся преступной деятельностью в сфере НОН, на платформу организатора обмена мгновенными сообщениями – мессенджера Telegram, который позволяет использовать специальные программы, автоматизирующие процессы «Bot» (бот, робот-бот), не имеющие привязки к конкретному лицу, но в то же время предоставляющие возможность общения с потребителями. Телеграм-бот не требует постоянного нахождения человека за компьютером, автономно контролирует наличие товаров по регионам и местам оборудованных тайников-закладок, значительно снижает количество точек соприкосновения между участниками сообществ, а также затрудняет выявление их деятельности.

2. Низкая эффективность реализации отдельных положений Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[5], в частности:

– устанавливающих запрет на обеспечение использования программно-технических средств (анонимайзеров, VPN-сервисов, иных технологий сокрытия или подмены данных об IP-адресах пользователей) для получения доступа к запрещенным в Российской Федерации информационным ресурсам;

– возлагающих на организаторов распространения информации в сети Интернет хранить сведения о персональных данных пользователей и передаваемой ими информации на территории Российской Федерации. При этом такие популярные информационные ресурсы, как «YouTube», «Instagram», «Facebook», «LiveJournal», «Twitter», а также почтовые сервисы «Gmail», «Protonmail» и др. указанного требования не придерживаются, что затрудняет получение информации, имеющей доказательственное значение[6].

3. Возможность произвольного формирования в цифровом пространстве виртуального образа личности, формируемого посредством ком-

[3] Письмо ГУНК МВД России от 31 августа 2020 г. № 8/3-8479.

[4] Письмо МВД по Республике Татарстан от 29 августа 2020 г. № 1/2045.

[5] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[6] Письмо МВД по Республике Татарстан от 29 августа 2020 г. № 1/2045.

плекса псевдоидентификаторов: аватар (графическое изображение, произвольно выбранное пользователем социальной сети или интерент-ресурса для самоидентификации), никнейм (сетевое имя, псевдоним, используемый для общения анонимных пользователей) и др. Подобные псевдоидентификаторы позволяют одному лицу бесконтрольно создавать несколько виртуальных образов псевдоличностей, зарегистрированных под разными учетными данными в социальных сетях, имеющих свою историю переписки, собственные номера мобильных телефонов и электронных кошельков, т. е. не имеющих общих признаков и используемых в противоправной деятельности. Целью создания подобных виртуальных образов является анонимизация реальной личности, совершающей определенные действия в виртуальном пространстве: участие в сетевых сообществах, размещение комментариев, покупка объектов, ограниченных в гражданском обороте и пр. [8].

4. Отсутствие в действующем законодательстве указания на конкретные сроки предоставления операторами связи и интернет-провайдерами информации по запросам правоохранительных органов в соответствии со ст. 64 Федерального закона «О связи»[7] и ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», что заметно препятствует своевременному пресечению противоправных деяний, раскрытию и расследованию преступлений. Зачастую после получения решения суда о получении информации, относящейся к охраняемой законом тайне связи, компании-операторы предоставляют информацию о входящих (исходящих) соединениях запрашиваемого абонентского номера в течение одного-двух месяцев[8].

5. Отсутствие эффективного механизма контроля со стороны операторов связи за актуальностью и достоверностью регистрационных их данных своих абонентов. Несмотря на установленные ст. 44 Федерального закона «О связи» требования к операторам связи об обязательном достоверном установлении сведений, позволяющих идентифицировать абонента, попрежнему имеют место факты реализации симкарт без надлежащего удостоверения личности абонента, на вымышленное лицо, по утерянным или украденным документам.

6. Использование криптовалют[9] в криминальных взаиморасчетах. Сокрытие следов финансовых транзакций при совершении незаконных сделок по приобретению/сбыту наркотических средств активно осуществляется посредством конвертации денежных средств в виртуальную валюту, оборот которой не подконтролен для уполномоченных государственных органов, что препятствует реализации механизмов противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных противоправным путем, применительно к подобным цифровым финансовым активам [2]. В русскоязычном домене сети Интернет представлено более 400 интернет-площадок по обмену криптовалют на их рублевый эквивалент, которые находятся вне поля правового регулирования. Использование криптовалют во взаиморасчетах, в совокупности с осуществлением маскировки реальных IP-адресов программами-анонимайзерами негативно сказывается на деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений и ограничивает их возможности по использованию в процессе доказывания информации о финансовых операциях (включая наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или размен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т. п.) лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать об их причастности к криминальной деятельности. Действия по последующей легализации (отмыванию) доходов от совершения преступлений в сфере НОН совершаются в виде последовательности платежей с применением многочисленных электронных средств платежа, что позволяет скрывать связь между денежными средствами, полученными преступным путем, и предикатным преступлением.

7. Широкое распространение технологий анонимных сетевых подключений, в том числе использующих принципы «луковой» маршрутизации. Наиболее популярная в криминальной среде сеть TOR (от англ. *the onion router* – луковичная маршрутизация) построена как система прокси-серверов, позволяющих создавать анонимное соединение. Анонимность в сети TOR реализуется также с помощью разбиения каждого сетевого запроса на множество неболь-

[7] О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126 // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

[8] Письмо ГУ МВД России по г. Москве от 26 августа 2020 г. № 1/11957, письмо УМВД России по Костромской области от 27 августа 2020 г. № 1/3463, письмо УМВД России по Амурской области от 28 августа 2020 г. № 1/17/3508.

[9] Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» под цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

ших фрагментов и их пересылку от отправителя к получателю через разные маршрутизаторы (виртуальные туннели) в зашифрованном виде [6; 7; 10]. Для навигации в сети TOR используются специальные версии браузеров, обеспечивающих возможность выхода в анонимную сеть TOR. Большинство узлов TOR размещено в США, странах Центральной и Юго-Восточной Европы, что делает невозможным установление лиц, посещающих сайты, а также администраторов торговых площадок. Именно в данном сегменте Интернета, не индексируемом традиционными поисковыми средствами (Яндекс, Google), размещается абсолютное большинство виртуальных торговых площадок по нелегальной продаже запрещенных к свободному обороту объектов (оружие, боеприпасы, наркотики и пр.).

Другим примером децентрализованной анонимной сети является Invisible Internet Project (I2P). Анонимность достигается за счет многоуровневого шифрования, организации туннелей для передачи данных и их перестроения через определенные промежутки времени, использования идентификаторов абонентов, не связанных с реальными IP-адресами [9].

Значительный интерес представляет вопрос о средствах и технологиях деанонимизации личности в цифровом пространстве, включая финансовые транзакции, совершенные использованием цифровой валюты. Данному вопросу уделялось значительное внимание в выступлениях участников онлайн-семинара[10]. При этом констатировано, что универсального программно-технического средства решения обозначенной задачи в настоящее время не разработано. Вместе с тем существует принципиальная возможность ее эффективного решения с использованием инструментария по проверке принадлежности IP-адресов и доменных имен, проверке банковских карт, IMEI номеров телекоммуникационных устройств, открытых данных государственных органов, поисковых средств Google и Yandex, а также специализированных средств – поиск по социальным сетям и фото изображениям, средства мониторинга.

Так, интернет-сервис Myip.net позволяет определять интернет-провайдера, предоставившего услуги по доступу в сеть по номеру IP-адреса, конфигурацию браузера и используемой операционной системы, а также иные данные, позволяющие установить личность субъекта, совершившего в определенный момент времени вход в сеть Интерент.

Сервис Xinit.ru позволяет определить местонахождение точки доступа к сети Интерент по MAC-адресу сетевой карты, а также содержит значительный массив аналитических материалов по вопросам информационной безопасности.

Цифровая платформа «Иносфера» обеспечивает сбор данных о физических и юридических лицах, а также об имуществе из более чем 70 открытых источников, включая сайты государственных органов, социальные сети, мессенджеры, объявления, резюме, телефонные справочники и др.

Программный комплекс Crystal обеспечивает получение информации в реальном времени по блокчейн-трензакциям, а также содержит инструментарий для решения аналитических задач и выявления подозрительных транзакций и связанных объектов.

В целях снижения числа преступлений в сфере НОН, совершенных дистанционным способом, в условиях широкого использования при этом средств анонимизации, представляется целесообразным возложить на интернет-провайдеров обязанности по блокированию доступа к информационным ресурсам, обеспечивающим сокрытие сведений о личности пользователя сети Интернет или об используемом им оборудовании, программном обеспечении или действиях, совершенных в сети, в соответствии с перечнем, формируемым на основании предложений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Данное предложение ранее уже высказывалось на страницах юридической печати [4]. В настоящее время подобный механизм уже частично реализован в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и защите информации» в отношении блокирования доступа к информационно-телекоммуникационным сетям и информационным ресурсам, посредством которых обеспечивается доступ к ранее заблокированным ресурсам, содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (порнографические изображения несовершеннолетних, способы изготовления наркотических средств, способы суицида и др.). Предлагается расширить сферу применения указанной нормы, распространив ее на все программные средства подмены (сокрытия) сведений о пользователе интерент-ресурсами.

Одновременно с этим, представляется целесообразным установление законодательного требования об использовании универсального порядка регистрации организаторами распространения информации в сети Интернет своих пользователей и подтверждения подлинно-

[10] В частности, данный вопрос рассматривался заместителем начальника управления организации оперативно-профилактических мероприятий, противодействия наркоугрозе в сфере IT-технологий и легализации наркодоходов ГУНК МВД России А. П. Хазариди, заместителем начальника управления по противодействию отмыванию доходов Росфинмониторинга К. И. Гобрусенко, начальником отдела УНК ГУ МВД России по Челябинской области Д. А. Соколовым и другими выступающими.

сти сообщенных ими при регистрации сведений. Такой порядок может быть основан на использовании при входе в сеть Интернет единой системы идентификации и аутентификации, применяемой при предоставлении государственных услуг в электронной форме и положительно себя зарекомендовавшей в течение продолжительного времени.

Сокращению масштаба дистанционного способа совершения преступлений в сфере НОН способствовало бы установление уголовной ответственности для лиц, участвующих в создании программного оборудования, используемого для сбыта наркотиков, интернет-сайтов и страниц в социальных сетях, на которых размещается информация о сбыте подконтрольных средств и веществ.

Важнейшим же направлением повышения эффективности противодействия преступности в сфере НОН должно стать обеспечение недопустимости технологического отставания правоохранительных органов от современного уровня развития информационно-телекоммуникационных технологий и искусственного интеллекта, осуществление постоянного мониторинга технологических достижений и оценки рисков их противоправного использования, с целью выработки научно обоснованных рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершенных с их использованием. Финансовое и организационное обеспечение реализации указанных мероприятий предлагается осуществить в рамках национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации»[11].

[11] Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7). Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

Список литературы:

1. *Батоев В. Б., Семенчук В. В.* Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42).
2. *Васильева Н. А.* Анализ цифровых платформ в сфере незаконного оборота наркотиков для построения криминалистической характеристики данного вида преступлений // Юридическая наука. 2020. № 2.
3. *Гаврилин Ю. В.* Криминалистика: угрозы и вызовы современности: сборник статей Всерос. науч.-практ. конф. «Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения). М., 2018.
4. *Гаврилин Ю. В., Парадников А. Г.* Совершенствование выявления, раскрытия и расследования хищений, совершенных с использованием информационных банковских технологий (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54).
5. Информация ГИАЦ МВД России // Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 04.09.2020).
6. *Лазаренко А. В.* Технологии деанонимизации пользователей TOR // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2016. № 19.
7. *Мамонтов С. С., Свалов А. А.* Обзор технологий построения анонимных сетей. Сеть TOR // Прикладная математика и фундаментальная информатика. 2016. № 3.

References:

1. *Batoev V. B., Semenchuk V. V.* Ispol'zovanie kriptovalyuty v prestupnoj deyatel'nosti: problemy protivodejstviya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 2 (42).
2. *Vasil'eva N. A.* Analiz cifrovyh platform v sfere nezakonnogo oborota narkotikov dlya postroeniya kriminalisticheskoj harakteristiki dannogo vida prestuplenij // YUridicheskaya nauka. 2020. № 2.
3. *Gavrilin Yu. V.* Kriminalistika: ugrozy i vyzovy sovremennosti: sbornik statej Vseros. nauch.-prakt. konf. «Kriminalistika i novye vyzovy sovremennosti (58-e kriminalisticheskie chteniya). M., 2018.
4. *Gavrilin Yu. V., Paradnikov A. G.* Sovershenstvovanie vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya hishchenij, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionnyh bankovskih tekhnologij (po itogam Vserossijskogo onlajn-seminara) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 2 (54).
5. Informaciya GIAC MVD Rossii // Oficial'nyj sajt MVD Rossii. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics (data obrashcheniya: 04.09.2020).
6. *Lazarenko A. V.* Tekhnologii deanonimizacii pol'zovatelej TOR // Novye informacionnye tekhnologii v avtomatizirovannyh sistemah. 2016. № 19.
7. *Mamontov S. S., Svalov A. A.* Obzor tekhnologij postroeniya anonimnyh setej. Set' TOR // Prikladnaya matematika i fundamental'naya informatika. 2016. № 3.
8. *Sergeev S. M.* Nekotorye problemy protivodejstviya ispol'zovaniyu v prestupnoj deyatel'nosti

8. *Сергеев С. М.* Некоторые проблемы противодействия использованию в преступной деятельности средств обеспечения анонимизации пользователя в сети Интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73).
9. *Титова Ю. А., Садикова А. А., Савков С. В.* Проблема анонимности в сети Интерент. Сравнение методов анонимизации пользователя // Региональная информатика и информационная безопасность: сборник науч. трудов конф. СПб., 2017.
10. *Щерба М. В., Щерба Е. В.* Подходы к обнаружению и блокированию трафика анонимной распределенной сети TOR // Электронные средства и системы управления: матер. докладов междунар. науч.-практ. конф. 2014. № 2.
11. *Gavrilin Yu. V., Pavlichenko N. V., Vasilieva M. A.* The Remote Approach of Distribution of Objects Withdrawn from Circulation: Means, Legislation Issues, Solutions // Studies in Systems, Decision and Control. 2018. Vol. 181.

sredstv obespecheniya anonimizacii pol'zovatelya v seti Internet // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1 (73).
9. *Titova Yu. A., Sadikova A. A., Savkov S. V.* Problema anonimnosti v seti Interent. Sravnenie metodov anonimizacii pol'zovatelya // Regional'naya informatika i informacionnaya bezopasnost': sbornik nauch. trudov konf. SPb., 2017.
10. *Shcherba M. V., Shcherba E. V.* Podhody k obnaruzheniyu i blokirovaniyu trafika anonimnoj raspredelennoj seti TOR // Elektronnye sredstva i sistemy upravleniya: mater. dokladov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2014. № 2.
11. *Gavrilin Yu. V., Pavlichenko N. V., Vasilieva M. A.* The Remote Approach of Distribution of Objects Withdrawn from Circulation: Means, Legislation Issues, Solutions // Studies in Systems, Decision and Control. 2018. Vol. 181.

Для цитирования:

Гаврилин Юрий Викторович. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 122–129.

For citation:

Gavrilin Yuri Viktorovich. Countering the digital transformation of drug addiction (based on the results of the all-Russian online seminar) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 122–129.

АННА ВЛАДИМИРОВНА ЗУБКОВА,
преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин,
гражданского и уголовного права
Воронежский государственный
аграрный университет
Российская Федерация, 394018, г. Воронеж,
пл. Ленина, д. 10а
E-mail: zubkova_91@bk.ru

Научная специальность:
12.00.08 – уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право.

УДК 343.9

Дата поступления: 20 августа 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

ANNA VLADIMIROVNA ZUBKOVA,
Lecturer of the Department of Humanities,
Civil and Criminal Law
Voronezh State Agrarian University
Russian Federation, 394018, Voronezh,
Lenina Sq., 10

E-mail: zubkova_91@bk.ru

Scientific specialty:
12.00.08 – Criminal Law and Criminology,
Criminal Executive Law.

Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны

Criminological Characteristics of Crimes That Infringe on the Illegal Extraction (Catch) of Aquatic Biological Resources and Violation of the Rules for Their Protection

Аннотация

Актуальность: в современных экологически нестабильных условиях жизнедеятельности российского общества особую значимость приобретают вопросы, связанные с возможностью сохранения и приумножения экологических систем, обеспечения постоянного контроля за определенным качеством окружающей среды. Сохранность водных биологических ресурсов и предупреждение нарушений правил их охраны поставлены перед правоохранительными органами в качестве первоочередной задачи, поскольку эффект от ее реализации влияет на экономическую безопасность Российской Федерации. Так, только за последние два десятилетия вылов осетра в реке Волга и Каспийском море сократился более чем в 20 раз, севрюги – в 12 раз и белуги – в 8 раз. Значительное истощение рыбных ресурсов отмечается также в Азово-Черноморском бассейне и на Дальнем Востоке. С учетом изложенного защита и поддержание природных богатств выступают актуальным направлением в процессе функционирования государства и общества.

Цель исследования заключается в том, чтобы, используя необходимую методологическую

Annotation

The relevance: in today's ecologically unstable conditions of Russian society, issues related to the possibility of preserving and multiplying ecological systems and ensuring constant monitoring of certain environmental quality are of particular importance. The preservation of aquatic biological resources and prevention of violations of the rules for their protection are set as a priority task for law enforcement agencies, since the effect of its implementation affects the economic security of the Russian Federation. Thus, over the past two decades alone, the catch of sturgeon in the Volga river and the Caspian sea has decreased by more than 20 times, Sevryuga – by 12 times and Beluga – by 8 times. Significant depletion of fish resources is also observed in the Azov-black sea basin and the far East. In view of the above, the protection and maintenance of natural resources are an urgent direction in the functioning of the state and society.

The purpose of the study is to use the necessary methodological basis to consider the features of criminological characteristics of crimes that infringe on the illegal extraction (catch) of aquatic biological resources and violation of the rules for

основу, рассмотреть особенности криминологической характеристики преступлений, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны.

Методы: диалектика, анализ, синтез, формально-логический, моделирования, конкретно-исторический, формально-юридический.

Выводы: изучение социально-правовой природы криминализации деяний, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны, включенных в главу 26 Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 256–257, 2581), способствовало рассмотрению в настоящей статье совокупности причин и условий совершения указанных противоправных деяний, социально-экономических факторов, а также социально-криминологической характеристики данного вида преступлений и конкретных статистических данных, что позволило автору констатировать следующее: незаконным выловом водных биологических ресурсов занимаются в основном мужчины (99 %). Это возможно благодаря специфическим особенностям данного вида преступности, требующим наличия хороших физических данных, определенных навыков и умений. Одновременно проведенное исследование показало необходимость классифицировать в самостоятельную группу лиц, возраст которых превышает возрастной порог в 60 лет, совершающих незаконный вылов рыбных ресурсов, как правило, с целью улучшения своего материального положения.

Ключевые слова: *преступление; личность; криминологическая характеристика; статистические данные; незаконная добыча (вылов); биологические ресурсы.*

their protection.

The methods of the study: dialectics, analysis, synthesis, formal-logical, modeling, concrete-historical, formal-legal.

The conclusions: study of the social and legal nature of criminalization of acts that infringe on the illegal extraction (catch) of aquatic biological resources and violation of the rules for their protection included in Chapter 26 of the Criminal code of the Russian Federation (art . 256-257, 2581), contributed to the consideration in this article of the totality of reasons and conditions for the Commission of these illegal acts, socio-economic factors, as well as socio-criminological characteristics of this type of crime and specific statistical data, which allowed the author to state the following: illegal fishing of aquatic biological resources is mainly carried out by men (99 %). This is possible due to the specific features of this type of crime, which require good physical data, certain skills and abilities. At the same time, the study showed the need to classify individuals whose age exceeds the age threshold of 60 years who commit illegal fishing, usually in order to improve their financial situation, into an independent group.

Keywords: *crime; personality; criminological characteristics; statistical data; illegal extraction (catch); biological resources.*

В Экологической доктрине Российской Федерации[1], указывается, что эффективность многогранного процесса развития Российской Федерации, достаточно высокий уровень качества жизни и здоровья ее населения, действенное обеспечение национальной безопасности возможны с учетом сохранения и приумножения экологических систем, постоянного контроля за определенным качеством окружающей среды. В связи с этим важным и значимым сегодня является формирование и поэтапная реализация действенной государственной политики в природной сфере с направленностью на рациональное потребление ее рыбных ресурсов. Защита и поддержание природных богатств выступает актуальным направлением в процессе функционирования государства и общества.

Положениями Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года[2] задача обеспечения сохранности морских биологических ресурсов включена в перечень первоочередного целевого назначения в деятельности правоохранительных органов, эффект от реализации которой обусловливает экономическую безопасность страны.

[1] Об одобрении Экологической доктрины Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 августа 2002 г. № 1225-р // СЗ РФ. 2002.№ 36. Ст. 3510.

[2] Положение Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года: указ Президента РФ от 27 июля 2001 г. Документ опубликован не был.

В тексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года[3], содержится указание на то, что обеспечение национальной безопасности в области экологии на сегодняшний день крайне затруднительно в виду негативного воздействия, оказываемого сокращением количества имеющихся водных и биологических ресурсов.

Таким образом, актуальность проблем, связанных с совершаемыми сегодня преступными деяниями в сфере охраны водных биоресурсов, не вызывает сомнений, как и то, что численность водных биологических ресурсов, в том числе относящихся к редким и ценным видам, включенным в Красную книгу Российской Федерации, стремительно сокращается.

Одновременно считаем необходимым отметить и важнейшее значение водных биоресурсов в экономической сфере России в целом и в вопросе трудовой занятости населения в частности, например, получившая широкую известность система добычи рыбы в Астраханской области. В связи с этим целесообразно также указать на положения ст. 9 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой природные ресурсы подлежат использованию и охране в Российской Федерации в качестве основы жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории[4].

Однако, как свидетельствует А.А. Бессонов в своей работе, приводя статистические данные о сокращении численности осетровых в реках Волги и Каспийском море, в течение последних 20 лет вылов осетра в данном регионе сократился в 22,5 раза, севрюги – в 12 раз и белуги – в 8 раз [1, с. 3]. В юридической литературе также констатируется факт нахождения под угрозой полного истребления осетровых в Волго-Каспийском бассейне [3, с. 82]. То же самое можно сказать и о крайнем истощении рыбных ресурсов в Азово-Черноморском бассейне, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Изложенное о многократном сокращении вылова ценных пород рыбы позволяет утверждать о неуклонном росте преступных посягательств на водные биологические ресурсы, имеющем стойкую тенденцию к увеличению. Однако данные статистики зачастую не могут свидетельствовать о действительном положения дел, поскольку исследуемый вид преступлений является одним их самых латентных [1, с. 4–5].

В перечень первопричин, способствующих стремительному росту количества преступлений, посягающих на водные биологические ресурсы, следует включить и получаемую незаконно прибыль, и объемы оборота полученного преступного капитала [3, с. 87]. Возьмем, к примеру, политику ценообразования на икру рыб осетровых видов в нашей стране и ряде стран Западной Европы. Так, стоимость килограмма такой икры в России составляет примерно 1 тыс. долларов, тогда как в странах Западной Европы стоимость будет составлять уже порядка 8,5–10 тыс. евро [8, с. 205]. Нельзя не отметить и главенствующую роль нелегальной торговли редкими и находящимися на грани исчезновения видами водных биологических ресурсов в системе преступлений, связанных с оборотом нелегальной торговли наркотиками, оружием [7, с. 37].

Отметим, что на сегодня незаконный оборот добытой браконьерами рыбы должным образом не контролируется и в достаточной степени не пресекается. Так, в юридической литературе указывается, что каждый год в Москву завозится 37 тыс. тонн браконьерской осетрины [1, с. 4–5], а данные пограничной службы ФСБ России свидетельствуют о получаемой ежегодно прибыли в 125 млн долларов в результате контрабанды икры осетровых рыб [12, с. 170].

Более того, в числе негативных факторов, способствующих росту фактов незаконной добычи водных биологических ресурсов, давно перешедших в категорию организованной преступности, находится потворство, а в ряде случаев и пособничество совершению подобных преступлений со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Отсутствие эффективности в предупреждении исследуемой нами категории преступлений обусловливается множеством причин: недостаточной разработанностью методик расследований незаконной добычи рыбы; низким профессионализмом сотрудников правоохранительных органов в вопросах квалификации преступлений и ответственности за совершение подобных деяний. Со всей очевидностью приобретают актуальность многоаспектная подготовка сотрудников, повышение их квалификации по основам предупреждения, пресечения, выявления и привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении незаконного вылова рыбопродуктов.

Одновременно необходим комплексный системный подход к выявлению перечня проблемных вопросов криминологического, уголовно-правового и криминалистического блока в противодействии незаконной добыче рыбы и нарушениям правил охраны водных биологических ресурсов.

[3] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

[4] Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2020).

С учетом данного положения остановимся, прежде всего, на криминологической характеристике данного вида преступлений.

При этом необходимо выделить ряд особенностей свойств и качеств личности, привлеченной к уголовной ответственности за незаконный вылов водных биологических ресурсов. Такая характеристика обладает как криминологическим значением при расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела, так и значением в процессе решения вопросов, связанных с принципом индивидуализации наказания, а также обусловливающих возможность освобождения от уголовной ответственности или наказания.

Среди виднейших ученых-криминологов уже устоялось определенное мнение относительно типологий личности преступника, выделение которых происходит с учетом мотивационной составляющей преступного поведения. Так, лица, совершающие преступления в указанной сфере противоправной деятельности, в подавляющем большинстве случаев относятся к определенной специфической группе, в которую нередко входят сотрудники правоохранительных органов и иные представители местной власти. Речь в данном случае идет о фактах использования служебного положения при совершении исследуемой в настоящей статье категории преступлений.

Отметим, что преступления в сфере незаконного оборота водных биологических ресурсов практически в ста процентах случаев совершаются из корыстных мотивов, что также особенно важно, когда в совершении преступления участвует лицо, обладающее определенным должностным статусом и служебным положением. Как о дополнительном мотиве, можно говорить о корыстных побуждениях, когда речь идет о личном обогащении. Хотя в большинстве случаев вышеуказанные мотивы переплетаются между собой, образуя различные сочетания.

В рамках настоящей статьи по составлению криминологической характеристики лиц, виновных в незаконном вылове рыбопродуктов, представляется обоснованным с точки зрения науки и практики указать на следующие составляющие такой характеристики:

– занимаемое в обществе положение;
– возрастные критерии;
– интеллектуальный уровень;
– материальная обеспеченность.

В связи с этим изученные нами данные статистики и анализ обзоров судебной практики показали, что в преобладающем большинстве случаев указанный вид уголовно-наказуемых деяний совершают лица мужского пола [10; 13; 14]. В числе личных качеств данного лица – обязательное наличие у виновного определенного уровня выносливости и серьезной физической подготовки.

В отдельную группу лиц, совершающих преступления в указанной сфере противоправной деятельности, мы включили граждан старше 60 лет, доля которых в структуре лиц, осужденных за данный вид преступления, составляет около 3 %. К этому их «подталкивает», как правило, тяжелое материальное положение. При этом в качестве орудий преступлений ими в большинстве случаев используются сети.

Возраст каждого второго лица, совершившего незаконный вылов рыбопродуктов, составляет от 35 до 60 лет; 38,5 % лиц, совершивших данное преступление, – в возрасте от 20 до 35 лет; 8,5 % лиц – в возрасте от 16 до 20 лет.

Что касается критерия уровня образования лиц, совершающих данный вид преступления, необходимо отметить, что он достаточно низкий, поскольку лишь 13 % этих лиц имеют высшее и незаконченное высшее образование; 31 % – среднее специальное образование; 34 % – среднее общее образование и 22 % – неполное среднее образование. Основная причина заключается в том, что для совершения исследуемой в настоящей публикации категории преступлений требуется не высокий уровень знаний, а наличие навыков и познаний в сфере незаконного рыбного промысла, которые приобретаются, как правило, от других лиц, занятых в указанном виде преступного «промысла».

Результаты криминологических исследований дают основания утверждать, что семья может играть роль антикриминогенного фактора, поскольку, например, более 80 % лиц, занимающихся незаконным рыбным промыслом, имели семейные связи, и лишь у 18 % такие связи отсутствовали [11, с. 135]. Думается, что объяснение этому можно найти в существующей у таких лиц необходимости обеспечения определенного уровня дохода для своей семьи.

Примечательно, что наибольшее число фактов незаконной добычи рыбопродуктов было зарегистрировано среди местных жителей, населяющих территорию, где совершаются преступления данного вида, – 86,3 %, и только 13,7 % составили жители, не проживающие в данной местности.

Исследуя проблему судимости, необходимо отметить ее наличие у 14 % лиц, совершивших исследуемый в публикации вид преступлений, 10 % таких лиц имели неснятую или непогашенную судимость. Для такой категории лиц характерно нигилистическое отношение к нормам законодательства и иным запретам, явное пренебрежение к сохранению природных ресурсов и в целом отрицание общепринятых норм и правил поведения в обществе.

Что качается мотивов совершения незаконной добычи рыбопродуктов, то актуальным здесь представляется их классификация по таким составляющим, как корыстная заинтересованность; азарт или спортивный интерес; жизненная необходимость, вызванная низким уровнем материального благосостояния.

С учетом вида противоправной деятельности по незаконной добыче рыбопродуктов лиц, совершающих данный вид противоправной деятельности, предлагаем классифицировать:

– на лиц, не имеющих непосредственного отношения к производству и добыче рыбопродуктов, но вместе с тем проживающих в районе с наличием водных объектов, которые содержат данные ресурсы, а также осуществляют деятельность, направленную на их добычу;

– на лиц, которые по роду деятельности занимаются производством и добычей рыбопродуктов, совершая при этом незаконную добычу рыбопродуктов путем превышения допустимых норм вылова, а также путем вылова биологических ресурсов, не указанных в лицензии, и т. д.;

– на лиц, осуществляющих преступную деятельность в составе организованных групп, а также сбыт незаконно добытой рыбной продукции с целью получения доходов.

Повышенной степенью и характером общественной опасности отличаются преступления, направленные на незаконный вылов биологических водных ресурсов, совершенные организованными группами, в составе которых находятся должностные лица, обладающие определенным служебным положением и использующие данное положение для обеспечения совершения преступлений.

Вместе с тем в рамках настоящей статьи нами уделено внимание и установлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны, так называемых криминогенных детерминант.

В число обстоятельств, способствующих совершению рассматриваемого вида преступных деяний, в первую очередь следует включать небольшие и непостоянные доходы лиц, их совершающих; высокий общий уровень безработных в стране. В подавляющем большинстве случаев данные преступления совершают лица, занимающиеся рыбным промыслом не в производственных масштабах.

Продолжая изучение причин и условий, способствующих совершению преступлений, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны, важно указать на сложившееся в криминологической науке и устоявшееся в ней понятие криминогенной ситуации, под который понимается определенное событие либо ситуация, последствия которой оказали прямое влияние на формирование у лица умысла на совершение преступления. Другими словами, под криминогенной ситуацией следует понимать определенную совокупность факторов, оказавших воздействие на сознание и волю лица, которые при определенном стечении обстоятельств способны подтолкнуть его к совершению преступления. В число причин и условий совершения исследуемой группы преступных деяний необходимо включать их довольно широкий спектр – от низкого общего уровня жизни, недоступности хорошего образования до необходимости обеспечить себя и свою семью элементарными средствами существования.

Кроме того, в число указанных факторов следует включить гуманизм и либерализм в вопросах ответственности за совершение незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и нарушение правил охраны водных биологических ресурсов, подтверждением чего служат данные статистики.

Так, проведенное исследование показало, что в качестве наказания за совершение указанных деяний крайне редко применяется такой вид наказания, как лишение свободы. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, из 1 573 осужденных в 2019 г. по ст. 256 Уголовного кодекса Российской Федерации лишь 27 лицам (1,7 %) было назначено наказание в виде лишения свободы; 136 человек (8,6 %) были осуждены к лишению свободы условно; 253 лица (16,1 %) осуждены к исправительным работам; 748 (47,6 %) – к принудительным работам; 222 (14,1 %) – к штрафу; в отношении еще 184 осужденных (11,7 %) было применено условное осуждение к иным мерам.

Практически аналогичные данные о мере наказания были и десять лет тому назад [2]. Вместе с тем статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует, что из 7 419 осужденных в 2010 г. по ст. 256 УК РФ к лишению свободы не приговорено ни одного человека; лишь 2 человека осуждены к лишению свободы условно; 1 407 лиц (19 %) осуждены к исправительным работам; 923 (12,4 %) – к обязательным работам; 3 090 (41,6 %) – к штрафу; в отношении еще 1 994 осужденных (26,9 %) было применено условное осуждение к иным мерам.

Подвергая научному анализу и осмыслению причины и условия, способствующие совершению незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов и нарушению правил их охраны, нельзя не остановиться отдельно на таких факторах, как неэффективность мер по охране водных биоресурсов; коллизионность законо-

дательной системы противодействия подобным преступлениям; несоответствие вновь издаваемых нормативных правовых актов уже принятым, их сложность для правоприменения и др.

Крайне негативно отражается на состоянии охраны водных биологических ресурсов и отсутствие централизованного контроля за выполнением компетентными органами своих функций и обязанностей, отражением чего, например, является перманентная реструктуризация и реорганизация функций органов, чьи сотрудники регулируют и контролируют деятельность в сфере добычи водных биоресурсов. Так, вплоть до 2007 г. правовое регулирование данной сферы производил Минсельхоз России; контрольные и надзорные функции лежали на Россельхознадзоре; функции по управлению государственным имуществом и реализации услуг осуществляло Росрыболовство. Затем данные функции были переданы Госкомрыболовству России, а уже после 30 мая 2008 г. они были возложены на Федеральное агентство по рыболовству.

На сегодняшний день, исходя из Указа Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636[5], нормативно-правовое регулирование сферы рыболовства, а также работы судов рыбопромыслового флота, обеспечение бережного использования и сохранения водных биологических ресурсов (среды их обитания), контрольные и надзорные функции по охране водных биологических ресурсов возложены на Министерство сельского хозяйства Российской Федерации с переводом в подчинение к данному ведомству Федерального агентства по рыболовству.

Рассмотрев причины совершения незаконной добычи водных биоресурсов, представляется целесообразным перейти к факторам установления уголовной ответственности за незаконную добычу водных биоресурсов.

Первую группу составляют факторы, относящиеся к степени и характеру общественной опасности незаконной добычи водных биологических ресурсов. В их числе важность и значимость охраны экологической сферы в свете катастрофического снижения водных биологических запасов, показатели чего приведены выше по тексту. Ценность животного мира заключается в том, что он представляет собой важнейший элемент в экосистеме, составляющей основу для жизнедеятельности природы, обеспечения естественных процессов водной сферы. Преступное уничтожение водных биоресурсов неизбежно ухудшает состояние экосистемы, нанося невосполнимый вред популяции водных животных и водного растительного мира, нарушает баланс в природе.

Нельзя также не учитывать и той биологической и экономической роли, которую выполняет животный мир сегодня, являясь источником питания, промышленности, лекарственной сферы. Финансовая составляющая также оказывает прямое влияние на важность и значимость необходимости эффективной уголовно-правовой охраны водных биологических ресурсов, поскольку бюджет страны несет серьезные потери вследствие непоступления в него денежных средств от рыбного промысла и неуплаты соответствующих таможенных платежей.

Президентом РФ В. В. Путиным в ежегодном послании к Федеральному Собранию Российской Федерации высказано принципиальное положение, в соответствии с которым России следует поддерживать российские предприятия, обеспечивающие рыбную отрасль и принять строгие меры по снижению количества преступлений в этой сфере [17].

На сегодняшний день актуализировалась и проблема, связанная с развитием российской береговой переработки водных биоресурсов. Данный вид деятельности обладает бесспорным стратегическим значением. В связи с этим необходимо наращивать усилия по контролю за тем, чтобы российская рыба оставалась в пределах российской территории, что в свою очередь позволит существенно увеличить налогооблагаемую базу, сократить уровень безработицы в стране с учетом создания новых рабочих мест.

Вторая группа факторов имеет непосредственное отношение *к* характеристике масштабов и территории распространения незаконного вылова водных биологических ресурсов, а также фактическому росту количества преступных деяний, обусловленных незаконной добычей водных биоресурсов.

В связи с этим следует отметить, что в Волго-Каспийском и Азовско-Черноморском акваториях промышленное браконьерство отличается на сегодняшний день особым размахом, что выступает одним из самых существенных факторов, обусловливающих невосполнимость отдельных видов водных биологических ресурсов [4, с. 20]. Легендарный Прикаспийский регион сегодня терпит крах в виде катастрофического сокращения рыбных запасов, что, по мнению специалистов, в ближайшем будущем с неизбежностью приведет к всеобщему сокращению водных биологических ресурсов страны. То же самое приходится констатировать и в отношении популяции рыбы в низовьях Волги [15, с. 104].

Так, рыбные запасы Горьковского водохранилища за последние десять лет сократились более чем в пять раз, запасы Каспийского моря уменьшились в четыре раза [16, с. 99–106]. То же самое касается Дальневосточного региона. Колоссальные масштабы браконьерства се-

[5] О структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 // СЗ РФ. 2012. № 22. Ст. 2754.

годня вызывают обоснованное беспокойство не только со стороны правоохранительных органов, государственных и общественных деятелей, населения, но и зарубежных правительственных организаций [9, с. 48].

Достигший определенных высот современный научно-технический прогресс наряду с положительными последствиями, касающимися развития новых технологий, инновационных сфер и т. п., одновременно несет в себе и отрицательные моменты, поскольку новые технологии активно используют и лица, осуществляющие преступную деятельность в экологической сфере, нанося порой непоправимый ущерб природной среде [5, с. 142].

В качестве основополагающих элементов механизма противодействия экологической преступности необходимо выделить повышение эффективности нормативного правового регулирования посредством разработки критериев отграничения преступлений от иных видов правонарушений, устранения внутриотраслевых коллизий уголовного законодательства, решения вопросов реализации уголовного закона на правоприменительном уровне [6, с. 116].

Таким образом, изучение социально-правовой обусловленности криминализации деяний, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны, позволило сделать вывод о том, что нахождение в Уголовном кодексе Российской Федерации гл. 26, положениями которой регламентируются вопросы привлечения к уголовной ответственности за совершение данных преступлений, обусловлено совокупностью рассмотренных в настоящей статье причин и условий указанных деяний, социально-экономических факторов, способствующих их свершению. Очевидно, что сегодня крайне важна дальнейшая работа в данном направлении с объединением усилий специалистов различных отраслей: ученых-правоведов, экологов, экономистов. Только это может дать положительный эффект в деле сохранения экологической среды и природных запасов.

Список литературы:

1. *Бессонов А. А.* Расследование незаконной добычи рыбных ресурсов: учеб. пособ. М., 2015.
2. *Дегтярев А. А., Мавлюдова А. Х.* Охрана рыбных запасов Волго-Каспийского региона: монография. Астрахань, 2010.
3. *Жевлаков Э., Суслова Н.* Законность в сфере охраны рыбных запасов Каспийского и Волжского бассейнов // Уголовное право. 1999. № 4.
4. *Забавко Р. А.* Общественная опасность экологических преступлений: социально-политические аспекты // Актуальные проблемы частного права. Экологическое право. 2019. № 2.
5. *Зверева А. Ю.* Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов. М., 2019.
6. *Иванов А. А.* Противодействие экологической преступности в России: проблемы и перспективы с точки зрения формирования эколого-правовой культуры населения // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1.
7. *Лапина М. А.* Опыт деятельности зарубежных правоохранительных органов по обеспечению экологической безопасности // Экологическое право. 2000. № 1.
8. *Ляшева Ю. А.* Организованная преступность в сфере незаконной добычи водных биологических ресурсов: экономические и правовые проблемы // Преступность и проблемы борьбы с ней / под общ. ред. А. И. Долговой, В. И. Каныгина. М., 2007.
9. *Максименко М. В.* Уголовно-правовые средства обеспечения экологической без-

References:

1. *Bessonov A. A.* Rassledovanie nezakonnoj dobychi rybnyh resursov: ucheb. posob. M., 2015.
2. *Degtyarev A. A., Mavlyudova A. H.* Ohrana rybnyh zapasov Volgo-Kaspijskogo regiona: monografiya. Astrahan', 2010.
3. *Zhevlakov E., Suslova N.* Zakonnost' v sfere ohrany rybnyh zapasov Kaspijskogo i Volzhskogo bassejnov // Ugolovnoe pravo. 1999. № 4.
4. *Zabavko R. A.* Obshchestvennaya opasnost' ekologicheskih prestuplenij: social'no-politicheskie aspekty // Aktual'nye problemy chastnogo prava. Ekologicheskoe pravo. 2019. № 2.
5. *Zvereva A. Yu.* Ekologicheskie prestupleniya, posyagayushchie na bezopasnost' vodnyh ob"ektov. M., 2019.
6. *Ivanov A. A.* Protivodejstvie ekologicheskoj prestupnosti v Rossii: problemy i perspektivy s tochki zreniya formirovaniya ekologo-pravovoj kul'tury naseleniya // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2019. T. 13. № 1.
7. *Lapina M. A.* Opyt deyatel'nosti zarubezhnyh pravoohranitel'nyh organov po obespecheniyu ekologicheskoj bezopasnosti // Ekologicheskoe pravo. 2000. № 1.
8. *Lyasheva Yu. A.* Organizovannaya prestupnost' v sfere nezakonnoj dobychi vodnyh biologicheskih resursov: ekonomicheskie i pravovye problemy // Prestupnost' i problemy bor'by s nej / pod obshch. red. A. I. Dolgovoj, V. I. Kanygina. M., 2007.
9. *Maksimenko M. V.* Ugolovno-pravovye sredstva obespecheniya ekologicheskoj bezopasnos-

опасности // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82).
10. Обобщение судебной практики рассмотрения уголовных дел по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных статьями 253 и 256 УПК РФ, рассмотренных Еравнинским районным судом Республики Бурятия в 2019 г. URL: http://eravninsky.bur.sudrf.ru/ (дата обращения: 20.04.2020).
11. *Савельева О. Ю.* Криминология. Тольятти, 2019.
12. Сохранение биологического разнообразия в России. Первый национальный доклад Российской Федерации. Госкомитет РФ по охране окружающей среды. Проект Глобального экологического фонда «Сохранение биоразнообразия». М., 1997.
13. Справка по обобщению судебной практики рассмотрения судьями Елабужского городского суда Республики Татарстан и мировыми судьями Елабужского района и г. Елабуга Республики Татарстан уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 253 УК РФ и ст. 256 УК РФ в 1 квартале 2010 г. URL: http: //elabuzhsky. tat. sudrf. ru/ modules (дата обращения: 20.04.2020)
14. Справка по результатам обобщения практики применения Дюртюлинским районным судом Республики Башкортостан и мировыми судьями судебных участков № 1–3 по Дюртюлинскому району и г. Дюртюли Республики Башкортостан норм об уголовной ответственности за нарушения экологического законодательства в 2012 г. URL: http://diurtiulinsky. bkr.sudrf. ru (дата обращения: 20.04.2020).
15. *Татьянина Л. Г., Лукомская А. С., Юлдашев Р. Р.* Понятие, сущность и современные перспективы предупреждения экологической преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1.
16. *Ходоревская Р. П., Калмыков В. А., Жилкин А. А.* Современное состояние запасов осетровых Каспийского бассейна и меры по их сохранению // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Рыбное хозяйство. 2012. № 1.
17. URL: http://newsprom.ru/news/Raznoe/47705.html (дата обращения: 01.07.2020).

ti // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2019. № 1 (82).
10. Obobshchenie sudebnoj praktiki rassmotreniya ugolovnyh del po obvineniyu lic v sovershenii prestuplenij, predusmotrennyh stat'yami 253 i 256 UPK RF, rassmotrennyh Eravninskim rajonnym sudom Respubliki Buryatiya v 2019 g. URL: http://eravninsky.bur.sudrf.ru/ (data obrashcheniya: 20.04.2020).
11. *Savel'eva O. Yu.* Kriminologiya. Tol'yatti, 2019.
12. Sohranenie biologicheskogo raznoobraziya v Rossii. Pervyj nacional'nyj doklad Rossijskoj Federacii. Goskomitet RF po ohrane okruzhayushchej sredy. Proekt Global'nogo ekologicheskogo fonda «Sohranenie bioraznoobraziya». M., 1997.
13. Spravka po obobshcheniyu sudebnoj praktiki rassmotreniya sud'yami Elabuzhskogo gorodskogo suda Respubliki Tatarstan i mirovymi sud'yami Elabuzhskogo rajona i g. Elabuga Respubliki Tatarstan ugolovnyh del o prestupleniyah, predusmotrennyh ch. 2 st. 253 UK RF i st. 256 UK RF v 1 kvartale 2010 g. URL: http: //elabuzhsky. tat. sudrf. ru/ modules (data obrashcheniya: 20.04.2020)
14. Spravka po rezul'tatam obobshcheniya praktiki primeneniya Dyurtyulinskim rajonnym sudom Respubliki Bashkartostan i mirovymi sud'yami sudebnyh uchastkov № 1–3 po Dyurtyulinskomu rajonu i g. Dyurtyuli Respubliki Bashkartostan norm ob ugolovnoj otvetstvennosti za narusheniya ekologicheskogo zakonodatel'stva v 2012 g. URL: http://diurtiulinsky. bkr.sudrf.ru (data obrashcheniya: 20.04.2020).
15. *Tat'yanina L. G., Lukomskaya A. S., Yuldashev R. R.* Ponyatie, sushchnost' i sovremennye perspektivy preduprezhdeniya ekologicheskoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2019. T. 13. № 1.
16. *Hodorevskaya R. P., Kalmykov V. A., Zhilkin A. A.* Sovremennoe sostoyanie zapasov osetrovyh Kaspijskogo bassejna i mery po ih sohraneniyu // Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Rybnoe hozyajstvo. 2012. № 1.
17. URL: http://newsprom.ru/news/Raznoe/47705.html (data obrashcheniya: 01.07.2020).

Для цитирования:

Зубкова Анна Владимировна. Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и нарушение правил их охраны // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 130–137.

For citation:

Zubkova Anna Vladimirovna. Criminological characteristics of crimes that infringe on the illegal extraction (catch) of aquatic biological resources and violation of the rules for their protection // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 130–137.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЛАВРОВ,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: mvd-ecology@mail.ru

VLADIMIR PETROVICH LAVROV,
Doctor of Law, Professor,
Chief Research Officer of the Research Center
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: mvd-ecology@mail.ru.

РУСТАМ РУСЛАНОВИЧ ТЕБИЕВ,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров)
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171,
г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8
E-mail: r.tebiev@yandex.ru

RUSTAM RUSLANOVICH TEBIEV,
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training of Scientific
and Scientific-Pedagogical Staff)
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: r.tebiev@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика,
судебно-экспертная деятельность,
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.12 – Criminalistics,
Forensic Activity,
Operational Search Activity.

УДК 343.98.068

Дата поступления: 25 июня 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Животные и их останки как объекты исследования в криминалистической науке и следственной практике

Animals and their remains as objects of research in forensic science and investigative practice

Аннотация

Актуальность: животные и их останки как предметы жестокого обращения с животными в криминалистической науке до сих пор не являлись объектом специального исследования. В практике расследования животные и их останки в последние годы встречаются все чаще. Между тем в 2017 г. в ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации были внесены существенные изменения. Свыше половины ежегодно регистрируемых по этой статье преступлений не раскрываются. Криминалистическая литература у следователей и дознавателей на местах отсутствует.

Постановка проблем: в настоящее время не разработаны специальные рекомендации

Annotation

The relevance: animals and their remains as objects of animal cruelty in forensic science have not yet been the object of special research. In the practice of investigation, animals and their remains have become more common in recent years. Meanwhile, in 2017, significant changes were made to article 245 of the Criminal code of the Russian Federation. More than half of the crimes registered under this article every year are not solved. There is no forensic literature available for investigators and inquirers on the ground.

The problem statement: currently, no special recommendations have been developed for investigators on how to investigate animal cruelty; there are no concepts of animals, animal remains,

* Ранее – научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России.

** Previously – the research assistant in the research and editorial and publishing Department of the Siberian law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.

для следователей по методике расследования жестокого обращения с животными; в криминалистике отсутствуют понятия животных, останков животных и жестокого обращения с ними применительно к деятельности следователей; имеется ряд проблемных вопросов относительно тактики проведения отдельных следственных действий, использования специальных знаний.

Цель исследования: показать значение исследования животных и их останков для раскрытия и расследования жестокого обращения с животными; сформулировать понятия животного, его останков и направления использования сведений о них при расследовании преступлений; определить направления совершенствования деятельности следователя по делам о жестоком обращении с животными.

Методы исследования: применение общенаучных методов исследования, используемых в криминалистике (наблюдение, сравнение, описание и др.), сравнительно-правового метода, анализа юридической литературы и государственной статистики, социологического метода (изучение архивных уголовных дел).

Результаты и ключевые выводы: в статье предложены авторские понятия животного и останков животного в криминалистическом аспекте. Определено значение сведений о животных и об их останках для расследования и судебного разбирательства. Выявлены особенности тактики отдельных следственных действий и даны соответствующие рекомендации следователю по их организации и проведению. Сделан вывод о необходимости включения судебно-ветеринарных исследований в перечень экспертиз, выполняемых экспертно-криминалистическими учреждениями МВД России, с введением в их штат соответствующих специалистов.

Ключевые слова: *животные и их останки; жестокое обращение с животными; криминалистическое исследование; следственные действия; судебно-ветеринарная экспертиза.*

and animal cruelty in criminology in relation to the activities of investigators; there are a number of problematic issues regarding the tactics of individual investigative actions and the use of special knowledge.

The aim of the study was to show the importance of the study of animals and their remains for the disclosure and investigation of cruelty to animals; to formulate the concept of the animal, its remains and use of information about them in the investigation of crimes; to define directions of improvement of activity of the investigator in cases of animal cruelty.

The research methods: application of General scientific research methods used in criminology (observation, comparison, description, etc.), comparative legal method, analysis of legal literature and state statistics, sociological method (study of archival criminal cases).

The results and key conclusions: the article offers the author's concepts of animal and animal remains in the forensic aspect. The significance of information about animals and their remains for investigation and judicial proceedings has been determined. Features of tactics of separate investigative actions are revealed and the corresponding recommendations to the investigator on their organization and carrying out are given. It is concluded that it is necessary to include forensic veterinary studies in the list of examinations performed by forensic institutions of the Ministry of internal Affairs of Russia, with the introduction of appropriate specialists in their staff.

Keywords: *animals and their remains; cruelty to animals; forensic research; investigative actions; forensic veterinary examination.*

Криминалистика как наука базируется на положениях уголовного права, уголовного процесса, административного права и других юридических и иных наук, а также на положениях первого (общеметодологического) раздела своей науки, называемого «Общая теория криминалистики».

В число типичных объектов научного криминалистического анализа на общей методологической основе как в науке криминалистике, так и в следственной практике входят любые предметы материального мира, связанные с совершением преступления, – люди, животные, орудия и средства преступления, их следы и другие предметы в окружающей среде.

Если о человеке как объекте криминалистического исследования написаны сотни научных работ (кандидатских и докторских диссертаций, монографий, учебных пособий, статей), то животным в науке криминалистике уделено значительно меньше внимания.

Животные, ставшие предметами жестокого обращения, подлежат исследованию в целях выявления закономерностей отображения криминалистически значимой информации для раскрытия и расследования преступлений.

В 2018 г. из 494 уголовных дел, возбужденных по ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ), было приостановлено 354, а в 2019 г. из 556 возбужденных – 308 [17]. Уголовные дела приостанавливались преимущественно по п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее – УПК РФ) в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, или в связи с тем, что подозреваемый или обвиняемый скрылся. Из приведенных статистических данных следует, что проблемы раскрытия и расследования жестокого обращения с животными должны являться одними из важных при формировании методики расследования преступлений этой категории. Предварительное ознакомление с материалами уголовных дел и научными публикациями свидетельствует о наличии следующих недостатков в расследовании: некачественное и неполное расследование, отсутствие учета специфики тактики отдельных следственных действий, использования специальных знаний при назначении и производстве судебных экспертиз. Некоторые из указанных проблем возникают и при расследовании других видов экологических преступлений [2, с. 100–103].

В рамках данной статьи нами предлагается рассмотреть животных и их останки как объекты исследования в криминалистической науке и следственной практике.

Актуальность темы исследования подтверждается несколькими фактами. Во-первых, животные являются непосредственным предметом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Во-вторых, криминалистически значимая информация, отобразившаяся на животных и их останках, в результате преступления может содержать типичные сведения о способе преступления, личности преступника, обстановке совершения преступления, следовой картине и т. д. В-третьих, проведение судебных экспертиз, в частности, судебно-ветеринарной при расследовании жестокого обращения с животными, является, как правило, необходимым. В-четвертых, методика расследования жестокого обращения с животными, включающая в себя особенности тактики проведения отдельных следственных действий, на данный момент не сформирована.

В криминалистической литературе имеются лишь немногочисленные работы, специально посвященные вопросам исследования животных и их останков при расследовании уголовных дел, где они явились предметами преступлений. Среди них монография В. Н. Китаевой «Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование» [9], статьи Г. П. Волковой [4, с. 297–299], А. Ю. Гордеева [5, с. 170–172], Е. Ю. Самолаевой [16, с. 141–146], посвященные отдельным аспектам расследования, а также некоторые статьи других авторов, опубликованные в научных журналах. Анализ имеющейся литературы по данной теме позволяет сделать вывод о недостаточной разработке темы исследования, об отсутствии учета в ней специфики расследования жестокого обращения с животными. Кроме того, в ней не учтено изменившееся в конце 2017 г. законодательство Российской Федерации, а именно изменения ст. 245 УК РФ и принятие Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3].

Животные и их останки как объекты криминалистического исследования имеют важное значение для расследования уголовных дел и судебного разбирательства. В частности, при расследовании уголовных дел о жестоком обращении с животными необходимым является установление причин смерти животного или степени тяжести причиненных ему увечий. Кроме того, в некоторых случаях проведение экспертного исследования животного и установление признаков жестокого обращения с ним является одним из условий возбуждения уголовного дела по ст. 245 УК РФ, поскольку иным способом установить это не всегда представляется возможным. Исследование животных и их останков, например, при расследовании незаконной охоты, может свидетельствовать о наличии признаков жестокого обращения с ними: при нарушении правил охоты, с использованием запрещенных предметов и средств, таких как капканы, самодельные боеприпасы, причиняющие смерть после мучений, и т. д. То же самое относится и к незаконной добыче водных биологических ресурсов, например, при их добыче с помощью взрывных устройств, электроудочек, а также при несоблюдении требований к содержанию выловленных ресурсов.

В контексте сказанного нам видится справедливым высказывание Е. И. Майоровой, которая рассматривает результаты исследования

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 295.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 201. № 152 (ч. I). Ст. 4921.

[3] Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

животных или их трупов как объективные данные, указывающие на совершение общественно опасного и уголовно наказуемого деяния [12, с. 37].

Обратимся к понятиям животного и его останков. В Российской Федерации термин «животное» («животные») не закреплено ни в одном нормативном правовом акте. Несмотря на это, некоторые отрасли, регулирующие уголовные, гражданские, экологические правоотношения, используют данное понятие. В частности, УК РФ содержит норму об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными, а в Гражданском кодексе Российской Федерации в гл. 6 «Общие положения» содержится ст. 137, которая называется «Животные». К сожалению, указанные и иные нормативные правовые акты трактовки термина «животное» не содержат.

Наряду с термином «животное» широко употребляется термин «животный мир», официальное толкование которого дается в Федеральном законе от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире». Согласно данному нормативному правовому акту животный мир – это совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ. Данное понятие по своей сути является составным и опирается на термин «животные», поскольку оно включает в себя только диких животных, рассматривает их в качестве природных ресурсов РФ и не включает в себя домашних животных, что, на наш взгляд, требует внесения соответствующих изменений и дополнений.

Из этого следует вывод, что термины «животное» и «животный мир» не являются синонимами, и второй термин является более широким по отношению к первому при условии включения в него домашних животных.

В соответствии со ст. 245 УК РФ при расследовании уголовных дел, проведении судебных экспертиз и исследований термин «животное» трактуется через перечисление видов животных, являющихся предметами преступления.

Так, в комментариях к УК РФ под ред. Н. Г. Кадникова под животными как предметами преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, понимаются высшие позвоночные – млекопитающие и птицы, находящиеся в естественной природной среде либо содержащиеся человеком [10, с. 781]. Аналогичные доводы имеются в большинстве других комментариев к УК РФ.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова термин «животное» означает живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями [14, с. 998].

А. И. Темникова трактует термин «животные» следующим образом: это живые организмы, обладающие способностью двигаться, питаться готовыми органическими соединениями [18, с. 118–124].

С учетом имеющихся мнений, а также с учетом определения, изложенного в Большом юридическом словаре, термин «животные» в криминалистическом аспекте, по-нашему мнению, можно охарактеризовать как живые существа, способные чувствовать (в том числе физическую боль) и передвигаться, выступающие в качестве объекта правоотношений, в первую очередь уголовных и уголовно-процессуальных, а также являющиеся объектами криминалистического исследования (в широком смысле) при расследовании преступлений.

Наряду с термином «животные» в криминалистике употребляется также термин «останки животных» как объекты криминалистического исследования.

В научной криминалистической литературе нам не удалось обнаружить трактовку понятия останков животного. Данный факт возможно объяснить отсутствием глубоких научных исследований в этом направлении.

Согласно толковому словарю В. И. Даля под останками понимается то, что осталось, сохранилось от чего-либо [7, с. 573]. Схожую трактовку предлагает С. И. Ожегов: тело умершего или то, что осталось от его тела [14, с. 1359]. Соответственно, останки животных – это то, что осталось в результате и после совершения преступления.

Таким образом, в криминалистическом аспекте под останками животных нами предлагается понимать материальные объекты, представляющие собой труп животного, отдельные его элементы; части животного, оставшегося в живых; продукты животного происхождения (шерсть, кровь, органы и т. д.), а также одежда и иные предметы, которые были одеты на животное, являющиеся отражением преступления, своего рода следами преступления и преступника и имеющие значение для раскрытия и расследования преступлений.

Относительно одежды и предметов, которые были одеты на домашнее животное, необходимо пояснить, что к ним относятся ошейник, намордник, куртки для животных, разного рода аксессуары. К предметам, которые могут находиться на теле или в теле животного, относятся чипы, датчики, передающие данные о местонахождении, маршруте передвижения, и т. д. Дан-

ные предметы в некоторых случаях могут содержать следы преступления, позволяющие выдвинуть определенные версии относительно события преступного деяния.

Считаем целесообразным отметить связь останков животных как объектов криминалистического исследования с обстановкой совершения преступления, как одного из элементов криминалистической характеристики.

Жестокое обращение с животными, как и всякое другое преступление, совершается под воздействием комплекса различных факторов, обусловливающих возможность его совершения в пространственно-временных границах. Указанный комплекс условий внешней среды в криминалистической научной литературе принято считать обстановкой совершения преступления [6, с. 59–63]. Обстановка совершения жестокого обращения с животными, а также других преступлений, где предметом преступления явились животные, является местом сосредоточения максимального количества их следов, приобретает характер одного из высоко информативных элементов криминалистической характеристики.

В связи с этим справедливо отмечают О.А. Кудряшова и А.С. Егорышев, что обстановка совершения преступления – это «несущий каркас», объединяющий в единую систему условия, в которых осуществляется преступная деятельность, т. е. все элементы преступного деяния и соответствующие изменения в материальной и социальной среде как отражение противоправной или иной деятельности участников расследуемого события [8, с. 32–35; 11, с. 49–54].

Кроме того, имеются корреляционные связи останков животных с другими элементами криминалистической характеристики преступлений, такими как способ преступления, личность преступника.

О способе жестокого обращения с животными могут свидетельствовать следы подхода и отхода преступников к месту преступления, признаки орудий жестокого обращения с животными и сами орудия, признаки действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, признаки способа, отразившиеся на теле животного или его трупе, и др.

О таком элементе криминалистической характеристики преступлений, как личность преступника могут свидетельствовать следы человека или его пребывания, обнаруженные на месте происшествия: следы обуви и транспортных средств, окурки сигарет, оставленные преступником, и др.

Криминалистическое исследование животных и их останков начинается до возбуждения уголовного дела с проведением такого следственного действия, как осмотр места происшествия. В связи с этим справедливо отмечает Г. П. Волкова, что осмотр места происшествия по делам о жестоком обращении с животными является одним из самых важных следственных действий [3, с. 297–299]

В ходе данного следственного действия следователь (дознаватель) при участии ветеринарного врача, привлекаемого в качестве специалиста, обнаруживает, фиксирует и изымает следы преступления, способствующие выдвижению версий о способах и об орудии преступления, личности преступника и обстановке. Наличие ветеринарного врача при осмотре места происшествия в качестве специалиста связано с необходимостью преодоления трудностей при описании анатомических частей животных, окраса, породы, фиксации, изъятии и упаковке тела животного или его иных останков.

При расследовании жестокого обращения с животными, а также некоторых экологических преступлений, включенных в гл. 26 УК РФ, где в качестве предметов преступного посягательства выступают животные (незаконная охота, незаконная добыча водных биологических ресурсов), требуется использование специальных знаний в сфере судебной ветеринарии, судебной медицины, трасологии, токсикологии и т. д. Важнейшей формой использования таких знаний является назначение и проведение судебных экспертиз. Их сущность заключается в анализе по заданию следователя, дознавателя, суда или иного лица, осуществляющего производство по делу, сведущим лицом (экспертом, специалистом) предоставляемых в его распоряжение материальных объектов экспертизы (вещественных доказательств) в целях установления фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Проведение предварительных исследований и судебно-ветеринарных экспертиз по определению причин смерти животного и тяжести вреда их здоровью по изученным нами уголовным делам в большинстве случаев проводилось в государственных и частных ветеринарных лечебных учреждениях. В связи с этим справедливо отмечает Е.Р. Россинская, что судебно-ветеринарные экспертизы производятся экспертами, в качестве которых привлекаются ветеринары, преподаватели ветеринарных факультетов сельскохозяйственных вузов, научные сотрудники ветеринарных научно-исследовательских институтов [15, с. 551].

В большинстве случаев по изученным нами уголовным делам назначение судебно-ветеринарной экспертизы заменяется получени-

ем акта ветеринарного осмотра животного, справкой и т. д.

Проблемным аспектом в назначении судебно-ветеринарной экспертизы является то, что данный вид экспертизы не проводится в экспертных учреждениях системы МВД, а проводится в других учреждениях и на платной основе. Часто именно по данной причине судебно-ветеринарные экспертизы не назначаются по уголовному делу, а заменяются получением вышеуказанных документов.

В связи с этим считаем целесообразным создание в структуре ЭКЦ МВД России группы или отделения, специализирующихся на проведении судебно-ветеринарной экспертизы в сложных, резонансных случаях, затрудняющих процесс расследования.

Вопросы, которые ставятся на разрешение судебно-ветеринарной экспертизы, разнообразны и зависят от конкретных обстоятельств преступления. Необходимо отметить, что, будучи сходным с патологоанатомическим вскрытием, она значительно отличается от него по целям, методике выполнения и задачам. Кроме выяснения причин смерти животного, она позволяет выяснить условия и обстоятельства, при которых произошла смерть.

Среди обязательных вопросов, которые должны быть поставлены должностным лицом эксперту, являются следующие:

1. Что явилось причиной смерти животного? Какова давность гибели животного?

2. Имеются ли на трупе животного прижизненные повреждения, если да, то каковы их характер и расположение? Какого типа орудием могли быть причинены ранения, имеющиеся на теле животного (тупым, режущим, колющим и т. д.)?

3. Какова тяжесть повреждений, обнаруженных на теле животного, опасны ли они для жизни, каковы их последствия (увечье, утрата основных функций органа и т. д.)?

4. Могло ли животное само нанести себе повреждения, обнаруженные на теле? Не нанесены ли повреждения на теле животного другим животным?

В подавляющем большинстве случаев по изученным нами уголовным делам должностные лица ограничиваются вопросом о причинах смерти животного, не ставя на разрешение эксперта и другие, не менее важные, вопросы, что негативно влияет на процесс раскрытия и расследования преступлений.

Животные и их останки, в зависимости от конкретных обстоятельств преступления, могут являться объектами и других судебных экспертиз, например, судебно-баллистической, судебно-трасологической, ветеринарно-санитарной [1, с. 149–151], комплексных судебно-ветеринарной и токсикологической в ситуациях возможного отравления животных.

Комплексная (судебно-баллистическая и судебно-ветеринарная) экспертиза животных и их останков решает следующие диагностические вопросы:

1. Является ли повреждение на животном или на его трупе огнестрельным? Образовано ли оно пулей (дробью, картечью или иным боеприпасом)? Выстрелом из оружия какого вида и образца (модели) образовано повреждение?

2. Следы какого количества попаданий из огнестрельного оружия имеются на данном объекте?

3. С какого расстояния были произведены выстрелы?

С учетом полученных данных по результатам такой экспертизы может быть принято решение об обыске по месту жительства у подозреваемого (обвиняемого) с целью отыскания орудия преступления. Кроме того, пули или гильзы, изъятые в ходе осмотра места происшествия или осмотра животных, могут быть проверены по криминалистическим учетам.

Одной из задач использования специальных знаний является помощь следователю в выявлении и преодолении противодействия расследованию. В связи с этим справедливо отмечает В. А. Максимова, что оказание противодействия будущему расследованию в большинстве случаев начинается задолго до совершения противоправного деяния (в ходе его подготовки) и может иметь место уже на этапе проверки сообщения о преступлении, при этом важнейшим средством его выявления являются (должны являться) специальные знания [13, с. 118–124].

В заключение отметим, что криминалистическое исследование животных и их останков является весьма важным и перспективным научным направлением, значимым для разработки методики расследования экологических преступлений. Дальнейшее исследование обозначенной темы должно привести к решению задач по выработке необходимых рекомендаций по тактике и проверке сообщения о преступлении, совершенствованию проведения отдельных следственных действий. Кроме того, оно будет способствовать формулированию конкретных рекомендаций по планированию деятельности следователя (дознавателя) на первоначальном этапе расследования жестокого обращения с животными, а также совершенствованию организации розыскной деятельности следователя по делам рассматриваемой категории. Судебно-ветеринарная и иные судебные экспертизы, особенно криминалистические, на всех этапах

расследования имеют важную роль для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам.

Кроме того, требуют глубокого изучения и выработки рекомендаций проблемы взаимодействия следователей и оперативных работников при раскрытии и расследовании жестокого обращения с животными.

Надеемся, что предложенные нами рекомендации, помимо совершенствования методики расследования жестокого обращения с животными, будут способствовать повышению уровня правосознания и общественной нравственности, формированию у граждан морально-этических принципов и правил гуманного отношения к животным.

Список литературы:

1. *Васильева М.А.* Ветеринарно-санитарная экспертиза как специальный метод криминалистики (на примере расследования преступлений против общественной безопасности) // Аграрное и земельное право. 2019. № 12 (180).
2. *Васильева М.А.* Криминалистические проблемы расследования приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).
3. *Волкова Г.П.* Осмотр места происшествия при жестоком обращении с животными // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания: матер. всерос. науч. конф. с международным участием. 2017.
4. *Волкова Г.П.* Некоторые следственные действия, проводимые при расследовании жестокого обращения с животными // Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания: матер. всерос. науч. конф. с международным участием. 2017.
5. *Гордеев А. Ю.* К вопросу о привлечении специалиста при документировании и расследовании жестокого обращения с животными // Аграрное и земельное право. 2019. № 11 (179).
6. *Грибунов О.П.* Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 5-2.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст.; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. М., 2009.
8. *Егорышев А.С.* Криминалистический анализ неправомерного доступа к компьютерной информации // Южно-Уральские криминалистические чтения: межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 9. Уфа, 2001.

References:

1. *Vasil'eva M.A.* Veterinarno-sanitarnaya ekspertiza kak special'nyj metod kriminalistiki (na primere rassledovaniya prestuplenij protiv obshchestvennoj bezopasnosti) // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019. № 12 (180).
2. *Vasil'eva M.A.* Criminalistic Problems of Acquisition Investigation, Storage, Transportation, Processing for Sale or its Knowingly Sale Illegally Prepared Wood // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018. № 1 (45).
3. *Volkova G.P.* Osmotr mesta proisshestviya pri zhestokom obrashchenii s zhivotnymi // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya v svete sovremennogo nauchnogo znaniya: mater. vseros. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem. 2017.
4. *Volkova G.P.* Nekotorye sledstvennye dejstviya, provodimye pri rassledovanii zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya v svete sovremennogo nauchnogo znaniya: mater. vseros. nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem. 2017.
5. *Gordeev A. Yu.* K voprosu o privlechenii specialista pri dokumentirovanii i rassledovanii zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019. № 11 (179).
6. *Gribunov O.P.* Obstanovka sovershheniya prestuplenij kak klyuchevoj element kriminalisticheskoj harakteristiki prestuplenij, sovershaemyh na zheleznodorozhnom transporte // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2013. № 5-2.
7. *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: izbr. st.; sovmeshch. red. izd. V.I. Dalya i I.A. Boduena de Kurtene. M., 2009.
8. *Egoryshev A.S.* Kriminalisticheskij analiz nepravomernogo dostupa k komp'yuternoj informacii // YUzhno-Ural'skie kriminalisticheskie chteniya: mezhvuzovskij sb. nauch. trudov. Vyp. 9. Ufa, 2001.
9. *Kitaeva V.N.* Zhivotnye i prestupleniya: ugolovno-pravovoe i kriminalisticheskoe issledovanie: monografiya. Irkutsk, 2010.

9. *Китаева В.Н.* Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование: монография. Иркутск, 2010.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2019.
11. *Кудряшова О.А.* Криминалистическое значение обстановки совершения преступления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 27 (244).
12. *Майорова Е.И., Рязанцев В.А.* Объект и предмет состава жестокого обращения с животными // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 6.
13. *Максимова В.П.* Использование экспертиз и предварительных исследований при проверке сообщения о преступлениях в условиях противодействия расследованию // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49).
14. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М., 2009.
15. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
16. *Самолаева Е.Ю.* Роль изучения личности лица при расследовании жестокого обращения с животными // Научные исследования, открытия и развитие технологий в современной науке: сборник матер. XX Междунар. очно-заочной науч.-практ. конф. 2019.
17. Состояние преступности в России за 2018–2019 годы. Информация ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». URL: https://мвд.рф/folder/101762/item (дата обращения: 25.06.2020).
18. *Темникова А.И.* Особенности понятийного аппарата Модельного закона «Об обращении с животными» // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов, 2016. № 4.

10. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. N.G. Kadnikova. M., 2019.
11. *Kudryashova O.A.* Kriminalisticheskoe znachenie obstanovki sovershheniya prestupleniya // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2011. № 27 (244).
12. *Majorova E. I., Ryazancev V.A.* Ob"ekt i predmet sostava zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2015. № 6.
13. *Maksimova V.P.* Ispol'zovanie ekspertiz i predvaritel'nyh issledovanij pri proverke soobshcheniya o prestupleniyah v usloviyah protivodejstviya rassledovaniyu // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 1 (49).
14. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskih vyrazhenij / pod red. L.I. Skvorcova. 26-e izd., ispr. i dop. M., 2009.
15. *Rossinskaya E.R.* Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe: monografiya. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2020.
16. *Samolaeva E. Yu.* Rol' izucheniya lichnosti lica pri rassledovanii zhestokogo obrashcheniya s zhivotnymi // Nauchnye issledovaniya, otkrytiya i razvitie tekhnologij v sovremennoj nauke: sbornik mater. XX-oj Mezhdunarodnoj ochno-zaochnoj nauch.-prakt. konf. 2019.
17. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za 2018–2019 gody. Informaciya FKU «Glavnyj informacionno-analiticheskij centr MVD Rossii». URL: https://mvd. rf/folder/101762/item (data obrashcheniya: 25.06.2020).
18. *Temnikova A.I.* Osobennosti ponyatijnogo apparata Model'nogo zakona «Ob obrashchenii s zhivotnymi» // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. Saratov. 2016. № 4.

Для цитирования:

Лавров Владимир Петрович, Тебиев Рустам Русланович. Животные и их останки как объекты исследования в криминалистической науке и следственной практике // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 138–145.

For citation:

Lavrov Vladimir Petrovich, Tebiev Rustam Ruslanovich. Animals and their remains as objects of research in forensic science and investigative practice // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. 4 (56). P. 138–145.

ВЯЧЕСЛАВ ОЛЕГОВИЧ ЛАПИН,
начальник отдела
научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: lapin78@mail.ru

VYACHESLAV OLEGOVICH LAPIN,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Research Center Department
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: lapin78@mail.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.12 – Criminalistics;
Forensic Activities;
Operational Search Activities.

ORCID 0000–0003–1539–1211

УДК 343.985.7

Дата поступления: 30 сентября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Вопросы организации расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности

Questions of Organization of Investigation of Crimes in the Sphere of Business Activity

Аннотация

Актуальность рассмотрения вопросов организации расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности обусловлена как поручениями руководства страны (перечень поручений Президента Российской Федерации от 15 августа 2017 г. № Пр-1611, от 27 февраля 2019 г. № Пр-294) и Министерства внутренних дел Российской Федерации (директивы о приоритетных направления деятельности органов внутренних дел Российской Федерации), так и необходимостью обеспечения организационных и правовых гарантий субъектам предпринимательской деятельности в уголовном судопроизводстве, повышения качества расследования преступлений рассматриваемой категории, а также снижения давления на бизнес со стороны правоохранительных органов.

Постановка проблемы: как показывает следственная практика, субъекты предпринимательства нередко сталкиваются с повышенным вниманием к их хозяйственной деятельности как со стороны контролирующих и надзорных, так и правоохранительных органов, которое порой приводит к необоснованному уголовному преследованию предпринимателей.

Annotation

The relevance of consideration of issues related to the organization of investigation of crimes in the sphere of business activity is due to the instructions of the country's leadership (list of instructions of the President of the Russian Federation No. PR-1611 of August 15, 2017, February 27, 2019 PR-294) and the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation (directives on priority activities of the internal Affairs bodies of the Russian Federation), as well as the need to provide organizational and legal guarantees to business entities in criminal proceedings, improve the quality of investigation of crimes in this category, as well as reduce pressure on business from law enforcement agencies.

The problem statement: as investigative practice shows, business entities often face increased attention to their economic activities from both regulatory and Supervisory authorities, as well as law enforcement agencies, which sometimes leads to unjustified criminal prosecution of entrepreneurs.

Solving this problem, as well as generally improving the quality of investigation of crimes in the field of business activity, is one of the priorities for

Решение отмеченной проблемы, а также в целом повышение качества расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности является одной из приоритетных задач для МВД России.

Цель исследования: выработка предложений и рекомендаций по организации расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности, основанных на результатах изучения практики работы органов предварительного следования территориальных органов МВД России по указанному направлению деятельности.

Методы исследования: общенаучные (описание, сравнение), формально-логические (анализ, синтез, аналогия), контент-анализ, экспертная оценка.

Результаты и ключевые выводы: в статье проанализированы факторы, негативно влияющие на развитие предпринимательства, приведены статистические данные о результатах расследования преступлений рассматриваемой категории. На основе анализа следственной практики органов внутренних дел выделены проблемные вопросы, возникающие в процессе организации расследования преступлений: в ходе рассмотрения обращений предпринимателей по фактам давления правоохранительных органов, в том числе полученных посредством цифровой платформы «ЗАБИЗНЕС.РФ»; при производстве доследственной проверки; в рамках применения ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Преюдиция»; противодействия расследованию преступлений в сфере предпринимательской деятельности. В заключении сформулированы рекомендации по совершенствованию управления органами предварительного следствия в указанной сфере, в том числе при рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности, проведении доследственной проверки, осуществлении оперативного сопровождения расследования, а также выявлении и преодолении противодействия расследованию преступлений в сфере предпринимательской деятельности.

Кроме того, предложено нормативно закрепить запрет органам внутренних дел рассматривать материалы проверок, в основе которых лежат гражданско-правовые споры хозяйствующих субъектов, без наличия соответствующего решения арбитражного суда в пользу одной из сторон.

Ключевые слова: *организация расследования преступлений; предпринимательская деятельность; органы предварительного следствия; субъект предпринимательства; гражданско-правовой спор; преюдиция; цифровая платформа «ЗАБИЗНЕС.РФ»; разумный срок расследования.*

the Russian Ministry of internal Affairs.

The aim of the study was to develop proposals and recommendations for organization of investigation of crimes in the sphere of entrepreneurial activity, based on studies of the practice of the preliminary route of the territorial bodies of the MIA of Russia in this sphere.

The research methods: General scientific (description, comparison), formal logical (analysis, synthesis, analogy), content analysis, expert evaluation.

The results and key conclusions: the article analyzes the factors that negatively affect the development of entrepreneurship, provides statistical data on the results of the investigation of crimes in this category. Based on the analysis of the investigative practice of the internal Affairs bodies, the problematic issues that arise in the process of organizing the investigation of crimes are highlighted: during the consideration of appeals from entrepreneurs on the facts of pressure from law enforcement agencies, including those received through the digital platform «ЗАБИЗНЕС.РФ»; during the pre-investigation check; in the framework of the application of art. 90 of the Criminal procedure code of the Russian Federation «Prejudice»; countering the investigation of crimes in the field of business. In conclusion, recommendations are formulated for improving the management of preliminary investigation bodies in this area, including when considering appeals from business entities, conducting pre-investigation checks, providing operational support for the investigation, as well as identifying and overcoming obstacles to the investigation of crimes in the field of business.

In addition, it is proposed to establish a legal prohibition for internal Affairs bodies to consider the materials of inspections based on civil disputes of economic entities, without the presence of a corresponding decision of the arbitration court in favor of one of the parties.

Keywords: *organization of investigation of crimes; business activities; preliminary investigation bodies; business entities; civil dispute; the prejudicial effect; digital platform «ЗАБИЗНЕС.РФ»; the reasonable period of investigation.*

В современных социальных и экономических условиях развития нашего государства на институт предпринимательства возлагаются большие надежды. Именно субъекты предпринимательской деятельности должны стать той движущей силой, которая позволит не только вытянуть экономику из кризисного состояния, но и создать необходимый задел для решения стратегических задач государства по достижению национальных целей развития.

Не случайно в 2020 г. ст. 114 Конституции Российской Федерации дополнена пунктом е.3, закрепляющим полномочия и ответственность Правительства Российской Федерации за содействие развитию предпринимательства и частной инициативы.[1] Это является дополнительным шагом на пути создания необходимых гарантий субъектам предпринимательской деятельности не только в сфере экономики, но в сфере уголовного судопроизводства.

Проблема защиты добросовестных предпринимателей от необоснованного уголовного преследования является весьма актуальной и широко обсуждаемой на различных уровнях. Решение отмеченной проблемы, а также исключение фактов давления на бизнес, в том числе со стороны коррумпированных должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, является одной из приоритетных задач для МВД России.

Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В.А. Колокольцевым в рамках расширенной коллегии дополнительно поставлена задача «обеспечить неукоснительное соблюдение законных прав и интересов хозяйствующих субъектов при проведении проверочных мероприятий. Категорически неприемлемо наше вмешательство в какие-либо гражданско-правовые споры между коммерческими организациями» [11].

В этом направлении органами внутренних дел уже реализуется комплекс мероприятий по снижению административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Ежегодный мониторинг результатов такой деятельности свидетельствует о том, что, несмотря на снижение степени уголовно-правового регулирования правоотношений в сфере предпринимательской деятельности, возможность решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования в полной мере не исключена.

Реализация мер по снижению рисков необоснованного вовлечения добросовестных участников бизнеса в уголовное судопроизводство должна быть обеспечена за счет как исключения вовлеченности должностных лиц, прежде всего, правоохранительных органов в разрешение споров хозяйствующих субъектов, так и повышения результативности расследования уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности.

Отметим, что в настоящее время уже созданы организационные и правовые гарантии субъектам предпринимательской деятельности в рамках уголовного судопроизводства. Так, в 2012 г. учреждена должность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей[2], созданы постоянно действующие межведомственная рабочая группа по защите прав предпринимателей (на базе Генеральной прокуратуры Российской Федерации (2012)), рабочая группа по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства (2016)[3], рабочая группа МВД России по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства (2016)[4], цифровая платформа для приема обращений субъектов предпринимательской деятельности в связи с оказанием на них давления со стороны правоохранительных органов «ЗАБИЗНЕС.РФ» (2020).

Уголовно-процессуальным законодательством установлены особенности уголовного судопроизводства, касающиеся, в частности, порядка возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), применения меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), домашнего ареста (ч. 3 ст. 107 УПК РФ), обеспечения дополнительных прав предпринимателей, содержащихся под стражей и домашним арестом (п. 3.1 ч. 4 ст. 46, п. 9.1 ч. 4 ст. 47, ч. 13 ст. 107 УПК РФ), требований к правилам производства следственных действий, изъятия предметов и документов, их признания вещественными доказательствами (ст. 81.1, 164, 164.1 УПК РФ), а также освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования (ст. 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), ст. 28.1 УПК РФ).

Внесены многочисленные изменения в УК РФ, как в части установления повышенной уголовной ответственности за незаконное возбуж-

[1] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[2] Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей [Электронная версия]: указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 879. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2020).

[3] О рабочей группе по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства [Электронная версия]: распоряжение Президента Российской Федерации от 16 февраля 2016 г. № 27-рп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2020).

[4] Приказ МВД России от 12 мая 2016 г. № 240. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2020).

дение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба (ч. 3 ст. 299 УК РФ), так и декриминализации отдельных преступлений в сфере экономической деятельности, увеличения порогов крупного и особо крупного размера по ряду преступлений, создания дополнительных гарантий субъектам предпринимательской деятельности от необоснованного привлечения к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ[5].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в ходе расследования в отношении субъектов предпринимательской деятельности судами в 2019 г. только в 65 случаях выносилось решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, что в пять раз меньше по сравнению с 2018 г. (350 случаев избрания соответствующей меры пресечения) [5].

В целях разъяснения особенностей уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности Верховным Судом Российской Федерации издано постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2017 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[6].

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период с 2015 по 2019 г. отмечается рост количества выявленных нарушений в сфере защиты прав субъектов предпринимательской деятельности: 186 948 (+8,4 %), по которым вынесено 46 684 представлений (+36,2 %) и 32 712 лиц привлечено к дисциплинарной ответственности [17].

Для усиления прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, издано межведомственное указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, СК Российской Федерации, ФСБ России, ФТС России от 23 июля 2020 г. № 387/49/1/7985/1/218/23/266-р «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности», в котором закреплены дополнительные меры по организации ведомственного контроля и надзора на стадиях проведения оперативно-розыскных мероприятий и предварительного расследования, детально определен алгоритм действий прокуроров в различных проблемных ситуациях.

Таким образом, практически на каждом этапе работы правоохранительных органов, где наиболее часто возникают риски необоснованного давления на субъекты предпринимательской деятельности, созданы дополнительные как организационные, так и правовые гарантии защиты.

Однако анализ практики деятельности органов предварительного следствия территориальных органов МВД России по расследованию преступлений экономической направленности в различных сферах экономики, проводимый автором по заявкам Следственного департамента МВД России на протяжении последних двух лет, свидетельствует о сохранении отдельных проблемных вопросов, разрешить которые в полном объеме пока не удается[7].

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», на протяжении последних лет, несмотря на общую тенденцию снижения количества регистрируемых преступлений экономической направленности (с 112 445 преступлений в 2015 г. до 104 927 в 2019 г. (–6,7%)), только за период с 2017 по 2019 г. и первое полугодие 2020 г. зарегистрировано 54 579 преступлений рассматриваемой категории, совершенных субъектами предпринимательской деятельности[8]. Ключевая роль в расследовании указанных преступлений возлагается на органы внутренних дел, которыми расследуется около 60 % уголовных дел.

Согласно статистическим данным, типовой портрет субъекта предпринимательской деятельности, совершившего преступление экономической направленности, характеризуются следующим образом: лицо мужского пола (82,5 %), в возрасте от 30 до 49 лет (62 %), имеющее высшее профессиональное образование (67,6 %), являющееся гражданином России (98,7 %) и местным жителем (88,1 %), ранее совершавшее преступление (21,5 %), действую-

[5] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2003.

[6] О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 года № 7. Доступ из информационно-правового портала «Гарант» (дата обращения: 21.09.2020).

[7] Выводы и предложения, изложенные в настоящей статье, базируются на результатах научно-исследовательских работ, проведенных автором по заявкам Следственного департамента МВД России в 2019–2020 гг.

[8] Преступления экономической направленности, совершенные субъектами предпринимательской деятельности, стали учитываться в официальной статистике ФКУ «ГИАЦ МВД России» (Ф «1-Э» и Ф «2-ЕГС») только с 2017 г.

щее в составе группы лиц (15,8 %), в том числе в составе организованной группы или преступного сообщества (4,9 %) [14].

Вместе тем, если количество предварительно расследованных преступлений за рассматриваемый период увеличилось с 67,7 % до 77,2 % от общего количества выявленных преступлений, то количество преступлений, уголовные дела по которым направлены в суд, уменьшилось с 72,2 % до 70,1 % от общего количества предварительно расследованных преступлений. Существенно увеличился (в пять раз) размер причиненного материального ущерба с 45,2 млрд рублей в 2017 г. до 246,5 млрд рублей в 2019 г. [15].

Это лишь общая характеристика преступлений экономической направленности, совершенных субъектами предпринимательской деятельности, основанная на анализе данных ведомственной статистики.

В то же время понятие «преступления в сфере предпринимательской деятельности» используется преимущественно в целях ведомственного учета преступлений, содержит ряд принципиальных признаков, однако нормативно не регламентировано. В теории криминологии и уголовного права существует немало авторских определений указанного понятия [3, с. 16; 4, с. 130; 7, с. 61–62], которые порой существенно отличаются друг от друга по объему (перечню составов преступлений, объединяемых в соответствующую группу).

В рамках настоящей статьи будем придерживаться позиции Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой под преступлениями в сфере предпринимательской деятельности понимаются деяния, которые совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности[9].

С криминалистической точки зрения преступления в сфере предпринимательской деятельности являются самостоятельным объектом исследования, учитывающим сферу деятельности, в которой совершается преступление (сфера предпринимательской деятельности), особенности личности преступника (субъекта предпринимательской деятельности), а также непосредственную связь преступления с осуществлением последним профессиональных обязанностей [10].

Преступления в сфере предпринимательской деятельности носят замаскированный характер (под прикрытием законной предпринимательской деятельности), совершаются лицами, обладающими профессиональными знаниями и навыками в соответствующих сферах экономики, необходимым статусом руководителя организации, с применением знаний различных отраслей права, а также современных информационных технологий (например, дистанционного управления расчетным счетом организации, предоставления налоговой отчетности в электронном виде, участия в электронных аукционах при государственных и муниципальных закупках).

С точки зрения организации расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности необходимо отметить длящийся характер преступной деятельности, включающий совершение множества эпизодов преступлений, большой объем следовой информации, сконцентрированной как по месту расположения субъекта предпринимательской деятельности, так и за ее пределами (прежде всего, это кредитные организации, налоговые органы, операторы госзакупок, контрагенты и др.). Кроме того, принципиальным моментом является установление факта преступных действий (факта нарушения, как правило, отраслевого законодательства, в том числе подтверждаемого результатами проверок налоговых органов либо подразделениями Банка России, решениями антимонопольных органов), а также определение размеров причиненного ущерба, что невозможно без использования специальных знаний и соответствующих экспертных методик. Использование дистанционных технологий позволяет совершать преступления, находясь физически за сотни и тысячи километров от потерпевших (например, инвестиционные проекты, форекс-проекты и иные виды «финансовых пирамид», реализуемых посредством сети Интернет, и др.), которые обусловливают повышенную трудоемкость и длительность процесса расследования, а также требуют грамотной организации соответствующей деятельности как отдельного следователя или следственной группы, так и нескольких следственных подразделений.

Отмеченные обстоятельства, а также высокая динамика появления новых способов преступлений в сфере предпринимательской деятельности, в том числе с использованием современных технологий, требуют от правоохранительных органов оперативного реагирования, корректировки и актуализации действующих криминалистических методик расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности, разработки таких методик по но-

[9] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.09.2020).

вым видам преступлений в рассматриваемой сфере, а также учета новых форм взаимодействия в электронном формате [16].

Вопросы выявления и расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности находятся в центре внимания ученых-криминалистов. В настоящее время разработаны сотни частных криминалистических методик расследования преступлений в различных сферах экономической деятельности, которые также могут быть использованы при расследовании преступлений в сфере предпринимательской деятельности. К числу авторов, исследовавших проблемы организации расследования преступлений рассматриваемой категории, следует отнести Е. А. Ефремову [6] и А. В. Шмонина [20], А. Ф. Волынского [12], П. Г. Сычева [18], работы которых носят комплексный характер и раскрывают особенности расследования преступлений, совершенных субъектами предпринимательства.

Предложения и рекомендации вышеуказанных авторов по расследованию преступлений рассматриваемой категории используются в практической деятельности органов предварительного следствия как МВД России, так и Следственного комитета Российской Федерации.

Правовая основа организации расследования уголовных дел данной категории представлена уголовно-процессуальным законом, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», приказами МВД России от 1 декабря 2016 г. № 785 «Об организации рассмотрения сообщений о преступлениях экономической направленности» и Следственного департамента МВД России от 26 октября 2011 г. № 55 «Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверки в порядке ст. 140–145 УПК РФ о преступлениях экономической и коррупционной направленности».

Вместе с тем, несмотря на существующий уровень теоретической разработанности и методического обеспечения вопросов расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности, следователи продолжают сталкиваться с типичными проблемами, которые оказывают негативное влияние на организацию расследования преступлений указанной категории.

Так, в связи с большим количеством обращений предпринимателей, жалующихся на административное давление на их бизнес, по поручению Президента Российской Федерации (п. 8 перечня поручений Президента Российской Федерации от 27 февраля 2019 г. № Пр-294) создана при участии автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» и внедрена в пилотном режиме цифровая платформа для приема обращений субъектов предпринимательской деятельности в связи с оказанием на них давления со стороны правоохранительных органов. На данном сетевом ресурсе в централизованном порядке организованы прием, регистрация и направление по компетенции соответствующих жалоб для их рассмотрения центральными аппаратами МВД России, Следственного комитета Российской Федерации и ФСБ России с участием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и общероссийских объединений предпринимателей.

Анализ результатов рассмотрения в органах внутренних дел указанных обращений свидетельствует о снижении остроты проблемы по обеспечению соблюдения законности при реализации перечисленных правовых норм. Не редко подобные обращения предпринимателей не связаны с необоснованным давлением на них правоохранительных органов, а наоборот используются недобросовестными предпринимателями в качестве способа противодействия расследованию и оказанию негативного воздействия на субъекта, ведущего расследование, его отвлечения от процесса расследования.

В качестве рекомендации предлагается особое внимание уделять наличию в материалах проверки заявлений потерпевших и их представителей достаточности собранных данных, свидетельствующих о корыстной цели и преднамеренном умысле привлекаемых к ответственности субъектов предпринимательской деятельности, а также не допускать необоснованного возбуждения уголовного дела в отношении неустановленных лиц, ограничивая тем самым права субъектов предпринимательской деятельности на защиту.

Кроме того, рассматривая обращения предпринимателей о совершенном в отношении них преступлений, необходимо выявить непосредственный мотив обращения, наличие гражданско-правового спора между хозяйствующими субъектами, в том числе его нахождение на рассмотрении в арбитражном суде либо уже в имеющемся, но неисполненном решении суда в пользу одной из сторон конфликта. Это обусловлено тем, что отдельные субъекты предпринимательской деятельности пытаются использовать правоохранительные органы в качестве средства давления на конкурента, нередко вовлекая в указанную противоправную деятельность коррумпированных сотрудников правоохранительных органов за незаконное вознаграждение (взятку).

Отметим, что по рассматриваемой категории дел практически каждый случай уникален и требует от следователя нестандартного (нешаблонного) подхода, а уверенных (профессиональ-

ных) знаний и опыта расследования преступлений рассматриваемой категории. Полагаем, что именно развитие профессионального мастерства следователей, повышение их квалификации, приобретение уверенных знаний отраслевого законодательства, а также изучение порядка функционирования отдельных отраслей экономики позволят снизить количество неверных либо поспешных решений по материалам доследственных проверок и в целом повысить защищенность прав и свобод субъектов предпринимательской деятельности.

Особое внимание обратим на проблему межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, связанной с неоднозначным толкованием правоприменителями положений ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Преюдиция». Проблема правоприменения указанной статьи кодекса связана, как правило, с оценкой решений арбитражных судов при рассмотрении вопроса о виновности обвиняемых – субъектов предпринимательской деятельности.

Правовая позиция правоохранительных органов по данному вопросу заключается в том, что вынесенные судами в рамках рассмотрения гражданских и арбитражных дел решения сами по себе не могут свидетельствовать о законности действий подозреваемых или обвиняемых и должны оцениваться в совокупности с другими доказательствами, полученными в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по факту преступных деяний.

Такой подход основан на выводах Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которым в уголовном судопроизводстве результатом межотраслевой преюдиции может быть принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного в порядке гражданского судопроизводства, но не его квалификация как противоправного, которая с точки зрения уголовного закона имеет место только в судопроизводстве по уголовному делу и определяется исключительно в рамках процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, а закрепление в нем преюдициального значения обстоятельств по ранее рассмотренному делу не означает предопределенности окончательных выводов суда по уголовному делу ранее состоявшимся судебным решением, принятым в другом виде судопроизводства в иных правовых процедурах.

Особое значение указанная проблема приобретает в свете предложений Министра внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцева, озвученных на заседании расширенной коллегии МВД России 26 февраля 2020 г.: «Считаю целесообразным процессуально рассматривать обращения от одной из указанных сторон лишь после решения арбитражного суда. Таким образом, раз и навсегда объективно исчезнет возможность руками сотрудников полиции добиваться определенных целей в сугубо корпоративном споре и все неминуемые при этом потери списывать на государственные органы с формулировкой «кошмарят бизнес»» [11].

Поддерживая указанное предложение, акцентируем внимание на том, что речь идет только о спорах хозяйствующих субъектов, исключая ситуации, в которых одной из сторон выступает государственная организация (учреждение) либо гражданин, когда важно, не дожидаясь судебного решения, оперативно пресечь нарушение и обеспечить защиту прав и интересов отдельных граждан и государства в целом.

Еще одной из актуальных проблем, с которой сталкиваются органы предварительного следствия при организации расследования преступлений указанной категории, является противодействие расследованию преступлений со стороны подозреваемого (обвиняемого) и связанных с ними лицами. Несмотря на то, что противодействие расследованию достаточно изучено в криминалистической литературе [2, с. 182–191; 9, с. 104–138; 12, с. 139–177; 13, с. 150–166], еще остаются вопросы, требующие выработки действенных средств преодоления противодействия расследованию.

По вопросу определения понятия «противодействие расследованию преступлений» разделяем мнение А. Ф. Волынского и В. П. Лаврова, которые представляют противодействие расследованию как систему умышленных, противоправных действий (бездействия) лиц, направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по собиранию, исследованию и использованию розыскной и доказательственной информации в процессе возбуждения и расследования уголовного дела, а в итоге – на воспрепятствование правосудию [8, с. 47].

В частности, большое разнообразие способов противодействия преступлениям в сфере предпринимательской деятельности ставит перед следователем весьма нетривиальную задачу – организовать расследование в условиях активного противодействия.

По данным исследований ученых-криминалистов [1; 19] противодействие раскрытию и расследованию преступлений в сфере предпринимательской деятельности встречается в 70–90 % уголовных дел такой категории. Таким образом, противодействие стало неотъемлемой частью преступной деятельности в сфере предпринимательства, ему присущи определенные закономерности, проявляющиеся в тех или иных формах в зависимости от конкретной ситуации. Фактически противодействие расследованию преступлений в сфере предпринимательской деятельности представляет собой систему обеспечения

безопасности преступного бизнеса, за которой стоят высокопоставленные должностные лица государственных органов, в том числе контролирующих и правоохранительных органов.

По делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности преобладают способы, связанные с тщательным сокрытием или уничтожением следов преступления, маскировкой под законную деятельность, оказанием психологического давления либо подкупа должностных лиц. Лишь в крайних случаях используется физическое насилие либо устранение несговорчивого следователя.

К числу наиболее распространенных способов противодействия расследованию следует отнести зашифровку тематики переговоров, заранее обусловленные шифры (при передаче взятки, определении победителя на аукционе, совершении операций по обналичиванию денежных средств и т. п.); сокрытие преступно нажитых средств, маршрутов их движения и обналичивания либо легализации; оказание психологического и иного давления на соучастников преступления (в особенности второстепенных) в целях склонения их к отказу от дачи показаний либо их изменения в пользу злоумышленников; уничтожение и сокрытие следов преступления (вплоть до помещения ключевых свидетелей в защищенное место, где их не могли бы обнаружить сотрудники правоохранительных органов); давление на лиц, осуществляющих выявление и расследование по делу; организация заказных публикаций в СМИ о предвзятости расследования, коррумпированности лиц ведущих следствие; обвинения в недопустимых методах ведения следствия; уничтожение электронных базы данных и другие способы.

Серьезной ошибкой, встречающейся в ходе расследования уголовных дел рассматриваемой категории, являются самонадеянность и легкомыслие следователей, которые пренебрегают рекомендациями по действиям в условиях активного противодействия, включая личные меры безопасности в отношении себя и своих близких; игнорирование фактов высказывания различного рода угроз, шантажа, дискредитации либо предложения незаконного материального вознаграждения; несвоевременное обращение в соответствующие подразделения органов внутренних дел для защиты (подразделения государственной защиты либо собственной безопасности).

Одним из приоритетных направлений повышения эффективности расследования рассматриваемой категории преступлений, а также своевременного выявления и нейтрализации противодействия расследованию является полноценное оперативное сопровождение расследования, без которого невозможно установить скрытые коррупционные связи подозреваемого (обвиняемого), его властных покровителей, спрогнозировать возможные угрозы процессу расследования, разглашению информации, содержащей следственную тайну, оказанию негативного воздействия на свидетелей, должностных лиц, в том числе руководителей правоохранительных органов. Такое сопровождение должно осуществляться вплоть до направления уголовного дела в суд, а в особых случаях – до завершения его рассмотрения в суде. Следователю, ведущему расследование по рассматриваемой категории дел, как правило, противостоят высокооплачиваемые адвокаты и иные специалисты. В таких условиях следователь должен иметь возможность на протяжении всего процесса расследования обладать оперативной информацией о том, как действует противодействующая сторона, быть готовым к различного рода нештатным ситуациям, провокациям и целенаправленной дискредитации.

В завершение предлагаем реализовать комплекс следующих мероприятий, направленных на совершенствование организации управления органами предварительного следствия в сфере предпринимательской деятельности:

1. При рассмотрении обращений предпринимателей о совершенном в отношении них преступлении необходимо в обязательном порядке выявить непосредственный мотив обращения, наличие гражданско-правового спора между хозяйствующими субъектами, в том числе его нахождение на рассмотрении в арбитражном суде либо уже имеющемся, но неисполненном решении суда в пользу одной из сторон конфликта.

2. Организовать обучение и повышение квалификации следователей, специализирующихся на расследовании преступлений рассматриваемой категории, проведение рабочих встреч с прокурорами в части выработки единых подходов к квалификации преступлений в сфере предпринимательской деятельности, изучение судебной практики по нарушениям в рассматриваемой сфере. Это позволит выработать единообразный с надзирающими прокурорами подход к оценке собранных доказательств на предмет их достаточности для направления уголовного дела в суд, а владение судебной практикой – оценить «судебную перспективу» рассмотрения уголовного дела в суде. В этих целях рекомендуется организовать проведение координационных совещаний с представителями надзирающих прокуратур и судов.

3. Организовать разработку законопроекта о закреплении запрета органам внутренних дел рассматривать материалы проверок, в основе которых лежит гражданско-правовой спор хозяйствующих субъектов, без наличия соответствующего решения арбитражного суда в пользу одной из сторон. Реализация указанной инициативы позволит

существенно снизить количество спорных ситуаций и фактов вовлечения сотрудников правоохранительных органов в корпоративные споры.

4. Разработать перечень типовых ситуаций противодействия расследованию по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, а также алгоритм действий следователя в целях пресечения и нейтрализации противодействия расследованию. Особое внимание обратить на возможности применения института государственной защиты потерпевших, свидетелей, а в отдельных ситуациях подозреваемых (обвиняемых), субъектов расследования.

5. Повысить качество оперативного сопровождения расследования уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности на протяжении всего процесса расследования, обеспечивая следователя не только информацией по конкретному факту преступления, но и упреждающей информацией, способствующей правильному выбору не только тактики расследования и преодоления противодействия, но в целом стратегии расследования по делу.

Полагаем, что реализация предложенных рекомендаций и мер позволит обеспечить снижение административной нагрузки на бизнес-сообщество при осуществлении процессуальных полномочий, а также законность при возбуждении и расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности.

Список литературы:

1. *Бурлин С. А.* Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
2. *Волынский А. Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования экономических преступлений // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учеб. пособ. М., 2016.
3. *Гармаш А. М.* Предупреждение преступности в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2013.
4. *Горелов А. П.* Уголовно-правовая охрана сферы предпринимательской деятельности как направление обеспечения экономической безопасности России: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2004.
5. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации на совещании судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (Москва, 11 февраля 2020 г.). URL: https://www.vsrf.ru/press_center/video_archive/28761/(дата обращения: 21.09.2020).
6. *Ефремова Е. А.* Организация расследования преступлений экономической направленности: монография / под ред. А. В. Шмонина. М., 2014.
7. *Жилкин М. Г.* Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. М., 2019.
8. Криминалистика: учеб. для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М., 2008.
9. Криминалистическое обеспечение экономической безопасности и борьбы с коррупцией: учеб.-практ. пособ. / под ред. А. Ф. Лубина и С. Ю. Журавлева. Н. Новгород, 2012.
10. *Лапин В. О.* Преступления в сфере предпринимательской деятельности как объект кри-

References:

1. *Burlin S. A.* Problemy preodoleniya protivodejstviya rassledovaniyu prestuplenij, svyazannyh s ukloneniem ot uplaty nalogov: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2002.
2. *Volynskij A. F.* Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya ekonomicheskih prestuplenij // Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: ucheb. posob. M., 2016.
3. *Garmash A. M.* Preduprezhdenie prestupnosti v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti: dis. ... d-ra. yurid. nauk. M., 2013.
4. *Gorelov A. P.* Ugolovno-pravovaya ohrana sfery predprinimatel'skoj deyatel'nosti kak napravlenie obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti Rossii: dis. ... d-ra. yurid. nauk. M., 2004.
5. Doklad Predsedatelya Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii na soveshchanii sudej sudov obshchej yurisdikcii i arbitrazhnyh sudov Rossijskoj Federacii (Moskva, 11 fevralya 2020 g.). URL: https://www.vsrf.ru/press_center/video_archive/28761/(data obrashcheniya: 21.09.2020).
6. *Efremova E. A.* Organizaciya rassledovaniya prestuplenij ekonomicheskoj napravlennosti: monografiya / pod red. A. V. SHmonina. M., 2014.
7. *Zhilkin M. G.* Prestupleniya v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti: problemy klassifikacii i differenciacii otvetstvennosti: monografiya. M., 2019.
8. Kriminalistika: ucheb. dlya studentov vuzov / pod red. A. F. Volynskogo, V. P. Lavrova. M., 2008.
9. Kriminalisticheskoe obespechenie ekonomicheskoj bezopasnosti i bor'by s korrupciej: ucheb.-prakt. posob. / pod red. A. F. Lubina i S. Yu. ZHuravleva. N. Novgorod, 2012.
10. *Lapin V. O.* Crimes in the field of business activity as an object of criminalistic research // Pro-

миналистического исследования // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54).
11. Материалы заседания расширенной коллегии МВД России, состоявшейся 26 февраля 2020 г. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/62860 (дата обращения: 21.09.2020).
12. Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений: учеб.-метод. пособ. / под ред. А.И. Бастрыкина, А.Ф. Волынского. М., 2016.
13. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учеб. для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. М., 2017.
14. Сборник по России. Раздел 1. Сведения о возрастных, гендерных, образовательных и криминологических характеристиках лиц, совершивших преступления (2019 год). Форма № «2-ЕГС» (492). Книга 3. М., 2020.
15. Сводный отчет по России о преступлениях экономической направленности и лицах, их совершивших (за период с 2017 по 2019 г.). Форма № 1Э (010). Книга 13. М., 2020.
16. Соглашения МВД России с ПАО «Банк ВТБ» (2017), ПАО «Сбербанк России» (2017), ПАО «Совкомбанк» (2020), ПАО «ВымпелКом» (2019), ПАО «МТС» (2019) об обмене информацией в электронном виде как на федеральном, так и на региональном уровнях.
17. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за период 2015–2019 гг. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data/ (дата обращения: 21.09.2020).
18. *Сычев П.Г.* Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: монография. М., 2020.
19. *Черкесова А.А.* Раскрытие и расследование взяточничества в условиях противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
20. *Шмонин А.В., Ефремова Е.А.* Основы управления органами предварительного следствия по делам о преступлениях экономической направленности: учеб. пособ. М., 2014.

ceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. No 2 (54). P. 93–102.
11. Materialy zasedaniya rasshirennoj kollegii MVD Rossii, sostoyavshejsya 26 fevralya 2020 g. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/62860 (data obrashcheniya: 21.09.2020).
12. Organizaciya i metodika rassledovaniya otdel'nyh vidov ekonomicheskih prestuplenij: ucheb.-metod. posob. / pod red. A. I. Bastrykina, A. F. Volynskogo. M., 2016.
13. Protivodejstvie rassledovaniyu prestuplenij i mery po ego preodoleniyu: ucheb. dlya vuzov / pod obshch. red. B. YA. Gavrilova, V. P. Lavrova. M., 2017.
14. Sbornik po Rossii. Razdel 1. Svedeniya o vozrastnyh, gendernyh, obrazovatel'nyh i kriminologicheskih harakteristikah lic, sovershivshih prestupleniya (2019 god). Forma № «2-EGS» (492). Kniga 3. M., 2020.
15. Svodnyj otchet po Rossii o prestupleniyah ekonomicheskoj napravlennosti i licah, ih sovershivshih (za period s 2017 po 2019 g.). Forma № 1E (010). Kniga 13. M., 2020.
16. Soglasheniya MVD Rossii s PAO «Bank VTB» (2017), PAO «Sberbank Rossii» (2017), PAO «Sovkombank» (2020), PAO «VympelKom» (2019), PAO «MTS» (2019) ob obmene informaciej v elektronnom vide kak na federal'nom, tak i na regional'nom urovnyah.
17. Statisticheskie dannye ob osnovnyh pokazatelyah deyatel'nosti organov prokuratury Rossijskoj Federacii za period 2015–2019 gg. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data/(data obrashcheniya: 21.09.2020).
18. *Sychev P. G.* Proizvodstvo po ugolovnym delam o prestupleniyah v sfere ekonomicheskoj i predprinimatel'skoj deyatel'nosti: monografiya. M., 2020.
19. *Cherkesova A. A.* Raskrytie i rassledovanie vzyatochnichestva v usloviyah protivodejstviya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007.
20. *Shmonin A. V., Efremova E. A.* Osnovy upravleniya organami predvaritel'nogo sledstviya po delam o prestupleniyah ekonomicheskoj napravlennosti: ucheb. posob. M., 2014.

Для цитирования:

Лапин Вячеслав Олегович. Вопросы организации расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 146–155.

For citation:

Lapin Vyacheslav Olegovich. Questions of organization of investigation of crimes in the sphere of business activity // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 146–155.

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПАВЛИЧЕНКО,
заместитель начальника
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: pavlichenko.pro@mail.ru

ORCID 0000–0001–7889–4743

NIKOLAY VLADIMIROVICH PAVLICHENKO,
Doctor of Law, Professor,
Merited Lawyer of Russian Federation,
Deputy Head of Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: pavlichenko.pro@mail.ru

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ ТАМБОВЦЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
пенсионер МВД России
E-mail: bestcopat@mail.ru

ANDREY IVANOVICH TAMBOVTSEV,
Candidate of Law, Associate Professor
Pensioner of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: bestcopat@mail.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.12 – Criminalistics;
Forensic Expert Activity;
Operational Search Activity.

УДК 343.131(132)

Дата поступления: 30 октября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Создание оперативно-следственного инструментария: успехи законодателя и проблемы правоприменителей

Creating Operational Investigative Tools: the Success of the Legislator and the Problems of Law Enforcement

Аннотация

Актуальность: в настоящее время сложилась такая социально-правовая ситуация в сфере судопроизводства, когда на фоне изменившихся объективных обстоятельств и требований наблюдается вынужденное смешение функциональных и формальных составляющих оперативного и следственного инструментариев. Таким способом правоприменительное сообщество пытается хоть как-то нивелировать возникший дисбаланс и диссонанс устаревших уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных норм и изменившихся реалий (условий и обстоятельств) их прикладного применения.

Цель: изучить тенденции модернизации существующего процессуального и оперативного инструментария, выделить его необходимые качественные характеристики.

Annotation

The relevance: currently, there is a social and legal situation in the field of legal proceedings, when against the background of changed objective circumstances and requirements, there is a forced mixing of functional and formal components of operational and investigative tools. In this way, the law enforcement community tries to somehow neutralize the resulting imbalance and dissonance of outdated criminal procedure and operational investigative norms and the changed realities (conditions and circumstances) of their application.

The objective: to study trends in the modernization of existing procedural and operational tools, to identify its necessary qualitative characteristics.

The methods: General scientific methods: analysis; synthesis, induction; deduction, formal-logical.

The conclusions: the study authors came to the conclusion about the increasing symbiosis of pro-

Методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-логический.

Выводы: в результате исследования авторы пришли к выводу о все большем симбиозе процессуального и оперативно-розыскного аспектов судопроизводства, закономерной их трансформации в единый инструментарий, одновременно сочетающий в себе когнитивные, доказательственные, процессуальные, оперативно-розыскные и гласно-негласные свойства, но также и об утрате как следственными действиями, так и оперативно-розыскными мероприятиями своих уникальных специфических черт.

Ключевые слова*: оперативно-розыскная деятельность; следственные действия; оперативно-розыскные мероприятия; оперативно-розыскной инструментарий; судопроизводство.*

cedural and investigative aspects of the proceedings, naturally their transformation into a single Toolkit, combining cognitive, evidentiary, procedural, investigative and publicly unspoken properties, but also about the loss of investigatory actions and operatively-search actions their unique specific features.

Keywords: *operational-search activity; investigative actions; operational-search activities; operational-search tools; legal proceedings.*

Как известно, достижение познавательных целей современного уголовного судопроизводства достаточно полно обеспечивается двумя когнитивными инструментариями. Во-первых, непосредственно уголовно-процессуальным (следственным), включающим в себя совокупность всех следственных действий. Также сюда можно отнести и процессуальные действия, которые, будучи самостоятельными и независимыми от следственных действий, в определенных обстоятельствах играют вспомогательную, обеспечивающую их результативность роль. Во-вторых, оперативно-розыскным инструментарием, состоящим из оперативно-розыскных мероприятий, исчерпывающим образом перечисленных в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Несомненно, оба эти инструментария направлены на достижение конечных целей судопроизводства, основаны на аналогичных методах познания (получения, фиксации и оценки информации), часть из них нередко осуществляется одним и тем же специальным субъектом, но в то же время каждый из них имеет свою специфику и отличия друг от друга. И специфика эта обусловлена не субъективным желанием участников процесса, а объективной необходимостью решать стоящие перед институтом судопроизводства задачи.

Необходимо ясно понимать, что функциональная уникальность и обусловленные ею специфические особенности и преимущества того и другого инструментария определяются именно разностью целей и задач (что в общем-то свойственно любому инструменту и специализации).

Каждый из рассматриваемых инструментариев предоставляет процессу судопроизводства то, что не может предоставить другой, жертвуя в то же время некоторыми качествами. Для процессуального инструментария это невозможность работать скрытно/негласно, отсутствие вариативности (определенная обязательность, шаблонность, последовательность и протяженность действий). Для оперативного – это некоторая доказательственная ущербность полученных результатов, а порой и полная невозможность их предоставления в суд. Понимание этого является определенным гарантом признания имеющихся специфик, достоинств и недостатков каждого, а в целом – исключительности и незаменимости данных инструментариев в том качестве, состоянии и статусе, в котором они сейчас находятся.

Существующие процессуальный и оперативный инструментарии, конечно же, не абсолютны и не безупречны, но в целом достаточно эффективны. Однако и они не статичны и не неизменны. Попытки оптимизации и следственного, и оперативно-розыскного инструментариев происходят перманентно и отражены в огромном количестве федеральных законов, внесших дополнения и изменения как в Уголовно-процессуальный кодекс, так и в Закон об ОРД. При этом все они носят редакционный характер и принципиально не затрагивают ни следственных действий, ни оперативно-розыскных мероприятий. Отдельные придаваемые некоторым инструментам качества (например, отказ от обязательного участия понятых в следственных действиях или возможность использования результатов негласных ОРМ в суде), несомненно,

были революционны и прагматичны, но, к сожалению, не повлияли радикально на их общие свойства и характеристики в целом. Следственный остался следственным, оперативный – оперативным.

Но попытки модернизации не прекращаются. Опыт отдельных государств ближнего и дальнего зарубежья наглядно свидетельствует о реальных возможностях и перспективах оптимизации инструментариев уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности. В ряде государств вопрос ставится не о сочетании, а о переплетении этих видов деятельности [4, с. 156].

Однако сегодняшние российские тенденции таковы, что в процессе амбициозного, зачастую субъективного противостояния пользователей и сторонников (правоведов, правотворцев, правоприменителей) каждого из инструментариев и в многолетних перманентных усилиях доказать приоритет и исключительность каждого из них сами инструментарии (и следственные действия, и оперативно-розыскные мероприятия) в стремлении соответствовать требованиям, предъявляемым к противоположному, «топорно» и примитивно переделываются и видоизменяются под некий пока еще фантомный универсальный инструмент судопроизводства, в идеале обладающий одновременно и оперативным, и следственным функционалом.

Однако в конъюнктурной погоне за новейшей обоюдоприемлемой формой когнитивных оперативно-розыскных или процессуальных инструментов новаторы забывают или осознанно жертвуют сущностью, определяющей их деятельностную уникальность и неповторимость, тем самым превращая рационализированные многолетней практикой прагматичные средства познания в «нормативно и функционально сырые» прототипы общеприменимых в уголовном процессе и ОРД познавательных инструментариев. Универсальность, как некая разносторонность, способность одновременно соответствовать максимально широкому перечню требований, выполнять разнообразные (нередко прямо противоположные) обязанности, действия, функции и пр., имеет не только положительные (нередко – условные) свойства, но и, как правило, определенные вполне осязаемые недостатки.

На наш взгляд, недостатков у такого преобразования (в данном случае мы не согласны с самим форматом преобразований, а не с фактом) едва ли не больше, чем преимуществ, и их итоговая ценность и прагматичность оказывается под большим вопросом.

Рассматривая генезис любого инструмента и любого вида социальной деятельности, можно категорично констатировать постепенную специализацию (целенаправленное выделение) инструментов, инструментариев (как совокупности инструментов и технологий их использования) и непосредственных пользователей (исполнителей) в зависимости от стоящих целей и задач, а также условий и обстоятельств, в которых происходит их реализация. Это объективно позволяло выделять необходимые качества и далее целенаправленно культивировать их в требуемые уникальные для какого-то вида деятельности характеристики. Наиболее ярко и красочно это можно продемонстрировать на примере эволюции одного из самых древних инструментов – ножа, от заостренного камня, используемого первобытным человеком для всех без исключения нужд, до современных образцов кухонных (для мяса, овощей, рыбы и пр.), столовых, столярных, кожевенных, туристических, охотничьих, боевых и пр. ножей, с разнообразными формами, размерами, весом, твердостью, количеством лезвий и дополнительных опций и т. п. Попытки примитивной универсализации (простого сложения функций, например добавления пилы, штопора, компаса и пр.), конечно, придавали ножу некоторые дополнительные возможности, но при этом трансформировали и основной функционал – добавляли ненужный вес, меняли размер, форму, эргономику и т. п., что, несомненно, ухудшало основное предназначение. И здесь мы хотели бы отметить важнейший момент, имеющий более широкое (всеобъемлющее) значение – относительно успешные (как правило, редкие) попытки универсализации носили характер не примитивного сложения форм, а «содержательного» симбиоза на уровне интеграции качественных характеристик. Этот тезис, по нашему мнению, можно всецело экстраполировать и на современное состояние когнитивно-познавательных инструментариев судопроизводства, на процесс их оптимизации (или создание единого).

Все бо́льшая специализация профессий и видов деятельности наблюдалась и наблюдается в функциональной сфере всех без исключения областей жизнедеятельности – медицины, инженерии, военного дела, торговли, юриспруденции и др. Изначально единый в своем функционале «врач общей практики» со временем специализировался на терапевта, хирурга, стоматолога, кардиолога, анестезиолога и пр., что позволяло концентрироваться на специфических родах деятельности, прогрессировать в них и создавать свой инструментарий. Так же и правоприменители постепенно от общей защитно-правовой деятельности разделились на направления рабо-

ты – патрульно-постовую службу, уголовный розыск, службу участковых, следствие, конвойные подразделения и др.

Нами уже утверждалось, что современные правоохранительные системы неизбежно переходят на все более специализированные методы работы. «Абсолютно все без исключения полицейские системы мира построены на определенной функциональной специализации сотрудников, исключающей (или существенно снижающей) возможность и необходимость знания исполнителями специфики иных, не свойственных им, функциональных обязанностей» [6, с. 8]. И эта специализация не может не отразиться и на используемых инструментариях.

Рассматриваемые нами единые когда-то подразделения сейчас распределены функционально на те, которые работают по линии раскрытия (расследования) преступлений против личности, имущественных, экономических, коррупционных преступлений, по розыску преступников и др. И ввиду разрастания видов преступлений вполне вероятно, что и количество профессиональных специализаций в правоохранительном ведомстве будет только увеличиваться. При этом разные цели и задачи требуют разного инструментария (функционала), а стремительный технологический прогресс (включающий в себя в том числе и многочисленные правовые изменения) лишь обостряет имеющиеся между этими инструментариями противоречия, деструктивно влияя в конечном итоге на общую результативность. И тот, и другой инструментарий сегодня испытывают определенные трудности в эффективном и легитимном достижении своих конечных целей. Очевидно, что необходима серьезная функционально-правовая ревизия нынешнего состояния процессуального и оперативного инструментария с последующими изменениями обоих, позволяющими решать ранее неоднократно указанные проблемы подготовки и проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, предоставления результатов ОРД в суд и правовой оценки их как доказательств, либо с последующим созданием единого оперативно-следственного инструментария, одновременно сочетающего в себе при необходимости качества и оперативно-розыскной деятельности, и уголовного процесса – конспиративность, вариативность осуществления, разумную процедуру и стандарт оформления, доказательственный потенциал и др. Не отдельные черты, а именно качественные (более того – сущностные) характеристики обоих инструментариев должны лечь в основу их универсализации, но никак не простое смешение форм.

Правоприменительный инструментарий (в совокупности следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) является воплощением и сочетанием последних достижений стремительного технического прогресса и, к сожалению, не успевающих за ними нормативных правовых актов, призванных своевременно и в полном объеме регулировать использование этих достижений. В настоящее время объективно сложилась такая социально-правовая ситуация в сфере судопроизводства, когда на фоне изменившихся объективных обстоятельств, требований процессуальной и оперативной практики и недостаточной правовой регламентации наблюдается вынужденное смешение функциональных, формальных и нормативных (правовых) составляющих оперативного и следственного инструментариев. Таким способом правоприменительное сообщество пытается хоть как-то нивелировать возникший дисбаланс и диссонанс устаревших уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных норм и изменившихся реалий (условий и обстоятельств) их прикладного применения.

Однако благие намерения нормотворцев и правоприменителей, а также реальная действительность, внося свои отдельные и зачастую разрозненные функционально-правовые коррективы в имеющиеся инструментарии ОРД и уголовного процесса, не столько придают им искомые (ожидаемые) качества, присущие противоположному инструментарию, сколько нивелируют собственные имеющиеся. Отсутствие необходимости участия понятых в следственном действии не делает его автоматически оперативно-розыскным мероприятием, со свойственным ОРД высоким вариативным потенциалом, а близкое к процессуальному документальное оформление оперативно-розыскного мероприятия не придает ему автоматически доказательственного статуса следственного действия. Очевидно, что затраченные усилия не оправдывают возлагаемых надежд и не приводят к ожидаемым результатам, оставляя ситуацию в положении *status quo ante*[1]. При этом в попытках придания одному инструментарию сущностных специфических особенностей другого «размывается» функциональная уникальность обоих.

В настоящее же время нормотворцы и правоприменители, столкнувшись с проблемами, порожденными эволюцией социума и техническим прогрессом, пытаются улучшить (а именно – универсализировать) оба инструментария не рациональной научно обоснованной оптимизацией (в виде улучшения уже имеющихся качеств или придания недостающих) каждого из них в отдельности и не синтезом нового, обладающего одновременно уникальностью и достоинствами обоих (след-

[1] Положение, существовавшее ранее.

ственного и оперативно-розыскного), а вульгарным сложением внешних качеств одного и другого, способным привести лишь к созданию «малоэффективных примитивных гибридов оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий» – изначально мертворожденных функционально-правовых мутантов. А осуществление всего вышеизложенного в обстановке правовой и легитимно-терминологической неопределенности еще более усугубляет и обостряет противоречия.

Яркими примерами могут служить до сих пор не нашедшие своего юридического разрешения «двойственные» статусы таких аналогичных (фактически – идентичных) друг другу ОРМ и следственных действий, как «прослушивание телефонных переговоров» и «контроль и запись переговоров», «отождествление личности» и «предъявление для опознания», «исследование предметов и документов» и «судебная экспертиза», «контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» и «наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка», что отражено в длящейся острой научной (но, к сожалению, безрезультатной) полемике правоведов [5, с. 88–93]. Фактически одни и те же функциональные действия (выполняемые в одних и тех же условиях, а порой одним и тем же субъектом) признаются диаметрально противоположными по своему процессуальному статусу. В итоге результаты оспариваются сторонами, с взаимными упреками в некомпетентности, затягиванием хода следствия или рассмотрения дела в суде и т. д. К тому же на фоне защиты прав человека и гражданина и попыток оптимизации судебной системы имплементируемые в реальную жизнь требования к процедуре получения и оценки данной информации все более нивелируют функциональную разницу между рассматриваемыми аналогичными ОРМ и следственными действиями, оставляя крайне актуальным и нерешенным вопрос о необходимости наличия двух практически одинаковых инструментариев.

Справедливости ради считаем необходимым отметить, что, на наш взгляд, попытки оптимизации инструментария судопроизводства носят все-таки б**о**льшую направленность на оперативно-розыскные мероприятия. Отчасти это можно связать с традиционной (хотя и не бесспорной) консервативностью уголовного процесса и отсутствием законодательной регламентации проведения оперативно-розыскных мероприятий, чего нельзя сказать о следственных действиях. Но в то же время, признавая насущную необходимость изменений, научное сообщество и законодатель пока еще не могут (или не хотят) найти оптимальные пути решения этой проблемы. Как отмечает профессор В. В. Кальницкий, «в силу внутренней противоречивости подходов теория не дала согласованных обобщающих рекомендаций ни законодателю, ни суду как основному потенциальному потребителю оперативно-розыскной информации» [3, с. 71]. И в итоге правоприменители в лице сотрудников оперативных подразделений вынуждены приспосабливать имеющийся отчасти устаревший и оттого полулегитимный оперативно-розыскной инструментарий под изменившиеся (в чем-то отставшие, а в чем-то ушедшие вперед) социально-правовые и технологические реалии. А правовой и функциональный статус имеющегося инструментария регулярно подвергается критике (нередко объективной и правомерной) с негативными последствиями как для полученных результатов, так и для исполнителей, не виноватых в создавшихся несоответствиях и противоречиях и вынужденных работать с тем, что имеют.

Казалось бы, формально правы представители процессуальной школы, что «правосознание юристов не желает воспринимать результаты ОРД в качестве доказательств потому, что информацию получают в результате иной по юридической природе деятельности, существующей параллельно как равная уголовному судопроизводству. Если юридическая природа разная, то и юридическая природа результатов разная, и, как следствие, результаты с разной юридической природой не могут быть использованы для обоснования выводов в иной деятельности. Уголовное судопроизводство в силу своего консерватизма и процедурности (формальности) воспринимает в качестве доказательств сведения, полученные только в рамках данной процедуры» [1, с. 64]. Возможно ли подобный аргумент считать основанием к игнорированию когнитивных возможностей ОРД, отказу от дальнейших попыток синтеза единого инструментария (либо радикального усовершенствования существующих) и отрицанию самой возможности реформирования процесса? Подобное утверждение при всей своей правоте представляется полемичным.

В случае действительно такого радикального консерватизма уголовного процесса следовало бы до сих пор слепо придерживаться вполне традиционных и консервативных для своего времени процессуальных норм, а именно обычаев «Русской правды» – испытания водой и огнем (аналогов ордалий)[2]. Однако никому из со-

[2] Орда́лии (от англосакс. *ordol*, лат. *ordalium* – «приговор», «суд») – в широком смысле то же, что и «Божий суд»; в узком – суд путем испытания огнем и водой. Ордалии считаются одним из видов архаического права, впервые подобные испытания упоминаются еще в законах Хаммурапи. При испытании водой нужно было достать кольцо из кипятка, прыгнуть в реку с быстрым течением, испытуемого опускали в холодную воду связанным и т. д. Испытание огнем состояло в том, что испытуемый должен был держать руки на огне,

временных процессуалистов подобное не придет в голову, ибо общество и право давно пережили это и вышли на иной уровень своего развития. Так почему же вчера мы были готовы признать устаревшим позавчерашнее и отказаться от него, а сегодня боимся и не хотим признать устаревшим вчерашнее и взять на вооружение сегодняшнее с перспективой хотя бы на ближайшее будущее. Где те временны*е* или иные критерии процессуальных институтов, выявив и оценив которые правоведы согласятся с тем, что они (процессуальные институты, принципы, положения и постулаты) уже устарели или по иным основаниям подлежат отмене, замене, обновлению и пр. При этом ведь речь идет не о полном и тотальном отказе от всех фундаментальных основ и достижений уголовного процесса как социально-правового феномена, а лишь о разумной оптимизации инструментария в соответствии с социально-правовыми изменениями жизни общества и государства. Авторы согласны с тем, что представителям и приверженцам традиционных процессуальных и оперативно-розыскных школ тяжело осознавать возможность столь радикальных изменений и даже ломки устоявшихся фундаментальных представлений, основ и базисных принципов своих дисциплин [3, с. 45].

Мы полагаем, что правовая ситуация на нормативно-функциональной границе уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности в ближайшей перспективе останется нестабильной. Предложения об универсализации оперативно-следственного инструментария постоянно звучат из уст современных ученых. Так, например, в 2015 г. в Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации [2] авторским коллективом предложены тайные (негласные) следственные действия, основанные на применении скрытых либо зашифрованных средств и методов, когда доказательственную информацию не представляется возможным получить путем производства гласных следственных действий. Они должны реализовываться следователем, в том числе агентом под прикрытием, на любой стадии уголовного производства, но вне зала судебного заседания и без информирования заинтересованных лиц, по постановлению следственного судьи либо с санкции прокурора для раскрытия и расследования по общему правилу тяжкого или особо тяжкого преступления, получения фактических материалов для изобличения преступника, обоснования и поддержания обвинения против обвиняемого.

Несмотря на дискуссионность отдельных вышеприведенных предложений, считаем, что этот процесс реально происходит на наших глазах. Не секрет, что ряд следственных действий уже получил некоторые качества ОРД – упрощенность проведения, оперативность, частичную негласность, что нужно оценить как несомненное достижение, хотя и недостаточное, не устраняющее проблему целиком. Но в то же время эта перемена спровоцировала прямое дублирование функций ОРМ и крайне нерациональное использование кадрового и функционально-технического потенциала: изначально предназначенные для решения этих же самых познавательных задач оперативные сотрудники и ОРМ остаются в стороне, полученные результаты по-прежнему оцениваются как недопустимые, а наработанные десятилетиями оперативный опыт и результативные тактики просто утрачиваются со временем и бездействием.

Достаточно посмотреть и оценить современную практику проведения таких следственных действий, как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), и становится понятно, что фактически в уголовный процесс уже внедрены технологии получения информации, свойственные исключительно ОРД.

Применение ст. 193 УПК РФ «Предъявление для опознания» допускает опознание лица по фотографии и/или в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, а негласный характер процедуры санкционирования отдельных следственных действий (ст. 165 УПК РФ) допускает рассмотрение ходатайства единолично судьей, участие в заседании ограниченного круга лиц – прокурора и следователя (без подозреваемого или обвиняемого и его представителя) и т. п.

Как результат – одновременное наличие двух (оперативного и следственного) конкурирующих между собой инструментариев с аналогичными познавательными возможностями, сравнимыми ресурсозатратами, но спорными (а порой полярно противоположными) доказательственными перспективами результатов. В итоге процессуальный инструментарий попрежнему все еще не имеет (и потому не реализует) скорости и конспиративности оперативного, а тот, в свою очередь, постепенно становится менее востребован и результативен, теряет практику и вместе с ней наработанный опыт и эффективность. Очевидно, что позитивные по своей природе и ожидаемым целям намерения повлекли не только реальные положительные и прагматичные изменения функционала, но и невольную частичную его деградацию.

проходить через горящий костер, держать руками раскаленное железо. Выдержавший эти испытания признавался оправданным, не выдержавший – виновным. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ордалии (дата обращения: 02.06.2020).

Список литературы:

1. *Баранов А. М.* Использование результатов негласных способов собирания доказательств в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2007. № 8.
2. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А. С. Александрова. М., 2015.
3. *Кальницкий В. В.* Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избранные труды. Омск, 2016.
4. *Маркушин А. Г.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
5. *Павличенко Н. В., Самоделкин А. С.* Негласность в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 3 (22).
6. *Тамбовцев А. И., Долгошеин П. С.* Специфика компетентностного обучения и подготовки миротворцев ООН к мониторингу за деятельностью местной полиции страны пребывания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72).

Для цитирования:

Павличенко Николай Владимирович, Тамбовцев Андрей Иванович. Создание оперативно-следственного инструментария: успехи законодателя и проблемы правоприменителей // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 156–162.

References:

1. *Baranov A. M.* Ispol'zovanie rezul'tatov neglasnyh sposobov sobiraniya dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 8.
2. Doktrinal'naya model' ugolovno-processual'nogo dokazatel'stvennogo prava Rossijskoj Federacii i kommentarii k nej / pod red. A. S. Aleksandrova. M., 2015.
3. *Kal'nickij V. V.* Voprosy teorii i praktiki ugolovnogo sudoproizvodstva: izbrannye trudy. Omsk, 2016.
4. *Markushin A. G.* Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2013.
5. *Pavlichenko N. V., Samodelkin A. S.* Non-public character of operational search activities // Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2012. № 3 (22).
6. *Tambovcev A. I., Dolgoshein P. S.* Specifika kompetentnostnogo obucheniya i podgotovki mirotvorcev OON k monitoringu za deyatel'nost'yu mestnoj policii strany prebyvaniya // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2018. № 1 (72).

For citation:

Pavlichenko Nikolay Vladimirovich, Andrey Ivanovich Tambovtsev. Creating operational investigative tools: the success of the legislator and the problems of law enforcement // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 156–162.

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ТИТУШКИНА,
заместитель начальника
кафедры уголовной политики,
кандидат юридических наук, доцент
Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул.
Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: alenchik@mail.ru

ЯРОСЛАВ ГРИГОРЬЕВИЧ ИЩУК,
доцент кафедры уголовной политики,
кандидат юридических наук
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: yar-vyatka@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

УДК 34.343

Дата поступления: 14 сентября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

ELENA YUR'EVNA TITUSHKINA,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Criminal Policy
Management Academy of the Ministry of the Interior
of Russia Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: alenchik@mail.ru

YAROSLAV GRIGOR'EVICH ISHCHUK,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Criminal
Policy Management Academy of the Ministry of
the Interior of Russia Russian Federation, 125171,
Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: yar-vyatka@yandex.ru

Scientific specialty:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Criminal Executive Law.

Комплексная оперативно-профилактическая операция: проблемы правового закрепления

Complex Operational and Preventive Operation: Problems of Legal Consolidation

Аннотация

Актуальность: настоящее исследование обусловлено непрерывным процессом совершенствования законодательства, устранением его пробельности и рассогласованности отдельных разноуровневых и одноуровневых правовых актов.

Постановка проблемы: необходимость гармонизации норм Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» с отдельными разноуровневыми и одноуровневыми правовыми актами: Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-Ф «О полиции», приказами МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», от 13 августа 2002 г. № 772 «О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России в части проведения комплексных оперативно-профилактических операций».

Цель исследования: развитие научного по-

Annotation

Relevance: this study is due to the continuous process of improving legislation, eliminating its gaps and inconsistency of individual multi-level and single-level legal acts.

The problem statement: the need to harmonize the norms of Federal law № 182-FZ of June 23, 2016 «On The Basics of the State System of Crime Prevention in the Russian Federation» with separate multi-level and single-level legal acts: Federal law № 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police», orders of the Ministry of internal Affairs of Russia of January 17, 2006 № 19 «On the Activities of Internal Affairs Bodies for the Prevention of Crimes», of August 13, 2002 № 772 «On Improving the Organization of Complex Operational and Preventive Operations in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Terms of Conducting Complex Operational and Preventive Operations».

The aim of the research is to develop a scientific understanding of the legal nature and essence of complex operational and preventive operations and to develop scientifically based proposals for their legal support.

нимания правовой природы и сущности комплексных оперативно-профилактических операций и разработка научно обоснованных предложений по их правовому обеспечению.

Методы исследования: диалектический, формально-логический, формально-юридический, экспертных оценок, контент анализ и др.

Результаты и ключевые выводы: проведенное исследование выявило целесообразность установления в законодательном акте понятия «комплексная оперативно-профилактическая операция» и его определения как формы организации оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и ее правового статуса.

Ключевые слова: *профилактика преступлений и правонарушений; субъекты профилактики; комплексная оперативно-профилактическая операция.*

The research methods: dialectical, formal-logical, formal-legal, expert assessments, content analysis, etc.

The results and key conclusions: the study revealed the feasibility of establishing the concept of «complex operational and preventive operation» in the legislative act and its definition as a form of organization of operational and official activities of the internal Affairs bodies of the Russian Federation and its legal status.

Keywords: *prevention of crimes and offenses; subjects of prevention; complex operational and preventive operation.*

При этимологическом и сущностном анализе категории «комплексная оперативно-профилактическая операция» (с точки зрения криминологической науки) была выявлена проблема, касающаяся определенной терминологической рассогласованности норм «профилактического» законодательства, которые приводят к различному пониманию субъектами, реализующими профилактическую функцию, содержания комплексной оперативно-профилактической операции, подмены целей и задач данного мероприятия. Однако мы полагаем, что разобраться в понятиях очень важно, поскольку за терминами стоит определенный вид деятельности. При рассогласованности понятий сложно ожидать от различных субъектов профилактики единых действий при осуществлении взаимодействия в рассматриваемой сфере, даже и направленных к одной цели. Ведь в силу непонимания сущности этой деятельности ее результаты могут не соответствовать поставленным целям.

Так, ключевое понятие в данной категории «Профилактика» можно встретить в различных правовых документах «антикриминального законодательства», однако везде оно имеет разный смысл: предупреждение, противодействие, предотвращение, превенция и т. п. [4, с. 93] (необходимо также отметить, что часть авторов использует данные термины, не задумываясь об их разграничении). В некоторых случаях эти термины имеют одинаковое содержание, в некоторых – разное [6, с. 4–19; 9]. Так, Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[1] (далее – ФЗ № 182) и Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (далее – Инструкция), утвержденная приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (далее – приказ МВД России № 19), закрепляют разные понятия: «профилактика правонарушений» и «предупреждение преступлений», однако в их основу закладывают одинаковое смысловое содержание, которое сводится к четырем основным составляющим: 1) специальные меры; 2) субъекты; 3) устранение причин и условий преступлений; 4) профилактическое воздействие на лиц с антиобщественными установками.

Само понятие «правонарушения», отраженное в ФЗ № 182, как преступление или административное правонарушение, представляющее собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность, вызывает обоснованное недоумение, поскольку в него не попал такой обязательный признак преступления, как общественная опасность. Понятно, что авторами рассматриваемой нормы данный признак проигнорирован, поскольку именно он отличает преступление от административного правонарушения, а им было необходимо унифицировать понятие. Однако стоило ли это делать за счет игнорирования материального признака преступ-

[1] Об основах государственной системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2020).

ления, который был установлен отечественной наукой уголовного права еще в XIX в., тем самым внося очередную путаницу в сознание как научного работника, так и правоприменителя?

Что касается определений профилактики и предупреждения, то из содержаний рассматриваемых нормативных актов очевидно, что закон сводит профилактику только к совокупности мер профилактического воздействия. Приказ МВД России № 19 формулирует сущность предупреждения с точки зрения управленческой науки как деятельность: определение целей, задач, обработка информации, выработка и принятие решения, выполнение его, контроль за выполнением, оценка результатов с целью корректировки дальнейшей деятельности. Таким образом, содержание деятельности по предупреждению преступлений можно рассматривать как широкий комплекс мероприятий [7, с. 254–255], начиная с определения объекта профилактического воздействия, разработки и принятия необходимых нормативных правовых актов, упорядочивающих общественные отношения в данной сфере, разработку программ борьбы с преступностью и т. д., вплоть до применения конкретных мер к конкретным лицам, обладающим криминогенными или виктимогенными особенностями.

Кроме того, отметим, что криминологическая наука определяет деятельность по предупреждению преступлений шире, чем профилактику, добавляя к ее содержанию предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также пресечение покушения на них. Фактически содержание предупреждения преступлений органами внутренних дел в приказе МВД № 19 идентифицируется с ее теоретической идеей. Уточним, что закон внес в понимание рассматриваемого вопроса определенную путаницу, включив предупреждение к направлениям профилактики (ст. 6).

Развивая проблематику рассматриваемого вопроса, невозможно обойти стороной и содержание Инструкции по организации проведения органами внутренних дел комплексных оперативно-профилактических операций и оперативно-профилактических мероприятий. Так, целями операции, оперативно-профилактического мероприятия являются в том числе повышение эффективности деятельности органов внутренних дел по предупреждению и пресечению преступлений, активизация выявления и розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда.

Таким образом, проанализировав содержание Инструкции, мы приходим к выводу, что ее авторы заложили в понятие профилактики предупреждение, пресечение и даже противодействие (розыск лиц) преступлениям, что с точки зрения криминологической науки в корне неверно! И по своему содержанию такие операции являются не профилактическими, а предупредительными, включающими в себя профилактический компонент. Более того, розыск лиц – это уже следующий этап деятельности по противодействию преступлениям, поскольку совершенно очевидно, что преступление уже совершено и профилактировать уже нечего. Конечно, в контексте предупреждения рецидивной преступности розыск лиц возможно рассматривать в качестве одного из составляющих направлений, но это уже отдельная научная дискуссия.

Это первая проблема, выявленная в ходе исследования.

Далее остановимся на терминах, которые обозначены в правовых актах МВД России. Так, Инструкция обозначает следующие категории:

– оперативно-профилактическая операция;

– оперативно-профилактическое мероприятие (комплексные, целевые);

– профилактическое мероприятие;

– мероприятие по предупреждению преступлений;

– индивидуально профилактическое мероприятие.

В приказе МВД России от 13 августа 2002 г. № 772 «О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России» (далее – приказ МВД России № 772) установлено, что:

1) комплексная оперативно-профилактическая операция – это совокупность оперативно-розыскных, контрольно-надзорных и иных мероприятий, осуществляемых органами внутренних дел в соответствии с законодательными и иными нормативными актами Российской Федерации по единому замыслу для достижения конкретной цели[2];

2) оперативно-профилактическое мероприятие – согласованные по срокам и решаемым задачам действия органов внутренних дел, подразделений органов внутренних дел, осуществляемые в соответствии с законодательными и иными нормативными актами Российской Федерации в рамках повседневной оперативно-служебной деятельности[3].

Три других категории (профилактическое мероприятие, мероприятие по предупреждению преступлений, индивидуально профилактическое мероприятие) на ведомственно-правовом уровне не отражаются. Более того, все пять категорий не находят своего закрепления и на государственном уровне, хотя приказ МВД России № 772 указывает на возможность проведе-

[2] О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России: приказ МВД России от 13 августа 2002 г. № 772.

[3] Там же.

ния оперативно-профилактических операций, мероприятий на межведомственном и даже на межгосударственном уровнях.

Кроме того, отсутствие четкого законодательного отражения указанных категорий зачастую приводит к их неправильной трактовке и подмене одних другими.

Вышеуказанные обстоятельства требуют законодательного закрепления и четкого обозначения сущности данных категорий, их разграничения и определения критериев их проведения.

Для решения указанной задачи необходимо обратиться к ранее обозначенным теоретическим концепциям. Так, термин «борьба с преступностью» закреплен в ст. 114 Конституции Российской Федерации, ряд авторов рассматривают его как наиболее широкое понятие, включающее в себя все виды деятельности государства и общества, обусловленные существованием преступности, как объективного, относительно массового негативного социально-правового явления. Однако другая часть авторов говорит об обратном взаимоотношении этих понятий и этому спору способствует «законодательная невнимательность», которая создает терминологическую путаницу. Так, Федеральный закон «О противодействии коррупции» (п. 2 ст. 1) [4] указывает, что борьба – это одно из направлений противодействия.

Термин «противодействие преступлениям» включает в себя выявление, расследование, поиск виновных и доказательственной базы с последующей передачей обвиняемых суду и дальнейшей постпенитанциарной профилактикой.

Предупреждение преступлений рассматривается как система мер по недопущению преступлений, реализуемых определенными субъектами, посредством выявления и устранения причин и условий преступлений (профилактика), предотвращения замышляемых и подготавливаемых преступлений, пресечения покушения на них, а также продолжаемой преступной деятельности [3, с. 9].

В нормативных документах и научной литературе, наряду с термином «предупреждение», встречаются и такие как: «профилактика», «предотвращение», «пресечение». В криминологических работах существует позиция, согласно которой названные категории входят в понятие «предупреждение преступлений» [1, с. 333–335], о чем мы уже говорили выше, присоединяясь к указанной позиции.

Предотвращение предполагает своевременное обнаружение действий приготовительного характера (ч. 1 ст. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации) или замышления их. Важность последнего определяется тем, что хотя обнаружение умысла, как известно, не является основанием для реализации уголовной ответственности, однако осуществление эффективных предупредительных мер на этой стадии способно не дать развиться преступному умыслу и не допустить преступлений. Пресечение есть реагирование на уже начавшееся преступное поведение прежде всего в стадии покушения, т. е. на действия, непосредственно направленные на воздействие на объект преступления, выполнение объективной стороны [10, с. 78]. Добавим, что существует научный спор по поводу отнесения «пресечения» к стадии предупреждения преступлений, который не обошел стороной и авторов настоящей статьи. Суть данного спора сводится к следующему. Первая позиция: «учитывая, что в этом случае не допустить преступление не удалось, поскольку виновный уже начал воздействие на объект уголовно-правовой охраны, сложно говорить и о предупреждении». Логично вывести вид деятельности, определяемый термином «пресечение», за пределы деятельности, охватываемой понятием «предупреждение», которое, подчеркнем еще раз, по авторской позиции является более широким, чем противодействие[5]. Вторая позиция: «отождествляя стадию пресечения со стадией покушения на преступление, мы можем говорить о ненаступлении общественно опасных последствий (к примеру смерть гражданина), а значит, в определенной степени предупредительная функция сработала и, соответственно, пресечение является элементом предупреждения»[6].

Понятие «профилактика преступлений» используется в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова под профилактикой следует понимать недопущение конкретных преступлений, «предохранение отдельных членов общества от совершения ими правонарушений, виновных противоправных деяний, представляющих собой преступления». В узком смысле слова под профилактикой предлагается понимать деятельность, во-первых, по выявлению причин преступлений, условий и обстоятельств, способствующих их совершению (этот смысл вытекает и непосредственно из ФЗ № 182); «во-вторых, по выявлению лиц, намеренных совершить преступление (в силу их антиобщественной направленности), и проведению с ними необходимых мероприятий» [1, с. 339]. Кроме того, в контексте работы необходимо отметить, что профилактика преступлений представляет собой систему, включающую определенные уровни и виды (рис.).

[4] О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2020).

[5] Позиция автора статьи Е. Ю. Титушкиной.

[6] Позиция автора статьи Я. Г. Ищука.

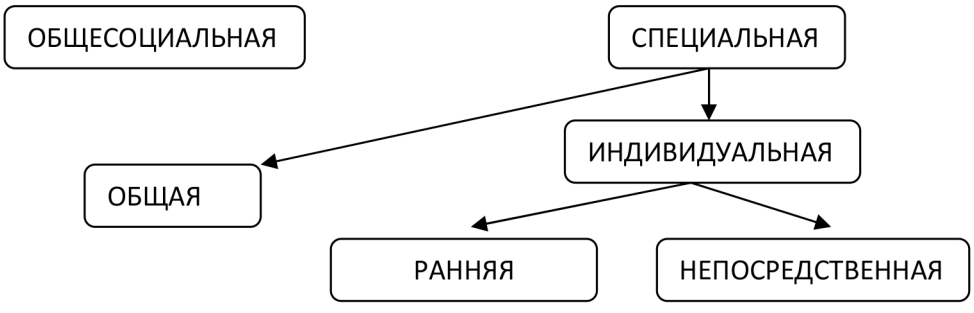

Рисунок. Уровни и виды профилактики

Таким образом, следует резюмировать, что:

1. Мероприятие по предупреждению преступлений – это максимально широкая категория. Данное направление деятельности может включать в себя мероприятия профилактического характера, мероприятия, направленные на пресечение преступлений, а также мероприятия по предотвращению преступлений.

2. Профилактическое мероприятие – это мероприятие, проводимое должностными лицами (сотрудниками) органов внутренних дел на постоянной (каждодневной) основе в рамках служебной деятельности, которое определяется приказами МВД России, должностными инструкциями и т. п.

3. Индивидуально профилактическое мероприятие – это мероприятие, проводимое должностными лицами (сотрудниками) органов внутренних дел на постоянной (каждодневной) основе в рамках служебной деятельности, которое определяется приказами МВД России, должностными инструкциями и направлено на оказание профилактического воздействия в отношении конкретного субъекта.

Приказ МВД России № 772 определяет правовые основания проведения оперативно-профилактического мероприятия или операции.

4. Оперативно-профилактическое мероприятие проводится в соответствии с планами основных организационных мероприятий (планами работы) органов внутренних дел (плановые) или по мотивированным предложениям заинтересованных подразделений органов внутренних дел (внеплановые) согласно письменному решению, выраженному в виде распоряжения (указания, плана).

5. Оперативно-профилактическая операция проводится на основании приказов: МВД России; ГУ МВД России; УТ МВД России по федеральному округу; ЛУ МВД России на транспорте; начальника территориального органа МВД России на региональном уровне.

Инструкция комплексных оперативно-профилактических операций (далее – КОПО) определила, что участие органов внутренних дел в подготовке и проведении совместных и (или) согласованных операций и оперативно-профилактических мероприятий с органами и подразделениями иных федеральных органов исполнительной власти, а также с правоохранительными органами иностранных государств, в том числе государств – участников Содружества Независимых Государств, организуется в соответствии с положениями настоящей Инструкции и по согласованию с ними.

Таким образом, Инструкция о проведении КОПО дает правовое основание участия в КОПО органов внутренних дел, но она не может распространять свою юридическую силу на другие субъекты профилактик, более того, единый правовой акт, который бы давал возможность проведения КОПО субъектам профилактики, отсутствует.

Следовательно, существует необходимость закрепления на законодательном уровне понятия «комплексная оперативно-профилактическая операция» в качестве формы осуществления оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и ее содержания. Именно правовое обеспечение является исходным моментом организации предупреждения преступлений [5], без которого вряд ли следует ожидать инициативного участия лиц, в чьи обязанности подобная деятельность не вменена.

Анализ положений нормативных правовых актов Российской Федерации, в том числе федеральных законов от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 15 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, показал, что термин «КОПО» в них не употребляется.

Данный термин используется в нормативных правовых актах Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, как правило, лишь применительно к деятельности МВД России[7].

[7] Например, Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и проти-

В доступных для анализа международных документах используется термин «оперативно-профилактическая операция», а КОПО – лишь в контексте взаимодействия с МВД России, когда Министерство выступает в качестве основного организатора[8].

Смеем предположить, что институт КОПО восходит к комплексным профилактическим отработкам административных участков, существовавшим в 70–80 гг. прошлого века. Один из авторов настоящей статьи принимал непосредственное участие в этих мероприятиях, к которым привлекались представители не только всех заинтересованных подразделений милиции, но и представители исполкомов, отделов образования, экономики, комиссии по делам несовершеннолетних и т. д. В ходе данных отработок решались задачи как по выявлению и документированию преступлений и иных правонарушений, так и по осуществлению профилактических мероприятий самого широкого профиля, что обеспечивалось широким кругом участников. Следует отметить, что данный опыт сохранен в Республике Беларусь [2]. Принятие ФЗ № 182 открыло широкие возможности для привлечения к профилактической деятельности самого широкого круга субъектов. Так, в соответствии со ст. 5 вышеуказанного закона к субъектам профилактики правонарушений относятся: федеральные органы исполнительной власти; органы прокуратуры Российской Федерации; следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; органы государственной власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления.

Для закрепления правового статуса КОПО в системе МВД России и других государственных органов представляется целесообразным определить данный термин и его понятие на федеральном уровне применительно к вопросам организации правоохранительной деятельности, поскольку их проведение не охватывается ни одной формой профилактического воздействия, предусмотренной ФЗ № 182, при этом их предупредительный потенциал не подлежит сомнению.

Анализ законодательства Российской Федерации позволил представить следующие **возможные варианты решения задач** нормативного закрепления понятия «комплексная оперативно-профилактическая операция» в качестве формы осуществления оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации и ее правового статуса.

1. Внести в Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» изменения и дополнения в части регламентации понятия «комплексная оперативно-профилактическая операция», его определения и правовых основ проведения КОПО в качестве формы профилактического воздействия.

ФЗ № 182 предусматривает возможность осуществления профилактической деятельности в случае прямого закрепления соответствующих полномочий законодательством, регламентирующим деятельность субъектов профилактики правонарушений (ч. 4 ст. 16, ч. 2 ст. 17).

Эффективность КОПО может быть максимальной в том случае, когда в проведении их участвуют как сотрудники органов внутренних дел, так и представители иных субъектов профилактики, прежде всего – органов местного самоуправления, образования, социальной защиты и др. Мы вновь обращаем внимание на необходимость участия в профилактической деятельности максимально широкого круга лиц, причем не только субъектов, но и иных лиц, участвующих в соответствии с законом в профилактике, как на условие достижения максимальной ее эффективности. Это возможно при наличии соответствующей нормы в федеральном законодательстве, в связи с чем предлагается внести в Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» следующие изменения и дополнения:

1) дополнить ч. 1 статьи 17 пунктом 6.1 следующего содержания: «6.1) комплексная оперативно-профилактическая операция»;

2) в ч. 2 статьи 17 словосочетание «предусмотренных пунктами 2–6» изложить в следующей редакции: «предусмотренных пунктами 2–6.1»;

3) дополнить статьей 23.1 следующего содержания:

«Статья 23.1. Комплексная оперативно-профилактическая операция

1. Комплексная оперативно-профилактическая операция представляет собой комплекс правовых, организационных, информационных и иных мер профилактического характера, которые осуществляются в целях недопущения совершения преступлений на определенной территории при неблагоприятном прогнозе развития криминогенной обстановки или отдельных видов преступлений, с использованием возможностей различных субъектов профилактики правонарушений и лиц, в ней участвующих [8].

водействие преступности»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. IV). Ст. 2188.; О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства Российской Федерации от 30 марта 2018 г. № 366-13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.09.2020).

[8] Например, «... с санкции глав государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности проведены совместные оперативно-профилактические мероприятия в рамках операции «ПРОКСИ»; в рамках ОДКБ комплексной оперативно-профилактической операции «Канал».

2. Порядок проведения комплексной оперативно-профилактической операции устанавливается нормативными правовыми актами соответствующих субъектов профилактики правонарушений».[9]

Кафедрой уголовной политики Академии управления МВД России данная позиция была отражена в научно исследовательской работе. Она по-прежнему представляется нам убедительной и верной, поскольку в наибольшей степени соответствует интересам эффективной организации профилактики преступлений.

Следует особо отметить, что сотрудники УМВД России по Ярославской области высказывали мнение о том, что проведение КОПО предусматривает выявление, пресечение и раскрытие преступлений, а это относится исключительно к осуществлению оперативно-розыскной деятельности и, вероятно, находится за рамками предмета правового регулирования ФЗ № 182. Соответственно, было высказано отрицательное отношение к нормативному закреплению КОПО. Данная позиция представляется недостаточно аргументированной. При этом детальный анализ положений рассматриваемого закона позволяет прийти к выводу о целесообразности вышеуказанных изменений и дополнений, так как его нормы закрепляют:

– во-первых, понятие «правонарушение – преступление или административное правонарушение, представляющее собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность» (ч. 1 ст. 2) (спорность данного понятия может составить самостоятельный предмет дискуссии);

– во-вторых, в числе основных направлений профилактики правонарушений определено предупреждение правонарушений (п. 2 ч. 1 ст. 2);

– в-третьих, реализация основных направлений профилактики правонарушений осуществляется разнообразными методами, в частности, посредством применения специальных мер профилактики правонарушений, которые, в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляются путем применения мер административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и *оперативно-розыскного характера* (курсив наш – Е. Т., Я. И.) в целях предупреждения правонарушений (п. 9 ч. 2 ст. 6). Таким образом, предлагаемая норма полностью соответствует предмету данного закона.

[9] Данная позиция подавляющим большинством территориальных органов МВД России, представивших свое мнение (21 из 22), поддержана или не опровергнута.

Список литературы:

1. *Аванесов Г. А.* Криминология. М., 1984.
2. Бераставская газета. URL: Beresta.by/?p=32262 (дата обращения: 02.03.2020).
3. *Герасимов С. И.* Концептуалные основы и научно-теоретические проблемы предупреждения преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
4. *Петренко А. В.* О понятии предупреждения преступлений // Вестник МИЭП. 2011. № 1.
5. Правовые основы предупреждения преступлений: курс лекций. М., 2018.
6. Противодействие преступности на региональном уровне: история, современность, пути решения: монография / Э. Ю. Бадальянц, А. Ю. Беляков, А. Я. Гришко и др. / под общ. А. Я. Гришко. Рязань, 2020.
7. Сборник избранных лекций по криминологии/ под ред. Т. В. Пинкевич. М., 2020.
8. Система субъектов предупреждения преступления: понятие и элементы / Е. Ю. Титушкина // Научный портал МВД России. 2019. № 3.
9. *Фильченко А. П.* Предупреждение или пресечение? (Об альтернативности оперативно-разыскных решений в свете действующего уголовного законодательства) // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство:

References:

1. *Avanesov G. A.* Kriminologiya. M., 1984.
2. Berastavskaya gazeta. URL: Beresta.by/?p=32262 (data obrashcheniya: 02.03.2020).
3. *Gerasimov S. I.* Konceptualnye osnovy i nauchno-teoreticheskie problemy preduprezhdeniya prestuplenij: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2001.
4. *Petrenko A. V.* O ponyatii preduprezhdeniya prestuplenij // Vestnik MIEP. 2011. № 1.
5. Pravovye osnovy preduprezhdeniya prestuplenij: kurs lekcij. M., 2018.
6. Protivodejstvie prestupnosti na regional'nom urovne: istoriya, sovremennost', puti resheniya: monografiya / E. Yu. Badal'yanc, A. Yu. Belyakov, A. Ya. Grishko i dr. / pod obshch. A. Ya. Grishko. Ryazan', 2020.
7. Sbornik izbrannyh lekcij po kriminologii/ pod red. T. V. Pinkevich. M., 2020.
8. Sistema sub"ektov preduprezhdeniya prestupleniya: ponyatie i elementy / E. Yu. Titushkina // Nauchnyj portal MBD Rossii. 2019. № 3.
9. *Fil'chenko A. P.* Preduprezhdenie ili presechenie? (Ob al'ternativnosti operativno-razysknyh reshenij v svete dejstvuyushchego ugolovnogo zakonodatel'stva) // Ugolovnoe i operativno-razysknoe zakonodatel'stvo: problemy mezhotraslevyh svyazej i perspektivy sovershenstvovaniya: mater. IV Mezhvedomstvennoj

проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: матер. IV Межведомственной науч.-практ. конф. / отв. ред. В. П., Кувалдин. М., 2019.
10. *Шкабин Г. С.* Цели и задачи предупреждения преступлений в уголовном и оперативно-разыскном законодательстве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2.

nauch.-prakt. konf. / otv. red. V. P., Kuvaldin. M., 2019.
10. *Shkabin G.S.* Celi i zadachi preduprezhdeniya prestuplenij v ugolovnom i operativno-razysknom zakonodatel'stve // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2015. № 2.

Для цитирования:

Титушкина Елена Юрьевна, Ищук Ярослав Григорьевич. Комплексная оперативно-профилактическая операция: проблемы правого закрепления // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 163–170.

For citation:

Titushkina Elena Yur'evna, Ishchuk Yaroslav Grigor'evich. Complex operational and preventive operation: problems of legal consolidation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 163–170.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ШМОНИН,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики, доктор юридических наук, профессор
Северо-Западный институт (филиал)
университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Российская Федерация, 160000, г. Вологда,
ул. М. Ульяновой, д.18.
E-mail: shmonin@hovrino.net

ANDREJ VLADIMIROVICH SHMONIN,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics, North-Western Institute
(branch) University named after O. E. Kutafin
Russian Federation, 160000, Vologda,
M. Ulyanovoy St., 18
E-mail: shmonin@hovrino.net

БОРИС ВИКТОРОВИЧ БОРИН,
профессор кафедры криминалистики,
доктор юридических наук
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации
Российская Федерация, 125080,
г. Москва, ул. Врубеля, д. 12
E-mail: bvb007@yandex.ru

BORIS VIKTOROVICH BORIN,
Doctor of Law,
Professor of the Department of Criminology,
Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation
Russian Federation, 125080, Moscow, Vrubelya St., 12

E-mail: bvb007@yandex.ru

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ЗЕМСКОВА,
старший следователь по особо важным делам,
кандидат юридических наук
Следственный департамент МВД России
Российская Федерация, 125009, г. Москва,
ул. Большая Никитская, д. 10
E-mail: Lenazemskova69@mail.ru

ELENA NIKOLAEVNA ZEMSKOVA,
Candidate of Law, Senior Investigator for
Particularly Important Cases Investigative
Department of the Russian Interior Ministry
Russian Federation, 125009,
Bol'shaya Nikitskaya St. 10
E-mail: Lenazemskova69@mail.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.12 – Criminalistics;
Forensic Expertise;
Operational and Investigative Activities.

УДК 343.9:343.3

Дата поступления: 17 сентября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Предпосылки формирования криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд

Prerequisites for the Formation of Forensic Knowledge about the Investigation of Crimes In the Field Of Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs

Аннотация

Актуальность: исследование исторических тенденций, закономерностей и особенностей формирования криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд позволит лучше осознать уровень и объем познания современных проблем досудебного производства по делам данной

Annotation

The relevance: the study of historical trends, patterns and features of the formation of forensic knowledge about the investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs will allow you to better understand the level and scope of knowledge of modern problems of pre-trial proceedings in cases of this category and develop scientific provisions

категории и разработать научные положения, направленные на разрешение этих проблем. Такой подход даст возможность выработать наиболее оптимальные и достоверные средства логического и фактического обоснования результатов криминалистического познания, а также эмпирической и практической его проверки.

Цель исследования: определить исторические предпосылки формирования криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд с целью повышения эффективности разработки общих положений соответствующих частных криминалистических методик.

Методы исследования: общий диалектический метод познания, система общенаучных и частнонаучных методов познания, в том числе описательный, исторический, сравнительный, анализ и синтез.

Выводы: исследование исторических предпосылок формирования криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд позволяет выделить следующие этапы и свойственные им тенденции: I этап (IX–XVIII вв.) характеризовался накоплением эмпирических знаний под влиянием развития общественных отношений в сфере казенных подрядов и поставок, модернизацией способов совершения преступлений в данной сфере, изменения уголовного законодательства и следственной деятельности; II этап (XIX – начало XX вв.) – накоплением эмпирических знаний под влиянием сохранения на более высоком уровне реализации данных тенденций, перечень которых дополнился появлением и (или) становлением таких отраслей научного знания, как уголовное право, уголовный процесс, судебная бухгалтерия и др., что в своей совокупности предопределило появление криминалистики как науки о «реалях уголовного права», в рамках которой обозначились некоторые направления исследований проблем досудебного производства по делам о преступных деяниях в сфере казенных подрядов (поставок).

Ключевые слова: *формирование; знания; криминалистика; преступления; закупки; товары; работы; услуги; государственные нужды; подряд; поставки; история.*

aimed at solving these problems. This approach will make it possible to develop the most optimal and reliable means of logical and factual justification of the results of forensic knowledge, as well as empirical and practical verification.

The purpose of the study: to determine the historical background for the formation of forensic knowledge about the investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs in order to improve the effectiveness of the development of General provisions of relevant private forensic techniques.

The research methods: General dialectical method of cognition, a system of General scientific and private scientific methods of cognition, including descriptive, historical, comparative, analysis and synthesis.

The conclusions: the study of historical prerequisites for the formation of forensic knowledge about the investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs allows us to identify the following stages and their inherent trends: stage I (IX–XVIII centuries) was characterized by the accumulation of empirical knowledge under the influence of the development of public relations in the field of government contracts and supplies, modernization of methods of committing crimes in this area, changes in criminal legislation and investigative activities; Stage II (XIX-early XX centuries) – accumulation of empirical knowledge under the influence of maintaining at a higher level of implementation of these trends, the list of which was supplemented by the emergence and (or) formation of such branches of scientific knowledge as criminal law, criminal procedure, judicial accounting, etc., which in its entirety predetermined the emergence of criminalistics as a science of "real criminal law", within which some areas of research on pre-trial proceedings in cases of criminal acts in the field of state contracts (supplies) were identified.

Keywords: *formation; knowledge; criminalistics; crimes; purchases; goods; works; services; state needs; contract; deliveries; history.*

Предпосылки формирования криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее – преступления в сфере закупок) можно обнаружить в далекой древности, в период появления Древнерусского государства. Они связаны с зарождением отношений в сфере княжеских закупок. Так, в работе А. П. Шершова приводятся сведения

о покупке у племен кривичей военных судов русскими князьями и доставке их в Киев [24, с. 262]. Позже княжеская власть использовала закупки прежде всего для обеспечения вооружением и боеприпасами своих войск. Параллельно развивались торговые отношения. Центральным местом древнерусского города был «торг» («торговище», «торжище»). Торгами именовался вызов и сход в урочный день и час купцов или подрядчиков, поставщиков, торгующихся на заявленный предмет, повышая друг перед другом цену. Следовательно, предназначение торгов в то время было значительно шире, чем просто организованная торговля.

В Пространной Русской Правде также говорилось об оплате представителям строительных специальностей – городникам (ст. 90) и мосникам (ст. 91), что свидетельствует о зарождении строительного подряда для княжеских (государственных) целей.

Некоторые исследователи полагают, что закупки в форме личного найма, как близкого к подряду, были также известны Древнерусскому государству (например, ст. 39–41 Пространной Русской Правде) [20, с. 126].

Таким образом, существование на данном историческом этапе зачатков закупок товаров, работ, услуг (княжеские закупки военного и иного имущества, личный наем, торги и т. п.) для обеспечения или удовлетворения княжеских (государственных) нужд не вызывает сомнения. Очевидно, что до XVI в. элементы государственных (княжеских) закупок существовали в качестве обычая.

Нормативно-правовое закрепление закупок в форме строительного подряда обнаруживается в подрядных грамотах и записях, относящихся к 1547 г., периоду правления Ивана IV Грозного. С этого времени, очевидно, возникают правоотношения в сфере строительного подряда, что подтверждается наказом 1595 г. царя Федора I Иоанновича «О заготовлении материалов для строения Смоленской крепости» [1, с. 430].

Существование строительного подряда не исключало, а напротив, предполагало наличие иных форм царских (государственных) закупок, сопряженных с поставками хлеба, оружия, боеприпасов, обмундирования, фуража и т. п. [16, с. 793–796] Так, в период правления царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) был принят нормативный акт о публичном государственном заказе – Именном указе от 7 (21) июля 1654 г. «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей»[1]. Свидетельством о существовании во второй половине XVII в. казенного подряда (государственных закупок) является также Именной указ 1654 г. «О сборе хлебных припасов и денег для продовольствия ратных людей»[2].

Таким образом, можно утверждать, что ко второй половине XVII в. в нашей стране получили нормативное закрепление признаки закупок: поиск исполнителя для реализации заказа, имеющего признаки публичного характера; установление условий исполнения государственного заказа.

В XVII в. конкретные приказы отвечали за обеспечение отдельных государственных нужд (например, ямской приказ обеспечивал за счет казны подводами, поместный – покупку соли, а канцелярия оружейной палаты – оружия и припасов). В то же время государственные закупки в форме казенного подряда продолжали в основном регулироваться юридическими обычаями, что создавало предпосылки злоупотреблений в сфере закупок. Неслучайно в 1654 г. был создан и первый в России контролирующий финансовый орган – Приказ счета Большой Казны (Счетный приказ), который, в частности, должен был осуществлять финансовый контроль за закупками (поставками) для государственных нужд, учет которых велся в специальных книгах.

Период правления Петра I Великого (1682–1725 гг.), как известно, ознаменовался бурным развитием экономических, социальных, политических и иных общественных отношений. Широкое распространение царских закупок в петровские времена получило более детальную правую регламентацию[3],

[1] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее – ПСЗ-1). Т. 1. С. 490.

[2] ПСЗ-1. Т. 1. С. 762–770.

[3] Именной указ от 4 июля 1701 г. «О невзимании пошлин с товаров, поставляемых в Приказы по подряду, если в договорах о поставках содержится на том условия и о причислении с пошлин к сумме таможенных доходов» // ПСЗ-1 Т. 4. С. 171; Именной указ от 3 сентября 1702 г. «О писании в контрактах на перевоз казенных тяжестей и всяких припасов, что заключающий сей контракт обязуется взятые вещи доставить в надлежащее по договору место и сдать приемщикам в целости; о штрафах за неисполнение сей обязанности, и о взыскании за вещи утраченные и испорченные» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 199; Боярский приговор от 1 марта 1703 г. «О писании крепостей в книги, о взятии с них узаконенных пошлин; об отмене рядных и сговорных записей и писании вместо иных у крепостных дел росписей приданому, об условиях в подрядах на перевоз тяжестей, и о присылке из городов в Москву полугодичных перечневых ведомостей; о написанных крепостях в каждой писчей изб и о поступивших в приход пошлинах» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 214–215; Именной указ, объявленный из Ратуши Сибирскому приказу, от 19 ноября 1703 г. «О сборе таможенной пошлины с покупаемых в Амиралтейской и другие приказы пеньки, юфти, сала говяжьего, на том же основании, как оная сбирается с продажи и покупки между людьми» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 228–229; Именной указ, объявленный Бояриным Головиным в декабре 1704 г. «О незаключении частных условий без поручных записей, о употреблении гербовой бумаги, и о незаписке в таможенные книги долговых обязательств, данных вместо формальных крепостей на гербовой бумаги» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 275–276; Именной указ от 1 января 1705 г. «О продаже соли из казны, и статей о поставки оной подрядами» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 279-280; Именной указ, объявленный Генералу Кригс-Коммисару князю Долгорукову, от 15 октября 1707 г. «О писании всяких подрядных

дальнейшее развитие системы учета (появление бухгалтерского учета), контроля и ужесточение методов и форм борьбы с противоправными деяниями в соответствующей сфере общественных отношений.

С целью упорядочения казенного подряда Петром I принимались организационно-управленческие меры, включая создание контролирующих и следственных органов. Начиная с 1715 г., за организацию казенных подрядов и сбор недоимок с губерний стала отвечать Подрядная канцелярия или Канцелярия подрядных дел [19, с. 20–24]. 17 (31) марта 1917 г. Именным указом для надзора (обеспечения) государственного интереса при покупках и продажах казенного товара как в приказах, так и в губерниях была учреждена должность Гоф-Маклера[4]. 11 декабря 1719 г. учреждается Камер-коллегия[5], полномочная на заключение контрактов на поставку для государственных нужд (в казну товаров) и обеспечения подводами (транспортом) их перевозку [2, с. 34].

В случае выявления злоупотреблений в сфере казенного подряда контролирующие органы, по отдельному поручению Петра I, могли осуществлять следствие. Вместе с этим начинается формирование системы специализированных органов борьбы со злоупотреблениями прежде всего в казенной сфере. Наряду с органами государственной власти Петр I пытался создавать специализированные органы – фискальную службу, следственные органы, а позже прокуратуру. Известно, что в период 1712–1714 гг. фискалы выявили многочисленные деяния в сфере закупок для государственных (казенных) нужд служащих Мундирной канцелярии, хищения казенных денег должностными лицами Военного приказа и губернской канцелярии Санкт-Петербурга, а также злоупотребления, в том числе в с сфере закупок, совершенные белозерским комендантом В. Н. Римским-Корсаковым и важским комендантом Д. А. Соловьевым.

В то же время, какие бы злоупотребления в сфере закупок (казенных подрядов) фискалы не выявляли, какое бы упорство они ни демонстрировали в информировании Петра I и Правительствующего Сената, эффективность борьбы с этими преступлениями была низкой. Расследование дел о преступлениях в сфере государственных закупок, как правило, было длительным (волокитилось), а судебные приговоры по таким делам были редкими. Обозначенные проблемы создали предпосылки для создания Петром I «маэорских» (майорских) канцелярий как органов предварительного следствия, в обязанности которых входил сбор необходимой доказательственной базы для последующего судебного «безволокитного» следствия.

В частности, предварительное следствие по вышеуказанному делу «о подрядной афере», а также «счетному делу» генерал-фельдмаршала светлейшего князя А. Д. Меншикова царь поручил «маэорских» канцелярии гвардии подполковника князя Василия Владимировича Долгорукова [18, с. 49–55]. По делу было установлено, что А. Д. Меншиков, сенаторы В. А. Апухтин, Г. И. Волконский, вице-губернатор Я. Н. Римский-Корсаков и другие высшие должностные лица заключали посредством подставных лиц без проведения торгов по завышенным ценам контракты на поставку провианта и фуража.

В 1717 г. Петр I, удовлетворенный деятельностью следственных канцелярий (прежде всего канцелярии В. В. Долгорукова), принял решение о создании нескольких следственных канцелярий, деятельность которых создавала практическую базу для формирования знаний о расследовании преступлений в сфере государственных закупок.

В 1722 г. создается прокуратура[6]. Независимость органов прокуратуры от тех учреждений, при которых они создавались, в определенной степени способствовала реализации ими полномочий по наблюдению и контролю за их деятельностью, при этом обращая внимание на нарушения закона, злоупотребления, в том числе в сфере казенного подряда [8, с. 27].

Между тем выявление «подрядных афер» и других злоупотреблений обусловило необхо-

записей на разные поставки в армию у крепостных дел на гербовой бумаге» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 388–390; Именной указ, объявленный из Разряда, от 22 октября 1707 г. «О писании контрактов о подрядах на гербовой бумаге у крепостных дел и о недержании рабочий людей без поручных записей» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 390–391; Именной указ, объявленный из Разрядного, от 24 июля 17010 г. «О высылке из Губернии и городов в Санктпетербург работников 3000 человек с принадлежащими к их работе инструментами, и о сборе для них денег» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 527; Приговор Министров Ближней Канцелярии от 25 июля 1710 г. «О взимании с подрядчиков десятой доли из подрядной цены в Ямском приказе и пошлины с подрядных записей в приказ Крепостных Дел один раз, а не вдвое, и о выдаче им в том квитанций» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 527–529; Сенатский указ от 31 мая 1711 г. «О поставке соли с уступкою против прежних цепи по две и по одной деньги с пуда» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 686–687; Сенатский указ от 19 июня 1711 г. «О вызове подрядчиков для делания пороху и о привозе селитры для продажи в Москву» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 700-701; Сенатский указ от 30 августа 1711 г. «О надзоре за подрядчиками и мастеровыми при заготовлении на Монетном Дворе кружков для делании медной монеты» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 730–731; Сенатский указ от 31 августа 1711 г. «О приеме Архангельскому Вице-Губернатору у подрядчиков ефимков и меди и о присылке иных в Москву для денежного передела» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 731–732; Сенатский указ от 12 марта 1712 г. «О заключении подрядов на поставку для войска амуничных вещей, оружейных снарядов и провианта» // ПСЗ-1. Т. 4. С. 818–819 и др.

[4] ПСЗ-1. Т. 5. С. 490.

[5] Учреждение и Регламент Государственной Камер-Коллегии от 11 декабря 1719 г. // ПСЗ-1. Т. 5. С. 762–770.

[6] Указ Петра I от 27 апреля 1722 г. «О должности генерал-прокурора» // ПСЗ-1. Т. 6. № 3979.

димость принятия новых законодательных актов, направленных на предупреждение соответствующих преступлений[7]. Известное значение для обеспечения защиты интересов государства в сфере закупок (казенного подряда) имели Указ Правительствующего Сената от 21 (31) мая 1720 г. «О наказании за взятки и лихоимства»[8], а также Генеральный регламент, или Устав 1720 г.[9], определивший, в частности, ответственность государственных служащих за служебные преступления, а именно если они «против своей должности... погрешат, неотменно наказаны будут по важности дела» (ст. 2 гл. 50).

На протяжении всего XVIII в., после смерти Петра I, нормативная база казенного подряда и поставок, организация и меры борьбы с правонарушениями в сфере подряда существенно не изменялись.

Несмотря на принимаемые меры по организации и контролю за казенным подрядом, система обеспечения государственных нужд была подвержена преступным посягательствам. Отчасти эти преступления были спровоцированы недостатками правовой базы в сфере казенного подряда и поставок, чрезмерным вмешательством государства в данную сферу, а также неисполнением возложенных на должностных лиц обязанностей. В частности, на протяжении всего XVIII в. высшая государственная власть осуществляла непосредственное вмешательство в подрядные сделки, в том числе путем фиксации имен конкретных подрядчиков и цен в нормативных актах о поставке в казну тех или иных товаров, переноса сроков исполнения контрактов в связи с отсутствием на счетах заказчика необходимых денежных сумм.

Количественный рост преступлений в сфере закупок (казенных подрядов и поставок), совершенствование технологий их совершения, чему способствовали противоречивое и несистематизированное законодательство в соответствующей сфере, злоупотребления должностных лиц, отвечающих за обеспечение государственных нужд в товарах, работах и услугах, предполагали разработку государственных мер борьбы с такими правонарушениями (преступлениями). В частности, усилия государства были сосредоточены на совершенствование (правда разновекторное) петровской системы контролирующих органов, модернизацию уголовного законодательства, направленного в том числе на защиту складывающихся общественных отношений в сфере казенного подряда (закупок), а также организацию выявления, раскрытия и расследования преступных деяний, совершаемых в данной сфере.

Несмотря на упразднение Петром I следственных канцелярий (1724 г.), а также ликвидацию фискальной службы (1729 г.) [13, с. 362–363], производство по уголовным делам о преступлениях в сфере закупок (казенных подрядов и поставок) осуществляли создаваемые органами государственной власти для этих целей следственные комиссии. Результативность деятельности этих комиссий на протяжении всего XVIII в. оставалась низкой. Наряду с внутриполитическими, коррупционными и иными причинами неэффективности деятельности следственных комиссий по делам о преступлениях в сфере казенного подряда (поставок) следует указать на отсутствие у их членов юридического и (или) экономического (прежде всего бухгалтерского) образования и знаний, выражаясь современным языком, тактики и методики расследований преступных деяний данной категории.

В то же время XVIII в., особенно его вторая половина, стал периодом появления первых признаков зарождения в России научных отраслей знаний, в том числе юриспруденции и бухгалтерского учета, которые были необходимы для общественного развития. Так, были осуществлены первые попытки обобщить и систематизировать правовые нормы, регулирующие общественные отношения в Российской империи, в том числе в сфере государственного подряда и поставок, судопроизводства и т. п.

Формирование юриспруденции как науки главным образом происходило в Петербургской Академии наук и на юридических факультетах Санкт-Петербургского и Московского университетов. Одна из первых работ (руководств) по русскому праву для студентов академического университета была предпринята в 1750 г. профессором юриспруденции и политики Петербурской Академии наук Ф. Г. Штрубе де Пирмону. Руководство должно было состоять из двух книг. В четвертой части первой книги, в которой описывались правила, касающиеся суда, было девять глав: 1) «О судах вообще», 2) «О разных судах Российской империи», 3) «О делах в судах судимых, а особливо о обидах и преступлениях», 4) «О таможенном и вексельном суде и о реше-

[7] Именной указ от 25 августа 1713 г. «О пресечении грабительств в народных сборах, о платеже всяких податей вместе на четыре срока и о способах взыскании недоимок» // ПСЗ-I. Т. 5. С. 51–53; Указ Петра I от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» // ПСЗ-I. Т. 5. С. 135–136; Именной указ, объявленный из Правительствующего Сената 27 декабря 1714 г. «Об обязанности подрядчиков объявлять Правительствующему Сенату какие они подряды имеют или имели с казенными местами на поставку провианта и всяких прочих товаров и припасов» // ПСЗ-1. Т. 5. С. 136 и т. п.

[8] ПСЗ-I. Т. 6. С. 194.

[9] ПСЗ-I. Т. 6. С. 141–160.

нии дел по прошениям», 5) «О форме суда», 6) «О решении розыскных дел», 7) «О поступках и о неправдах в судных местах», 8) «О подозрительных судьях и апелляциях», 9) «О полюбовных примирениях и о третейском суде» [21, с. 107, 109]. Правитель академической канцелярии дал этому произведению, призванному служить руководством при изучении русского права, отрицательную оценку.

Работы С. Е. Десницкого, И. А. Третьякова, З. А. Горюшкина и других ученых XVIII в., под влиянием западноевропейской теоретической юриспруденции, создали фундамент дальнейшего развития отечественной юриспруденции в целом и отдельных ее научных отраслей (уголовное право, уголовный процесс и т. п.) в частности.

Вместе с тем с петровских времен, продолжила развиваться система бухгалтерского учета, которая способствовала контролю в сфере государственных закупок и зарождению во второй половине XIX в. науки бухгалтерского учета. В конце XVIII в. выходят первые книги по бухгалтерскому учету. Вначале переводные (например, «Ключ коммерции, или Торговли, то есть наука бухгалтерии, изъявляющая содержание книг и происхождение счетов коммерческих», переведенная с английского языка и издана в 1783 г. [12, с. 10]), а затем и отечественных авторов [23].

Таким образом, в рассматриваемый период появились объективные предпосылки для систематизации и упорядочения эмпирических знаний о расследовании преступлений в сфере казенного подряда и поставок, но уровень развития научного знания не позволял приступить к выработке наиболее оптимальных и достоверных средств логического и фактического обоснования познания эмпирического материала. Данные условия стали складываться в период первой половины XIX – начала XX в., когда в рамках социально-экономических отношений на базе развития законодательства, в том числе в сфере государственных закупок, бухгалтерского учета, уголовного, уголовно-процессуального и организационного построения контролирующих и правоохранительных органов, произошло зарождение криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок.

Так, в период правления Александра I (1801–1825 гг.), который характеризовался либерализацией внутренней политики, поиском реформ государственного устройства и системой законодательства [11, с. 43], было принято большое количество нормативных актов (около 170) по вопросам государственных (казенных) закупок, которые постоянно дополнялись и изменялись, что было вызвано пересмотром внешней и внутренней политики государства с учетом значительного расширения территорий Российской империи [17, с. 13–14]. Между тем, несмотря на принимаемые законодательные и организационные меры, в начале XIX в. массовый характер приобрели факты нарушений условий торгов, участия чиновников в казенных подрядах через подставных лиц, присвоения и растраты казенного имущества, а также получения подарков с целью «учинения или допущения чего-либо противоправного обязанностям службы»[10]. Как следствие, уголовному наказанию подвергались чиновники, которые допустили нарушения на отдельных этапах закупки (казенного подряда). За противоправные действия при приеме обозначенной в контракте продукции должностные лица, а также поставщики и подрядчики привлекались как к дисциплинарной, так и уголовной ответственности.

Правление Николая I (1825–1855 гг.) связано, с одной стороны, с усилением консервативных начал во внутренней политике, а с другой – дальнейшим совершенствованием государственного аппарата и законодательства. Так, с целью упорядочения действующих нормативных правовых актов Николай I принял участие в разработке единого положения, регламентирующего обязательства казны по подрядам и поставкам[11]. Кроме того, оно содержало нормы, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение конкурсных процедур (несвоевременное вскрытие запечатанных объявлений и т. п.), давление на других участников торгов, вступление чиновников в казенные подряды через подставных лиц (в том числе жен и детей), допуск к торгам недобросовестных исполнителей; приемку некачественно выполненных работ (поставку некачественных товаров); приписки при приемке работ [17, с. 14]. Но данное положение не распространялось на Военное ведомство. В связи с этим в 1838 г. специально было разработано Положение «О казенных заготовлениях ведомства Военного министерства»[12].

В целях систематизации действующего законодательства 31 января (12 февраля) 1833 г. Николай I издал манифест о введении в действие с 1 (13) января 1835 г. «Свода законов Российской империи» (15 томов), подготовленный известным государственным деятелем того времени М. М. Сперанским. Свод граж-

[10] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее – ПСЗ-2). Т. XX. Отдел 1. СПб., 1846. С. 679.

[11] Положение об обязательствах, заключаемых с торгов между казною и частными людьми по подрядам и поставкам // ПСЗ-2. Т. 5. Ч. 2 . С. 149.

[12] ПСЗ-2. Т. 13. Ч. 1. С. 348.

данских законов (ч. I т. X) содержал единое для подряда и поставки определение, в соответствии с которым «подряд или поставка есть договор, по силе которого одна из вступающих в оный сторон принимает на себя обязательства исполнить своим иждивением предприятие или поставить известного рода вещи, а другая, в пользу которой сие производится, учинить за то денежный платеж» (ст. 1737). В этом Своде, наряду с прочими предметами подряда, указывались «постройка, починка, переделка и ломка зданий и вообще производство всяких работ; перевозка людей и тяжестей сухим путем и водой» (ст. 1738).

Свод законов уголовных (т. 15) в статьях раздела V «О преступлениях чиновников по службе» закрепил в том числе уголовную ответственность за противозаконные поступки чиновников при заключении подрядов и поставок, приеме поставляемых в казну вещей и производстве публичной продажи.

В последующем такая ответственность была предусмотрена в статьях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение), содержащего составы преступлений об ответственности чиновников и иных должностных лиц за преступления в сфере казенных подрядов. В частности, должностные лица могли быть привлечены к ответственности за участие в казенных подрядах, в том числе от имени жены, детей или иных подставных лиц (ст. 514), преждевременное вскрытие запечатанных объявлений в ходе торгов (ст. 518), допуск к участию в торгах подрядчиков, не отвечающих установленным требованиям (ст. 520), приемку по неосмотрительности вещей, товаров, не сходных по качеству с образцами по договору (ст. 521), и другие злоупотребления в приемке результатов подряда и поставок (ст. 527–540). Вместе с тем Уложением была предусмотрена ответственность за сговор на торгах (ст. 1619).

В период правления Александра II (1855–1881 гг.), в рамках великих реформ (отмена крепостного права 1861 г., финансовая реформа 1863 г., земская и судебная реформы 1864 г. и т. п.), организация закупок становится очень четкой. Купцы и предприниматели ответственно исполняли свои обязательства перед государством. Система была настолько отлажена, что участники закупок могли не ходить лично в канцелярию, а отправлять заявку с нарочным, правда, необходимо было соблюсти положенные формальности. При этом проблемой того времени было неравное положение частных и казенных заводов при участии в конкурсах. Казенные заводы были освобождены от промыслового налога и штрафов при нарушении сроков выполнения заказа, поэтому они могли предложить убыточно низкие цены, ведь дефицит их бюджета компенсировался государством. Особенно этим злоупотребляли заводы Урала [10, с. 94].

Отметим, что в течение второй половины XIX в. положение закона о казенных подрядах и поставках неоднократно изменялось и дополнялось, в развитие его норм принимались специальные правила для отдельных ведомств: положения о заготовлениях по военному и морскому ведомствам 1867 и 1875 гг., Наказ по управлению морским ведомством 1886 г., Правила для Министерства путей сообщения в отношении строительства железных дорог, действовавшие с 1881 г., ведомственные уставы (например, Устав почтовый – для подрядов по содержанию почт) и др.

При правлении Николая II (1894–1917 гг.), характеризовавшимся противоречивыми тенденциями развития Российской империи (при общем экономическом подъеме нарастали социально-экономические противоречия, приведшие к революции 1905–1907 гг., Февральской и Октябрьской революции 1917 г.), было издано новое Положение о казенных подрядах и поставках 1990 г.[13], более системно регламентировавшее порядок государственных закупок.

В период Первой мировой войны (1914–1918 гг.) система закупок претерпела некоторые изменения в связи с необходимостью обеспечивать продовольствием действующую армию, численность которой постоянно увеличивалась.

В связи с ростом цен на продовольствие (по сравнению с 1913 г. цена на многие группы товаров к 1916 г. увеличились в три раза, а к 1917 г. – в 16–18 раз) к ноябрю 1916 г. сложилась чрезвычайная ситуация с заготовками. В рамках принимаемых государством мер 29 ноября 1916 г. управляющий министерства земледелия подписал постановление «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной».

Таким образом, эпизодическое вмешательство государства в дело продовольственного снабжения переросло в 1916 г. в принудительную разверстку хлебов.

Законодатель путем ужесточения санкций за злоупотребления и хищения продолжал бороться с преступностью в сфере казенного подряда и поставок (государственных закупок). Так, ответственность за злоупотребления в сфере казенных подрядов была конкретизирована в статьях глав I–XI раздела

[13] Свод законов Российской Империи: [издание 1876–1917 гг.]. СПб.: [б. и.], [1876–1917]. Т. 10. Ч. 1.

V Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в редакции 1885 г.), в том числе гл. VI «О мздоимстве и лихоимстве» этого раздела, а также Уголовного Уложения от 22 марта 1903 г.[14]

Совершенствование уголовного законодательства в сфере закупок продолжалось и позднее. Например, в мае 1916 г. был принят закон о наказании за деяния, заключающие в себе признаки подлога, мздоимства, лихоимства и особых злоупотреблений по подрядам и поставкам лицами, принадлежащими к составу общественных и частных организаций, учрежденных для удовлетворения вызываемых войной потребностей[15], дополнив гл. XI раздела V Уложения о наказаниях 1885 г. соответствующей нормой (ст. 505.1).

Анализ нормативных актов и складывающейся следственной практики XIX – начала XX вв. позволяет выделить наиболее типичные способы совершения преступлений в сфере закупок, связанные с полным или частичным невыполнением работ, использованием некачественных материалов при их выполнении, нарушением технологии и технических правил в ходе выполнения работ, нарушением процедуры торгов и фальсификации их результатов, участием в торгах подставных лиц, заключением договоров без намерения их исполнения.

Расследованием преступлений в сфере закупок в рассматриваемый период преимущественно занимались создаваемые, как и в XVIII в., органами государственной власти, в том числе губернскими, следственные комиссии, а после судебной реформы – судебные следователи.

На невысокие показатели следственной деятельности по делам о преступлениях в сфере закупок (казенного подряда и поставок) влияли, помимо внутриполитической обстановки в стране, реформирование правоохранительных органов, а также невысокая квалификация (уровень профессиональной подготовки) должностных лиц, которым поручалось производство предварительного следствия по данной категории дел. Последнее было сопряжено с отсутствием у этих должностных лиц (членов следственных комиссий, судебных следователей) как общей профессиональной подготовки, так и специальных знаний в разных областях научного знания, в том числе уголовного процесса, уголовного права, счетоводства, государственных закупок и т. п.

Справедливости ради следует отметить, что еще в первой половине XIX в. русскими правоведами было окончательно осознано, что для развития отечественной научной юриспруденции большее значение имеет история русского права и российская юридическая практика, чем идеи западноевропейских ученых-правоведов, чему способствовала проведенная под руководством М. М. Сперанского систематизация отечественного законодательства [21, с. 10]. Неслучайно в период 30-х – 50-х гг. появились первые отечественные работы, авторами которых были Я. Баршев, Е. Колоколов, В. Назнанский, Н. Орлова, А. Квачевский и другие ученые, систематизировавшие имевшие знания в области уголовного судопроизводства. В то же время, несмотря на все более широкое использование в расследовании преступлений микроскопических, химических и других научных методов, проблемы применения данных методов в уголовном судопроизводстве в целом и по делам о преступлениях в сфере закупок в частности не попадали в поле зрения ученых первой половины XIX в.

Судебная реформа 1864 г. и связанные с нею обстоятельства стимулировали российских правоведов на изучение российской юридической практики и разработку собственных, соответствовавших условиям русского общества, юридических доктрин и рекомендаций. Так, сложности, с которыми приходилось сталкиваться судебным следователям в ходе досудебного производства по преступлениям в сфере закупок (казенных подрядов и поставок), определяли необходимость в обобщении складывающейся практики и разработке соответствующих рекомендаций с учетом достижений науки и техники. Ответом на этот социальный заказ, как известно, стало возникновение новой отрасли научного знания – криминалистики.

Изучение работ перечисленных авторов позволяет сделать вывод, что в рамках зарождающейся новой отрасли научного знания уделялось внимание особенностям совершения преступлений экономической направленности и их расследованию. Так, в руководстве для судебных следователей Ганса Гросса, переизданного в России шесть раз (на протяжении тридцати лет), главное внимание уделено особенностям поведения некоторых категорий преступников, их языку и способам совершения преступлений, в том числе некоторым разновидностям мошенничеств. В частности, он писал: «Если обман совершен при поставке сукна, стекла, леса, хлеба, то С. С. (судебный следователь – *Авт.*)

[14] Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903.

[15] О наказуемости лиц, принадлежащих к составу общественных и частных организаций, учрежденных для удовлетворения вызываемых войной потребностей, за совершенные сими лицами при исполнении своих обязанностей деяния, заключающие в себе признаки подлога, мздоимства, лихоимства и особых злоупотреблений по подрядам и поставкам // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1916. Отдел 1. С. 1253.

обязан ознакомиться со всеми вопросами, касающимися каждого из упомянутых предметов; ... и с той, и другой отраслью придется ознакомиться добросовестному С. С.» [6, с. 926]. В работе немецкого криминалиста Альберта Вейнгардта «Уголовная тактика...» (вышедшей в Овруче в 1910 г., а затем дважды переизданной в Санкт-Петербурге в 1912 г.) более рельефно прослеживается выделение особенностей расследования различных видов преступлений, в том числе подделки документов [4–5]. Как было выше отмечено, подделка документов являлась наиболее распространенным способом совершения преступлений в сфере закупок (казенного подряда и поставок).

Помимо многократного переиздания, в том числе и в нашей стране, трудов Ганса Гросса и А. Вейнгардта следует отметить и изданные в 1912 г. С. Н. Трегубовым конспекты лекций, прочитанные швейцарским криминалистом, доктором химии, профессором Лозаннского университета Рудольфом Арчибальд Рейссом группе высокопоставленных российских судебных деятелей из разных судебных округов России [14]. В этой работе, как и в предыдущих двух, помимо фрагментарного указания на преступления в сфере закупок (поставок) детально рассмотрены способы подделки документов, как самостоятельного, так и сопутствующего преступления, а также методы ее выявления, в том числе микроскопические, фотографические и химические методы. В 1915 г. увидела свет работа С. Н. Трегубова «Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений». Большую часть содержания этой книги составляло изложение прослушанных С. Н. Трегубовым лекций А. Р. Рейса, в том числе лекции по расследованию подделки документов. В предисловии этой книги автор писал, что «сделав исправление некоторых ошибок и недочетов, допущенных в изданных мною лекциях проф. Рейсса и объясняемых как новизною и обширностью материала, так и спешностью работы, я в настоящей книге внес казавшиеся мне полезными довольно значительные дополнения и новые разделы...» [22, с. 5].

Отдельные результаты научных исследований и технические достижения, содержащиеся в работах перечисленных и иных авторов, могли быть использованы и при расследовании преступлений в сфере закупок (казенных подрядов).

Справедливости ради отметим, что в России во второй половине XIX – начале XX в. был накоплен большой опыт в установлении способов подделки документов и их выявления, о чем свидетельствуют научные работы и публикации того периода [3, 15, 25]. Также практика расследования преступлений накапливала опыт использования специальных экономических знаний. Первые донаучные обобщения и систематизация находили отражения в публикациях, как правило, практических работников [7, 9].

Таким образом, к предпосылкам формирования криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок относятся общественные отношения, складывающиеся на каждом этапе исторического развития, включающие становление и развитие княжеских (царских) закупок, сопряженных с ними правонарушений (преступлений), организацию контролирующей и правоохранительной деятельности, зарождение во второй половине XVIII в. теории отечественной юриспруденции и ее дифференциации в XIX в. на гражданское, уголовное, уголовно-процессуальное и другие отрасли научного знания, расширение спектра использования в уголовном судопроизводстве данных естественных (химии, физики и т. п.) и иных наук (экономики, счетоводства и т. п.). Данные предпосылки способствовали интеграции отдельных положений перечисленных и иных отраслей научных знаний, закономерно приведшей к образованию науки криминалистики, в рамках которой обозначилась система знаний о расследовании преступлений в сфере закупок.

Список литературы:

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1.
2. *Белинская М. П.* Правовые основы противодействия злоупотреблениям в системе казенных подрядов в Российской империи: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

References:

1. Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeological expedition of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg, 1836. Vol. 1.
2. *Belinskaya M. P.* Legal bases for countering abuses in the system of state contracts in the Russian Empire: historical and legal research: dis. ... Cand. the faculty of law. nauk. N. Novgorod, 2016.

3. *Буринский Е. Ф.* Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею: пособ. для гг. судей, судеб. следователей, лиц прокурор. надзора, поверенных, защитников, судеб. врачей и граф. экспертов. СПб., 1903.
4. *Вейнгарт А.* Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений / пер. с нем. В. М. Боремовича. Овруч, 1910.
5. *Вейнгарт А.* Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений / пер. с нем. / пер. под ред., с прим.: В. И. Лебедев. СПб., 1912.
6. *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908.
7. *Езерский Ф. В.* Судебно-счетоводная экспертиза: прил. ст. закона об экспертах. СПб., 1883.
8. *Жук О. Д. и др.* Прокурорский надзор: учебник для вузов / под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. А. Ю. Винокуров. М., 2013.
9. *Иванов С. Ф.* Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе: пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов. СПб., 1913.
10. *Кулькова М. И.* Госзакупки Российского государства // Бюджет. 2018. № 12.
11. *Метушевская Т. И.* Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
12. *Павлова Д. С.* Становление и развитие местных финансовых учреждений в России в последней четверти XVIII – первой половине XIX веков: на материалах Верхневолжских губерний: дис. ... канд. истор. наук. Ярославль, 2011.
13. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета 1726–1730 гг. / изд. под ред. [и с предисл.] Н. Ф. Дубровина. Т. 1–8. СПб., 1886–1899. Т. 8.
14. *Рейс Р. А.* Научная техника расследования преступлений: курс лекций, прочтен. в г. Лозанне проф. Рейссом чинам рус. судеб. ведомства летом 1911 г. / сост. под ред. С. Н. Трегубова. СПб., 1912.
15. *Русецкий В. Л.* Теория и практика фотографических светофильтров. Петроград, 1916.
16. Русская историческая библиотека / под ред. и состав. указ. И. А. Бычкова. СПб., 1897. Т. XVI.
17. *Сергеева С. А.* Совершенствование механизма антикоррупционного мониторинга реализации государственной политики регламентации закупок (на примере г. Москва): дис. ... канд. эконом. наук. М., 2019.
18. *Серов Д. О., Федоров А. В.* Дела и судьбы российских следователей: князь В. В. Дол-

3. *Burinsky E. F.* Forensic examination of documents, its production and use: manual. for senior judges, courts. investigators, the Prosecutor's office. supervision, attorneys, defense lawyers, courts. doctors and count. St. Petersburg, 1903.
4. *Weingart A.* Criminal tactics. A guide to the investigation of crimes / per. with him. V. M. Baranovich. Ovruch, 1910.
5. *Weingart A.* Criminal tactics. Guide to the investigation of crimes / TRANS. from German / TRANS. ed., with note: V. I. Lebedev. SPb., 1912.
6. Gross G. Guide for forensic investigators as a system of criminalistics. St. Petersburg, 1908.
7. *Yezersky F. V.* Forensic accounting expertise: Appendix of the article of the law on experts. St. Petersburg, 1883.
8. *Zhuk O. D.* et al. Prosecutor's supervision: textbook for universities / under the General ed. of O. S. Kapinus; scientific ed. of A. Yu. Vinokurov. M., 2013.
9. *Ivanov S. F.* Accounting expertise in the judicial process: Handbook for lawyers and accountants-experts. SPb., 1913.
10. *Kulkova M. I.* public Procurement of the Russian state / / Budget. 2018. № 12.
11. *Metushevskaya T. I.* Legal status of a civil servant in Russia in the XVIII-first half of the XIX centuries: dis. ... Cand. the faculty of law.
12. *Pavlova D. S.* Formation and development of local financial institutions in Russia in the last quarter of the XVIII – first half of the XIX centuries: on the materials of the upper Volga provinces: dis. ... kand. istor. Sciences. Yaroslavl, 2011.
13. Protocols, journals and decrees of the Supreme privy Council of 1726-1730 / ed. ed. [and with a Preface] N. F. Dubrovina. T. 1-8. SPb., 1886-1899. T. 8.
14. *Reis R. A.* Scientific technique of crime investigation: a course of lectures, read in Lausanne prof. Reiss ranks of the Rus. lives. departments in the summer of 1911 / comp. edited by S. N. Tregubov, St. Petersburg, 1912.
15. *Rusetsky V. L.* Theory and practice of photographic light filters. Petrograd, 1916.
16. Russian historical library / ed. and composition. decree of I. A. Bychkov, St. Petersburg, 1897, Vol. XVI.
17. *Sergeeva S. A.* Improving the mechanism of anti-corruption monitoring of the implementation of the state procurement regulation policy (on the example of Moscow): dis. ... Cand. economy. M., 2019.
18. *Serov D. O., Fedorov A. V.* Affairs and destinies of Russian investigators: Prince V. V. Dolgorukov / / Russian investigator. 2016. № 13.

горуков // Российский следователь. 2016. № 13.
19. *Стурза К. И.* Историко-правовой анализ развития института государственного заказа в России // История государства и права. 2013. № 4.
20. *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
21. *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М., 2007. Т. I.
22. *Трегубов С. Н.* Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений: практическое руководство для судебных деятелей. Петроград, 1915.
23. *Чулков М. Д.* Наставление необходимонужное для российских купцов, а более для молодых людей. М., 1788.
24. *Шершов А. П.* К истории военного кораблестроения. М., 1952.
25. *Щегловитов И. Г.* Фотографическая экспертиза при исследовании документов // Юридическая летопись. М., 1891. № 3.

19. *Sturza K. I.* Historical and legal analysis of the development of the Institute of state order in Russia / / History of state and law. 2013. № 4.
20. *Tikhomirov M. N.* Manual for the study of Russian Truth. Moscow, 1953.
21. *Tomsinov V. A.* Russian lawyers of the XVIII-XX centuries: essays on life and creativity: in 2 vols., 2007. T. I.
22. *Tregubov S. N.* Fundamentals of criminal technology. Scientific and technical methods of crime investigation: a practical guide for judicial officials. Petrograd, 1915.
23. *Chulkov M. D.* Instruction is necessary for the Russian merchants, and more for young people. M., 1788.
24. *Sharshov A. P.* the history of military shipbuilding. M., 1952.
25. *Shcheglovitov, I. G.* Photographic expertise in the study of documents // Legal chronicle. M., 1891. No. 3.

Для цитирования:

Шмонин Андрей Владимирович, Борин Борис Викторович, Земскова Елена Николаевна. Предпосылки формирования криминалистических знаний о расследовании преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 171–181.

For citation:

Shmonin Andrej Vladimirovich, Borin Boris Viktorovich, Zemskova Elena Nikolaevna. Prerequisites for the formation of forensic knowledge about the investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 171–181.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ деятельность

ОЛЬГА БОРИСОВНА ДРОНОВА,
профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России
Российская Федерация, 400089,
г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130
E-mail: dronovao1@rambler.ru

OL'GA BORISOVNA DRONOVA,
Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Forensic Technology of the Educational and Scientific Complex of Expert and Forensic Activities
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Russian Federation, 400089,
Volgograd, Istoricheskaya St., 130
E-mail: dronovao1@rambler.ru

БОРИС ПАВЛОВИЧ СМАГОРИНСКИЙ,
профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в ОВД, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Волгоградская академия МВД России
Российская Федерация, 400089,
г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130;
ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскной деятельности
Научно-исследовательский институт ФСИН России
Российская Федерация, 119991,
г. Москва, ул. Житная, д. 14
E-mail: smagvolg@rambler.ru

BORIS PAVLOVICH SMAGORINSKY,
Doctor of Law, Professor, Merited Lawyer of Russian Federation, Professor of the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Department of Internal Affairs,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Russian Federation, 400089,
Volgograd, Istoricheskaya St., 130
Leading Researcher of the Department for Research of Operational and Investigative Activities Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Russian Federation, 119991, Moscow,
Zhitnaya St., 14

E-mail: smagvolg@rambler.ru

Научная специальность
12.00.12 – криминалистика, судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Scientific specialty
12.00.12 – Criminalistics, Forensic Expert Activity; Operational Search Activity.

УДК 343.985.2

Дата поступления: 30 октября 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Современные возможности проведения криминалистических исследований в ходе выявления и расследования преступлений в сфере незаконного оборота потребительских товаров

Modern Possibilities of Conducting Forensic Research in the Course of Detection and Investigation of Crimes in the Sphere of Illegal Turnover of Consumer Goods

Аннотация

Актуальность рассмотрения возможностей проведения криминалистических исследований в отношении потребительских товаров обусловлена необходимостью разработки новых направлений систематизации криминалистически значимой информации об их свойствах, характеристиках и признаках, а также о событиях, взаимосвязанных с процессами их производства и оборота.

Постановка проблемы: изучение современной практики назначения и производства экспертных исследований по делам о незаконном обороте потребительских товаров позволяет сделать вывод о получении детальной информации лишь о морфологических и субстанциональных свойствах потребительской продукции. Иные объекты исследования, позволяющие получить значительный объем криминалистически значимой информации, остаются вне поля рассмотрения субъектов расследования, что не позволяет полноценно обеспечить эффективность противодействия рассматриваемым преступлениям.

Цель исследования: формирование комплекса научно обоснованных предложений и рекомендаций, направленных на повышение эффективности использования результатов криминалистических исследований в ходе выявления и расследования преступлений в сфере незаконного оборота потребительских товаров.

Методы исследования: общенаучный диалектический метод, а также отдельные частные методы научного познания: социологический, статистический, контент-анализ.

Результаты и ключевые выводы: изучение материалов экспертных исследований позволило сделать вывод о том, что рассмотрению подвергаются преимущественно свойства товаров, отражающие особенности их качественно-количественного состава и специфику внешнего вида объектов, позволяющие установить характер и степень отличия комплекса выявленных признаков и свойств исследуемых товаров от требований, регламентируемых нормативно-технической и производственно-технологической документацией, а также образцов оригинальной продукции.

Производство комплекса криминалистических исследований, осуществляемых в ходе выявления и расследования незаконного оборота потребительских товаров, позволяет получить и систематизировать сведения о формировании и трансформации отдельных свойств, характеристик и признаков изучаемой продукции, оказывающих влияние на оценку законности ее нахождения в обороте, а также установить иные обстоятельства, сопровождающие незаконную экономическую деятельность.

Annotation

The relevance of considering the possibilities of conducting forensic research in relation to consumer goods is due to the need to develop new ways to systematize criminally significant information about their properties, characteristics and characteristics, as well as events related to the processes of their production and turnover.

The problem statement: the study of modern practice of appointment and production of expert research on cases of illegal turnover of consumer goods allows us to conclude that detailed information is obtained only about the morphological and substantive properties of consumer products. Other objects of research that allow obtaining a significant amount of criminally significant information remain outside the field of consideration of the subjects of the investigation, which does not allow to fully ensure the effectiveness of countering the crimes under consideration.

The purpose of the research is to develop a set of scientifically based proposals and recommendations aimed at improving the efficiency of using the results of forensic research in the detection and investigation of crimes in the field of illegal trafficking in consumer goods.

The research methods: General scientific dialectical method, as well as individual private methods of scientific knowledge: sociological, statistical, content analysis.

The results and key findings: study materials, expert research has led to the conclusion that consideration are mainly properties of the goods, reflecting the characteristics of their qualitative and quantitative composition and peculiarities of appearance of objects, allowing to establish the nature and extent of the differences revealed complex characteristics and properties of the investigated goods from the requirements regulated by normative-technical and production-technological documentation, as well as samples of the original products.

The production of a complex of forensic studies carried out in the course of identifying and investigating illegal turnover of consumer goods allows you to obtain and systematize information about the formation and transformation of individual properties, characteristics and features of the studied products that affect the assessment of the legality of its presence in circulation, as well as to establish other circumstances accompanying illegal economic activity.

Ключевые слова: *потребительские товары; незаконный оборот; свойства; криминалистические исследования; комплексные экспертизы.*

Keywords: *consumer goods; illegal traffic; properties; forensic research; complex expertise.*

Проведение криминалистических исследований в ходе выявления и расследования преступлений в сфере незаконного оборота потребительских товаров направлено на установление сущности рассматриваемых источников информации, изучение условий, обстоятельств их формирования и трансформации, оценку причастности проверяемых объектов (производственного оборудования, транспортных средств, конкретных лиц и т. д.) к незаконному производству, транспортировке, хранению и реализации продукции. В рамках исследований устанавливается родовая и классификационная принадлежность изучаемых объектов, диагностируется единый источник их происхождения, выявляется тождество конкретных объектов, а также изучаются иные обстоятельства, сопровождающие незаконный товарооборот.

Следует отметить, что при данном подходе процесс криминалистического исследования потребительских товаров следует рассматривать в качестве конкретно-действенной мыслительной деятельности, направленной на получение возможности установления и оценки свойств, признаков и характеристик изучаемых объектов с учетом их неразрывной взаимосвязи со спецификой внешних и внутренних условий их формирования. Непосредственная сущность и внешнее выражение получаемых результатов будут находиться в прямой зависимости от функциональной специфики профессиональной деятельности субъектов использования и применения специальных знаний, сформированного перечня задач и технических возможностей их реализации.

Изучение индивидуальных параметров потребительской продукции может осуществляется различными субъектами в процессе:

– производственного (входного, операционного и приемочного) контроля качественно-количественного состава;

– проверки соответствия установленным требованиям ключевых параметров продукции иностранных производителей, ввозимой на территорию страны;

– лабораторных исследований отобранных образцов товаров (партий), осуществляемых в рамках прохождения процедур обязательных и(или) добровольных сертификаций;

– контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти, реализуемой в порядке надзора за состоянием потребительского рынка;

– инициативного контроля производителей (правообладателей) присутствия в обороте изделий с ненадлежащими или незаконно используемыми фирменными логотипами, торговыми марками и иными индивидуализирующими обозначениями;

– общественной проверки отдельных параметров товаров, присутствующих в обороте, осуществляемой средствами массовой информации и иными независимыми участниками противодействия незаконному товарообороту.

Следует выделить тот факт, что изучение характеристик потребительских товаров могут осуществлять как лица, владеющие специальными знаниями [2, с. 49] в области химии, товароведения, технологии производства, пищевой продукции и т. д., так и иные субъекты выявления и пресечения противоправной деятельности в сфере потребительского рынка, в ходе получения, изучения и анализа отдельных сведений о рассматриваемом объекте познания. К ним относятся данные, получаемые в процессе оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий [1, с. 16], способствующие установлению сущностных характеристик проверяемых объектов, а также территориальных, временных, субъектных, хозяйственных, финансовых и иных обстоятельств, сопровождающих незаконный товарооборот.

Использование данного широкого подхода, примененного к пониманию процесса криминалистического исследования объектов потребительского рынка, позволило выделить его основной предмет, заключающийся в информационно-познавательных закономерностях, определяющих природу формирования первоначальных юридических и технических свойств товаров [3, с. 152, 154] и их дальнейшее изменение вследствие непрерывного процесса воздействия на них ряда обстоятельств, возникших в процессе подготовки и совершения преступления, выражаемых посредством совокупности признаков.

Понимание сущности предмета исследования предусматривает необходимость комплексной оценки [5, с. 239] юридических и технических свойств, характеристик и признаков, самих проверяемых объектов потребительского рынка, а также изучения производственных, проверочных, транспортировочных и иных процессов, сопровождающих их оборот с обязательным привлечением специалистов в раз-

личных областях науки (менеджмента качества, технологии промышленных предприятий, товароведения, бухгалтерии, информационных технологий, криминалистики, юриспруденции и т. д.), использующих мыслительные приемы и методы [10, с. 23] в целях формирования новой информации. Применение данного подхода к предмету исследования способствует выделению организационно-методических границ исследования, определяемых на основе компетенций лица, которому оно поручено, с учетом поставленных задач и видовых особенностей объектов изучения.

В качестве наиболее часто встречающихся объектов криминалистических исследований могут быть выделены материально фиксированные следовые комплексы, позволяющие получить необходимые криминалистически значимые сведения и доказательства, необходимые для пресечения незаконного товарооборота. Анализ материалов уголовных дел по преступлениям в сфере незаконного товарооборота позволил выделить основные виды объектов экспертных исследований:

1. Потребительская продукция, представленная как в виде готовых полноценных объектов товарооборота, так и в форме отдельных составных компонентов, выявленных на одном или разных производственных (складских, торговых) помещениях, в транспорте:

– непосредственная продукция, а также первоначальные материалы (сырье, полуфабрикаты, детали т. д.), используемые для производства товара;

– упаковочные материалы или их заготовки;

– имитация защитных (удостоверительных, идентификационных) элементов, демонстрирующих возможность обеспечения обязательной и факультативной дистанционной прослеживаемости;

– отдельные элементы или общие изображения маркировок, размещенных на отдельных элементах товаров;

– изображения фирменных товарных знаков, логотипов, знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров, призванных обеспечить индивидуализацию производителя (правообладателя).

2. Технологические производственные линии, промышленное (кустарное) оборудование, отдельные детали и их элементы (приспособления), использованные в ходе производственного процесса изготовления товаров, несоответствующих установленной системе требований, среди которых наиболее часто встречаются:

– приспособления для перегона спиртосодержащих жидкостей, устройства для укупорки бутылок, этикетировочное оборудование;

– станки для их изготовления и упаковки сигарет, мясных полуфабрикатов;

– швейное оборудование, трафареты, выкройки, резаки;

– упаковочное, термоупаковочное оборудование, паллетообмотчики и паллетоукладчики, индукционные запайщики;

– компьютеры, принтеры, плоттеры, флексографические машины, применяемые в процессе изготовления полиграфического оформления товаров, а также их дополнительных элементов и сопроводительно-разрешительных документов.

3. Экземпляры документов, позволяющих выявить факты незаконности нахождение потребительских товаров в обороте. Данные объекты могут быть получены посредством направления запросов:

– на производственные предприятия в целях получения регламентирующих, учетно-технологических, лабораторных и контрольных документов на производственные процессы и технический контроль, представляющих собой: технологические карты и паспорта; операционные карты контроля; маршрутные карты и иную техническую документацию (протоколы, акты исследований);

– в центры по проведению обязательной и добровольной сертификации, имеющие официальную аккредитацию о действительности сведений о прохождении процедур получения деклараций и сертификатов, подтверждающих соответствие изученных объектов требованиям, которые установлены техническими регламентами Таможенного союза (далее – ТР ТС) и иными правилами оборота;

– в логистические пункты и транспортные компании, осуществлявшие подбор маршрута и перевозку проверяемых грузов, информация о деятельности которых отражена в товарно-транспортных накладных, путевых листах, договорах, заключенных между грузоотправителями (грузополучателями) и перевозчиками (экспедиторами), а также в доверенностях на перевозку грузов, сертификатах соответствия и декларациях качества, счетах-фактурах и договорах между поставщиками и покупателями груза, санитарных паспортах на транспортные средства;

– в адрес ритейлеров, продавцов и иных торговых представителей с требованием предоставления разрешительной документации, отражающей сведения о правах ведения торговой деятельности, данных о наличии и сроках действия лицензий (договоров), заключенных с производителями продукции, дающими право на производство (ввоз готовых изделий) и реализацию определенных товаров, содержащих фирменные товарные знаки, и т. д.

4. Документы об организационно-правовом статусе экономического субъекта, осуществляющего хозяйственную (финансовую) деятельность:

– юридическая документация, отражающая деятельность экономического субъекта (уставы, документы о регистрации, лицензии, контракты, договоры и т. д.);

– финансовая (хозяйственная) документация, отражающая действия с товарно-материальными ценностями (официальные и неофициальные источники);

– документы, отражающие одну и ту же или взаимосвязанные хозяйственные (финансовые) операции [6, с. 83].

5. Цифровые носители информации, содержащие звуковые, аудиовизуальные, документальные информационные потоки сведений о производстве и обороте товаров (партий), причастности к их организации конкретных лиц, а также об используемых ими технических средствах. В этом случае исследованию подвергаются:

– электронные следы, содержащиеся в компьютерных системах, мобильных устройствах и иных носителях информации;

– данные, отраженные в системе ГЛОНАСС, сведения, полученные с использованием радиочастотных идентификаторов RFID, и т. д.

Приведенный перечень объектов криминалистических исследований не является исчерпывающим и может зависеть от конкретной ситуационно-средовой обстановки, сложившейся в ходе выявления и расследования противоправной деятельности в сфере незаконного оборота потребительских товаров, формирующей комплексы фактографической и материально-фиксированной информации. Следует отметить, что в числе объектов исследований, используемых в качестве сравнительного эталонного материала, нередко присутствуют образцы оригинальной продукции, предоставленные официальными производителями (правообладателями) в зависимости от формы предназначения как для всеобщего доступа любого потребителя, так и для реализации конкретных целей, связанных со сбором доказательств. При этом эталонные образцы могут быть представлены:

– в изобразительно-описательной форме, содержащей фотографическое изображение внешнего вида товара с детализацией отдельных особенностей рисунка полиграфического оформления, узора тиснения, видов защитных элементов, которые дополнительно могут дублироваться их описанием. Данная форма образцов товара может содержаться на страницах сайтов производителей, в базах данных поставщиков (платных и бесплатных), присутствовать на фирменных буклетах, рекламных брошюрах и т. д.;

– информационно-технической форме, содержащей специфику производственного процесса;

– в форме натурных образцов, централизованно поступивших в распоряжение ведомственных лабораторий и предназначенных для использования в качестве эталонного материала при производстве соответствующего вида экспертиз.

Кроме того, в процессе криминалистических исследований, осуществляемых в ходе выявления и расследования преступлений в сфере незаконного оборота потребительских товаров, необходимо изучение текстовых, графических и аудиовизуальных данных, которые могут содержаться в описательной форме:

– в законодательстве, регулирующем оборот потребительских товаров;

– в нормативно-технической документации (ТР ТС, сводах правил, стандартах и технических условиях, различных технологических инструкциях, сборниках рецептур, норм расхода сырья, норм выхода продукции, правилах торговли различными видами продукции и др.), содержащей систему требований к продукции, работам и услугам, правила и методы отбора образцов (проб) продукции на исследование, методы определения подлинности объектов, методы идентификации и т. д.;

– в ведомственных нормативных правовых актах, регламентирующих организацию судебно-экспертной деятельности;

– в ведомственных методиках исследования вещественных доказательств, методических рекомендациях, учебных пособиях и т. д.

К числу графических и аудиовизуальных объектов исследования могут быть отнесены представленные в бумажной или электронной форме реестры международных товарных знаков, Государственный реестр товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации, Государственный перечень общеизвестных в Российской Федерации товарных знаков, а также натурные объекты справочно-вспомогательных фондов, полученные в установленном порядке (федеральные специальные марки, акцизные марки, полиграфическое оформление упаковок отдельных объектов и иные объекты).

В целях изучения современной практики получения криминалистически значимой информации в процессе криминалистических исследований, осуществленных в условиях экспертно-криминалистических лабораторий различных ведомств, были проанализированы результаты 500 экспертиз, произведенных в ходе расследования уголовных дел в сфере незаконного оборота потребительских товаров. Установлено, что наибольшее количество 48 % составляют экспертизы спиртосодержащих жидкостей (исследование спиртосодержащих жидкостей непищевого назначения и спиртосодержащих жидкостей, не имеющих сопроводительных документов и маркировки); 22 % – экспертизы пищевых продуктов

(исследование пищевых продуктов (масло, икра, мед), в том числе алкогольной продукции и спиртосодержащей продукции пищевого назначения); 17 % – технико-криминалистические экспертизы документов (исследование федеральных специальных марок, акцизных марок, полиграфии упаковок, бланков документов); 6 % – трасологические экспертизы (исследование следов производственных механизмов на изделиях массового производства: укупорка бутылок, нанесение рельефных оттисков, изготовление упаковок); 3,2 % – товароведческие экспертизы (исследование непродовольственных товаров с определением их стоимости (обувь, парфюмерия, сумки); 2 % – компьютерные экспертизы (установление наличия программного обеспечения, файлов, подготовленных с применением программных средств); менее 1 % – иные экспертизы (патентоведческие, товарно-технологические, бухгалтерские).

Такое распределение видов экспертиз косвенно свидетельствует о том, что исследованию подвергаются преимущественно морфологические и субстанциональные свойства товаров, отражающие особенности качественно-количественного состава, специфику внешнего вида (формы, размеров, соотношения элементов и т. д.), а также иные характеристики. Отдельными задачами экспертного исследования может являться необходимость установления свойств состояния исследуемых объектов, позволяющих определить комплекс признаков, несоответствующих требованиям, регламентируемым нормативно-технической и производственно-технологической документацией. Реже объектами исследования становятся технические свойства, формирующиеся в процессе производства изделий, с учетом выбранного способа и технического оборудования, посредством которого производятся определенные технологические операции. В рамках таких исследований должны быть изучены особенности работы изготавливающих механизмов (поточных линий, отдельных деталей, приспособлений), уточнены временные рамки смены вспомогательных и расходных инструментов (лезвий резаков, забеловочных ножей и т. д.). Кроме того, исследованию подлежат компьютеры и сменные носители информации, содержащие файлы с графическими изображениями элементов, подвергшихся незаконному копированию и последующему воспроизведению, а также внешний вид первоначальных лицензий, деклараций, сертификатов, подвергшихся изменению первоначального содержания. Вместе с тем на данных объектах могут находиться файлы с содержанием заключенных договоров (оригинальных или фиктивных), базы данных поставщиков сырья и точек сбыта, данные бухгалтерского учета незаконного производства.

Иные материально-фиксированные следовые комплексы, содержащиеся в лицензионно-удостоверительных, сопроводительных, финансовых, бухгалтерских документах, а также следы, позволяющие отождествить лиц, причастных к совершенному преступлению, практически не являлись объектами исследований по изученным материалам.

Следует отметить, что объем и характер проводимых криминалистических исследований зависит от ассортиментной принадлежности потребительского товара, его комплектации, способа производства, использованных производственных механизмов, состояния и свойств сырья, материалов, задействованных в процессе его изготовления, наличия специальных элементов защиты упаковки, способов и качества их имитации и других обстоятельств.

Объективное изучение потребительского товара как объекта, обладающего совокупностью разнородных признаков (состав, упаковка, документальное сопровождение), формируемых в процессе его изготовления и оборота, обусловливает необходимость производства комплексных экспертиз. Однако анализ экспертной практики показал, что комплексные исследования назначаются в единичных случаях (менее 1 % изученного массива). В основном назначаются экспертизы, устанавливающие товарную принадлежность, свойства и признаки, индивидуализирующие объект исследования. При этом привлекаются эксперты, специализирующиеся в производстве криминалистических экспертиз веществ, материалов и изделий (далее – КЭВМИ), экспертиз пищевых продуктов, биологических, товароведческих, фармацевтических (фармакологических) экспертиз. В ходе экспертных исследований устанавливаются органолептические показатели товаров, производится качественное определение их состава, выявляется количественное содержание отдельных составных элементов (токсичных микропримесей, сивушных масел и т. д.), определяется соответствие (несоответствие) состава, характеристик и свойств исследуемых объектов:

– требованиям соответствующих стандартов, технических условий, технических регламентов;

– данным, указанным в маркировочных обозначениях на ярлыках, этикетках;

– сведениям, содержащимся в лицензионно-разрешительных, производственно-технологических и иных документах;

– экземплярам оригинальной продукции, которые представлены в качестве образцов для сравнительного исследования.

Кроме того, в процессе проведения экспертиз устанавливаются признаки производства товара,

выявляются дефекты и оценивается их влияние на качество готового изделия, а также определяется характер, причины и обстоятельства их образования, предусматривающие знания, относящиеся к компетенции эксперта-технолога, обладающего сведениями о технологии производства изделий на промышленных предприятиях. В ходе судебно-технологической экспертизы устанавливаются наличие нарушений технологического процесса изготовленной партии, нарушение порядка лабораторного контроля над процессом изготовления и выпуска в оборот.

В отдельных случаях для установления обстоятельств, касающихся соблюдения санитарных требований при изготовлении и обороте товаров, а также факторов, способствующих их загрязнению, инфицированию и иным изменениям, повлекшим наступление последствий, могут быть назначены санитарно-эпидемиологическая, санитарно-гигиеническая, судебно-техническая экспертизы. Объектами данных экспертиз являются сырье, полуфабрикаты, готовая продукция; документы предприятия; механизмы, оборудование и аппаратура, используемая в процессе производства; помещения для хранения, транспортные средства, осуществлявшие транспортировку.

В рамках технико-криминалистической экспертизы документов, объектами которой являются полиграфическое оформление упаковок товаров, защитных и учетно-регистрационных средств, этикеток, информационных наклеек, бирок, инструкций, а также технические средства, использовавшиеся для нанесения изображения [9, с. 117], решаются задачи определения способа печати и установления вида применявшегося оборудования, устанавливаются факты внесения изменений в переменные данные маркировки, идентифицируются печатные формы и средства воспроизведения, с использованием которых было выполнено изображение. В ряде случаев может быть установлен общий источник происхождения и общая родовая (групповая) принадлежность исследуемых объектов и образцов, предоставленных для сравнительного исследования.

В случаях возникновения сомнения в оригинальности использованного наименования производителя, изображения товарного знака, а также необходимости установления его схожести с иными объектами интеллектуальной собственности назначается патентоведческая экспертиза.

В отдельных ситуациях может возникнуть необходимость изучения составов упаковочных материалов и их полиграфического оформления (бумаги, полимерных боксов, блистеров, красящих веществ, клея, материалов защитных покрытий), предусматривающих привлечение экспертов-материаловедов в процессе производства КЭВМИ. При этом устанавливается состав используемых материалов, определяются и сопоставляются плотности, массы, структурно-механические свойства и т. д.

Исследования особенностей формовки, крепления отдельных частей, укупорки, установление способа и факта использования определенных аппаратов, оборудования, инструментов и механизмов (применение одних трафаретов для нанесения логотипов на одежду, использование проверяемого режущего оборудования для упаковочной пленки, нанесение рельефных маркировок на блистеры и коробки конкретным маркиратором, клеймение деталей упаковки одним набором клейм, литер) в процессе изготовления товаров осуществляются в ходе трасологических экспертиз.

В целях установления факта использования компьютерной техники при совершении преступлений в сфере незаконного оборота потребительских товаров на компьютерную экспертизу направляются машинные носители информации (средства вычислительной техники), содержащие: программы для ЭВМ, базы данных, мультимедийные файлы, а также данные об использовании (воспроизведении, распространении и т.д.) как материальных носителей, так и самих результатов деятельности (монтирования, перекодирования, создания установочных пакетов и проч.); следовую картину обмена компьютерной информации (файловые серверы, сети P2P, пересылка по электронной почте и с помощью служб обмена сообщениями и т. д.); переписку пользователей, черновую бухгалтерию, заметки, договоры, сканированные изображения (обложек, этикеток, вкладышей и т. д.) [8, с. 129]. В ходе производства экспертизы решаются вопросы по установлению наличия на исследуемых объектах определенных произведений, в том числе имеющих обозначения конкретного правообладателя (определение сведений о наименовании, дате и времени установки программных продуктов, создания и последнего сохранения отдельных файлов; установление сведений о пользователях программных продуктов, ключах установки и т. д.). Дополнительно могут быть решены вопросы установления программного обеспечения, примененного при создании конкретных документов, а также использованных аппаратных средствах компьютерной и иной сопутствующей техники. На основе свойств файлов с искомой информацией эксперт может установить, был ли файл создан с помощью данных средств компьютерной техники, записан на исследуемый носитель информации с другого внешнего носителя (в том числе с использованием

сети Интернет); был ли создан файл, содержащий изображение оттиска печати, путем сканирования, способом цифровой фотографии или с помощью программ компьютерной графики. Эксперт в области компьютерной экспертизы может установить дату и время создания (распечатки) файла, марку, модель применяемых при его создании и распечатке периферийных средств компьютерной техники (сканера, принтера), а в некоторых случаях – их серийный уникальный номер [4, с. 76].

Установление причастности конкретных лиц к совершению преступлений возможно в рамках производства дактилоскопических экспертиз, объектами которых могут стать следы рук, обнаруженные на самих товарах, упаковках и иных объектах, используемых в процессе производства, хранения, транспортировки и реализации потребительских товаров, а также почерковедческих экспертиз, объектами которых являются подписи, рукописные буквенно-цифровые записи в учетно-технологической, контрольно-лабораторной, товарно-сопроводительной, транспортной, бухгалтерской и иной документации. Кроме того, в процессе проведения фоноскопических экспертиз возможны идентификация человека по речи и голосу, а также отождествление аппаратуры, осуществлявшей аудиозапись в ходе следственных действий и ОРМ, связанных с фиксацией информации, передаваемой непосредственно и с помощью технических каналов связи. Вместе с тем возможно проведение диагностических исследований, направленных на установление признаков монтажа представленных фонограмм (например, электро-акустического); фактов внесения изменений, осуществленных после аудиозаписи; определение уровня и вида образования, профессиональной компетентности говорившего лица (лиц), условий окружающей обстановки в момент аудиозаписи речи, а также происхождения источников посторонних звуков, сопровождавших основную речь, и т. д. [7, с. 105].

Комплекс исследований, проводимых в ходе выявления и расследования незаконного оборота потребительских товаров, позволяет осуществить систематизацию криминалистически значимых сведений о формировании и изменении отдельных свойств, характеристик и признаков изучаемой продукции различного ассортиментного предназначения, оказывающих влияние на оценку законности ее нахождения в обороте. Кроме того, полученные результаты способствуют установлению территориальных, временных, субъектных, хозяйственных, финансовых и иных обстоятельств, сопровождающих незаконную экономическую деятельность.

Список литературы:

1. *Варданян А. В., Мельникова О. В.* Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере производства и оборота фальсифицированной алкогольной продукции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2–2.
2. *Грибунов О. П.* Участие сотрудников экспертно-криминалистического центра в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий как фактор повышения раскрываемости преступлений // Российский следователь. 2017. № 20.
3. *Дронова О. Б.* Построение дерева свойств потребительских товаров для оценки легитимности их нахождения в товарообороте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44).
4. *Иванов Н. А.* Теоретические и методические основы комплексной судебной компьютерно-технической экспертизы и судебно-технической экспертизы документов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

References:

1. *Vardanyan A. V., Mel'nikova O. V.* Osobennosti proizvodstva osmotra mesta proisshestviya pri rassledovanii prestuplenij v sfere proizvodstva i oborota fal'sificirovannoj alkogol'noj produkcii // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2013. № 2–2.
2. *Gribunov O. P.* Uchastie sotrudnikov ekspertno-kriminalisticheskogo centra v hode provedeniya operativno-rozysknyh meropriyatij, sledstvennyh i inyh processual'nyh dejstvij kak faktor povysheniya raskryvaemosti prestuplenij // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 20.
3. *Dronova O. B.* Construction of a tree of properties of consumer goods for an estimation of legality of their finding in goods turnover // Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal affairs of Russia. 2018. № 4 (44).
4. *Ivanov N. A.* Teoreticheskie i metodicheskie osnovy kompleksnoj sudebnoj komp'yuterno-tekhnicheskoj ekspertizy i sudebno-tekhnicheskoj ekspertizy dokumentov: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.

5. *Иванова Е. В.* Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: дис. ... д-ра юрид. наук. Коломна, 2016.
6. *Першин А. Н.* Криминалистические основы анализа документированной информации в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2015.
7. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 3-е изд., доп. М., 2013.
8. *Саенко Г. В., Тушканова О. В.* Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина; общ. ред. В. В. Мартынова. М., 2010. Ч. I.
9. *Усков И. Н., Солодова Т. А.* Современные проблемы технико-криминалистического исследования защищенной полиграфической продукции // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1.
10. *Яблоков Н. П.* Некоторые проблемы отечественной криминалистики в свете сегодняшнего времени // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М., 2015.

5. *Ivanova E. V.* Konceptual'nye osnovy ispol'zovaniya special'nyh znanij pri vyyavlenii i rassledovanii prestuplenij, svyazannyh s opasnymi dlya zdorov'ya veshchestvami: dis. ... d-ra yurid. nauk. Kolomna, 2016.
6. *Pershin A. N.* Kriminalisticheskie osnovy analiza dokumentirovannoj informacii v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya. Omsk, 2015.
7. *Rossinskaya E. R.* Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugolovnom processe: monografiya. 3-e izd., dop. M., 2013.
8. *Saenko G. V., Tushkanova O. V.* Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennyh dokazatel'stv / pod red. YU. M. Dil'dina; obshch. red. V. V. Martynova. M., 2010. Ch. I.
9. *Uskov I. N., Solodova T. A.* Sovremennye problemy tekhniko-kriminalisticheskogo issledovaniya zashchishchennoj poligraficheskoj produkcii // Vestnik ekonomicheskoj bezopasnosti. 2018. № 1.
10. *Yablokov N. P.* Nekotorye problemy otechestvennoj kriminalistiki v svete segodnyashnego vremeni // Sovremennaya kriminalistika: problemy, tendencii, perspektivy. M., 2015.

Для цитирования:

Дронова Ольга Борисовна, Смагоринский Борис Павлович. Современные возможности проведения криминалистических исследований в ходе выявления и расследования преступлений в сфере незаконного оборота потребительских товаров // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 182–190.

For citation:

Dronova Ol'ga Borisovna, Smagorinskiy Boris Pavlovich. Modern possibilities of conducting forensic research in the course of detection and investigation of crimes in the sphere of illegal turnover of consumer goods // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 182–190.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, международное сотрудничество

ВЕРОНИКА НИКОЛАЕВНА ПАНАСЕНКО,
ведущий научный сотрудник отдела
по исследованию проблем
отраслевого управления
научно-исследовательского центра,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: ver08nika@mail.ru

Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

ORCID 0000–0001–8656–9940

УДК 343.816

Дата поступления: 30 апреля 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

VERONIKA NIKOLAEVNA PANASENKO,
Candidate of Law, Associate Professor,
Leading Researcher
of the Research Center Department
for Research of Problems of Branch Management
Head of the Department of Educational
and Methodical Work
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: ver08nika@mail.ru

Scientific specialty:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Criminal Executive Law.

Оценка опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике

Assessment of the Experience of Countering Extremism and Terrorism in the People's Republic of China

Аннотация

Актуальность: противодействие экстремизму и терроризму по-прежнему остается важнейшим направлением работы правоохранительных органов. Для развития и совершенствования этого направления представляется целесообразным изучение и анализ положительного опыта Китайской Народной Республики.

Постановка проблемы: последние несколько лет Владимир Путин на каждой ежегодной коллегии МВД России призывает к борьбе с экстремизмом и терроризмом. Как показывает практика, Китай преуспел в этом направлении. Так, согласно рейтингу стран по уровню терроризма Global Terrorism Index, в 2014 г. Китай был на 25 месте, а в 2019 г. переместился на 42 место. Данный опыт может быть полезен с точки зрения частичного заимствования в законодательство Российской Федерации

Annotation

The relevance: countering extremism and terrorism remains the most important area of law enforcement agencies ' work. To develop and improve this area, it is advisable to study and analyze the positive experience of the people's Republic of China.

The problem statement: over the past few years, Vladimir Putin has called for the fight against extremism and terrorism at every annual Board of the Russian interior Ministry. As practice shows, China has succeeded in this direction. Thus, according to the global Terrorism Index ranking of countries by the level of terrorism, in 2014 China was on the 25th place, and in 2019 moved to the 42nd place. This experience can be useful from the point of view of partial borrowing into the legislation of the Russian Federation and practical activities to counter extremism and terrorism.

и практическую деятельность по противодействию экстремизму и терроризму.

Цель исследования: определение целесообразности заимствования опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китае в российскую практику.

Методы исследования: сравнение, описание, изучение документов; методы подбора и анализа литературы по теме исследования.

Результаты и ключевые выводы: предлагается заимствование идеи создания центров образования и профессиональной подготовки в российскую практику противодействия экстремизму и терроризму. В действующем российском уголовном законодательстве предусмотрена возможность возложения на осужденного определенных обязанностей – пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ч. 1 ст. 72.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). По аналогии с этим установлением предлагается закрепить обязательство для определенных категорий лиц пройти обучение в центрах образования и профессиональной подготовки, а также провести градацию таких центров по возрасту и категориям лиц, проходящих обучение и переподготовку.

Ключевые слова: *экстремизм; терроризм; центры образования и профессиональной подготовки; Белая книга Китая; теракт; патриотическое, правовое, религиозное и культурное воспитание.*

The purpose of the study: to determine whether it is appropriate to adopt the experience of countering extremism and terrorism in China in Russian practice.

The research methods: comparison, description, study of documents; methods of selection and analysis of literature on the research topic.

The results and key conclusions: it is proposed to borrow the idea of creating education and training centers in the Russian practice of countering extremism and terrorism. The current Russian criminal legislation provides for the possibility of imposing certain obligations on the convicted person – to undergo treatment for drug addiction and medical and / or social rehabilitation (part 1 of article 72.1 of the Criminal code of the Russian Federation). By analogy with this provision, it is proposed to establish an obligation for certain categories of persons to undergo training in educational and vocational training centers, as well as to classify such centers by age and categories of persons undergoing training and retraining.

Keywords: *extremism; terrorism; education and training centers; China's white paper; terrorist attack; Patriotic, legal, religious and cultural education.*

Проблема экстремизма и крайней его формы проявления – терроризма тревожит умы ученых, политических и общественных деятелей, государственных служащих и граждан. Практически каждая страна (в разной степени) столкнулась с проявлениями экстремизма и терроризма и по-своему пыталась и пытается противостоять этим негативным явлениям.

Изучение зарубежного опыта противодействия экстремизму и терроризму позволит выявить лучшие практики, которые можно адаптировать к условиям российского общества для успешного решения затронутой нами проблемы. В статье мы решили рассмотреть опыт противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике (далее – КНР).

В Китае очень остро стоял вопрос экстремизма и терроризма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее – СУАР). Значительная часть экстремистов из этого региона – в рядах ИГИЛ и прочих террористических структур в Сирии, в других странах Ближнего Востока [8]. Уйгуры на протяжении многих лет ведут борьбу за независимость, волнения на этнической почве зачастую приводили к насилию и заканчивались массовыми протестами.

Практически все резонансные теракты в КНР совершаются членами уйгурских экстремистских организаций. В связи с этим Пекин ужесточил контроль за уйгурами, установив по всему региону системы наблюдения и создав «центры массового содержания под стражей» [10].

В СУАР проживает самая большая мусульманская диаспора в КНР (из 21 млн жителей региона 8 млн исповедуют ислам). Власти страны пытаются бороться с распространением радикальных идей.

Анализ информации, опубликованной в Белой книге[1] на официальном веб-портале Правительства Китайской Народной Республики, позволил определить ключевые нормативные правовые акты, составляющие правовую основу противодействия терроризму и экстремизму

[1] Белая книга Китая // Официальная англоязычная платформа электронных коммуникаций Государственного совета Китайской Народной Республики. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201908/17/content_WS5d57573cc6d0c6695ff7ed6c.html (дата обращения: 10.12.2020).

в СУАР. Их можно классифицировать по форме закрепления следующим образом:

1.1. Нормативные правовые акты общего характера, регламентирующие общие вопросы противодействия преступности в Китае:

– Конституция Китайской Народной Республики;

– Закон о национальной безопасности Китайской Народной Республики.

1.2. Нормативные правовые акты специального характера, непосредственно регламентирующие противодействие терроризму и экстремизму:

1.2.1. Республиканского уровня:

– Уголовный закон Китайской Народной Республики;

– Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики;

– Закон Китайской Народной Республики о борьбе с терроризмом.

1.2.2. Регионального уровня:

– Меры Синьцзян-Уйгурского автономного района по реализации Закона Китайской Народной Республики о борьбе с терроризмом и экстремизмом;

– Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района о дерадикализации;

– Положение «О борьбе с экстремизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе».

На некоторых нормативных правовых актах остановимся подробнее.

В конце марта 2017 г. в СУАР был принят «Список мер по борьбе с экстремизмом». В состав китайского «антитеррористического пакета» вошел список под названием «15 проявлений экстремизма», запрещенных на территории автономного района. Среди них – ношение хиджаба и «аномально большой» бороды, публичные отказы от просмотра государственного телевидения, совершение брачных и траурных церемоний по религиозным обычаям, противодействие государственной политике по контролю над рождаемостью, препятствование детям посещать государственную школу, намеренное повреждение паспорта, документов о регистрации или китайской валюты. Перечисленные запреты объясняются тем, что «религиозные силы не должны вмешиваться в светскую жизнь населения». Всего в «антитеррористическом пакете» для СУАР содержится 50 пунктов, которые вступили в силу с 1 апреля 2017 г. [1].

В августе 2018 г. был опубликован доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по правам человека, в котором указано, что по меньшей мере миллион представителей этнических меньшинств содержится в закрытых лагерях в СУАР. Эксперты комитета ООН выразили обеспокоенность многочисленными сообщениями о задержании на долгий период времени без вынесения приговоров большого количества этнических уйгуров и других мусульманских меньшинств под предлогом борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом. В свою очередь, председатель администрации СУАР Шохрат Закир заявил, что в районе создана система «учреждений профессионально-технического образования», в которых основной упор сделан на обучении общеупотребительному языку, положениям закона и профессиональным навыкам. По его словам, учреждения предназначены для лиц, оказавшихся под влиянием террористической и экстремистской идеологии, подозреваемых в совершении незначительных правонарушений, которые не предполагают уголовного наказания, или лиц, которые могут быть освобождены от уголовного преследования. Глава района подчеркнул, что в учебных заведениях ведется работа по укреплению «сопротивляемости терроризму и экстремизму» и деэкстремизации, а также обеспечивается защита религиозных традиций и привычек представителей разных национальностей [11].

9 октября 2018 г. было опубликовано Положение «О борьбе с экстремизмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе». В данном Положении экстремизм характеризуется как «крайнее проявление религиозных идей, бойкот, вмешательство в повседневную жизнь и общественное мнение», а также как «высказывания и действия, разжигающие ненависть, дискриминацию и пропагандирующие насилие путем искажение религиозных учений» [2].

Официально «лагеря», в которых содержатся уйгуры, называются «центрами профессионально-технического образования» или «центрами перевоспитания» [10].

Со слов находившихся в этих лагерях, пребывание в них негативно отражается на психике людей. Внутри лагеря везде установлены видеокамеры и микрофоны, все просматривается и прослушивается. В ответ на эти обвинения китайские представители указывают на то, что КНР осуществляет в Синьцзян-Уйгурской области образовательные программы, позволяющие местным жителям лучше социализироваться и выбраться из нищеты [7].

Согласно сведениям неправительственной организации «Хьюман Райтс Вотч», осуществляющей мониторинг, расследование и документирование нарушений прав человека, в лагерях доступна базовая медицинская помощь, однако туда отправляют даже серьезно больных, пожилых, подростков, беременных и кормящих женщин. Прошедшие через такие лагеря сообщали о попытках самоубийства и суровых наказаниях за неповиновение [6].

В Синьцзяне проводится массовый обязательный сбор биометрических данных, включая образцы голоса и ДНК, а также используется искусственный интеллект и большие данные для идентификации, сортировки и отслеживания по каждому человеку. Такие системы работают как «фильтры», выделяя людей по определенному поведению или характеристикам, которые власти Китая считают опасными.

Вместе с тем неправительственная организация «Хьюман Райтс Вотч» утверждает, что прошедшие обучение в центрах перевоспитания обязаны каждую неделю или даже ежедневно присутствовать на церемонии поднятия флага КНР, ходить на собрания по политвоспитанию, временами – на занятия по китайскому языку. Содержащимся в центрах перевоспитания необходимо подтвердить свою лояльность Пекину. За пределами лагеря для мусульман тюркского происхождения действуют ограничения на свободу передвижения – от домашнего ареста до запрета выезда за пределы района проживания или за границу. В политлагерях человека наказывают за мирное исповедание религии, при этом на воле ислам настолько жестко ограничивается, что можно говорить о том, что он фактически запрещен. В политлагерях человек находится под наблюдением охраны и не имеет контактов с семьей и друзьями. Дома же за ним наблюдают соседи, чиновники и высокотехнологичные системы электронной слежки, контакты с зарубежьем запрещены [6].

Согласно данным Федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)», в 2019 г. Китай официально заявил, что практика борьбы с терроризмом в Синьцзяне путем организации там центров образования и профессиональной подготовки доказала свою эффективность [4].

Государственный совет Китайской Народной Республики 16 августа 2019 г. опубликовал новую «Белую книгу» по противодействию экстремизму в СУАР. Документ «Профессиональная и образовательная подготовка в Синьцзяне» состоит из шести глав. В первой главе обосновывается необходимость проведения политики профессиональной и образовательной подготовки в СУАР. Во второй главе подробно приводится национальная и международная правовая основа для осуществления подобной работы. В третьей и четвертой главах описываются содержание образовательной программы и меры по защите основополагающих прав обучающихся. В пятой и шестой главах освещаются главные результаты политики и раскрывается опыт властей в противодействии экстремизму в Синьцзяне.

В Белой книге Китая указано, что работа Синьцзяна по организации образования и профессиональной подготовки эффективно устраняет условия, способствующие распространению терроризма и религиозного экстремизма, гарантирует право жителей региона на жизнь, здоровье и развитие, обеспечивает социальную стабильность и безопасность не только в Синьцзяне, но и во всем регионе.

Согласно Белой книге «центры образования и профессиональной подготовки рассматривают профессиональные навыки как важный инструмент для будущего трудоустройства». Как сообщается в документе, «для лиц, подвергшихся влиянию терроризма и экстремизма, в центрах организованы курсы по изготовлению одежды, общественному питанию, сборке электротоваров, парикмахерским и косметических услугам, ремонту автомобилей, электронной торговле, дизайну и оформлению интерьеров» и ряду других направлений, пользующихся спросом. Отмечается, что некоторые лица проходят обучение по нескольким дисциплинам. В документе подчеркивается, что это поможет им лучше трудоустроиться в будущем [4].

В настоящее время через образовательные центры проходят три категории обучающихся:

1. Первая категория – лица, которых подстрекали, вынуждали силой или обманом участвовать в террористической или экстремистской деятельности, но их личное участие и степень опасности подобного поведения не позволяют квалифицировать его как серьезное преступление.

2. Вторая категория – люди, участвовавшие в террористической или экстремистской деятельности, которая потенциально несла собой угрозу, но в результате их действий не было нанесено реального общественного вреда. Эти нарушители должны признать свои преступления и раскаяться в них, а также дать свое добровольное согласие на прохождение обучения в соответствующих центрах, чтобы освободить себя от уголовного преследования.

3. Третья категория – лица, отбывшие наказание за участие в террористической или экстремистской деятельности, но по тем или иным причинам признанные потенциально опасными для общества и по решению суда отправленные в центр профессиональной и образовательной подготовки в СУАР.

В соответствии с законодательством нарушителям первой и третьей категорий предоставляется помощь и обучение в специальных центрах, в том числе с акцентом на дальнейшее трудоустройство. Вторая категория провинившихся сначала подлежит оценке со стороны органов общественной безопасности, которые могут возбудить уголовное дело. В случае отсут-

ствия оснований для уголовного преследования по решению суда им предписывается прохождение профессиональной подготовки и обучения для дальнейшей интеграции в общество.

В результате работы по профессиональной и образовательной подготовке в центрах большинство слушателей «достигли требуемых стандартов с точки зрения владения китайским языком и правосознания и успешно окончили образовательные программы в соответствующих центрах в Синьцзяне. Многие из них нашли работу на различных заводах и предприятиях, основали свой собственный бизнес. Некоторые также продолжили обучение в образовательных центрах более высоких ступеней с целью еще больше улучшить свои будущие перспективы на рынке труда» [9].

На наш взгляд, таким образом власти Китая ведут поступательную работу по изменению социально-экономической среды для профилактики экстремизма и терроризма. С 2016 по 2018 г. в СУАР создано 1,4 млн новых рабочих мест [3].

Согласно сообщению из посольства РФ в КНР, в ходе пребывания в СУАР дипломаты в декабре 2018 г. «посетили центры профессиональной подготовки и воспитания в городе Каши, уездах Хэтянь и Моюй. Эти центры используются в целях профилактики и борьбы с угрозами распространения в регионе идей экстремизма и терроризма» [8].

Исходя из изложенного, следует сделать вывод, что идея патриотического, правового, религиозного, трудового и культурного воспитания приоритетна для системы противодействия экстремизму в Китае.

С момента учреждения политики в сфере профессиональной и образовательной подготовки в СУАР не было зафиксировано ни одного теракта.

Таким образом, можно сделать вывод, что профессиональные и образовательные центры в Китае способствуют изменению радикальных взглядов и искоренению экстремизма.

Очевидным остается факт, что Китай преуспел в борьбе с экстремизмом и с крайней его формой проявления – терроризмом. Согласно рейтингу стран по уровню терроризма Global Terrorism Index в 2014 г. Китай был на 25 месте, а в 2019 г. переместился на 42 место [5]. Однако, на наш взгляд, сдерживание экстремизма и терроризма посредством обучения в специальных центрах должно проходить с соблюдением ряда условий. К таким условиям следует отнести:

– обязательное соблюдение прав и свобод человека (в том числе и право исповедать любую религию);

– правовое закрепление оснований помещения лица в центр;

– градация центров: по категориям лиц, проходящих обучение и переподготовку (с учетом их деяний), и по возрасту. Вместе с тем целесообразно предусмотреть центры дневного и круглосуточного (постоянного) пребывания. При этом помещение в круглосуточные центры, на наш взгляд, должно происходить с учетом возраста, пола и состояния здоровья. Не допускать пребывания в круглосуточных центрах несовершеннолетних, женщин, имеющих малолетних или несовершеннолетних детей. При помещении мужчин в круглосуточные центры необходимо учитывать, как это может отразиться на условиях жизни его семьи. Дневное пребывание в центрах, по нашему мнению, допустимо и для несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, для нивелирования их радикальных взглядов.

Очень важно, чтобы центры в конечном итоге были способны изменить экстремистские установки лиц, проходящих в них обучение, иначе может быть достигнут обратный эффект. А для этого необходимо осуществлять качественный подбор кадров для работы в центрах.

Давая заключительную оценку мерам противодействия экстремизму и терроризму в Китае, мы считаем положительной практику страны по созданию центров образования и профессиональной подготовки в целях снижения уровня радикализации. Руководство страны обоснованно видит корни экстремизма в безграмотности и бедности и справедливо делает упор на повышение уровня образования. Настойчивость КНР в этом направлении вызывает бурную критику со стороны зарубежных представителей и СМИ в части жесткости указанных мер. Однако руководство КНР эти обвинения опровергает. Основываясь на сведениях, предоставленных посольством Российской Федерации в Китае, отсутствии конкретных доказательств в обвинениях зарубежных СМИ, а также на официальной позиции Китая, изложенной в Белой книге, мы полагаем, что информация о насильственном содержании в указанных центрах несовершеннолетних, разлучении матерей (помещенных в центр) с детьми, нарушении религиозных прав и свобод и жестоком обращении с лицами, пребывающими в центре, не соответствует действительности.

Положительно оценивая китайский опыт противодействия экстремизму и терроризму, считаем возможным и целесообразным заимствование идеи создания подобных учреждений в российскую практику борьбы с обозначенными негативными явлениями.

В российском уголовном законодательстве предусмотрена возможность возложения на осужденного обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) соци-

альную реабилитацию (ч. 1 ст. 72.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией»). По аналогии с этим установлением, на наш взгляд, целесообразно закрепить обязательство для определенных категорий лиц пройти обучение в центрах образования и профессиональной подготовки.

Деятельность этих центров должна быть регламентирована отдельным законодательным актом, в котором, по нашему мнению, необходимо предусмотреть цели, задачи, функции, структуру центров образования и профессиональной подготовки, их виды, форму обучения и порядок пребывания (дневное пребывание или постоянное) и др.

Однако этот вопрос нуждается в последующем научном осмыслении и комплексной разработке для трансформации в российское законодательство.

Список литературы:

1. *Васильев Л. Е.* О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «трех зол» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-borby-kitaya-s-silami-treh-zol (дата обращения: 19.04.2020).
2. Власти Китая узаконили лагеря перевоспитания мусульман // Коммерсантъ. 11 ноября 2018 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3766348 (дата обращения 17.04.2020).
3. Власти КНР рассказали о продолжении борьбы с терроризмом в Синьцзяне // Информационное агентство «Накануне.RU». 18 марта 2019 г. URL: https://www.nakanune.ru/news/2019/03/18/22535869 (дата обращения: 22.04.2020).
4. В Китае заявили, что практика борьбы с терроризмом в Синьцзяне доказала свою эффективность // Федеральное государственное унитарное предприятие «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)». 16 августа 2019 г. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6768465 (дата обращения: 23.04.2020).
5. Глобальный индекс терроризма. Гуманитарная энциклопедия: исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (последняя редакция: 08.02.2020). URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info (дата обращения: 20.04.2020).
6. «Искореняя идеологическую заразу». Репрессии китайских властей против мусульман в Синьцзяне // Хьюман Райтс Вотч. 9 сентября 2018 г. // URL: https://www.refworld.org.ru/docid/5baf7aab4.html (дата обращения: 23.04.2020).
7. *Кароль Лучка.* «Типичный день состоит из пыток». Будни лагерей в китайском Синьцзяне // Сайт Радио Свободы. 21 марта 2019 г. URL: https://www.svoboda.org/a/29834019.html (дата обращения: 23.04.2020).
8. Лавров прокомментировал сообщения о «лагерях перевоспитания» в Китае // Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова в Кыргызско-Российском

References:

1. *Vasil'ev L. E.* O nekotoryh aspektah bor'by Kitaya s silami «trekh zol» // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost'. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-borby-kitaya-s-silami-treh-zol (data obrashcheniya: 19.04.2020).
2. Vlasti Kitaya uzakonili lagerya perevospitaniya musul'man // Kommersant". 11 noyabrya 2018 g. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3766348 (data obrashcheniya 17.04.2020).
3. Vlasti KNR rasskazali o prodolzhenii bor'by s terrorizmom v Sin'czyane // Informacionnoe agentstvo «Nakanune.RU». 18 marta 2019 g. URL: https://www.nakanune.ru/news/2019/03/18/22535869 (data obrashcheniya: 22.04.2020).
4. V Kitae zayavili, chto praktika bor'by s terrorizmom v Sin'czyane dokazala svoyu effektivnost' // Federal'noe gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatie «Informacionnoe telegrafnoe agentstvo Rossii (ITAR-TASS)». 16 avgusta 2019 g. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6768465 (data obrashcheniya: 23.04.2020).
5. Global'nyj indeks terrorizma. Gumanitarnaya enciklopediya: issledovaniya // Centr gumanitarnyh tekhnologij, 2006–2020 (poslednyaya redakciya: 08.02.2020). URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index/info (data obrashcheniya: 20.04.2020).
6. «Iskorenyaya ideologicheskuyu zarazu». Repressii kitajskih vlastej protiv musul'man v Sin'czyane // H'yuman Rajts Votch. 9 sentyabrya 2018 g. // URL: https://www.refworld.org.ru/docid/5baf7aab4.html (data obrashcheniya: 23.04.2020).
7. *Karol' Luchka.* «Tipichnyj den' sostoit iz pytok». Budni lagerej v kitajskom Sin'czyane // Sajt Radio Svobody. 21 marta 2019 g. URL: https://www.svoboda.org/a/29834019.html (data obrashcheniya: 23.04.2020).
8. Lavrov prokommentiroval soobshcheniya o «lageryah perevospitaniya» v Kitae // Vystuplenie Ministra inostrannyh del RF Sergeya Lavrova v Kyrgyzsko-Rossijskom Slavyanskom universitete imeni B. El'cina v Bishkeke. 4 fevralya

Славянском университете имени Б. Ельцина в Бишкеке. 4 февраля 2019 г. // МИА «Россия сегодня». URL: https://ria.ru/20190204/1550342004.html (дата обращения 21.04.2020).
9. *Сизов Г.А.* Китай рассказал об опыте противодействия экстремизму // Официальный сайт Российского института стратегических исследований. 11 сентября 2019 г. URL: https://riss.ru/analitycs/61808/ (дата обращения: 23.04.2020).
10. *Уэсли Ран, Барановская М.* Репрессии против уйгуров в Китае: DW получила новые доказательства. 17 февраля 2020 г. // Русская редакция Deutsche Welle. URL: https://p.dw.com/p/3XuDu (дата обращения 17.04.2020).
11. «Центры перевоспитания» в Китае – существуют ли они? // Официальный сайт Московского педагогического государственного университета. 5 февраля 2019 г. URL: http://mpgu.su/novosti/centry-perevospitanija-v-kitae-sushhestvujut-li-oni/ (дата обращения 22.04.2020).

Для цитирования:

Вероника Николаевна Панасенко. Оценка опыта противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 191–197.

2019 g. // MIA «Rossiya segodnya». URL: https://ria.ru/20190204/1550342004.html (data obrashcheniya 21.04.2020).
9. *Sizov G.A.* Kitaj rasskazal ob opyte protivodejstviya ekstremizmu // Oficial'nyj sajt Rossijskogo instituta strategicheskih issledovanij. 11 sentyabrya 2019 g. URL: https://riss.ru/analitycs/61808/ (data obrashcheniya: 23.04.2020).
10. *Uesli Ran, Baranovskaya M.* Repressii protiv ujgurov v Kitae: DW poluchila novye dokazatel'stva. 17 fevralya 2020 g. // Russkaya redakciya Deutsche Welle. URL: https://p.dw.com/p/3XuDu (data obrashcheniya 17.04.2020).
11. «Centry perevospitaniya» v Kitae – sushchestvuyut li oni? // Oficial'nyj sajt Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta. 5 fevralya 2019 g. URL: http://mpgu.su/novosti/centry-perevospitanija-v-kitae-sushhestvujut-li-oni/ (data obrashcheniya 22.04.2020).

For citation:

Veronika Nikolaevna Panasenko. Assessment of the experience of countering extremism and terrorism in the People's Republic of China // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 191–197.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ретроспектива

ИРИНА ВИКТОРОВНА ВАЖЕНИНА,
доцент кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: irina-mew@mail.ru

IRINA VIKTOROVNA VAZHENINA,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Internal Affairs Organization
of the Center for Command and Staff Exercises
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: irina-mew@mail.ru

Научная специальность:
12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве;

Scientific specialty:
12.00.01 – Theory and History of Law and State; History of the Teachings of Law and the State.

ORCID: 0000–0002–6797–1384

УДК 351.74:94(410)

Дата поступления: 27 мая 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Влияние английской модели охраны правопорядка на идеи реформирования российской полиции в XIX–XX вв.

Influence of the English Model of Law Enforcement on the Ideas of Reforming the Russian Police in the XIX–XX Centuries

Аннотация

Актуальность: обострение глобальных кризисов и региональные потрясения выдвигают на первый план проблему поиска новых стратегий развития. Одним из путей поиска новых идей и форм оптимизации правоохранительной функции государства выступает обращение к зарубежному опыту. Но этот опыт необходимо изучать в контексте исторических условий его формирования, глубоко анализировать с учетом социальных условий его возникновения с позиций современного уровня теоретических знаний о государстве и праве. В этом плане обращение к проблеме определения исторического формирования полиции Великобритании является актуальным.

Annotation

The relevance: the aggravation of global crises and regional shocks bring to the fore the problem of finding new development strategies. One of the ways to search for new ideas and forms of optimizing the law enforcement function of the state is to turn to foreign experience. But this experience must be studied in the context of the historical conditions of its formation, and analyzed in depth, taking into account the social conditions of its origin, from the standpoint of the current level of theoretical knowledge about the state and law. In this regard, addressing the *problem of determining the historical formation of the UK police is relevant.*

The problem statement: for a long time, Russia

Постановка проблемы: на протяжении длительного времени в России проводится реформирование органов охраны правопорядка. Обосновывая свою позицию, сторонники реформирования часто ссылаются на зарубежный опыт, но описание зарубежного опыта далеко не всегда выполняет одни лишь объективно-информационные функции. Гораздо чаще оно приобретает роль аргумента в общественной дискуссии, подчеркивая недостатки или преимущества отечественных институтов на фоне зарубежных реалий. При этом строго-объективное взвешивание плюсов и минусов зарубежного опыта нередко уходит на задний план по идеологическим соображениям. Изучение научных позиций ученых по проблемам исторического анализа формирования и развития полиции в Великобритании позволяет расширить теоретические положения данного института и показать все разнообразие применяемых форм и методов при правовой оценке его развития в разные периоды государственности.

Цель исследования: выявление основных закономерностей становления и развития полиции Великобритании в XIX–XX вв. и ее влияния на возможности совершенствования российской полиции.

Методы исследования: материалистическая диалектика, сравнительно-исторический, формально-юридический, хронологический, историко-правовой анализ и др.

Результаты и ключевые выводы: модель английской полиции по ряду причин не стала основой реформирования отечественной полицейской системы в XIX–XX вв. В целях повышения эффективности правовой регламентации в данной сфере видится необходимым заимствовать позитивный опыт, накопленный в Великобритании на протяжении длительного исторического периода развития ее государственности, в части взаимодействия полиции Великобритании с муниципалитетами, работы с населением, формирования положительного имиджа полицейского.

Ключевые слова: *Великобритания; генезис развития; история; муниципалитет; полиция; охрана правопорядка.*

has been reforming law enforcement agencies. In justifying their position, supporters of reform often refer to foreign experience, but the description of foreign experience does not always perform only objective informational functions. Much more often, it takes on the role of an argument in public discussion, highlighting the shortcomings or advantages of domestic institutions against the background of foreign realities. At the same time, strictly objective weighing of the pros and cons of foreign experience often goes into the background for ideological reasons. The study of scientific positions of scientists on the problems of historical analysis of the formation and development of the police in the UK allows us to expand the theoretical provisions of this Institute and show the diversity of forms and methods used in the legal assessment of its development in different periods of statehood.

The purpose of the study: to identify the main patterns of formation and development of the British police in the XIX–XX centuries. and its impact on the possibilities of improving the Russian police.

The research methods: materialistic dialectics, comparative historical, formal legal, chronological, historical and legal analysis, etc.

The results and key conclusions: the model of the English police for a number of reasons did not become the basis for reforming the national police system in the XIX-XX centuries. In order to improve legal regulation in this field seems necessary to adopt the positive experience gained in the UK over a long historical period of development of its statehood, in terms of police interaction in the UK with the municipalities work with population, creating a positive image of the police.

Keywords: *Great Britain; Genesis of development; history; municipality; police; law enforcement.*

Система права, органов исполнительной власти и местного самоуправления Великобритании значительно отличается от континентальной Европы не только из-за своеобразия географического положения, но и своих исторических традиций, стабильности государственных институтов, политической культуры, органически вплетаемых в современные структуры органов власти всех уровней.

Отсутствие в Великобритании единого документа, четко определяющего структуру полиции, привело к различной организации в ее историко-географических областях. Полицейские силы Англии, Уэльса и Шотландии при наличии централизованной структуры более

подотчетны органам местного самоуправления, чем МВД. Полиция Северной Ирландии выведена из подчинения муниципалитета.

Особенности становления английской полиции, с учетом исторических традиций государства, привели к созданию интегрированной модели охраны правопорядка, которая успешно сочетает централизацию и децентрализацию, при этом территориальные подразделения полиции обладают значительной самостоятельностью, а Министерство внутренних дел Великобритании определяет направления функционирования полиции в целом и порядок организации полицейских формирований, включая назначение на высшие руководящие должности и частичное финансовое обеспечение деятельности. Западные исследователи называют такую модель умеренно децентрализованной или системой компромиссов [16, с. 10].

Такая модель преобладает в странах, где изначально население опасалось потенциальных злоупотреблений со стороны организованной в государственном масштабе полиции и одновременно нуждалось в эффективной, дееспособной силе, защищающей законные права и интересы подданных. Организованная таким образом система в Великобритании предусматривает единообразный местный контроль, отвечающий общим национальным стандартам.

Охрана правопорядка до создания полиции.

В Великобритании в течение веков активно развивались процессы укрепления местного самоуправления. Приход, зародившийся в XIV в. и окончательно оформившийся в XVI в. в низовую самоуправляющуюся единицу, сочетал в себе функции местного территориального и церковного управления [17, с. 25–30].

В каждом приходе было несколько констеблей. Традиционно они набирались из числа домохозяев (мужчин) путем установления очередности и ежегодно заменялись их соседями. Такие констебли выполняли свою обычную работу мясника, булочника, свечника или кого-то другого и брали плату за свои полицейские обязанности.

В XVIII в. все больше людей стали служить в качестве полупрофессиональных констеблей. Некоторые из них делали это из-за решимости «навязать» определенные законы или реформы или побороть определенные пороки, например, пьянство или азартные игры. Другие соглашались служить вместо выбранного домохозяина за плату, а затем увеличивали (не всегда законным способом) гонорары, которые получали в качестве констебля.

Кроме констеблей, были еще и приходские сторожа, в обязанности которых входил обход определенной территории в ночное время. В 1285 г. Винчестерским статутом было определено, чтобы все домовладельцы в летние месяцы по очереди патрулировали свои окрестности. Домохозяева все более неохотно брали на себя эту обязанность и все чаще нанимали сторожей, оплачивая им их работу. Закон, предложенный двумя Вестминстерскими приходами (Сент-Джеймса и Святого Георгия), в 1735 г. разрешил взимать местную пошлину на оплату назначенных ночных сторожей. В течение следующих пятидесяти лет 40 приходов Великобритании последовали их примеру.

Все необходимые мероприятия, связанные с обеспечением правопорядка, проводились по результатам решений учредительных собраний, во время которых обычно местные жители подписывались на совместное несение расходов во имя общественного блага по поддержанию правопорядка и избирали должностных лиц и руководителей. Это были действующие веками исключительно местные институты.

Переломный момент в сложившемся порядке настал, когда жители приходов стали договариваться о взносах для охраны не только своей собственности, но и, к примеру, общественного патруля. Инициатором этого зачастую становился приходской констебль.

К 1822 г. насчитывалось около 3 860 приходских офицеров, которые играли определенную роль в охране порядка в пределах метрополии, деятельность которых подвергалась серьезной критике со стороны реформаторов полиции и исследователей истории полиции Великобритании.

Традиции местного самоуправления в Англии были очень сильны. Изъятие из его компетенции функции охраны общественного порядка и борьбы с преступностью было трудной задачей. В 1823 г. газета «Таймс» писала, что централизованное управление полицией «это средство, изобретенное деспотизмом» [4, p. 213].

Различные ассоциации и частные компании по охране правопорядка обычно занимались расследованием конкретных преступлений и использованием полученной информации, т. е. принимали меры реагирования на совершенные преступления. Превентивная полицейская функция предполагала предотвращение и пресечение противоправных деяний за счет упреждающих действий государства, таких как контроль за малоимущими подданными по месту их проживания путем регулярного патрулирования и наблюдения.

Ряд российских исследователей (Д. О. Ежевский; Ю. И. Кацуба; И. А. Андреева) считают, что на протяжении значительного исторического периода полицейские институты Великобритании, первоначально созданные ор-

ганами местного самоуправления, «постепенно и неуклонно подпадали под влияние центра» [2; 6; 8]. При рассмотрении вопроса централизации полиции в исторической ретроспективе такой вывод вполне логичен в связи с происходящими социально-экономическими изменениями, процессами укрупнения участков полиции и т. п.

В то же время, принимая во внимание, что до реформы Р. Пиля вопросы охраны правопорядка почти целиком находились в частных руках и компетенции местных органов власти и реализовывались исключительно по местонахождению приходов в форме добровольных взносов или личного участия в охране правопорядка, о централизации не могло быть и речи. Создание любого органа под патронажем государства, чьи полномочия распространялись на территорию всей страны, обществом воспринималось как посягательство на их законные права и свободы. Таким образом, уже в самом факте образования в 1829 г. регулярной униформированной полиции прослеживаются признаки централизации.

Организационно-правовые основы формирования полиции Великобритании.

Деятельность созданной Р. Пилем полицейской системы базировалась на частных инициативах по охране правопорядка XVIII в., но была более рационализирована. Кроме реакции полиции на совершенные преступления по предоставляемой гражданами информации, была расширена практика дневного и ночного дозоров, а также введены меры превентивной направленности. Главное отличие новой лондонской полиции заключалось в том, что все решения, касающиеся уголовного преследования преступников, принимались не приходами и магистратами, как ранее, а сотрудниками полиции. Фактически преобразования, осуществленные в ходе реформы, явились национализацией сферы принятия решений, которая до этого находилась исключительно в частных руках.

Современные политологи считают принципы Р. Пиля столь же актуальным руководством для полицейских департаментов в XXI в., как и в XIX в.

Превентивная тактика столичной полиции была успешной, и уровень преступности и беспорядков снизился. Развернутые бои сил с чартистами (и окончательная победа над ними) в Лондоне и Бирмингеме (куда была специально направлена группа лондонских офицеров) доказали способность полиции справляться с крупными общественными и уличными беспорядками.

Несмотря на эти первые успехи, распространение полиции на сельские районы было постепенным. Большая часть полицейских функций оставалась в ведении местных властей. Приход был главным инструментом местного самоуправления в Лондоне XVIII в.

Организационное оформление полиции графств и городов началось с 1835 г., с принятием парламентом Великобритании ряда нормативных правовых актов, и продолжалось до конца XIX в.

Так, «Законом о муниципальных корпорациях» 1835 г. были созданы местные городские советы, за счет налогов, взимаемых с местных собственников, образована полиция под контролем выборного Наблюдательного комитета.

Законы «О Сельских констеблях» и «О полицейских судах» 1839 г.[1] предоставили мировым судьям дискреционные полномочия за счет налогов формировать новую полицию по всему графству и назначать начальников полиции. За новыми полицейскими силами, созданными по этим законам, контроль, помимо судей, осуществлял и министр внутренних дел.

Исполнение законов на практике вызвало сопротивление некоторых приходов из-за необходимости денежных затрат на новые меры охраны порядка. Многие из них сомневались, что увеличение числа полицейских приведет к сокращению преступности, а судьи будут способны привести специальных констеблей к присяге. Это было особенно характерно для более богатых приходов, которые гордились своими местными учреждениями, скорее похожими (хотя, конечно, в гораздо меньшем размере) на Лондонский Сити.

В 1843 г. ризница[2] Мэрилебон пригласила местного депутата сэра Генри Тафнелла возглавить комитет для сравнения новой полиции с прежними формами регулирования. В выводах комитета отмечалось, что в период с 1818 по 1828 г. охрана порядка сторожами стоила в среднем 9 566 фунтов стерлингов в год. Приход Мэрилебон охраняли 256 человек. При новой полиции ризница стала платить около 20 000 фунтов стерлингов в год, обеспечивая 211 человек охраны [20]. Хотя при новой полиции увеличилось число патрулей в дневное время, число ночных патрулей сократилось.

«Закон о Констеблях округа» 1842 г. многими сельскими приходами рассматривался в качестве альтернативы применения мер 1839 г. [19, p. 240]. Он воспринимался приходами как путь к централизации, в результате которой традиционный контроль сельских элит за ведением их собственных дел будет утрачен. Не исключалась и политическая подопле-

[1] Metropolitan Police Courts Act 1839. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1839/71/pdfs/ukpga_18390071_en.pdf (дата обращения: 04.11.2019).

[2] Собрание налогоплательщиков прихода.

ка. Партия Тори, в противовес Виги, выступала категорически против реформы. В результате такого противодействия к концу 1842 г. закон действовал в полном объеме либо в части лишь в 22 округах.

Обязательное создание новой полиции закрепил «Закон о полиции округа и города» только в 1856 г. Угроза преступности, возросшая после возвращения солдат с Крымской войны, ускорила принятие данного закона, поскольку существовавшая разрозненная охрана правопорядка в Англии и Уэльсе явно не справлялась и требовала единообразного применения на территории всего государства. «Законом были устранены "почетные констебли" и созданы Инспектораты МВД, взявшие на себя контроль за полицией на местах» [9, с. 10].

Страх перед бродяжничеством вынудил дворянство приходов, изначально выступавшее категорически против поправки к «Закону о бедных», принять новую, реформированную систему полиции. Финансовое обеспечение полиции центральным правительством, первоначально эквивалентное ¼ всех затрат на зарплату и форму полицейских, производилось лишь после доклада сотрудников вновь созданной Инспекции в МВД о том, что ее действия в регионе признаны эффективными.

В большинстве округов подразделения Малых Судов[3] продолжали осуществлять контроль за формированием полиции, сохранив территориальную и административную власть магистратов.

Дальнейшее реформирование охраны правопорядка произошло в 80-х гг. XIX в. и было связано с укрупнением полицейских отрядов и совершенствованием контроля за их деятельностью. «Закон о муниципальных корпорациях» ограничил существование малочисленных полицейских участков, установив возможность для города иметь собственную полицию при численности населения более 20 000 человек. А «Закон о местном самоуправлении» возложил контроль за полицией графства на постоянный совместный комитет, включающий в равном соотношении избранных членов совета и судей, которому предоставил право назначения на должность инспекторов полиции в графстве. «С принятием этого закона некоторые исследователи ассоциируют заключительный этап организации полиции в Великобритании» [21, с. 94].

Тем не менее влияние министерства на муниципальные полицейские формирования было незначительным. Министр внутренних дел Г. Г. Асквит в 1893 г. заявил: «Как за себя, так и за всех своих преемников, решительно отказываюсь от какой бы то ни было ответственности за организацию и образ действий местной полиции. Несомненно, есть недостатки существующей системы, они проявляются при событиях, когда беспорядки распространяются на обширную территорию... Был бы печален тот день, когда мы решили централизовать то, что теперь зависит от местного населения» [11, с. 117].

Переход Британии, как и всего мира в целом, к империализму повлек значительные перемены в организации и деятельности государственного аппарата Великобритании в целом и полицейских учреждений в частности. Английские исследователи Д. Харвей и К. Худ отмечают, что МВД Великобритании, «начиная с 1876 г., стало субсидировать из своего бюджета не только Скотланд-Ярд, но и полицию графств, городов и сельских поселений, формально оставшуюся в ведении органов местного самоуправления, что способствовало усилению централизации в системе полицейских органов Великобритании. Используя финансовое давление, министерство получило возможность контроля деятельности полиции на местах и обеспечило исполнение министерских инструкций и приказов» [15, с. 174–175].

В XX в. произошло укрепление государственного строя и усиление исполнительной власти. Законы о чрезвычайном положении, принятые в период Первой мировой войны и послевоенных забастовок, закрепили дополнительные полномочия полиции в части задержаний, досмотров, арестов. В 1914 г. парламент приостановил действие Habeas Corpus Act (1679 г.) и принял «Акт о защите королевства», передав на время войны всю полноту власти правительству. Отдельные положения этого закона продолжали применяться и после войны.

Новый закон о полиции 1919 г. определил структуру и задачи полиции, акцентировав внимание на подавлении массовых выступлений трудящихся, активизировавшихся из-за революционной России. Закон запретил организовывать забастовки, вступать в политические партии и независимые профсоюзы. Министр внутренних дел Великобритании и Государственный Секретарь по делам Шотландии получили право издавать нормативные акты по значимым вопросам организации и деятельности полиции, касающиеся «определения численности состава, размера заработной платы, условий труда, порядка продвижения по службе» [3, с. 188] и т. п.

В соответствии с «Законом о чрезвычайных полномочиях» 1920 г. правительство наделялось правом объявить чрезвычайное положение от имени короля.

[3] Коллегия из двух или более мировых судей, рассматривающая дела о мелких преступлениях.

«Законом о чрезвычайных полномочиях» 1939 г. парламент предоставил исполнительной власти исключительные полномочия в вопросах обеспечения государственной и общественной безопасности, жизненно важных функций государства, борьбы с терроризмом, фактически передав законодательную власть.

Постоянные Объединенные комитеты, которые состояли из магистратов и членов окружного совета и осуществляли надзор за Главным констеблем и подчиненными ему подразделениями полиции, к началу Второй мировой войны утратили контроль над Министерством внутренних дел. В округах начальники полиции отчитывались перед наблюдательными комитетами. Последние назначались местным, выборным городским советом, имели больше полномочий по контролю за главными констеблями своих территориальных формирований, чем постоянные Объединенные комитеты.

В соответствии с чрезвычайными полномочиями (Положение об обороне 1942 г.) было принято решение об объединении полицейских формирований с целью повышения эффективности их работы в условиях военного времени и контроля за полицейской деятельностью.

После окончания Второй мировой войны и распада колониальной британской империи Правительство Великобритании увеличило расходы на содержание полиции с целью укрупнения полицейских подразделений и ограничения контроля в отношении них со стороны органов местного самоуправления. В соответствии с законами о полиции, принятыми в 1946 г. и 1947 г., «число полицейских управлений в Англии и Уэльсе было сокращено до 124 (52 – в графствах, 72 – в городах), а в Шотландии – до 33 (19 – в графствах и 14 – в городах)» [15, с. 77]. В результате реформирования на местах была улучшена координация деятельности полиции и достигнуто единообразное несение службы в стране.

Контроль над полицейскими органами графств и городов был усилен созданием в 1953 г. консультативного совета при МВД Великобритании, который инспектировал их работу.

В дальнейшем организация деятельности полиции в Англии и Уэльсе была определена законами «О полиции» 1964 г. и «О местном самоуправлении» 1972 г., в соответствии с которыми были сформированы 43 подразделения полиции с собственным управлением в каждом графстве.

В Шотландии Закон «О полиции» 1967 г. уменьшил количество полицейских подразделений до 22, а Закон «О местном самоуправлении» 1973 г. – до восьми. В 2013 г. все они объединены в единое формирование.

В период реформирования в 80–19-х гг. XX в. в результате совершенствования деятельности полиции и изменения сути ее предназначения муниципальная полиция превратилась в орган по социальному обслуживанию населения Великобритании. И. А. Андреева, выделяя стадии реформы полиции, отмечает: «Цель новой концепции на всех этапах заключалась в том, чтобы услуги по обеспечению общественного порядка и безопасности соответствовали потребностям общества и осуществлялись при более низких затратах; а полицейская деятельность приведена в строгие рамки закона и при оценке ее работы учитывалось мнение населения» [2, с. 16–17]. Принцип децентрализации муниципальной полиции обосновывается в том числе и финансовыми причинами. Распределение расходов на содержание полиции между правительством и местной администрацией позволит государственному бюджету сэкономить часть средств.

Ю. И. Кацуба в своей диссертации делает вывод, что в 2000-х гг. «государство придерживалось политики усиления контроля МВД над территориальными полицейскими силами, правительство Великобритании излишне вмешивалось в вопросы местного значения, проводилась планомерная централизация полицейских органов страны, что негативно сказалось на взаимодействии между гражданами и представителями правопорядка» [7, с. 77].

Некоторые ученые считают, что «руководство полицией осуществляет именно центральная власть, несмотря на утверждения английских государствоведов о том, что полиция подчинена местным выборным органам. Вывод обосновывают тем, что основная ответственность за сохранение выгодного правящим элитам правопорядка по всей Великобритании лежит на Правительстве» [5, с. 169]. После проведенных реформ в конце XX в. возможность влияния на полицию местных органов власти существенно снизилась.

Однако еще Д. Марч и Г. Саймон, рассматривая вопросы централизации и децентрализации, писали, что «децентрализация неизбежна, независимо от того, какие последствия она влечет (нормальные функциональные или дисфункциональные), так как это обусловлено самой природой процессов принятия организационных решений» [21, p. 185].

В Англии, Шотландии и Уэльсе в настоящее время руководство местными полицейскими силами осуществляется на основе территориального принципа и двойного подчинения: местной администрации и МВД, неисполнение рекомендаций которых может привести к сокращению финансирования подразделения или даже к увольнению его руководителя.

Как отмечали британские государствоведы Ч. Адриан и Ч. Пресс, «ни один серьезный наблюдатель не может настаивать, что закон в равной мере применяется ко всем слоям городского населения, хотя это и есть признанная цель юстиции» [18, p. 410, 419]. Соединение муниципалитетов с территориальной полицией приближает административно-полицейский аппарат к гражданскому обществу, учитывая интересы простых граждан, защищая равноправие, соблюдение законности и гражданские свободы. В то же время нельзя не признать, что за социальными низами конституционно закреплены права оказывать непосредственное влияние на данный аппарат путем оценки его деятельности, в том числе при выборах в местные представительные органы» [19, с. 177–187].

Наблюдая исторический процесс эволюции государственного аппарата Великобритании и других стран, можно сделать вывод о постепенной трансформации системы государственных органов из классово-ориентированной структуры в инструмент обеспечения интересов различных социальных групп. Безусловно, используя метод материалистической диалектики, можно сделать вывод о наличии классовых и общесоциальных признаков в деятельности полиции Великобритании на современном этапе, что не позволяет абсолютизировать классовый фактор, но и не дает возможность рассматривать полицию исключительно как орган, защищающий общесоциальные интересы. Так, по данным различных источников, в настоящее время средний класс составляет около 80 % общества Великобритании. Полиция Великобритании, охраняя правопорядок в обществе, в котором существует частная собственность на средства производства, естественно, защищает эту собственность, т. е. защищает интересы и среднего класса – основной массы общества.

По мнению английских исследователей Д. Харвея и К. Худа, «образ добродушного английского полисмена помогает поддерживать иллюзию о том, что государство является нейтральным механизмом, действующим в интересах всех граждан независимо от их имущественного положения или классовой принадлежности» [19, с. 184]. Для поддержания положительного общественного мнения об органах полиции, охраняющих и защищающих права простого человека, в Великобритании на протяжении уже двух веков проводится разносторонняя работа. «С малых лет английских подданных воспитывают и учат уважать и беспрекословно подчиняться указаниям сотрудника полиции – беспристрастного, честного и справедливого слуги закона» [19, с. 184].

Идеи реформирования российской полиции по английскому образцу.

В России полиция сформировалась примерно на столетие раньше, чем в Англии, но уже через несколько лет после создания лондонской полиции ее приводили в пример отечественной полиции и рассматривали в России в качестве образца. Так, обер-полицмейстер Санкт-Петербурга граф П. А. Шувалов в 1857 г. наставлял своих подчиненных, что «не горлом надо брать, а кротостью и учтивостью, как в Англии» [1, с. 57].

В 1856 г. в Министерстве внутренних дел Российской империи была создана «Комиссия по преобразованию земской полиции». Ее секретарь, чиновник для особых поручений М. Е. Салтыков, впоследствии более известный как писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, подготовил в 1857 г. проект реорганизации российской полиции «Об устройстве градских и земских полиций» [13, с. 45–55]. В пример приводились организационные основы деятельности полиции Франции и Англии. Компетенция и организация полиции в Англии, по мнению Салтыкова-Щедрина, учитывала большую роль местного самоуправления в решении общественно значимых проблем. Централизованная французская полиция при этом служила отрицательным примером из-за вмешательства во все сферы жизни общества, что приводило к недовольству, «волнению умов» и даже революциям. Однако проект реорганизации полиции Министерством внутренних дел был отклонен.

Созданная императором Александром II для подготовки реорганизации органов местного управления и обследования деятельности российской полиции комиссия отмечала, что полиция перегружена выполнением многих административно-хозяйственных функций и «не может вселять к себе доверия» [14, с. 563]. Член данной комиссии харьковский губернатор П. Д. Дурново составил проект реформирования полиции, в котором также считал необходимым учесть опыт Англии. В этой стране, как он считал, полиция «...строго охраняет существующие учреждения и порядок, пользуется уважением и любовью нации», в то время как «...у нас в России полиция никогда не имела подобного значения» [6].

Революция 1905–1907 гг., превращение России из абсолютной в ограниченную монархию, дарование политических прав и свобод поставили вопрос о новой реформе полиции, которая смогла бы эффективно бороться с преступностью, не нарушая при этом права и свободы, дарованные Манифестом 17 октября 1905 г. Самая влиятельная партия в России того времени – партия конституционных демократов счи-

тала Англию образцом и ориентиром государственно-политического строя.

С. И. Раппопорт в своей статье «Лондонская полиция перед судом королевской комиссии» в журнале «Русская мысль» в 1908 г. изложил сведения о работе парламентской комиссии, созданной по распоряжению короля для оценки деятельности лондонской полиции. Жалобы лондонцев на нарушение их прав полицией при пресечении пьянства, проституции и иных случаев нарушения общественного порядка, как отмечает автор, направлялись в общественную организацию по контролю за деятельностью полиции (Police and Public Vigilance Sociely). Эта общественная организация «...зорко наблюдала за интересами публики в ее столкновениях с полицией» [12, с. 147] и на основании жалоб граждан на полицию направляла запрос не в МВД, а в нижнюю палату британского парламента, где специальная парламентская комиссия рассматривала вопросы соблюдения полицией прав граждан. Деятельность комиссии и собранные ею материалы были открыты для средств массовой информации. Принцип разделения государственной власти и проблемы осуществления общественного и парламентского контроля за полицией в России волновали людей либеральных взглядов, считавших возможным и необходимым внедрить данный опыт в практику российской действительности. При наличии парламентского и общественного контроля за деятельностью полиции, соблюдении ею прав граждан лондонская полиция, как утверждал автор, отлично справляется со своими обязанностями. Крупнейший город Европы, который «...кишит общественными отбросами и подонками, собранными сюда не только с разных концов Англии, но и заграницы, оказывается самым безопасным для жизни и имущества его жителей» [12, с. 147].

В период Временного правительства вновь в какой-то момент возникла идея реформировать российскую полицию по английскому образцу. После ликвидации царской полиции на местах стали создавать «гражданскую милицию», сформированную на добровольческой основе и подчиненную органам местного самоуправления. Модель охраны общественного порядка по образцу «старой» полиции Англии (до 1829 г.) соответствовала программе партии кадетов, формировавшей органы власти после падения самодержавия, и была популярна среди российской либерально-демократической общественности. Гражданская милиция рассматривалась как антипод царской полиции: если полицейский стоял на страже самодержавия, то милиционер демократической России будет прежде всего защищать права и свободы граждан. Идеолог русского анархизма П. А. Кропоткин в начале 1917 г. в газете «Русские ведомости» писал, что своими успехами Англия обязана развитию и широкой компетенции органов местного самоуправления, в ведении которого находится и полиция [8, с. 339].

Ориентация на английскую полицию противоречила официальной позиции Министерства внутренних дел Российской империи. В процессе подготовки реформы российской полиции делегация министерства посетила Германию, Австро-Венгрию, Францию, полагая, что опыт этих стран, в отличие от Англии, может быть использован полицией Российской империи. Материалы о деятельности полиции этих стран публиковались в «Вестнике полиции». В нем же было опубликовано мнение начальника полиции Берлина о лондонской полиции, который считал, что общественный порядок в Лондоне поддерживается не столько усилиями полиции, сколько законопослушностью, дисциплинированностью лондонцев, в чем они превосходят даже немцев [10, с. 14]. В советский период и речи не могло быть о том, чтобы отечественная милиция брала пример с карательных полицейских органов буржуазных государств.

Таким образом, английская полицейская модель так и не стала основой реформирования отечественной полиции. В то же время, учитывая современные тенденции развития правоохранительных органов в России, опыт, накопленный британской правовой системой в отношении реализации полицейской функции, построения правовых основ функционирования полицейских структур, формирования имиджа правоохранителей, выстраивания взаимоотношений между полицией, муниципалитетами и гражданским обществом является востребованным.

Список литературы:

1. *Абакумов О. Ю.* Третье отделение на страже нравственности и благочиния. М., 2017.
2. *Андреева И. А.* Реформы органов полиции в государствах Европы (конец XX – начало XXI вв.): учеб. пособ. Омск, 2013.
3. *Голлан Д.* Политическая система Великобритании. М., 1955.

References:

1. *Abakumov O. Yu.* Tret'e otdelenie na strazhe nravstvennosti i blagochiniya. M., 2017.
2. *Andreeva I. A.* Reformy organov policii v gosudarstvah Evropy (konec HKH – nachalo HKHI vv.): ucheb. posob. Omsk, 2013.
3. *Gollan D.* Politicheskaya sistema Velikobritanii. M., 1955.

4. *Джонсон Б.* Лондон по Джонсону. О людях, которые сделали город, который сделал мир. СПб., 2016.
5. *Ежевский Д. О.* Местное самоуправление в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
6. Записка бывшего Харьковского губернатора Дурново о преобразовании полиции, составленная в ноябре 1869 г. // Материалы, собранные для Высочайше учрежденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений: отдел полицейский. СПб., 1879. Ч. III.
7. *Кацуба Ю. И.* Система обеспечения внутренней безопасности Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
8. *Кропоткин П.* Анархия, ее философия, ее идеал. СПб., 2017.
9. *Крылов Б. С.* Полиция Великобритании: основные черты организации и деятельности: учеб. пособ. М., 1974.
10. Начальник полиции Берлина фон Ягов о лондонской полиции // Вестник полиции. 1910. № 48.
11. *Поррит Э.* Современная Англия. М., 1897.
12. *Раппопорт С.* Лондонская полиция перед судом королевской комиссии // Русская мысль. 1908. № 11.
13. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб., 1905. Т. 1.
14. *Соловьев Н. Я.* Записки // Русская старина. 1882. № 3.
15. *Харвей Д. и Худ К.* Британское государство. М., 1961.
16. *Яковлев К. Л., Яковлева Е. И., Яковлева О. Н.* Государственно-правовые основы организации правоохранительных органов зарубежных стран: монография. М., 2019.
17. *Яковлев К. Л.* К вопросу о судебных и полицейских функциях органов местного самоуправления в средневековой Англии // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. № 4.
18. *Adrian Ch., Press Ch.* Governing Urban America. London, New York. 1964.
19. *Eastwood D.* Governing Rural England. Oxford: Oxford University Press, 1994.
20. History from Police Archives. URL: http://www.open.ac.uk/Arts/history-from-police-archives/welcome.html (дата обращения: 30.03.2020).
21. *March I. G., Simon H. A.* Organisations. 1958. № 4.

Для цитирования:

Важенина Ирина Викторовна. Влияние английской модели охраны правопорядка на идеи реформирования российской полиции в XIX–XX вв. // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 198–206.

4. *Dzhonson B.* London po Dzhonsonu. O lyudyah, kotorye sdelali gorod, kotoryj sdelal mir. SPb., 2016.
5. *Ezhevskij D. O.* Mestnoe samoupravlenie v Soedinennom Korolevstve Velikobritanii i Severnoj Irlandii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005.
6. Zapiska byvshego Har'kovskogo gubernatora Durnovo o preobrazovanii policii, sostavlennaya v noyabre 1869 g. // Materialy, sobrannye dlya Vysochajshe uchrezhdennoj komissii o preobrazovanii gubernskih i uezdnyh uchrezhdenij: otdel policejskij. SPb., 1879. CH. III.
7. *Kacuba YU. I.* Sistema obespecheniya vnutrennej bezopasnosti Soedinennogo Korolevstva Velikobritanii i Severnoj Irlandii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012.
8. *Kropotkin P.* Anarhiya, ee filosofiya, ee ideal. SPb., 2017.
9. *Krylov B. C.* Policiya Velikobritanii: osnovnye cherty organizacii i deyatel'nosti: ucheb. posob. M., 1974.
10. Nachal'nik policii Berlina fon Yagov o londonskoj policii // Vestnik policii. 1910. № 48.
11. *Porrit E.* Sovremennaya Angliya. M., 1897.
12. *Rappoport S.* Londonskaya policiya pered sudom korolevskoj komissii // Russkaya mysl'. 1908. № 11.
13. *Saltykov-Shchedrin M. E.* Poln. sobr. soch.: v 20 t. SPb., 1905. T. 1.
14. *Solov'ev N. Ya.* Zapiski // Russkaya starina. 1882. № 3.
15. Harvej D. i Hud K. Britanskoe gosudarstvo. M., 1961.
16. *Yskovlev K. L., Yakovleva E. I., Yakovleva O. N.* Gosudarstvenno-pravovye osnovy organizacii pravoohranitel'nyh organov zarubezhnyh stran: monografiya. M., 2019.
17. *Yakovlev K. L.* K voprosu o sudebnyh i policejskih funkciyah organov mestnogo samoupravleniya v srednevekovoj Anglii // Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2019. № 4.
18. *Adrian Ch., Press Ch.* Governing Urban America. London, New York. 1964.
19. *Eastwood D.* Governing Rural England. Oxford: Oxford University Press, 1994.
20. History from Police Archives. URL: http://www.open.ac.uk/Arts/history-from-police-archives/welcome.html (data obrashcheniya: 30.03.2020).
21. *March I. G., Simon H. A.* Organisations. 1958. № 4.

For citation:

Vazhenina Irina Viktorovna. Influence of the English model of law enforcement on the ideas of reforming the Russian police in the XIX–XX centuries // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 198–206.

РОЛАНД СЕРГЕЕВИЧ МУЛУКАЕВ,
главный научный сотрудник
отдела по изучению проблем истории
МВД России научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор,
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ROLAND SERGEEVICH MULUKAEV,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the Department
for the Study of Historical Problems of the Ministry
of Internal Affairs of Russia Research Center
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ АФАНАСЬЕВ,
главный научный сотрудник
отдела по изучению проблем истории
МВД России научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук,
заслуженный юрист Российской Федерации
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: 1595467@mail.ru

VLADIMIR SERGEEVICH AFANAS'EV,
Doctor of Law, Merited Lawyer of Russian Federation,
Chief Researcher of the Department for the Study
of Problems of History of the Ministry of Internal
Affairs of Russia of the Research Center
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: 1595467@mail.ru

Научная специальность:
12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific specialty:
12.00.01 – Theory and History of Law and State;
History of the Teachings of Law and the State

УДК 351.74

Дата поступления: 30 марта 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Советская милиция как орган охраны правопорядка

Soviet Police as a Law Enforcement Agency

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются характерные особенности советской милиции как органа охраны правопорядка.

Цель статьи показать многофункциональное содержание деятельности милиции, обусловившую практически ее особое место в системе советских органов правопорядка, раскрыть не утративший значение исторический опыт функционирования советской милиции, выявить причины, обусловливавшие наличие тех или иных функций милиции, которые выделяли ее из общей системы органов охраны правопорядка.

Методы исследования: метод диалектического материализма, принцип историзма.

Результаты и ключевые выводы: постановка проблемы, остававшейся до сих пор вне влияния исследователей и вывод о необходимости ее всесторонней, и глубокой разработке.

Ключевые слова: *советская милиция; органы охраны правопорядка; функции и круг обязанностей милиции.*

Annotation

This article examines the characteristic features of the Soviet police as a law enforcement Agency.

The purpose of the article is to show the multifunctional content of the police activity, which practically determined its special place in the system of Soviet law enforcement agencies, to reveal the historical experience of the Soviet police functioning that has not lost its significance, to identify the reasons for the presence of certain functions of the police that distinguished it from the General system of law enforcement agencies.

The research methods: the method of dialectical materialism, the principle of historicism.

The results and key conclusions: statement of a problem that has remained out of the influence of researchers until now and conclusion about the need for its comprehensive, and deep development.

Keywords: *Soviet police; law enforcement agencies; functions and responsibilities of the police.*

Как известно, органы охраны правопорядка занимают одно из важных мест в механизме государства. Их социальное предназначение состоит в том, чтобы обеспечивать прочный общественный порядок как необходимый фактор нормального функционирования общества.

Необходимо отметить, что органы охраны правопорядка – это организационно-нравственный щит государства как основного гаранта реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Именно этим определяется наличие в механизме государства системы органов охраны правопорядка с конкретными предметами ведения у каждого из них. Границы, разделяющие эти предметы ведения, носят достаточно определенный характер. Это является основанием носящей во многом объективный характер специализации органов охраны правопорядка – своего рода разделение труда. Естественно, что с позиций такого разделения труда следует рассматривать роль советской милиции как органа охраны правопорядка. Нужно подчеркнуть, что и в оригинальных документах, и в юридической литературе Советского Союза милиция характеризовалась как орган охраны общественного порядка Советского государства и на различных ее этапах претерпевала существенные изменения. Поэтому природу советской милиции как органа правопорядка можно раскрыть только через призму исторического подхода. Не следует также забывать о том, что советская милиция являлась органом социалистического государства, и это определяло ее природу и характер деятельности.

Первая особенность милиции заключалась в том, что она возникла в результате победы Октябрьской социалистической революции в форме рабочей милиции, которая соединяла в себе функции армии, а также органы охраны общественного порядка. Короткий период существования рабочей милиции показал ее нежизненность. «Советская власть от нее отказалась, став на путь создания штатного профессионального органа охраны общественного порядка – рабоче-крестьянской милиции. Но время, когда существовала рабочая милиция, – неотъемлемая часть истории советской милиции.

С самого начала существования советская милиция формировалась как классовый орган. На службу в советскую милицию принимались граждане РСФСР, пользовавшиеся «активным и пассивным правом в Советы депутатов Советской Конституции» [3].

В условиях становления Советского государства, когда сохранялась социальная неоднородность общества, деление на противоположные классы, такой подход вызывался объективной необходимостью. Кроме того, это существенно влияло на профессионализм и качественный состав кадров.

В 30-е гг. положения о классовом подходе к комплектованию кадров милиции прекратили свое действие. На работу в милицию принимались граждане СССР, достигшие возраста совершеннолетия и имевшие определенный уровень образования.

Отличительная особенность советской милиции, сложившаяся с самого начала ее создания, выделявшая ее из общей системы органов охраны правопорядка, состояла в том, что она являлась вооруженной организацией. Эта особенность впервые на правовом уровне была закреплена в Законе СССР «О Советской милиции» от 6 марта 1991 г., в котором отмечалось: «Советская милиция – государственная правоохранительная вооруженная организация, защищающая граждан, их права и законные интересы, советское общество и государство от преступных и иных противоправных посягательств» [1].

Вооруженный характер советской милиции был обусловлен объективными факторами. В процессе выполнения возложенных на милицию обязанностей необходимость применения оружия являлась весьма вероятной (пресечение деятельности вооруженных преступных формирований и т. п.). На протяжении всех лет советской власти применение оружия сотрудниками милиции было строго законодательно регламентировано.

Вместе с тем следует отметить, что история милиции сложилась таким образом, что ее деятельность как вооруженной организации выходила за рамки обязанностей органа охраны правопорядка. В годы гражданской войны и иностранной интервенции Декретом СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. милиция преобразовывалась в особую вооруженную организацию, призванную не только обеспечивать общественный порядок в тылу, но и вместе с Красной Армией участвовать в боевых действиях на фронтах. НКВД РСФСР был обязан 1/3 милиционеров и 1/5 командного состава постоянно держать в действующей армии [4].

Нормы закона о военизации милиции получили развитие в Положении о рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г. «Народный Комиссариат по военным делам привлекал милицию в действующую Красную Армию, но с таким расчетом, чтобы в действующей армии единовременно находилось не свыше 1/5 ее личного состава» [5].

После окончания Гражданской войны эта обязанность милиции была отменена.

В годы Великой Отечественной войны обязательное участие подразделений милиции в боевых операциях на фронтах не устанавливалось, хотя милицейские подразделения участвовали в боевых действиях. Однако режим работы милиции был видоизменен применительно к условиям военного времени. Личный состав мили-

ции был переведен на казарменное положение. Одновременно вводилось совместное круглосуточное патрулирование нарядов военных комендатур и милиции.

В годы войны изменилось содержание общественного порядка. Устанавливался комендантский час, вводились правила светомаскировки, строгий паспортный режим. Важнейшим направлением работы милиции стало выявление и задержание вражеских агентов и дезертиров.

Составной частью деятельности милиции по обеспечению общественного порядка являлась ликвидация последствий вражеских бомбежек в прифронтовых городах, пресечение фактов мародерства и других правонарушений.

Как уже отмечалось, советская милиция являлась органом охраны правопорядка социалистического государства. Этот факт предопределил еще одну ее особенность.

Конституция СССР 1936 г. в качестве экономической основы государства закрепила социалистическую собственность на орудия и средства производства. Статья 131 Основного закона объявляла общественную собственность священной и неприкосновенной основой советского строя, источником богатства и могущества Родины. Охрана социалистической собственности становилась одной из основных функций советского государства. Поэтому, как представляется, вполне закономерным стал тот факт, что в марте 1937 г. в системе органов милиции были созданы подразделения по борьбе с хищениями социалистической собственности (далее – ОБХСС). На них была возложена обязанность пресекать хищения государственного и общественного имущества в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской и промысловой кооперации, в заготовительных органах и сберкассах.

Создание службы ОБХСС придало советской милиции как органу охраны правопорядка новое качество. Противодействие хищениям и разбазариванию государственного и общественного имущества являлось одним из основополагающих факторов прочности и стабильности экономического строя Советского государства.

Таким образом, милиция становилась одним из важнейших организационно-правовых инструментов государства, обеспечивавших прочность его экономической основы. А если учесть, что служба ОБХСС была создана в годы развернувшейся в СССР индустриализации, то можно говорить о вкладе милиции в это грандиозное по масштабам и историческому значению общественное преобразование.

Известно, что советская милиция была на переднем плане борьбы с общеуголовной преступностью в стране. Необходимо отметить, что пресечение и раскрытие преступлений составляло главный приоритет ее деятельности. Основным организационным инструментом милиции, практически занимавшимся пресечением и раскрытием преступлений, являлся уголовно-розыскной аппарат. Его сотрудники использовали специальные методы оперативно-розыскной работы и раскрывали самые сложные, запутанные преступления. В системе советского уголовного розыска выросла целая плеяда «корифеев» розыска, опыт которых не потерял своего значения и в наши дни.

Вся работа милиции по пресечению и раскрытию преступлений опиралась на прочную научную основу. Прежде всего осуществлялось глубокое изучение причин преступности, разработка методов и способов ее предупреждения, профилактики. В структуре милиции была создана профессиональная служба профилактики, занимавшаяся исследованием условий и обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, выявлением лиц, которые вели антиобщественный образ жизни.

Не меньшее значение в деятельности советской милиции по раскрытию и пресечению преступлений имел тщательный анализ причин антиобщественных явлений, условий, способствовавших их возникновению, детальное изучение оперативной обстановки на местах. В соответствии с этим строилась работа подразделений милиции, занимавшихся раскрытием и предотвращением преступлений. При этом широкое внедрение специализации в деятельность аппаратов уголовного розыска способствовало формированию опытных специалистов, владевших эффективными приемами предотвращения и раскрытия наиболее сложных преступлений.

Еще одной важной особенностью милиции, отличавшей ее практически от остальных органов правопорядка, являлся режим непрерывной работы. Милиция функционировала круглые сутки. Она выполняла роль постоянного стража правопорядка в стране. Это определялось ее профессиональным предназначением в государстве: правопорядок в государстве должен быть обеспечен ежечасно, ежеминутно. Эта важнейшая составная часть сохранения демократического режима в общественной жизни. Каждый гражданин Советского Союза мог сказать словами поэта: «Моя милиция меня бережет».

В деятельности любого органа охраны правопорядка заложена немалая доля гуманизма. Однако несравненно более высокий уровень гуманизма, заложенный в деятельности советской милиции, был предопределен уровнем социальной масштабности задачи, которую ей пришлось решать. Это – ликвидация детской беспризорности, безнадзорности, которая в СССР в 20-30-е гг. прошлого столетия приобрела характер социального бедствия. Преодоле-

ние бедствия стало общегосударственной задачей, в решении которой милиции принадлежала едва ли не ведущая роль. В середине 30-х гг. в органах милиции Советского Союза были созданы детские комнаты. Накануне Великой Отечественной войны в стране насчитывалось около одной тысячи детских комнат, а в годы войны их численность еще больше увеличивалась.

Работники детских комнат милиции выявляли беспризорных подростков, устраивали их в детских домах, передавали на воспитание гражданам.

Как известно, проблема детской беспризорности и безнадзорности как общегосударственная социальная проблема в СССР была успешно решена.

Детские комнаты милиции без преувеличения можно характеризовать как милицейские посты педагогической службы. Их деятельность заключалась в профилактике правонарушений, нравственном воспитании обездоленных и оступившихся подростков, в проведении действенных мер по возвращению их к нормальной жизни.

Представляется, что опыт функционирования детских комнат милиции – это социальный опыт, который никогда не потеряет своей значимости. В СССР на базе детских комнат в милиции были созданы инспекции по делам несовершеннолетних, укомплектованные специалистами с психологическим и педагогическим образованием. Это позволяло инспекциям вести эффективную работу по снижению уровня правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

В год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне вполне уместно в контексте принципа гуманизма вспомнить о том, что в военные годы многие семьи распадались, родственники теряли связь между собой. И именно на милицию была возложена задача розыска родственников, с которыми была утрачена связь.

В составе Главного управления милиции НКВД СССР было образовано Центральное справочное бюро, которое взяло на учет 6 млн эвакуированных граждан. Из их числа удалось разыскать 2 861 000 чел. Более 20 тыс. потерянных детей было возвращено родителям [2, с. 266].

В современную эпоху развития транспорта, невиданной раньше интенсификации дорожного движения обеспечение безопасности на транспортных магистралях и улицах городов составляет неотъемлемую часть правопорядка.

В Советском Союзе проблема безопасности дорожного движения к середине 30-х гг. прошлого столетия приобрела большую актуальность. Со всей очевидностью встала задача решения этой проблемы в общегосударственном масштабе. 3 июля 1936 г. СНК СССР утвердил Положение о Государственной автомобильной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. Главной обязанностью Государственной автомобильной инспекции являлось обеспечение безопасности дорожного движения, борьба с аварийностью на автотранспорте. Кроме того, ГАИ занималось подготовкой кадров водителей автомобилей в специальных школах. В составе государственной автомобильной инспекции действовали квалификационные комиссии по представлению права управления автомобилем.

Создание ГАИ в системе органов милиции сыграло большую роль в деле обеспечения безопасности и правопорядка на транспортных магистралях. Исторический опыт подтвердил целесообразность создания службы транспортной безопасности в аппарате советской милиции.

Исключительной по своему характеру и в то же время типологической по природе чертой советской рабоче-крестьянской милиции являлось практически постоянное тесное сотрудничество с общественностью, а по существу, с гражданами СССР. Уже в 20-е гг. сложились организационные формы этого сотрудничества – Общества содействия милиции (Осодмил), Бригады содействия милиции (Бригадмил), группы содействия милиции в годы Великой Отечественной войны.

Процесс развития организационных форм сотрудничества милиции с гражданами страны вполне закономерно привел к созданию массовых объединений граждан – добровольных народных дружин по охране общественного порядка (далее – ДНД). В 1986 г. в стране действовали 250 тыс. народных дружин, насчитывающих 14 млн чел.

Народные дружины отличались не только своей массовостью. Главным являлась высокая эффективность их деятельности. С созданием ДНД существенно повысился уровень охраны общественного порядка в городах и в других населенных пунктах. Люди с красными повязками на руках пользовались большим и заслуженным уважением советских граждан.

В процессе совместной деятельности милиции и ДНД сложились организационно-правовые формы их взаимодействия, характерной чертой которых были сотрудничество и взаимопомощь. В результате их сотрудничества возникли опорные пункты общественности и милиции, сразу распространившиеся по всей стране. К началу 1975 г. в СССР имелось 10 тыс. опорных пунктов. Этот опыт оказался весьма жизнеспособным: опорные пункты сохранялись и в современной практике.

Советская милиция на всем протяжении своего существования являлась составной частью системы органов Народного комиссариата (Министерства) внутренних дел; до 1930 г. – Народного комиссариата РСФСР и других со-

южных республик, с 1934 г. – Народного комиссариата (с 1946 г. Министерства) внутренних дел СССР. Поэтому вполне логичным является рассмотрение милиции в совокупности подразделений и организаций органов внутренних дел. Однако в правовом статусе советской милиции имелся ряд особенностей.

Во-первых, на протяжении значительной части существования советской милиции она рассматривалась как самостоятельный орган власти. В постановлении НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» отмечалось: «Советская рабоче-крестьянская милиция является исполнительным органом рабоче-крестьянской центральной власти на местах, состоящей в непосредственном ведении местных Советов, и подчиняется общему руководству Народного Комиссариата по внутренним делам» [3].

В декрете ВЦИК от 10 июля 1920 г. указывалось, что руководство милицией в пределах губерний возлагается на губернские и уездные управления милиции, являющиеся подотделами отделов милиции управления исполнительных комитетов [6].

В Положении о Рабоче-Крестьянской милиции, утвержденном постановлением СНК СССР 25 мая 1931 г., устанавливалось, что «Рабоче-Крестьянская милиция является административно-исполнительным органом Советской власти» [7].

Важно отметить, что милиция рассматривалась как составная часть органов Советского государства, главной задачей которых была охрана советского общественного и государственного строя. В утвержденном Советом Министром СССР 17 августа 1962 г. Положении о советской милиции указывалось, что милиция исполняет свои обязанности, руководствуясь Конституцией СССР, законами СССР, союзных и автономных республик.

Важной вехой в правовом регулировании организации деятельности советской милиции стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1973 г. «О дальнейшем совершенствовании деятельности милиции». 19 июля 1973 г. Указ был утвержден Верховным Советом СССР и приобрел силу закона, который стал правовой основой статуса милиции как составной части системы МВД СССР и как органа, подчиненного республиканским, областным, краевым, окружным, городским и районным Советам и их исполкомам.

6 марта 1991 г. Верховный Совет СССР принял закон «О советской милиции». Это был правовой акт нового типа, регулирующая сила которого охватывала все стороны жизнедеятельности милиции. Однако история сложилась таким образом, что этот закон практически не вступил в силу.

Настоящая статья ни в коей мере не претендует на полноту раскрытия темы и носит постановочный характер. В статье сделана попытка обратить внимание на значение исторического опыта для его учета в современной действительности. Тот опыт, который оставила советская милиция, с точки зрения автора, не утратил своего значения и его следует изучать. Материал, содержащийся в данной статье, показывает, что советская милиция как орган охраны правопорядка имела свои отличительные черты. Думаем, что вполне правомерно характеризовать его как многопрофильный орган, функции которого во многом определялись конкретными историческими условиями развития Советского государства и теми задачами, которые оно решало.

Список литературы:

1. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 12. Ст. 319.
2. История Советской милиции: в 2 т. / С. М. Крылов и др.; под ред. Н. А. Щелокова. М., 1977. Т. 2.
3. СУ РСФСР. 1918. № 76. Ст. 813.
4. СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 133.
5. СУ РСФСР. 1920. № 79. Ст. 371.
6. СУ РСФСР. 1920.
7. СУ РСФСР. 1931. № 33. Ст. 247.

References:

1. Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR. 1991. № 12. St. 319.
2. Istoriya Sovetskoj milicii: v 2 t. / S. M. Krylov i dr.; pod red. N. A. Shchelokova. M., 1977. T. 2.
3. SU RSFSR. 1918. № 76. St. 813.
4. SU RSFSR. 1919. № 13. St. 133.
5. SU RSFSR. 1920. № 79. St. 371.
6. SU RSFSR. 1920.
7. SU RSFSR. 1931. № 33. St. 247.

Для цитирования:

Мулукаев Роланд Сергеевич, Афанасьев Владимир Сергеевич. Советская милиция как орган охраны правопорядка // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 207–211.

For citation:

Mulukaev Roland Sergeevich, Afanas'ev Vladimir Sergeevich. Soviet Police as a Law Enforcement Agency // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 207–211.

ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА РЫЖОВА,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: julia1806@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ORCID 0000–0002–9519–3268

УДК 94(47).081

Дата поступления: 17 июня 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

YULIYA VALER'EVNA RYZHOVA,
Candidate of Law, Associate Professor
Professor of the Department of State and Legal Disciplines
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: julia1806@yandex.ru

Scientific specialty:
12.00.01 – Theory and History of Law And State; History of the Teachings Of Law and the State

Роль губернских жандармских управлений в обеспечении внутренней безопасности Российской империи в конце XIX – начале XX в.

The Role of Provincial Gendarmerie Departments in Ensuring the Internal Security of the Russian Empire in the Late XIX-Early XX Centuries

Аннотация

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что к юбилейному событию – 300-летию российской полиции была проделана большая работа по подготовке значительного количества изданий, посвященных теоретико-правовым и ретроспективным аспектам функционирования полиции Российской империи. Кроме того, вопросы становления и развития деятельности полиции стали главной темой ряда научных конференций и форумов, что только показало важность изучения исторического опыта деятельности российской полиции.

Это важно, во-первых, для уточнения представления о деятельности полиции, ее функциях, взаимодействии с другими государственными органами, во-вторых, для углубления и систематизации имеющихся научных знаний о деятельности и назначении института жандармерии и, в третьих, для дополнения научных сведений при преподавании учебных дисциплин «История органов внутренних дел», «История государственного управления в России». Анализ деятельности губернских жандармских управлений позволит также уточнить закономерности развития и функционирования Российского го-

Annotation

The relevance of the article is due to the fact that for the anniversary event – the 300th anniversary of the Russian police, a lot of work was done to prepare a significant number of publications devoted to theoretical and legal and retrospective aspects of the functioning of the police of the Russian Empire. In addition, the formation and development of the police became the main topic of a number of scientific conferences and forums, which only showed the importance of studying the historical experience of the Russian police.

This is important, firstly, to clarify the idea of the police, its functions, and interaction with other state bodies, and secondly, to deepen and systematize the existing scientific knowledge about the activities and purpose of the Institute of gendarmerie, and, thirdly, to Supplement scientific information in the teaching of academic disciplines «History of internal Affairs bodies», «History of public administration in Russia». Analysis of the activities of provincial gendarmerie departments will also clarify the patterns of development and functioning

сударства в конкретно-исторических условиях второй половины XIX – начала XX в.

Постановка проблемы: тема деятельности полиции дореволюционной России находилась и находится в постоянном поле зрения исследователей. Можно отметить таких ученых, как Н.П. Ерошкин, Р.С. Мулукаев, А.Е. Скрипилев, Д.И. Шинджикашвили, З.И. Перегудова, Ю.Ф. Овченко, Ю.А. Реент, С.А. Гомонова, М.Н. Иванцова и ряд других исследователей, в работах которых на основе большого количества фактического материала показана структура и эволюция полицейских органов. Признавая несомненный значительный вклад в изучение истории царской полиции, введение учеными в научный оборот значительного количества архивных документов, следует отметить, что все же организационно-правовые основы подразделения Отдельного корпуса жандармов – губернских жандармских управлений получили должное освещение только в конце XX – начале XXI в.

Цель исследования заключается в изучении организационно-правовых основ, функций и направлений деятельности губернских жандармских управлений. Хотя в целом организационно-правовые основы деятельности губернских жандармских управлений получили наибольшее освещение в конце XX – начале XXI в., на сегодня ряд направлений их деятельности не получил исчерпывающего освещения. Ведомственные нормативные правовые акты, регламентировавшие их деятельность, представляют особый интерес и выступают в качестве документальных источников. Циркуляры и инструкции, выявленные в Государственном архиве Российской Федерации, представляют собой ценную информацию о реализации на практике мер, направленных на обеспечение внутренней безопасности в Российской империи.

Методы исследования: диалектический, логический, исторический.

Результаты и ключевые выводы: в результате изучения структуры, основных направлений деятельности и нормативных правовых актов, регламентировавших деятельность губернских жандармских управлений, удалось рассмотреть и проанализировать правовые основы деятельности губернских жандармских управлений как ключевого структурного подразделения Отдельного корпуса жандармов; выявить их военно-полицейскую природу. В рамках рассмотрения и анализа ряда ведомственных нормативных правовых актов, материалов фондов Государственного архива Российской Федерации охарактеризован ряд направлений деятельности данных управлений. Определено, что опыт деятельности губернских жандарм-

of the Russian state in the specific historical conditions of the second half of the XIX-early XX century.

The problem statement: the topic of police activity in pre-revolutionary Russia was and is in the constant field of view of researchers. We can mention such scientists as N. P. Eroshkin, R. S. Mulukaev, A. E. Skripilev, D. I. Shinjikashvili, Z. I. Peregudova, Yu. F. Ovchenko, Yu. A. Reent, S. A. Gomonova, M. N. Ivantsova and a number of other researchers whose works show the structure and evolution of police bodies based on a large amount of factual material. While acknowledging the undoubted significant contribution to the study of the history of the tsarist police, the introduction of scientists into the scientific turnover a significant number of archival documents, it should be noted that the legal basis of units of the Separate corps of gendarmes – the provincial gendarmerie has been adequately addressed only at the end of XX – beginning of XXI century

The purpose of the study is to study the organizational and legal foundations, functions and activities of provincial gendarmerie departments. Although, in General, the organizational and legal foundations of the provincial gendarmerie departments received the most coverage in the late XX-early XXI centuries, today a number of areas of their activities have not received exhaustive coverage. Departmental normative legal acts regulating their activities are of particular interest and serve as documentary sources. The circulars and instructions found in the State archive of the Russian Federation provide valuable information on the practical implementation of measures aimed at ensuring internal security in the Russian Empire.

The research methods: dialectical, logical, historical.

The results and key findings from the study of the structure, main activities and normative legal acts, regulating the activities of the provincial gendarmerie, are managed to examine and analyze the legal framework of the provincial gendarmerie as a key structural unit of the gendarmerie; to identify their military-police nature. As part of the review and analysis of a number of departmental regulatory legal acts and materials from the state archive of the Russian Federation, a number of activities of these departments are described. It is determined that the experience of the provincial gendarmerie departments, formed in the context of reforms and revolutions, is of considerable scientific interest today, since the introduction of new methods of struggle contributed to the prevention of illegal

ских управлений, сформированный в условиях реформ и революций, представляет в наши дни значительный научный интерес, так как введение новых методов борьбы способствовало предупреждению противоправных действий, ослаблению политического терроризма, что может представлять интерес для современных правоохранительных органов.

Ключевые слова: *внутренняя безопасность; губернские жандармские управления; Департамент полиции; Отдельный корпус жандармов; негласный полицейский надзор.*

actions, the weakening of political terrorism, which may be of interest to modern law enforcement agencies.

Keywords: *internal security; provincial gendarmerie departments; police Department; Separate corps of gendarmes; secret police supervision.*

Сегодня, как и в дореволюционной России, вопросы обеспечения внутренней безопасности государства являются одними из ведущих направлений в правоохранительной политике. В условиях реформирования системы МВД России назрела необходимость объективно и во всей полноте выявить исторические предпосылки, причины, условия и особенности деятельности полицейских сил по обеспечению внутренней безопасности в государстве. В настоящее время архивные документы и материалы, оставшиеся от органов политической полиции, позволяют отойти от однобоких оценок ее деятельности и обратить внимание на создавшуюся внутриполитическую ситуацию противостояния власти и общества с точки зрения карательных органов государства, главной задачей которых выступали в конце XIX – начале XX в. охрана внутренней безопасности, общественного порядка и сохранение стабильности в Российской империи.

Вопросы организационного построения, подготовки кадрового состава губернских жандармских управлений нашли отражение в работах ученых П.А. Зайончковского [19] и Н.П. Ерошкина [18], которые одними из первых определили место и роль губернских жандармских управлений в структуре Отдельного корпуса жандармов и в государственном механизме в целом. Особое внимание авторы уделили деятельности этих управлений по борьбе с революционным движением.

В исследовании З.И. Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917)» подробно освещена не только структура Департамента полиции, но и некоторые направления деятельности местных органов политической полиции [23].

В постсоветский период авторы продолжают заниматься изучением проблем деятельности политического сыска. Так, например, история политической полиции нашла свое отражение в работе Ю.А. Реента «Общая и политическая полиция (1900–1917 гг.)». Автором рассмотрен такой метод работы, как перлюстрация [25]. Также авторы начинают обращаться к региональному аспекту деятельности губернских жандармских управлений. Например, в работе О.Н. Квасова «Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.)» акцентируется внимание на борьбе этих управлений с терроризмом, при этом делается вывод, что агентурная работа в управлениях порой оставляла желать лучшего, в связи с чем наиболее опасные террористы оставались на свободе [20].

Отдельный интерес представляют и исследования, посвященные рассмотрению не только организационно-правового, но и регионального организационного аспекта. Например, в работе Т.М. Лаврик акцентировано внимание на организационных принципах построения управлений, а также отражен кадровый состав управлений, что позволило автору составить обобщенный портрет чинов губернского жандармского управления того времени [21]. Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что проблема организационного устройства и деятельности губернских жандармских управлений, форм и методов их работы содержит в себе большой научный потенциал и требует всестороннего изучения.

Одним из главных назначений образованных в 1867 г. губернских жандармских управлений являлось производство дознаний по государственным (политическим) преступлениям и осуществление мер, направленных на политический сыск неблагонадежных лиц. Кроме того, управления являлись независимыми от губернаторов, которые также несли ответственность за состояние внутренней безопасности во вверенных им губерниях Империи.

С принятием нормативного правового акта – Положения о Корпусе жандармов 1867 г. были сформированы правовые основы деятельности губернских жандармских управлений. По адми-

нистративно-строевой части управления находились в подчинении Штаба Отдельного корпуса жандармов. По части политического розыска до 1880 г. управления подчинялись III Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а уже с 1880 г. – Департаменту полиции.

На основании принятого в 1867 г. Положения о Корпусе жандармов было нормативно закреплено увеличение наблюдательного состава губернских и уездных управлений Севера, Западного края, который в сентябре 1870 г. был переименован в дополнительный штат губернского жандармского управления. По-прежнему одной из основных обязанностей губернского жандармского управления был контроль за деятельностью губернской администрации. Жандармам предписывалось бдительно следить за «духом всего населения вообще и каждого сословия порознь» [2].

Внутриполитическое положение Российской империи в последней четверти XIX в. характеризовалось крайним обострением социальных противоречий, повлекшим образование чрезвычайных органов и введение чрезвычайного законодательства.

На протяжении своего существования органы политической полиции переживали ряд организационных изменений в направлении деятельности, вызванных условиями внутриполитического характера, но значимыми всегда оставались прочные правовые основы, так как именно право определяло организационное устройство, формы и методы деятельности.

По мнению Р.С. Мулукаева, «однозначную оценку правовому регулированию организации и деятельности российской полиции на всем протяжении ее истории дать нельзя. Не всегда оно отвечало объективным потребностям, не всегда было в должной мере эффективным, но всегда оставалось постоянно действующим фактором реального функционирования полиции как правоохранительного органа» [22]. Правовые основы закрепляли направления деятельности органов политической полиции в системе обеспечения внутренней безопасности Империи.

В конце XIX в. в Российской империи имелось 73 губернских жандармских управления[1], которые состояли из подразделений территориального и отраслевого характера. К примеру, первые охватывали несколько сразу или же один уезд. Что касается отраслевых, то они делились не только по направлениям деятельности, но и на розыскную, следственную и политическую части. На основании принятого 25 сентября 1878 г. указа об усилении штата губернских жандармских управлений к дополнительному штату губернских жандармских управлений был добавлен «помощник начальника губернского жандармского управления и еще 10 унтер-офицеров с назначением этих чинов в Бессарабскую губернию» [24].

Впоследствии количество ГЖУ увеличилось до 75, наиболее крупными из которых были: Варшавское, Калишское, Келецкое, Московское, Петроковское, Плоцкое [3]. Управления действовали в пределах вверенной им территории, при этом они были независимы от губернатора. Каждому ГЖУ был присвоен разряд, исходя из территории губернии и развитости ее инфраструктуры. В уездах были учреждены должности помощников данных управлений. Например, в Привислинском крае они были начальниками уездных жандармских управлений, а в других местностях и наименование соответствовало принятому территориальному делению, где были должности помощника начальника в округе, отделе, области, губернии[2].

Крупное из управлений – Петроградское ГЖУ занималось политическим сыском, проведением дознания по государственным (политическим) преступлениям в пределах Санкт-Петербургской губернии. Вместе с тем, когда было создано Санкт-Петербургское охранное отделение, в сферу его ведения перешли розыскные функции. Производство дознания оставалось в пределах ведения ГЖУ попрежнему.

Для рассмотрения основных направлений деятельности этих подразделений обратимся к некоторым документам.

Прежде всего, интерес представляют принятые 19 мая 1871 г. Правила о порядке действия чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений, в которых нормативно определялся порядок действий чинов дополнительного штата ГЖУ и чинов уездных жандармских управлений. В порядок их действий входило незамедлительное сообщение местному прокурорскому надзору и полиции о всяком замеченном происшествии. Прокурорам и их товарищам (заместителям) было предоставлено право возлагать на чинов дополнительного штата жандармских управлений производство дознания по преступлениям. При этом чины управлений должны руководствоваться правилом, изложенным в ст. 254 Устава уголовного судопроизводства [4].

Если первоначально функции управлений не были конкретизированы в проведении дознания по государственным (политическим)

[1] Далее по тексту – ГЖУ.

[2] В подчинении начальников ГЖУ были крепостные и портовые жандармские команды, а также жандармские пограничные пункты, при этом район деятельности управлений определялся границами губернии, области, уезда, округа, отдела.

преступлениям, то с принятием Правил жандармерии это право им было предоставлено [5].

Вместе с тем принятое уже позднее, 13 августа 1903 г., Положение о начальниках розыскных отделений привело к тому, что была четко разграничена сфера ведения охранных отделений и губернских и жандармских управлений в вопросах оперативно-розыскной деятельности и дознания по государственным (политическим) преступлениям. «Несмотря на то, что функции ГЖУ и охранных отделений были разделены, на практике эти виды деятельности тесно переплетались, и отделить одно от другого было довольно сложно. Это порождало конфликтные ситуации между местными учреждениями политического сыска» [1].

Неслучайно начальник Верховной распорядительной комиссии М.Т. Лорис-Меликов отмечал в своей записке о преобразовании полиции от 1 августа 1880 г. [6], что вопрос о реорганизации полиции рассматривался в специальной комиссии, созданной при Министерстве внутренних дел. Несмотря на положительную в целом оценку профессиональной деятельности начальников жандармских управлений, они сумели показать практический опыт в деле полицейского розыска. Вместе с тем в записке высказывается предложение о том, что «звания начальников губернских жандармских управлений полезно упразднить с учреждением в каждой губернии должности второго вице-губернатора с возложением на него обязанности заведывания по указаниям губернатора всею полицейской частью в губернии» [7].

В фондах ГЖУ Государственного архива Российской Федерации сосредоточено значительное количество документов, отражающих деятельность управлений по надзору за различного рода умонастроениями, в частности циркуляры и переписка о подозреваемых лицах.

Можно обратиться к циркуляру начальника Тульского ГЖУ, отмечавшего рост либерального настроя в Тульской губернии. В то же самое время, отмечал он, само население является консервативным и «проникнутым желанием сохранить существующий порядок» [8]. Да и в самой служебной переписке между чинами губернских жандармских управлений много внимания уделялось идеям нарастающего либерализма.

Например, в первой половине 80-х гг. XIX в. начальник Таврического жандармского управления информировал Департамент полиции о либеральных деятелях, которые укрывали от арестов анархистов-террористов [9]. Позднее, в 1902 г., начальник Владимирского ГЖУ отмечал либералов как «принципиальных противников всей подчиненности» и их негативное отношение к власть имущему только потому, что он является представителем власти [10].

В документах фонда Особого отдела Департамента полиции Государственного архива выявлен ряд параметров, на которые чины жандармских управлений обращали особое внимание. Так, оно обращалось на представителей двух социальных групп: дворянства и интеллигенции. Отмечалось, что если «либерально настроенное дворянство воспринималось чинами жандармских управлений резко отрицательно», то особое внимание было обращено на либерально настроенных литераторов и профессоров высших учебных заведений [11]. Кроме того, из поля зрения политическая полиция не упускала и либерально настроенное чиновничество: служащих судебного ведомства, прокуроров и мировых судей [12].

Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. в значительной степени увеличило права ГЖУ: позволило производить обыски и аресты подозреваемых в политической неблагонадежности лиц. Принятие и последующая реализация данного Положения, с одной стороны, позволили определить и закрепить с использованием юридического инструментария построение системы внутренней безопасности в Российской империи, а с другой стороны – определить пределы ее использования, распределить управленческие функции по всей системе органов государственной власти, включая, прежде всего, политический сыск.

Особым направлением деятельности ГЖУ было предотвращение террористических актов и наблюдение и розыск активистов революционных организаций. Данная деятельность проводилась в непосредственном взаимодействии с Департаментом полиции.

Важным направлением деятельности ГЖУ являлось пресечение и предотвращение террористических актов, которые уносили жизни не только членов императорского дома, высших государственных чиновников, но и жизни чиновников ведомств.

Представляет интерес и еще один нормативный правовой акт – Положение о негласном полицейском надзоре от 1 марта 1882 г., в соответствии с которым чины общей полиции были обязаны докладывать начальникам жандармских управлений о лицах, отбывших ссылку, и о лицах, уже освобожденных от гласного полицейского надзора за совершение государственного преступления. На основании п. 5 Положения способ осуществления негласного полицейского надзора определялся путем соглашения губернатора или градоначальника с начальником местного ГЖУ.

Также в Положении был закреплен механизм информирования жандармских управлений Департамента полиции. В частности, в соответствии с п. 1.2.1 Положения ГЖУ доставляли в Департамент полиции полугодовые ведомости «лит. В» о лицах, состоящих под негласным надзором полиции:

– общую перечневую ведомость;

– отдельно листок на каждого поднадзорного;

– именной список поднадзорных и за кем надзор мог быть прекращен. В отдельных листах о поднадзорных в соответствующей графе должна была быть характеристика (аттестация) положительного поведения поднадзорного.

Источником, характеризующим условия деятельности жандармских управлений, является записка от 27 мая 1902 г. заведующего заграничной агентурой П. И. Рачковского, из которой в наши дни исследователи могут получить определенное представление об условиях работы политической полиции. В записке дается характеристика задач, выполняемых политической полицией по подавлению революционной деятельности в Российской империи. Рачковский отмечает, что наиболее опасная оппозиционная среда формируется из выходцев партии «Народная воля» во главе с «Исполнительным комитетом».

Анализируя сложившуюся ситуацию, Рачковский обращает внимание на образованную ранее, в 1892 г., среди революционеров группу «Народного права», целью которой, отмечает Рачковский, было свержение самодержавия при помощи политического переворота, но в связи с оперативно проведенными арестами главных ее членов деятельность группы прекратила существование.

Записка Рачковского интересна еще и тем, что в ней он пытается дать определенный прогноз развития возможных внутриполитических ситуаций. Во-первых, обращено внимание на существующее либеральное движение в России. Особую озабоченность в записке вызывает и военное сословие, которое «также начинает заражаться революционной язвой». В 1895 г. полиция была проинформирована «о существовании какого-то офицерского кружка из 34 человек, которые отпечатали за границей брошюру «Не пора ли», где требуют уничтожения самодержавного строя от имени русских войск» [13].

Во-вторых, Рачковским обращено внимание на несоответствие количества розыскных дел в провинции с объемом выполняемой работы ГЖУ. В качестве одного из значимых недостатков отмечается размещение управлений, поскольку административно-территориальное деление не совпадает с основными пунктами концентрации революционного движения в регионах.

С начала XX в. происходило усовершенствование методов работы ГЖУ, так как именно агентурная работа становится одним из наиболее приоритетных направлений их деятельности. Регулярные отчеты жандармских чинов и донесения, агентурные записки, записи агентурных наблюдений помогали руководству Департамента полиции отслеживать обстановку в губерниях Империи.

В 1904 г. была принята инструкция, на основании которой в обязанность жандармских управлений входило наблюдение за местным населением. Одной из обязательных возможных принимаемых мер являлось информирование высших властей о нарушениях общественного порядка, тишины и спокойствия, о производстве дознания по государственным преступлениям.

Что касается наблюдения за умонастроениями в обществе, интерес представляет то, что уже с конца 1905 г. у чинов политической полиции в служебный обиход входит понятие «левый». Кроме того, чины ГЖУ начинают обращать пристальное внимание на либеральных представителей общественности, на их обличение существующей власти, государственной системы. Даже ранее, еще в 1888 г., в Уфимском ГЖУ либеральные идеи соотносили с вопросом изменения основных положений установленного государственного порядка в Империи [14].

В связи с увеличением в 1905 г. террористической деятельности анархистов, социал-демократов, народных социалистов, максималистов и др. Департаментом полиции в ГЖУ был направлен циркуляр № 10 с грифом «секретно» о регулярном представлении в Особый отдел отчетов о деятельности революционных партий [15]. В тексте циркуляра обращалось внимание на отсутствие порой своевременного реагирования, на необходимость изучения деятельности революционных организаций и знание их тактики деятельности. На практике в связи с этим Департамент полиции как учреждение, ведающее сыском, неоднократно сталкивалось с проблемами понимания увеличения противоправительственного движения и выработки соответствующей тактики, направленной на борьбу с террором.

В связи с этим Департамент полиции требовал от начальников ГЖУ и областных жандармских управлений два раза в год представления документации в форме записок о революционных организациях в конкретных регионах Империи, об их деятельности (забастовках, террористических актах, пропаганде); мерах административного характера и других, предпринятых в их отношении [16].

В годы революции 1905–1907 гг., несмотря на ряд неудач в организации полицейской

службы, а также на первоначальную несогласованность действий в борьбе с революционным движением, Департамент полиции обращал внимание начальников ГЖУ, начальников жандармских железнодорожных управлений на необходимость регулярного информирования руководства об изменениях социально-политической обстановки в губерниях, связанной с возникающими новыми организациями и их программными документами.

С целью стабилизации создавшейся ситуации и взятия ее под контроль Департаментом полиции проводилась работа по отслеживанию практически всех партийных организаций: монархических, пролетарских, мелкобуржуазных и др., которые действовали не только в России, но и за границей. Кроме того, осуществлялось регулярное наблюдение за деятельностью комитетов политических партий; отслеживалось проведение съездов, сходок, конференций, совещаний в отношении не только партийных изданий, но и типографий. Также были заведены дела об отношении отдельных партий к Государственной думе, где отслеживалась деятельность самих фракций.

Проявившийся после революции 1905 г. процесс дальнейшего усиления органов политической полиции и, в частности, жандармских управлений сыграл позитивную роль в усилении организации политического сыска в Империи и позволил ослабить революционное движение.

В начале XX в. увеличивается не только объем переписки между Департаментом полиции, ГЖУ и охранными отделениями, но и объем коммуникационных связей, направленных на борьбу с терроризмом в государстве. Увеличивается количество дел, посвященных установлению гласного и негласного надзора за членами и активистами революционных организаций. Так, в шифротелеграмме директора Департамента полиции М. И. Трусевича, адресованной начальникам ГЖУ и охранным отделениям, о координации взаимодействия по борьбе с терроризмом от 17 августа 1906 г. [17] обращено внимание на важность противопоставления революционерам организованного розыска. Особую обеспокоенность вызывала оппозиция социалистов-революционеров.

В связи с принятием мер, направленных на усиление внутренней безопасности, в октябре 1907 г. был принят циркуляр Департамента полиции о формировании филерских отрядов из унтер-офицеров. Обратимся к содержанию циркуляра. Прежде всего, отмечалась необходимость в ГЖУ выбирать толковых и способных унтер-офицеров, удовлетворяющих требованиям, изложенным в параграфах 1–3 Инструкции по организации наружного наблюдения [22].

На протяжении Первой мировой войны ГЖУ осуществляли наблюдение за большевиками и рабочими, занимавшимися антивоенной пропагандой, и арестовывали их.

Департамент полиции и Штаб Корпуса регулярно информировали жандармские управления о дезертирах и лицах, подозреваемых в шпионаже, о подозрительных иностранцах, прибывших в страну, о порядке проведения дознания, обысков, арестов и об организации и последовательности проведения негласного наблюдения. Также обращено было внимание и на необходимость продолжать отслеживать умонастроения в школах, библиотеках, на фабриках и заводах. В мемуарах генерал-майора Отдельного корпуса жандармов П. П. Заварзина была дана своего рода оценка деятельности розыскного аппарата, который, по его мнению, боролся с организованным и опытным противником, имевшим преимущество. В частности, П. П. Заварзин констатирует, что враг действовал вне закона, в то время как охранительный аппарат власти должен был действовать в строгих рамках законов, хотя и они не могли предвидеть всех особенностей такой борьбы.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что ГЖУ, образованные в 1867 г. на основании Положения о Корпусе жандармов с целью осуществления политического сыска и производства дознания по государственным преступлениям, были главным элементом в структуре политической полиции на местах. Их деятельность являлась составной частью проводимой правительством Российской империи внутренней политики. Чины данных управлений находились на государственной службе, и их долг состоял в качественном выполнении возложенных на них обязанностей, невзирая при этом как на внутриполитические ситуации, так и на содержание, объем задач.

В вопросах обеспечения внутренней безопасности во второй половине XIX – начале XX в. деятельность ГЖУ была направлена на охрану существующего строя в Империи, на сохранение внутриполитического спокойствия и на охранение идейных установок и норм организации внутриполитической жизни государства. Изданный на рубеже веков массив нормативных правовых актов оказал существенное контролирующее влияние на организацию и деятельность ГЖУ.

Наружное наблюдение в деятельности управлений было регламентировано рядом инструкций, при этом ключевую роль имела Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения, в которой содержался перечень мер, направленных на грамотное осуществление внутреннего и наружного наблюдения.

Список литературы:

1. *Борисов А. В., Ивановский В. Е., Скрипилёв А. Е.* Полиция Российской империи XIX – начала XX в. М., 2000.
2. *Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С.* Полиция Российской империи: монография. М., 2013.
3. ГАРФ. Ф. 494. Ф. 243.
4. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–15.
5. ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Д. 14. Л. 1–16.
6. ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1881. Д. 416. Л. 6.
7. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 65. Л. 20.
8. ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Д. 14. Л. 1–16.
9. ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1881. Д. 416. Л. 6.
10. ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. Д. 987. Л. 64.
11. ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1888. Д. 131. Л. 29–30.
12. ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1887. Оп. 20. Д. 9. Л. 2.
13. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 1898. Л. 1–12.
14. ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 28. Д. 58. Л. 1.
15. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 13. Л. 376–377 об.
16. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 13. Л. 377–377 об.
17. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 28. Л. 28.
18. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
19. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.
20. *Квасов О. Н.* Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.). Воронеж, 2005.
21. *Лаврик Т. М.* Губернские жандармские управления Российской империи: организационно-правовой и региональный аспекты деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
22. *Мулукаев Р. С.* Правовые основы организации и деятельности полиции Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46).
23. *Перегудова З. И.* Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000.
24. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. LIII. Ч. 2. № 5887.
25. *Реент Ю. А.* Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.). Рязань, 2001.

References:

1. *Borisov A. V., Ivanovskij V. E., Skripilyov A. E.* Policiya Rossijskoj imperii XIX – nachala XX v. M., 2000.
2. *Borisov A. V., Malygin A. Ya., Mulukaev R. S.* Policiya Rossijskoj imperii: monografiya. M., 2013.
3. GARF. F. 494. F. 243.
4. GARF. F. 569. Op. 1. D. 65. L. 5–15.
5. GARF. F. 102. 3-e deloproizvodstvo. D. 14. L. 1–16.
6. GARF. F. 102. 5-e deloproizvodstvo. 1881. D. 416. L. 6.
7. GARF. F. 569. Op. 1. D. 65. L. 20.
8. GARF. F. 102. 3-e deloproizvodstvo. D. 14. L. 1–16.
9. GARF. F. 102. 5-e deloproizvodstvo. 1881. D. 416. L. 6.
10. GARF. F. 102. Osobyj otdel. D. 987. L. 64.
11. GARF. F. 102. 3-e deloproizvodstvo. 1888. D. 131. L. 29–30.
12. GARF. F. 102. 3-e deloproizvodstvo. 1887. Op. 20. D. 9. L. 2.
13. GARF. F. 102. Op. 316. D. 1898. L. 1–12.
14. GARF. F. 102. 3-e deloproizvodstvo. Op. 28. D. 58. L. 1.
15. GARF. F. 102. Op. 260. D. 13. L. 376–377 ob.
16. GARF. F. 102. Op. 260. D. 13. L. 377–377 ob.
17. GARF. F. 102. Op. 260. D. 28. L. 28.
18. *Eroshkin N. P.* Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolyucionnoj Rossii. M., 1968.
19. *Zajonchkovskij P. A.* Rossijskoe samoderzhavie v konce XIX stoletiya (politicheskaya reakciya 80-h – nachala 90-h godov). M., 1970.
20. *Kvasov O. N.* Revolyucionnyj terrorizm v Central'nom CHernozem'e v nachale XX veka (1901–1911 gg.). Voronezh, 2005.
21. *Lavrik T. M.* Gubernskie zhandarmskie upravleniya Rossijskoj imperii: organizacionno-pravovoj i regional'nyj aspekty deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2008.
22. *Mulukaev R. S.* Legal Framework of police organization and activity of the Russian Empire // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018. № 2 (46).
23. *Peregudova Z. I.* Politicheskij sysk v Rossii (1880–1917). M., 2000.
24. PSZ RI. Sobr. 2. T. LIII. CH. 2. № 5887.
25. *Reent Yu. A.* Obshchaya i politicheskaya policiya Rossii (1900–1917 gg.). Ryazan', 2001.

Для цитирования:

Рыжова Юлия Валерьевна. Роль губернских жандармских управлений в обеспечении внутренней безопасности Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 212–219.

For citation:

Ryzhova Yuliya Valer'evna. The role of provincial gendarmerie departments in ensuring the internal security of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 212–219.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

ВЛАДИМИР ФЕДОСОВИЧ ГАПОНЕНКО,
профессор кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения, доктор экономических наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: profgaponenko@gmail.com

ORCID 0000–0002–2334–9366

ПАВЕЛ ВАЛЕРЬЕВИЧ САМОЛЫСОВ,
доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения, кандидат педагогических наук, доцент
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: academyc@mail.ru

Научная специальность:
12.00.14 – административное право; административный процесс.

ORCID 0000–0002–3645–3234

VLADIMIR FEDOSOVICH GAPONENKO,
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Organization of Financial, Economic, Material, Technical and Medical Support
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: profgaponenko@gmail.com

PAVEL VALER'EVICH SAMOLYSOV,
Candidate of Pedagogigal Scinces,Associate Professor of the Department of Organization of Financial, Economic, Material, Technical and Medical Support Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: academyc@mail.ru

Scientific specialty:
12.00.14 – Administrative Law; Administrative Process.

УДК 342.5

Дата поступления: 23 апреля 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Системно-структурный анализ административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок

System-Structural Analysis of Administrative Responsibility for Violation of the Legislation of the Russian Federation on the Contract System in the Field of Procurement

Аннотация

Актуальность: рассматриваемые в статье вопросы и постановка проблем определяются потребностью научного осмысления механизма реализации административной ответственности за нарушение законодательства Российской Фе-

Annotation

The relevance: the issues and problems discussed in the article are determined by the need for scientific understanding of the mechanism for implementing administrative responsibility for violation of the legislation of the Russian

дерации о контрактной системе в сфере закупок в современных условиях. Важность и инновационность рассмотрения темы связана с системно-структурным анализом административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. Об актуальности рассмотрения данной темы свидетельствуют также состояние соблюдения требований нормативных правовых актов, исполнительской дисциплины, особенно в сфере финансово-экономической деятельности, состояние экономической преступности. Кодификация российского законодательства об административной ответственности вновь подвергнута теперь уже третьему по счету концептуальному реформированию. Это обусловлено необходимостью совершенствования административно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение административно-правовых запретов (предписаний), устанавливаемых государством с учетом вновь возникающих социальных запросов современного общества.

Постановка проблемы: существенными факторами, снижающими эффективность действующих административных норм, являются накопившиеся за прошедшие годы проблемы в правоприменительной деятельности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, в частности, с участием правоохранительных органов. Прежде всего они связаны с наличием несвойственных административно-процессуальных полномочий.

Целью исследования являются системно-структурный анализ административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, выявление проблем в указанной сфере и выработка предложений, направленных на их разрешение.

Методы исследования: в данном исследовании использованы общенаучные, частнонаучные и специальные методы познания, в том числе метод анализа и синтеза, логический, комплексный, системно-структурный, функциональный, формально-юридический, статистический, классификации, позволившие провести системно-структурный анализ административно-правовых норм ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

Результаты и ключевые выводы: отмечается несовершенство некоторых функций административно-процессуальных полномочий должностных лиц в сфере административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок и наличие ряда проблем правового регулирования и правоприменения.

Federation on the contract system in the field of procurement in modern conditions. The importance and innovation of the topic is related to the system-structural analysis of administrative responsibility for violation of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement. The relevance of this topic is also evidenced by the state of compliance with the requirements of regulatory legal acts, performance discipline, especially in the field of financial and economic activities, and the state of economic crime. The codification of the Russian legislation on administrative responsibility has again been subjected to the third conceptual reform. This is due to the need to improve administrative and legal norms that provide for liability for violation of administrative and legal prohibitions (regulations) established by the state, taking into account the newly emerging social needs of modern society.

The problem statement: significant factors that reduce the effectiveness of existing administrative regulations are the problems that have accumulated over the past years in law enforcement activities for violations of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement, in particular, with the participation of law enforcement agencies. First of all, they are associated with the presence of unusual administrative and procedural powers.

The purpose of the study is to analyze the system and structure of administrative responsibility for violation of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement, identify problems in this area and develop proposals aimed at resolving them.

The research methods: this study used General scientific methods, specially scientific and special methods of cognition, including method of analysis and synthesis, logical, comprehensive, system-structural, functional, formal legal, statistical, classification, allow for systemic-structural analysis of administrative-legal norms of liability for violation of legislation of the Russian Federation on contract system in procurement.

The results and key findings: highlights the imperfection of some of the functions of the administrative procedural powers of officials in the sphere of administrative responsibility for violation of legislation of the Russian Federation on contract system in procurement and a number of problems of legal regulation and enforcement. The necessity of their further improvement is determined. Problems of optimization of these functions are raised. For this purpose, the following is proposed:

1. The code of administrative offences of the

Определяется необходимость их дальнейшего совершенствования. Поднимаются проблемы оптимизации данных функций. В этих целях предлагается следующее:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях необходимо привести в соответствие с изменившимся законодательством, в том числе в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

2. Статьи, содержащие меры административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок, необходимо выделить в отдельную главу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Административные правонарушения в сфере закупок».

3. Статьи, содержащие меры административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о государственном оборонном заказе, необходимо выделить в отдельную главу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Административные правонарушения в сфере государственного оборонного заказа».

4. Ужесточить санкции за правонарушения против порядка управления при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, а также в сфере государственного оборонного заказа с целью обеспечения должного уровня законности и правопорядка в данных сферах.

5. Ужесточить санкции за правонарушения обязательных требований в области финансов при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд с целью обеспечения должного уровня законности и правопорядка в данных сферах.

6. В законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок внести норму, запрещающую осуществлять закупки товаров, работ, услуг, не соответствующие положениям законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности.

Таким образом, важными результатами проведенного исследования является представленная научная аргументация необходимости пересмотра перечня действующих норм административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок. Обозначены направления и перспективы дальнейшего развития сущности административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок с учетом генезиса административно-процессуальных полномочий должностных лиц.

Russian Federation must be brought into line with the changed legislation, including the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement.

2. Articles containing measures of administrative responsibility for non-compliance with mandatory requirements of the legislation on the contract system in the field of procurement should be allocated to a separate Chapter of the Code of administrative offences of the Russian Federation «Administrative offences in the field of procurement».

3. Articles containing measures of administrative responsibility for non-compliance with mandatory requirements of the legislation on the state defense order should be allocated in a separate Chapter of the Code of the Russian Federation on administrative offenses «Administrative offenses in the sphere of the state defense order».

4. Toughen sanctions for violations against the management order in the implementation of control (Supervisory) activities in the field of procurement of goods, works and services for state and municipal needs, as well as in the field of state defense orders in order to ensure the proper level of law and order in these areas.

5. Toughen sanctions for violations of mandatory requirements in the field of Finance when purchasing goods, works, and services for state and municipal needs in order to ensure the proper level of law and order in these areas.

6. In the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement, introduce a norm prohibiting purchases of goods, works, and services that do not comply with the provisions of the legislation on energy conservation and energy efficiency.

Thus, an important result of the research is the presented scientific argument for the need to review the list of current rules of administrative responsibility for violation of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement. The ways and prospects of further development of the entity of administrative responsibility for violation of legislation of the Russian Federation on contract system in procurement with regard to the Genesis of the administrative procedural powers of the officials.

Ключевые слова: *правовое регулирование; государственные и муниципальные закупки; контрактная система; административная ответственность; штраф; дисквалификация.*

Keywords: *legal regulation; state and municipal procurement; contract system; administrative responsibility; fine; disqualification.*

Закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд – это особая сфера экономико-правовых отношений, «имеющих важное значение для развития российской экономики, обеспечения импортозамещения, стимулирования производства инновационной и высокотехнологичной продукции российского происхождения, поддержки субъектов малого предпринимательства» [1, с. 6], предотвращения коррупции, мошенничества и других злоупотреблений при осуществлении нормированной потребности государства в товарах, работах, услугах [2, с. 423].

От качества правового регулирования напрямую зависит эффективность, результативность и процедура осуществления государственных закупок [6, с. 89–91]. Обеспечение целенаправленного воздействия на субъектов правоотношений предполагает в том числе и наличие такого инструмента воздействия на недобросовестных субъектов рынка закупок для публичных нужд, как меры административной ответственности [10, с. 128–143].

В концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях отмечается, что административно-правовые нормы «должны претерпеть такие изменения, которые будут соответствовать целям указанной реформы, что, несомненно, подразумевает как сокращение составов административных правонарушений, так и изменение подходов к назначению наказаний»[1].

Основным видом ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок[2] (далее – ЗоКС) является административная, которую, по нашему мнению, с методологической точки зрения целесообразно разделить на пять групп:

1. Несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок (гл. 7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[3]).

2. Несоблюдение обязательных требований законодательства о государственном оборонном заказе (далее– ГОЗ)[4] (гл. 7, 14 КоАП РФ).

3. Несоблюдение законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности (гл. 9 КоАП РФ).

4. Несоблюдение обязательных требований в области финансов (гл. 15 КоАП РФ).

5. Нарушения против порядка управления при осуществлении контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и в сфере ГОЗ (гл. 19 КоАП РФ).

Охарактеризуем указанные группы правонарушений.

Первая группа административных правонарушений – **несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок**.

Нормы об административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок содержатся в гл. 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности» (ч. 1, 2 ст. 7.29, 7.29.3, ч. 1–14 ст. 7.30, ст. 7.31, ст. 7.31.1, ч. 1– 4, 5–10 ст. 7.32, ст. 7.32.5, ст. 7.32.6) КоАП РФ.

Родовым объектом правонарушений, предусмотренных Главой 7 КоАП РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в области охраны собственности.

Непосредственным объектом административного правонарушения по анализируемым статьям *являются общественные отношения, связанные с обеспечением государственных* и муниципальных нужд в товарах, работах, услугах за счет средств соответствующих бюджетов [11, с. 177–180].

В качестве **специального субъекта** административного правонарушения в основном выступает должностное лицо заказчика[5], который призван обеспечивать выполнение регламентных процедур, определенных законодательством Российской Федерации

[1] Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://static.government.ru (дата обращения: 01.03.2020).

[2] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2020) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[4] О государственном оборонном заказе: федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ (в ред. от 18.02.2020) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7600.

[5] В том числе лица, осуществляющие функции члена комиссии по осуществлению закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, контрактные управляющие, работник контрактной службы (ст. 2.4 КоАП РФ).

о контрактной системе в сфере закупок (ч. 1, 2 ст. 7.29, ст. 7.29.3, ч. 1–8, 11–14 ст. 7.30, ч. 1, 2 ст. 7.31.1, ч. 1–4, 5–10 ст. 7.32, ст. 7.32.5 КоАП РФ). В остальных случаях **специальным субъектом** административного правонарушения по КоАП РФ являются: должностные лица уполномоченного органа, уполномоченного учреждения (ч. 1–1.4, 3 ст. 7.30, ч. 1, 2 ст. 7.31.1 КоАП РФ); уполномоченный орган, уполномоченное учреждение (ч. 1–1.4, 3 ст. 7.30, ч. 1, 2 ст. 7.31.1 КоАП РФ); должностные лица специализированной организации (ч. 1–1.4, 3 ст. 7.30 КоАП РФ); специализированная организация (ч. 1–1.4, 3 ст. 7.30 КоАП РФ); должностное лицо оператора электронной площадки (ч. 6 ст. 7.31.1 КоАП РФ); оператор электронной площадки (ч. 10 ст. 7.30, ч. 1–6 ст. 7.31.1 КоАП РФ); должностные лица и индивидуальные предприниматели участника закупки (ч. 1, 2, 4, 5–7 ст. 7.32 КоАП РФ); участники закупки (ч. 1–2, 4, 5–7 ст. 7.32 КоАП РФ); должностные лица Федеральной антимонопольной службы (ч. 1 ст. 7.31 КоАП РФ); должностные лица Федерального казначейства (ч. 2 ст. 7.31 КоАП РФ); эксперты, уполномоченные представители экспертной организации[6] (ст. 7.32.6 КоАП РФ); экспертная организация (ст. 7.32.6 КоАП РФ).

Субъективная сторона правонарушения по всем анализируемым в данной группе правонарушениям, за исключением ст. 7.32.6 КоАП РФ, характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины [7, с. 86–91]. **Субъективная сторона** правонарушения по ст. 7.32.6 КоАП РФ характеризуется виной в форме прямого умысла.

Основным видом наказания по анализируемым статьям является *административный штраф* – в большинстве случаев применяются фиксированные штрафы (ч. 1–2 ст. 7.29, ст. 7.29.3, ч. 1–1.7, 2.1, 3, 4.2, 7–14 ст. 7.30, ст. 7.31, 7.31.1, ч. 1, 3, 4, 6, 8–10 ст. 7.32, ч. 1 ст. 7.32.5, ст. 7.32.6 КоАП РФ), реже – штрафы в виде процента от Н(М)ЦК (ч. 2, 4, 4.1, 6 ст. 7.30, ч. 1 ст. 7.32 КоАП РФ); штрафы, исчисляемые от размера дополнительно израсходованных средств соответствующих бюджетов бюджетной системы РФ или цен товаров, работ, услуг, количество, объем которых уменьшены и которые явились предметом административного правонарушения (ч. 2, 5 ст. 7.32 КоАП); единично – штрафы, исчисляемые от стоимости неисполненных обязательств, предусмотренных контрактом на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг (ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ); а также *дисквалификация* должностных лиц (ч. 7 ст. 7.23, ч. 2 ст. 7.32.5, ст. 7.32.6 КоАП РФ).

Проведенный системно-структурный анализ административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок [12, с. 56–62] выявил ряд существенных проблем:

1. Динамика развития законодательства об административных правонарушениях значительно отстает от перманентно меняющегося законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок [5, с. 77–81]. Так, в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”»[7] с 1 октября 2019 г. оптимизирован процесс планирования: вместо двух документов – план закупок и план-график, ведется единый документ – план-график закупок. По состоянию на 20 марта 2020 г. в КоАП РФ в ч. 1 и 4 ст. 7.29.3 предусмотрена административная ответственность за неправильное формирование и нарушение срока утверждения плана закупок – документа, не предусмотренного законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

2. Описание объективной стороны правонарушения по некоторым частям анализируемой группы правонарушений не выдерживает никакой критики с юридико-технической точки зрения [4, с. 33–40]. Наряду с простой диспозицией (например, ч. 2, 4 ст. 7.29.3, ч. 3 ст. 7.32 КоАП РФ и др.) применяются сложно-составные нормы, которые зачастую предусматривают ответственность за нарушение разнородных норм ЗоКС (например, отклонение заявки на участие в конкурсе и нарушение порядка вскрытия конвертов) и содержат излишне детализированное описание диспозиции (ч. 1 ст. 7.29.3, ч. 2, 6 ст. 7.30, ч. 2 ст. 7.31 КоАП РФ).

3. Включение в гл. 7, предусматривающую ответственность за нарушение общественных отношений, складывающихся в области охраны собственности, норм, устанавливающих ответственность за правонарушения против порядка управления (гл. 19. «Административные правонарушения против порядка управления») (например, ч. 2 ст. 7.31 КоАП РФ – непредставление, несвоевременное представление в феде-

[6] Физические лица, осуществляющие деятельность в области проведения экспертизы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, совершившие административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.32.6 КоАП РФ, несут административную ответственность как должностные лица (ст. 2.4 КоАП РФ).

[7] О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»: федер. закон от 1 мая 2019 г. № 71-ФЗ // СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2195.

ральный орган исполнительной власти информации (сведений) и (или) документов).

Вторая группа административных правонарушений – **несоблюдение обязательных требований законодательства о государственном оборонном заказе.**

Нормы об административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок содержатся в гл. 7 «Административные правонарушения в области охраны собственности» (ч. 2.1, 3–4 ст. 7.29, 7.29.1, 7.29.2, ч. 15 ст. 7.30, ч. 4.1, 5 ст. 7.32, 7.32.1 КоАП РФ) и гл. 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций» (ст. 14.49, 14.55, 14.55.1, 14.55.2 КоАП РФ).

Родовым объектом правонарушений являются общественные отношения, складывающиеся в области охраны собственности (гл. 7 КоАП РФ), а также в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций (гл. 14 КоАП РФ).

Непосредственным объектом административного правонарушения по исследуемым статьям *являются общественные отношения, связанные с обеспечением государственных* нужд в товарах, работах, услугах за счет средств ГОЗ.

Объективная сторона по исследуемым правонарушениям выражается в конкретных *действиях*:

– принятие решения о проведении конкурса с ограниченным участием, закрытого конкурса с ограниченным участием, двухэтапного конкурса, закрытого двухэтапного конкурса, закрытого конкурса, закрытого аукциона в случаях, не предусмотренных ЗоКС, или нарушение порядка и сроков направления в орган, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление функций по контролю (надзору) в сфере ГОЗ и в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд, которые не относятся к ГОЗ и сведения о которых составляют государственную тайну[8] (далее – контрольный орган в сфере ГОЗ), информации и документов для согласования применения закрытого способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя), возможности заключения контракта с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) (ч. 2.1 ст. 7.29 КоАП РФ);

– принятие решения о размещении оборонного заказа путем проведения закрытых торгов без согласования с контрольным органом в сфере ГОЗ либо принятие решения о размещении оборонного заказа путем проведения закрытых торгов на условиях, отличных от условий, согласованных с контрольным органом в сфере ГОЗ (ч. 3 ст. 7.29 КоАП РФ);

– принятие решения о размещении ГОЗ у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в случае, если определение поставщика (подрядчика, исполнителя) в соответствии с ЗоКС должно осуществляться путем проведения конкурса или аукциона (ч. 4 ст. 7.29 КоАП РФ);

– нарушение порядка определения начальной (максимальной) цены государственного контракта по ГОЗ при размещении ГОЗ путем проведения торгов (ч. 1 ст. 7.29.1 КоАП РФ);

– нарушение порядка определения цены государственного контракта [6, с. 89–91] при размещении ГОЗ у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) (ч. 2 ст. 7.29.1 КоАП РФ);

– отказ или уклонение поставщика российских вооружения и военной техники, которые не имеют российских аналогов, единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), определенного законодательными актами Российской Федерации, актами Президента Российской Федерации, актами Правительства Российской Федерации, от заключения государственного контракта по ГОЗ, если заключение такого государственного контракта является обязательным для указанных лиц (ч. 1 ст. 7.29.2 КоАП РФ);

– отказ или уклонение поставщика (исполнителя, подрядчика), занимающего в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере ГОЗ доминирующее положение, от заключения договора, необходимого для выполнения ГОЗ, если заключение такого договора является обязательным для указанного лица (ч. 2 ст. 7.29.2 КоАП РФ);

– нарушение сроков размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг по ГОЗ, установленных Правительством Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации о ГОЗ (ч. 15 ст. 7.30 КоАП РФ);

– изменение условий государственного контракта по ГОЗ, в том числе увеличение цен товаров, работ, услуг, если возможность изменения условий государственного

[8] Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление контроля (надзора) в сфере государственного оборонного заказа и в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также согласование применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), определена Федеральная антимонопольная служба (Об определении полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 26 августа 2013 г. № 728 // СЗ РФ. 2013 г. № 35. Ст. 4514).

контракта не предусмотрена ЗоКС (ч. 4.1, 5 ст. 7.32 КоАП РФ);

– нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) для государственных нужд по ГОЗ, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования, предусмотренного государственным контрактом (ст. 7.32.1 КоАП РФ);

– нарушение обязательных требований в отношении оборонной продукции (выполняемых работ, оказываемых услуг), поставляемой по ГОЗ, продукции (выполняемых работ, оказываемых услуг), используемой в целях защиты сведений, составляющих государственную тайну или относимых к охраняемой в соответствии с законодательством Российской Федерации иной информации ограниченного доступа, продукции (выполняемых работ, оказываемых услуг), сведения о которой составляют государственную тайну, продукции (выполняемых работ, оказываемых услуг) и объектов, связанных с обеспечением ядерной и радиационной безопасности в области использования атомной энергии, процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации, утилизации, захоронения, связанных с обязательными требованиями в отношении указанной продукции и объектов, установленными в соответствии с законодательством Российской Федерации о техническом регулировании и законодательством Российской Федерации о стандартизации, в том числе государственными заказчиками, федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными в области обеспечения безопасности, обороны, внешней разведки, противодействия техническим разведкам и технической защиты информации, государственного управления использованием атомной энергии, государственного регулирования безопасности при использовании атомной энергии, и (или) государственными контрактами (договорами) (ст. 14.49 КоАП РФ);

– нарушение условий государственного контракта по ГОЗ, касающихся количества, качества, комплектности поставляемых товаров, качества выполняемых работ, оказываемых услуг, сроков поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг, либо нарушение условий договора, заключенного в целях выполнения ГОЗ, касающихся количества, качества, комплектности поставляемых товаров, качества выполняемых работ, оказываемых услуг, сроков поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг (ч. 1, 3 ст. 14.55 КоАП РФ);

– нарушение условий государственного контракта по ГОЗ (ч. 2–3 ст. 14.55 КоАП РФ);

– нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг), поставляемых (выполняемых, оказываемых) по ГОЗ, в том числе неисполнение обязанности по обеспечению авансирования (ч. 2.1, 3 ст. 14.55 КоАП РФ);

– ликвидация или перепрофилирование головным исполнителем без согласования с государственным заказчиком производственных мощностей, обеспечивающих поставки продукции по ГОЗ, в случае прекращения поставок такой продукции на очередной год и плановый период (ст. 14.55.1 КоАП РФ);

– совершение действий (бездействия), запрещенных законодательством Российской Федерации в сфере ГОЗ, если такие действия (бездействия) приводят или могут привести к необоснованному завышению цены на продукцию по ГОЗ, неисполнению или ненадлежащему исполнению государственного контракта по ГОЗ (ч. 1 ст. 14.55.2 КоАП РФ);

– включение в себестоимость производства (реализации) продукции по ГОЗ затрат, не связанных с ее производством (реализацией) (ч. 2 ст. 14.55.2 КоАП РФ).

В качестве **специального субъекта** административного правонарушения выступает должностное лицо заказчика[9], которое призвано обеспечивать выполнение определенных регламентных процедур при обеспечении государственных нужд в товарах, работах, услугах за счет средств ГОЗ (ч. 2.1, 3–4 ст. 7.29, ст. 7.29.1, ч. 15 ст. 7.30, ч. 4.1, 5 ст. 7.32, 7.32.1, ч. 2 ст. 14.55 КоАП РФ); поставщик (подрядчик, исполнитель[10]), имеющие определенный статус в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также его должностные лица (ст. 7.29.2, 14.49, ч. 1, 2.1 ст. 14.55, ст. 14.5.1, 14.55.2 КоАП РФ); уполномоченный орган и его должностные лица (ч. 3 ст. 7.29 КоАП РФ).

Субъективная сторона правонарушения по всем анализируемым в данной группе правонарушениям характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины.

Основным видом наказания по анализируемым статьям является *административный штраф* – в большинстве случаев применяются фиксированные штрафы (ч. 2.1, 3–4 ст. 7.29, ст. 7.29.1, 7.29.2, ч. 15 ст. 7.30, ч. 4.1 ст. 7.32, 7.32.1, 14.49, 14.55, 14.55.1, 14.55.2 КоАП РФ), реже – штрафы, исчисляемые от размера дополнительно израсходованных средств соответствующих бюджетов бюджетной системы

[9] В анализируемых статьях КоАП РФ используется и понятие «должностное лицо заказчика», и понятие «должностное лицо государственного заказчика».

[10] В соответствии с законодательством Российской Федерации о ГОЗ в КоАП РФ используются понятия «головной исполнитель», «исполнитель».

РФ или цен товаров, работ, услуг, количество, объем которых уменьшены и которые явились предметом административного правонарушения (ч. 5 ст. 7.32 КоАП РФ).

Проведенный системно-структурный анализ административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о государственном оборонном заказе выявил ряд существенных проблем:

1. Статьи из гл. 7 и гл. 14, содержащие меры административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о государственном оборонном заказе, необходимо выделить в отдельную главу КоАП РФ, например: «Административные правонарушения в сфере государственного оборонного заказа».

2. При квалификации правонарушения используется дефиниция «торги» (ч. 3 ст. 7.29, ч. 1 ст. 7.29.1 КоАП РФ), которая в действующем российском законодательстве не определена. По нашему мнению, применение подобного термина не допустимо и при квалификации правонарушения может привести к неверному толкованию нарушения законодательства.

3. В ч. 3 ст. 14.55 КоАП РФ используется понятие «грубое нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу», которое в соответствии с примечанием к статье устанавливается Правительством Российской Федерации[11], в постановлении которого под грубым нарушением условий государственного контракта по ГОЗ, совершенным должностным лицом головного исполнителя, должностным лицом государственного заказчика, понимается:

– повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 14.55 КоАП РФ;

– нарушение условий государственного контракта, повлекшее ущерб Российской Федерации на сумму не менее 5 % (но не менее 5 млн руб.) цены государственного контракта;

– нарушение условий государственного контракта, повлекшее невыполнение установленного задания по ГОЗ.

Определение грубому нарушению условий государственного контракта по ГОЗ необходимо привести непосредственно в примечании к ст. 14.55, а не использовать бланкетную норму. Прямой способ используется, например, в ч. 2 ст. 15.37 КоАП РФ, где в примечании определяется такое понятие, как «грубое нарушение правил ведения раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности».

[11] Об установлении понятия грубого нарушения условий государственного контракта по государственному оборонному заказу: постановление Правительства РФ от 2 июня 2014 г. № 504 // СЗ РФ. 2014. № 23. Ст. 2993.

Третья группа административных правонарушений – **несоблюдение законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности**.

Нормы об административной ответственности за несоблюдение законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности содержатся в гл. 9 «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике» (ст. 9.16 КоАП РФ).

Непосредственным объектом административного правонарушения по анализируемой статье являются общественные отношения, связанные с соблюдением требований энергетической эффективности при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Объективной стороной административного правонарушения по ч. 11 ст. 9.16 КоАП РФ является размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд, не соответствующих требованиям их энергетической эффективности.

Субъектами административного правонарушения по данной части являются должностные лица и юридические лица.

Субъективная сторона правонарушения характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины.

Протоколы об административных правонарушениях составляются должностными лицами органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях в соответствии с гл. 23 КоАП РФ, в пределах компетенции соответствующего органа.

Административный штраф является единственным **видом наказания** по ч. 11 ст. 9.16 КоАП РФ.

Проведенный системно-структурный анализ административной ответственности за несоблюдение законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности показал, что нормы ЗоКС не содержат обязательных положений о заключении контрактов об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности. В соответствии с ЗоКС заключение энергосервисных контрактов, предметом которых является совершение исполнителем действий, направленных на энергосбережение и повышение энергетической эффективности использования энергетических ресурсов, является правом заказчика, а не его обязанностью (ч. 1 ст. 108 ЗоКС).

В виду этого предлагается в ЗоКС внести норму, запрещающую осуществлять закупки товаров, работ, услуг, не соответствующие

положениям законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности.

Четвертая группа административных правонарушений – **несоблюдение обязательных требований в области финансов.**

Нормы об административной ответственности за несоблюдение обязательных требований в области финансов при осуществлении закупок товаров, работ, услуг содержатся в гл. 15 «Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней» (ст. 15.14, 15.37, 15.40, 15.40.1 КоАП РФ).

Родовым объектом правонарушений являются общественные отношения, складывающиеся в области охраны финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней.

Непосредственным объектом административного правонарушения по анализируемым статьям являются общественные отношения, связанные с соблюдением обязательных требований в области финансов.

Объективная сторона по анализируемым правонарушениям выражается в конкретных *действиях*:

– нецелевое использование бюджетных средств, выразившееся в направлении средств бюджета бюджетной системы Российской Федерации и оплате денежных обязательств в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо иным документом, являющимся правовым основанием предоставления указанных средств, или в направлении средств, полученных из бюджета бюджетной системы Российской Федерации, на цели, не соответствующие целям, определенным договором (соглашением) либо иным документом, являющимся правовым основанием предоставления указанных средств, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния (ст. 15.14 КоАП РФ);

– неисполнение требования о ведении раздельного учета результатов финансово-хозяйственной деятельности (ст. 15.37 КоАП РФ);

– совершение операций по счету, открытому головному исполнителю, исполнителю для осуществления расчетов по государственному оборонному заказу, проведение которых по такому счету не допускается в соответствии с законодательством Российской Федерации в сфере ГОЗ (ст. 15.40);

– неисполнение установленных законодательством Российской Федерации в сфере ГОЗ обязанностей при осуществлении банковского сопровождения сопровождаемой сделки (ст. 15.40.1 КоАП РФ).

В качестве **специального субъекта** административного правонарушения выступает должностное лицо[12], которое призвано обеспечивать выполнение определенных регламентных процедур, связанных с соблюдением обязательных требований в области финансов (ст. 15.14, 15.37 КоАП РФ), юридическое лицо[13] (ст. 15.14, 15.37 КоАП РФ), уполномоченный банк (ст. 15.40, 15.40.1 КоАП РФ).

Субъективная сторона правонарушения по всем анализируемым в данной группе правонарушениям характеризуется как умышленной, так и неосторожной формой вины.

Протоколы об административных правонарушениях составляются должностными лицами органов, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях в соответствии с гл. 23 КоАП РФ, в пределах компетенции соответствующего органа.

Основным видом наказания по анализируемым статьям является *административный штраф* – в большинстве случаев применяются фиксированные штрафы (ст. 15.14, 15.37, 15.40, 15.40.1 КоАП РФ), а также штрафы, исчисляемые *дисквалификацией* (ст. 15.14, ч. 2 ст. 15.37 КоАП РФ), реже – штрафы, исчисляемые от суммы средств, полученных из бюджета бюджетной системы Российской Федерации, использованных не по целевому назначению (ст. 15.14 КоАП РФ).

Проведенный системно-структурный анализ административной ответственности за несоблюдение обязательных требований в области финансов показал, что действующий в настоящее время подход к определению размера ответственности за указанные правонарушения не обеспечивает соблюдение должного уровня законности и правопорядка в данных сферах. По нашему мнению, необходимо рассмотреть вопрос об исчислении всех штрафов по анализируемым статьям КоАП РФ от суммы средств, полученных из бюджета бюджетной системы Российской Федерации, использованных не по целевому назначению.

Пятая группа – **административные правонарушения против порядка управления при осуществлении контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и в сфере ГОЗ**.

[12] В том числе должностное лицо головного исполнителя, должностное лицо исполнителя.

[13] В соответствии с законодательством Российской Федерации о ГОЗ в КоАП РФ используются понятия «головной исполнитель», «исполнитель».

Нормы об административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок содержатся в гл. 19 «Административные правонарушения против порядка управления» (ст. 19.4.2, ч. 7, 7.1, 7.3, 20, 20.1 ст. 19.5, ст. 19.7, ст. 19.7.2 КоАП РФ).

Особенность административных правонарушений против порядка управления заключается в том, что их **общим (родовым) объектом** являются урегулированные нормами права общественные отношения, в которых государством установлен определенный порядок реализации прав и обязанностей гражданами, должностными и юридическими лицами [8, с. 31–33].

Указанные права, обязанности и полномочия регламентируются федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства РФ, нормативными правовыми актами федеральных министерств и органов исполнительной власти субъектов РФ.

Непосредственным объектом административного правонарушения является законное предписание (постановление, представление, решение) органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль), муниципальный контроль об устранении нарушений законодательства.

Субъективная сторона состава рассматриваемых правонарушений характеризуется умышленной виной в форме прямого умысла.

Субъектами рассматриваемых правонарушений могут быть индивидуальные предприниматели, которые несут административную ответственность как должностные лица, должностные лица коммерческих и некоммерческих организаций, и юридические лица независимо от их организационно-правовых форм [9, с. 125–128].

Рассматривать дела по указанной группе правонарушений могут:

– федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзор в сфере ГОЗ (по ст. 19.4.2, ч. 7.1 ст. 19.5, ст. 19.7.2 (в части ГОЗ и государственной тайны) КоАП РФ);

– контрольные органы в сфере закупок в соответствии с ЗоКС (ч. 7 ст. 19.5, ст. 19.7.2 (за исключением ГОЗ и государственной тайны) КоАП РФ);

– федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере (ч. 20 ст. 19.5, ч. 1 ст. 19.7.2 КоАП РФ);

– должностные лица федерального антимонопольного органа и его территориальных органов (ст. 19.7 КоАП РФ).

Основным видом наказания по анализируемым статьям является *административный штраф* – во многих случаях применяются фиксированные штрафы (ст. 19.4.2, ч. 7, 7.1, 20 ст. 19.5, ст. 19.7, 19.7.2 КоАП РФ), реже – *дисквалификация* должностных лиц (ч. 7.3, 20 ст. 19.5 КоАП РФ).

Проведенный системно-структурный анализ административной ответственности против порядка управления показал, что действующий в настоящее время подход к определению размера ответственности за правонарушения против порядка управления при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд и в сфере ГОЗ не обеспечивает соблюдение должного уровня законности и правопорядка в данных сферах [3, с. 329–335]. Например, за первое полугодие 2017 г. «ФАС России и ее территориальные управления выявили около 2,2 тысяч нарушений в ходе закупок на дорожное строительство, выдали чуть более тысячи предписаний» [13, с. 51]. По мнению авторов, статьи необходимо рассмотреть вопрос о повышении штрафных санкций за правонарушения против порядка управления, вплоть до введения «оборотных» штрафов.

Таким образом, проведенный в настоящей статье системно-структурный анализ административной ответственности за нарушение законодательства о контрактной системе в сфере закупок позволяет сделать следующие выводы:

1. КоАП РФ необходимо привести в соответствие с изменившемся законодательством, в том числе в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок.

2. Статьи, содержащие меры административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок, необходимо выделить в отдельную главу КоАП РФ «Административные правонарушения в сфере закупок».

3. Статьи, содержащие меры административной ответственности за несоблюдение обязательных требований законодательства о государственном оборонном заказе необходимо выделить в отдельную главу КоАП РФ «Административные правонарушения в сфере государственного оборонного заказа».

4. Ужесточить санкции за правонарушения против порядка управления при осуществлении контрольной (надзорной) деятельности в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд [14, с. 8–10], а также в сфере ГОЗ с целью обеспечения должного уровня законности и правопорядка в данных сферах.

5. Ужесточить санкции за правонарушения обязательных требований в области финансов при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд с целью обеспечения должного уровня законности и правопорядка в данных сферах.

6. В законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок внести норму, запрещающую осуществлять закупки товаров, работ, услуг, не соответствующие положениям законодательства об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности.

Список литературы:

1. *Андреева Л. В.* Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию: монография. М., 2019.
2. *Галанов В. А., Гришина О. А., Шибаев С. Р.* Рынок товаров и услуг для государственных нужд (государственный товарный рынок). М., 2010.
3. *Гапоненко В. Ф.* Нарушения и типичные ошибки, допускаемые при заключении и исполнении государственных контрактов // Научный альманах: сборник научных трудов. Волгоград, 2019.
4. *Гунба А. А.* К вопросу об увеличении сроков давности привлечения к административной ответственности за нарушение законодательства о контрактной системе // Административное право и практика администрирования. 2019. № 1.
5. *Кожевников В. В., Лавров Ю. Б.* О соразмерности мер административной ответственности общественному вреду, причиняемому нарушениями законодательства о публичных закупках // Вестник Омской юридической академии. 2017. № 2.
6. *Курлевский И. В., Огрина Г. В.* Административная ответственность за нарушение законодательства о контрактной системе в сфере государственных закупок // Теория и практика общественного развития. 2017. № 4.
7. *Наумов Ю. Г., Самолысов П. В.* Сговоры на торгах как угроза национальной безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2 (42).
8. *Овсипян М. В.* Проблемы организации государственных и муниципальных закупок // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 9 (63).
9. *Руденко Л. Г.* Государственные и муниципальные закупки как механизм инфраструктурной поддержки малого предпринимательства // Транспортное дело России. 2018. № 6 (139).
10. *Самолысов П. В.* Административная ответственность за недобросовестную конкуренцию // Systems And Management. 2019. Т. 1. №. 4.

References:

1. *Andreeva L. V.* Gosudarstvennye zakupki v Rossii: pravovoe regulirovanie i mery po ego sovershenstvovaniyu: monografiya. M., 2019.
2. *Galanov V. A., Grishina O. A., Shibaev S. R.* Rynok tovarov i uslug dlya gosudarstvennyh nuzhd (gosudarstvennyj tovarnyj rynok). M., 2010.
3. *Gaponenko V. F.* Narusheniya i tipichnye oshibki, dopuskaemye pri zaklyuchenii i ispolnenii gosudarstvennyh kontraktov // Nauchnyj al'manah: sbornik nauchnyh trudov. Volgograd, 2019.
4. *Gunba A. A.* K voprosu ob uvelichenii srokov davnosti privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za narushenie zakonodatel'stva o kontraktnoj sisteme // Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2019. № 1.
5. *Kozhevnikov V. V., Lavrov Yu.* B. O sorazmernosti mer administrativnoj otvetstvennosti obshchestvennomu vredu, prichinyaemomu narusheniyami zakonodatel'stva o publichnyh zakupkah // Vestnik Omskoj yuridicheskoj akademii. 2017. № 2.
6. *Kurlevskij I. V., Ogrina G. V.* Administrativnaya otvetstvennost' za narushenie zakonodatel'stva o kontraktnoj sisteme v sfere gosudarstvennyh zakupok // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2017. № 4.
7. *Naumov Yu. G., Samolysov P. V.* Sgovory na torgah kak ugroza nacional'noj bezopasnosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 2 (42).
8. *Ovsipyan M. V.* Problemy organizacii gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2017. № 9 (63).
9. *Rudenko L. G.* Gosudarstvennye i municipal'nye zakupki kak mekhanizm infrastrukturnoj podderzhki malogo predprinimatel'stva // Transportnoe delo Rossii. 2018. № 6 (139).
10. *Samolysov P. V.* Administrativnaya otvetstvennost' za nedobrosovestnuyu konkurenciyu // Systems And Management. 2019. T. 1. №. 4.
11. *Sidorova M. V., Novosel'ceva M. M.* Aktual'nye aspekty funkcionirovaniya sistemy gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok v Rossijskoj Federacii // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2019. T. 2. № 4.

11. *Сидорова М. В., Новосельцева М. М.* Актуальные аспекты функционирования системы государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. Т. 2. № 4.
12. *Сергеева Н. В., Храмцова В. Е.* Контрактная система: обзор применяемых мер ответственности участников // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2019. № 3 (21).
13. *Сухаренко А.* Закупки в сфере дорожного строительства в форме электронного аукциона // Юрист. 2017. № 35.
14. *Шахбанова А. М.* Контрактная система в России с ФЗ-№ 44: плюсы и минусы // Вопросы структуризации экономики. 2018. № 2.

12. *Sergeeva N. V., Hramcova V. E.* Kontraktnaya sistema: obzor primenyaemyh mer otvetstvennosti uchastnikov // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 2. YUridicheskie nauki. 2019. № 3 (21).
13. *Suharenko A.* Zakupki v sfere dorozhnogo stroitel'stva v forme elektronnogo aukciona // YUrist. 2017. № 35.
14. *Shahbanova A. M.* Kontraktnaya sistema v Rossii s FZ-№ 44: plyusy i minusy // Voprosy strukturizacii ekonomiki. 2018. № 2.

Для цитирования:

Гапоненко Владимир Федосович, Самолысов Павел Валерьевич. Системно-структурный анализ административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 220–231.

For citation:

Gaponenko Vladimir Fedosovich, Samolysov Pavel Valer'evich. The role of the Ministry of internal Affairs of Russia in the development of strategies for the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 220–231.

ЮЛИЯ ЛЕОНИДОВНА КОРАБЕЛЬНИКОВА,
заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171,
г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8
E-mail: iukorabelnikova@mvd.ru

YULIYA LEONIDOVNA KORABEL'NIKOVA,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department
of State and Legal Disciplines
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: iukorabelnikova@mvd.ru

Научная специальность:
12.00.02 – конституционное право;
конституционный судебный процесс;
муниципальное право.

Scientific specialty:
12.00.02 – Constitutional Law;
Constitutional Judicial Process;
Municipal Law.

УДК 342.518

Дата поступления статьи: 18 мая 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г

Гендерный баланс в органах полиции России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование

Gender Balance in the Police Forces of Russia and Foreign Countries: a Comparative Legal Study

Аннотация

Постановка проблемы: проблема гендерного равенства является предметом широкой научной дискуссии как на международной арене, так и в отдельных государствах. В Конституции Российской Федерации содержится ряд норм, направленных на обеспечение гендерного равенства: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола…», «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации».

В современный период все больше женщин занимают активную гражданскую позицию, причем не только в экономической, социальной, но и политической сфере. Женщины занимают высокие посты в органах государственной власти, руководят общественными организациями, участвуют в выборных кампаниях. И это становится нормой общественно-политической жизни Российского государства.

В настоящее время существует все больше сфер, профессий, специальностей, в которых женщины по уровню своей компетентности ничем не уступают мужчинам: в правоохранительной сфере, военной и полицейской службе, в бизнесе и космосе, в миротворческих опера-

Annotation

The problem statement: the issue of gender equality is the subject of a broad scientific discussion both in the international arena and in individual States. The Constitution of the Russian Federation contains a number of norms aimed at ensuring gender equality: «The state guarantees equality of human and civil rights and freedoms regardless of gender…», «Men and women have equal rights and freedoms and equal opportunities for their realization».

In the modern period, more and more women are taking an active civil position, not only in the economic, social, but also in the political sphere. Women hold high positions in state authorities, run public organizations, and participate in election campaigns. And this is becoming the norm of the social and political life of the Russian state.

Today, there are more and more areas, professions, and specialties in which women are not inferior to men in terms of their competence: in law enforcement, military and police service, in business and space, in peacekeeping operations and international organizations. Moreover, it should be recognized that, despite active involvement in public life and employment at work, women are as-

циях и международных организациях.

Более того, следует признать, что, несмотря на активную вовлеченность в общественную жизнь и занятость на работе, на женщину возлагается большой объем домашних функций, а также обязанностей по уходу и воспитанию детей.

Именно женская активность по проведению научных и общественных дискуссий по вопросам гендерного равенства во многом определила процесс переосмысления роли и места женщины в системе публичного управления.

Все это обусловливает необходимость преодоления существующего гендерного дисбаланса и более широкого распространения принципа равноправия женщин и мужчин, в том числе на службе в органах полиции, при этом учитывая социальный статус женщин.

Цель исследования: на основе анализа российского и зарубежного опыта обеспечения гендерного равенства на примере службы в органах полиции выявить существующие проблемы в реализации данного принципа.

Методы исследования: методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов: диалектический, сравнительно-правовой, юридико-технический анализ, оценочный, статистический.

Результаты и ключевые выводы: в результате исследования автор делает выводы, что Россия, как и большинство государств, стремится к реализации принципа гендерного равенства. Тем не менее в настоящее время в обществе существует достаточно много стереотипов о роли женщин в публичном управлении. С целью их разрушения необходимо предпринимать системные меры посредством формирования гендерных стратегий, принятия общественных мер, широкого обсуждения данной проблематики, применения единых требований и критериев во всех сферах независимо от пола, т. е. реализации конституционных, нормативных положений в полном объеме. Это позволит значительно повысить статус женщин в государстве, снизить проблему насилия, которая является на современном этапе общемировой, и приведет к другим общественно значимым результатам.

При этом, рассматривая вопрос гендерного равенства в полиции, следует учитывать необходимость дополнительных гарантий, предусмотренных для женщин в связи с их социальным статусом, и в то же время важность и востребованность женщин на службе в полиции в обеспечении национальной безопасности.

Ключевые слова: *гендерное равенство; гендерная политика; равенство мужчин и женщин; права и свободы; устойчивое мировое развитие.*

signed a large amount of household functions, as well as responsibilities for the care and upbringing of children.

It is women's activism in conducting scientific and public discussions on gender equality that has largely determined the process of rethinking the role and place of women in public administration.

All this makes it necessary to overcome the existing gender imbalance and promote the principle of equality between women and men, including in the police service, while taking into account the social status of women.

The purpose of the study: based on the analysis of Russian and foreign experience in ensuring gender equality on the example of service in the police, to identify existing problems in the implementation of this principle.

The research methods: the methodological basis of the research is a complex of General scientific and private scientific methods: dialectical, comparative legal, legal and technical analysis, evaluation, statistical.

The results and key conclusions: as a result of the study, the author concludes that Russia, like most countries, strives to implement the principle of gender equality. Nevertheless, there are currently quite a lot of stereotypes about the role of women in public administration. In order to destroy them, it is necessary to take systematic measures through the formation of gender strategies, the adoption of public measures, a broad discussion of this issue, the application of common requirements and criteria in all areas, regardless of gender, i.e. implementation of constitutional and regulatory provisions in full. This will significantly improve the status of women in the state, reduce the problem of violence, which is currently a global problem, and lead to other socially significant results.

At the same time, when considering the issue of gender equality in the police, it is necessary to take into account the need for additional guarantees provided for women in connection with their social status, and at the same time the importance and relevance of women in the police service in ensuring national security.

Keywords: *gender equality; gender policy; gender equality; rights and freedoms; sustainable world development.*

Принцип равенства все глубже проникает в сознание граждан. На современном этапе государство считается демократическим, если признает данный принцип независимо от пола, языка, религиозной и иной принадлежности и прилагает необходимые усилия для его обеспечения. Принцип равенства, в соответствии с которым все члены общества должны быть поставлены в одинаковые условия, всегда был и остается одним из важнейших идеалов справедливого общественного устройства [8, с. 171]. Гендерное равенство является составной частью равенства в целом и сравнительно недавно вошло в содержание всеобъемлющего равенства, которое предполагает отсутствие дискриминации в отношении женщин в различных сферах.

На международном уровне обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек являются одной из целей устойчивого развития мира, сформулированных Организацией Объединенных Наций. Гендерное равенство признается не только одним из основных прав человека, но и необходимой основой для дальнейшего развития и достижения мира и процветания в обществе.

С целью расширения прав и возможностей женщин и девочек мировым сообществом признается необходимость предоставления им равного доступа к образованию, медико-санитарному обслуживанию, достойной работе и участию в процессах принятия политических и экономических решений [1, с. 104]. Все это будет способствовать достижению устойчивости экономики и принесет пользу обществу и человечеству в целом. На международном уровне подчеркивается, что для обеспечения гендерного равенства необходимо активизировать усилия государств, в том числе по укреплению нормативно-правовой базы, устанавливающей равноправие мужчин и женщин в социально-экономической, политической, личной и иных сферах жизнедеятельности.

Тем не менее на современном этапе мировое сообщество лишь стремится к достижению этой цели, поскольку, несмотря на активное участие женщин в политической жизни стран, на их долю сегодня приходится 23,7 % мест в государственных парламентах, что пока не отвечает принципу гендерного паритета [2].

В российской Конституции содержатся гарантии, закрепляющие не только равные права и свободы женщин и мужчин, но и равные возможности для их реализации. На сегодняшний день в России женщины реализуют себя в самых разных сферах, имеют вес в государственном управлении, занимают должности в государственных и муниципальных органах власти, в том числе в органах полиции.

Следует отметить, что на современном этапе общественного развития позиции женщин в органах управления значительно изменились. В России активная гендерная политика стала проводиться в советский период, когда существовало даже квотирование мест в государственных органах. В связи с чем еще в 80-е гг. XX в. количество женщин в парламентах был достаточно высоким: в Верховном Совете СССР – 32,8 %, в РСФСР – 35 %, в союзных республиках – 36,2 %, в автономных – 40,3 % [3, с. 189].

В настоящее время в России нет системы квотирования и соотношение по полу в обоих палатах парламента примерно одинаковое. Так, в Совете Федерации в настоящее время 28 женщин – представители региональных высших органов власти, что составляет лишь 16,5 % от общей численности. При этом следует отметить, что председателем данной палаты Федерального Собрания Российской Федерации является женщина. Что касается Государственной Думы, то депутатскими мандатами наделена 71 женщина, это составляет 15,8 %. Следует согласиться с мнением профессора Г.Н. Комковой о том, что женщины в органах власти необходимы и полезны не только для отстаивания интересов самих женщин, но и всего общества в целом [4, с. 64]. Женщины более внимательно относятся к проблемам в социальной сфере, которые у мужчин зачастую остаются на периферии. Эти вопросы требуют повышенного внимания, так как являются наиболее чувствительными. Результаты социальной политики во многом определяют настроения в обществе, могут привести к спокойствию или, напротив, к социальной напряженности. Наиболее важным результатом гендерного баланса в органах власти видится учет интересов всего населения государства, партнерские отношения женщин и мужчин.

Традиционно служба в полиции считается мужским занятием. Обращаясь к истории, следует отметить, что в царской полиции женщины на службе не состояли. Массовый прием женщин в ряды советской милиции начался в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), когда создавались детские комнаты милиции. Было необходимо распределять детей, оставшихся без родителей, по детским домам и приемникам. В дальнейшем женщины стали более активно приниматься на службу в различные подразделения: детские комнаты милиции, экспертно-криминалистические и информационные центры, финансовые и кадровые подразделения системы МВД России, научно-исследовательские институты и учебные заведения, медицинские учреждения.

В настоящее время число женщин в российской полиции составляет в среднем 25 % от об-

щей численности личного состава МВД России. Так, в 2014 г. на службе в полиции находилось 178 696 женщин, что составило 21,1 % от общей численности личного состава МВД России. При этом на должностях начальствующего состава находилось 145 422 женщины (26,1 %) [6, с. 43–44]. К 2019 г. даже с учетом проводимой оптимизации численности органов внутренних дел их число возросло до 181 152, что составляет 27,3 % от общей численности личного состава [7, с. 43]. В центральном аппарате МВД России женщины также занимают значительное место. Последние пять лет их количество оставалось на уровне 30 % от общей численности центрального аппарата.

Рассматривая зарубежный опыт, следует обратить внимание, что число женщин в органах полиции зарубежных государств очень разное. Тем не менее следует отметить, что их количество во всех странах мира меньше по сравнению с мужчинами.

Соединенные Штаты Америки, признанные одной из наиболее демократических стран мира, начали прием женщин в полицию с 1972 г. Старт этому набору был дан Демократической партией США. В 1977 г. Министерством юстиции и Департаментом казначейства была создана Межведомственная комиссия по положению женщин в федеральных правоохранительных органах (ICWIFLE), которая впоследствии была преобразована в организацию «Женщины в федеральных правоохранительных органах» (WIFLE) с целью отбора и подготовки женщин для данных органов. В настоящее время организацией предоставляется годовое обучение руководителей и стипендиальные программы. На сегодняшний день в Федеральном бюро расследований США проходит службу примерно 20 % женщин.

В 1979 г. в Национальную полицию Испании впервые были приняты 42 женщины, которые были первопроходцами и смогли сделать этот шаг, реализуя принцип равенства, закрепленный в Конституции Испании, принятой годом ранее, что являлось одним из шагов к прогрессивному развитию страны. В настоящее время в органах Национальной полиции Испании служат более 9 тыс. женщин-полицейских, что составляет почти 15 % от общего количества сотрудников и является самым высоким показателем во всех правоохранительных органах Испании.

В федеральной полиции Аргентины женщины проходят службу с 1978 г. На сегодняшний день на разных должностях проходят службу около 10 тыс. женщин[1]. В Марокко начался прием на службу женщин с 2002 г., в настоящее время на службе в полиции состоит примерно 5 тыс. женщин (8 %), 65 из которых – на руководящих должностях разного звена[2].

В полицию Японии прием женщин начался в 1946 г. В 1990 г. их количество в рядах полиции составляло 4 329 человек (2 %), в настоящее время – 25 540 (9,8 %). В 1994 г. была назначена первая женщина – начальник полиции, в настоящее время на руководящих должностях в полиции состоит чуть более 1 % женщин[3].

В колумбийскую полицию впервые женщины были приняты в 1953 г., в 1977 г. был организован набор женщин-полицейских для обучения в образовательной организации. К 2000 г. число женщин-полицейских в органах полиции составляло 4 506 человек, в настоящее время эта цифра увеличилась до 18 833 женщин, что составляет примерно 11 % от общей численности личного состава[4].

В полиции Швеции проходят службу 25 % женщин. При этом женщины выполняют те же функции, что и мужчины, вплоть до участия в спецоперациях. С 2007 г. на систематической основе стимулируется служба женщин в полиции, проводятся исследования о причинах увольнения женщин из органов, отмечается повышение спроса женщин на службу в полиции[5].

В Афганистане в полиции разделяются женские и мужские подразделения. В настоящее время на службе в полиции состоит 3 % женщин от общего числа личного состава, на руководящих должностях – 5 женщин. Женщины проходят службу в различных подразделениях полиции. При этом заместителем Министра внутренних дел Афганистана является женщина[6].

Интересным представляется опыт австралийской полиции, где в 2017 году проведен эксперимент, в ходе которого преимущество при приеме на службу в полицию имели женщины. В результате число женщин в полиции увеличилось на 2 % и в 2019 г. на службе в полиции состоит уже 24% женщин, к 2021 г. планируется достичь гендерного равенства[7].

Таким образом, можно сделать вывод, что женщинам предоставлена возможность служ-

[1] Выступление заместителя начальника Федеральной полиции Аргентины г-жи Эстер Мэйбл Франко на Международном конгрессе женщин-полицейских «Гендерное равенство в сфере безопасности» 6 ноября 2019 г.

[2] Выступление директора по международным отношениям полиции Марокко г-жи Марии Лахдар на Международном конгрессе женщин-полицейских «Гендерное равенство в сфере безопасности» 6 ноября 2019 г.

[3] Выступление генерального директора по международным делам Национального полицейского управления Японии г-жи Тоси Танака на Международном конгрессе женщин-полицейских «Гендерное равенство в сфере безопасности» 6 ноября 2019 г.

[4] Выступление директора Департамента здравоохранения национальной полиции Колумбии г-жи Жульетты Джомар Куре Парра на Международном конгрессе женщин-полицейских «Гендерное равенство в сфере безопасности» 6 ноября 2019 г.

[5] Выступление комиссара шведского полицейского управления Швеции г-жи Энн Мари Орлер на Международном конгрессе женщин-полицейских «Гендерное равенство в сфере безопасности» 7 ноября 2019 г.

[6] Выступление заместителя Министра внутренних дел Афганистана г-жи Хусны Джалиль на Международном конгрессе женщин-полицейских «Гендерное равенство в сфере безопасности» 7 ноября 2019 г.

[7] Выступление офицера связи Австралии г-жи Кристи-Ли Кресси на Международном конгрессе женщин-полицейских «Гендерное равенство в сфере безопасности» 6 ноября 2019 г.

бы в полиции во многих государствах мира. Тем не менее, в настоящее время количество женщин в органах полиции в лучшем случае составляет примерно четверть. Много это или мало? Сложно дать однозначный ответ на этот вопрос, так как международное сообщество призывает к повсеместному внедрению данного принципа во всех государственных структурах. И с этой точки зрения следует признать востребованность женщин для выявления и раскрытия преступлений, например, связанных с личной неприкосновенностью или совершенных в отношении детей, где женские качества будут способствовать установлению более доверительного контакта с потерпевшим. Это способствует более эффективному обеспечению безопасности граждан.

Кроме того, следует подчеркнуть, что служба в полиции для женщин – одна из мер, которая способна предотвратить совершение в отношении них насилия в связи с получением на службе соответствующей физической подготовки. Но даже не это является главным – служба в полиции позволяет повысить авторитет женщины в обществе. А назначение женщин на высокие, руководящие должности способствует укреплению ее общественно-политической значимости наряду с социальной, которая принадлежит ей, поскольку основные функции по воспитанию и уходу за детьми в большинстве случаев лежат на женщинах.

Существует представление, что женщина, проходя службу в органах внутренних дел, должна делать выбор между семьей и работой. Однако в российской полиции женщины обладают всеми гарантиями, предусмотренными законодательством: оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет, выплаты в связи с рождением детей, оплачиваемый в полном объеме листок нетрудоспособности, а также больничный по уходу за ребенком, бесплатное медицинское обслуживание членов семьи, возможность получения лечения в санаториях.

Проведенное исследование показывает, что в России женщины проходят службу во всех подразделениях полиции. Наибольшее количество женщин служат в подразделениях предварительного расследования (дознание – 76,2 %, следствие – 62,2 %), подразделениях по вопросам миграции (71,8 %), штабных подразделениях (65,7%). Наименьшая численность женщин в уголовном розыске (9,5 %), подразделениях по контролю за оборотом наркотиков (10,0 %), ГИБДД (11,2 %), подразделениях по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией (13,5 %) [7, с. 43–44]. Это представляется вполне логичным и связано с кругом выполняемых обязанностей.

Как видно из приведенной статистики, есть службы, где женщины представлены в большей степени. Эта работа, как правило, связана с общением с людьми, особую категорию составляют несовершеннолетние, или это кропотливая работа по проведению экспертно-криминалистических экспертиз. Важное направление деятельности, которое осуществляется женщинами-полицейскими, – это работа с личным составом, где женские качества позволяют лучше налаживать контакт с подчиненными, проявлять чуткость, осуществлять работу по подбору кадров, рекомендовать с учетом личных и профессиональных качеств к назначению на ту или иную должность, проводить психолого-коррекционные мероприятия [5, с. 169]. В образовательных организациях МВД России на должностях научно-педагогического состава женщины проводят большой объем работы не только по обучению и повышению квалификации сотрудников полиции, но и осуществляют научно-исследовательскую, воспитательную и иную деятельность. В настоящее время двумя подразделениями центрального аппарата руководят женщины (Главное управление по вопросам миграции и Финансово-экономический департамент МВД России).

При объективном рассмотрении вопросов повсеместного внедрения гендерного равенства необходимо обратить внимание на такой важный аспект профессиональной деятельности полицейских, как риск для жизни и здоровья, который в основном характерен для оперативной работы, чем и объясняется столь низкий процент службы женщин в данных подразделениях. И это оправданно именно социальной ролью женщин в обществе, необходимостью обеспечения их безопасности. Конечно, некоторые женщины делают осознанный выбор в пользу таких сфер полицейской деятельности, а если они соответствуют квалификационным требованиям, то могут претендовать на них.

На основании изложенного, подводя итоги проведенному исследованию, можно сделать вывод, что российское законодательство в целом закрепляет равноправие мужчин и женщин. Тем не менее существующие стереотипы о роли женщины в обществе не всегда позволяют реализовать имеющиеся возможности. К сожалению, и в настоящее время при равных условиях на должность скорее будет назначен мужчина. Причем и сами женщины в большинстве случаев делают выбор в пользу мужчин.

На основании изложенного следует признать, что сегодня назрела необходимость в принятии системных мер с целью изменения сложившейся ситуации путем широкого общественного обсуждения гендерной политики и роли женщин в публичном управлении, активной гражданской позиции самих женщин, формирования государственных гендерных стратегий, фактического применения одинаковых критериев и требований независимо от по-

лового признака при приеме на работу, службу, участия в выборных кампаниях и т. д. Более широкое представительство женщин в публичном управлении призвано повысить социальный статус женщин, направлено на внедрение в сознание людей принципа равноправия по признаку пола и будет обеспечивать не только гендерный паритет, но и способствовать повышению эффективности публичного управления.

При этом в органах полиции, где служба сопряжена с риском для жизни и здоровья, требуется не только соответствие квалификационным требованиям, но и определенный уровень физической подготовки, необходимо соблюдать баланс. Несмотря на утверждение ряда экспертов, что и в органах полиции необходимо равное представительство мужчин и женщин, видится необходимым учитывать социальный статус женщин и обеспечивать их личную безопасность. На наш взгляд, наиболее важной перспективой реализации данного принципа в органах полиции является обеспечение паритетного представительства женщин и мужчин на равных, в том числе руководящих должностях, отсутствие так называемых «стеклянных потолков» при продвижении женщин по службе в органах внутренних дел.

Список литературы:

1. *Громова О. Н., Корабельникова Ю.Л.* Международные переговоры как форма международного сотрудничества МВД России с правоохранительными органами зарубежных государств // Научный портал МВД России. 2019. № 1 (45).
2. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек: цель пятая в области устойчивого развития // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org.ru/ (дата обращения 25.04.2020).
3. *Поленина С. В.* Женский вопрос и строительство социалистического правового государства. Труд, семья, быт советской женщины. М., 1990.
4. Права женщин и мужчин в России: реализация принципа равенства / под ред. Г. Н. Комковой. М., 2019.
5. *Сердюк Н. В., Грищенко Л. Л., Столяренко А. М.* Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде // Психология и право. 2018. Т. 8. № 3.
6. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2015 год: сборник аналитических и информационных материалов. М., 2016.
7. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2019 год: сборник аналитических и информационных материалов. М., 2020.
8. *Эрдниева Л. А.* Равноправие мужчин и женщин как предмет национального права // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2.

Для цитирования:

Корабельникова Юлия Леонидовна. Гендерный баланс в органах полиции России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 232–237.

References:

1. *Gromova O. N., Korabel'nikova Yu. L.* Mezhdunarodnye peregovory kak forma mezhdunarodnogo sotrudnichestva MVD Rossii s pravoohranitel'nymi organami zarubezhnyh gosudarstv // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2019. № 1 (45).
2. Obespechenie gendernogo ravenstva i rasshirenie prav i vozmozhnostej vsekh zhenshchin i devochek: cel' pyataya v oblasti ustojchivogo razvitiya // Oficial'nyj sajt Organizacii Ob»edinennyh Nacij. URL: https://www.un.org.ru/ (data obrashcheniya 25.04.2020).
3. *Polenina S. V.* Zhenskij vopros i stroitel'stvo socialisticheskogo pravovogo gosudarstva. Trud, sem'ya, byt sovetskoj zhenshchiny. M., 1990.
4. Prava zhenshchin i muzhchin v Rossii: realizaciya principa ravenstva / pod red. G. N. Komkovoj. M., 2019.
5. *Serdyuk N. V., Grishchenko L. L., Stolyarenko A. M.* Psihologo-pedagogicheskie aspekty profilaktiki ekstremizma v molodezhnoj srede // Psihologiya i pravo. 2018. T. 8. № 3.
6. Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii za 2015 god: sbornik analiticheskih i informacionnyh materialov. M., 2016.
7. Svedeniya o sostoyanii raboty s kadrami organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii za 2018 god: sbornik analiticheskih i informacionnyh materialov. M., 2019.
8. *Erdnieva L. A.* Equality of men and women as a subject of national law // Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 2.

For citation:

Korabel'nikova Yuliya Leonidovna. Gender Balance in the Police Forces of Russia and Foreign Countries: a Comparative Legal Study // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 232–237.

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА ПОТАПОВА,
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел центра
командно-штабных учений,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: potapova.18@mail.ru

SVETLANA ANATOL'EVNA POTAPOVA,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Internal
Affairs Organization of the Center for Command
and Staff Exercises Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: potapova.18@mail.ru

Научная специальность:
12.00.11 – судебная деятельность,
прокурорская деятельность, правозащитная
и правоохранительная деятельность.

Scientific specialty:
12.00.11 – Judicial Activity,
Prosecutor's Activity,
Human Rights and Law Enforcement Activities.

УДК 630.93:343.375

Дата поступления: 15 апреля 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

К вопросу о совершенствовании российского законодательства в сфере лесных ресурсов и лесозаготовок

On the issue of improving Russian legislation in the field of forest resources and logging

Аннотация

Актуальность статьи состоит в особом значении вопросов правового и организационного обеспечения деятельности органов внутренних дел и других правоохранительных органов по противодействию преступлениям в сфере лесозаготовок, а также защищенности от криминальных угроз бюджетообразующих отраслей экономики Российской Федерации – лесного хозяйства Дальневосточного федерального округа.

Постановка проблемы: многие хозяйствующие субъекты активно используют любые возможности для незаконных операций с лесом и лесоматериалами. В связи с этим большую актуальность приобретают вопросы совершенствования законодательства в сфере лесозаготовок с целью пресечения незаконных вырубок и вывоза за рубеж леса и лесоматериалов, а также организации деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных органов по противодействию преступлениям и правонарушениям, связанным с посягательствами на сырьевые ресурсы.

Цель исследования: на основе анализа правовых основ деятельности органов внутренних дел и других правоохранительных органов по пресечению незаконных операций с лесом и лесоматериалами внести предложения право-

Annotation

The relevance of the article lies in the special significance of the issues of legal and organizational support for the activities of internal Affairs bodies and other law enforcement agencies to counteract crimes in the field of logging, as well as protection from criminal threats to the budget – forming sectors of the Russian economy-forestry of the far Eastern Federal district.

The problem statement: many economic entities actively use any opportunities for illegal operations with wood and timber products. In this regard, issues of improving legislation in the field of logging in order to prevent illegal logging and export of timber and timber products abroad, as well as organizing the activities of internal Affairs bodies and other law enforcement agencies to counter crimes and offenses related to encroachments on raw materials are becoming more urgent.

The purpose of the study: based on the analysis of the legal framework for the activities of internal Affairs bodies and other law enforcement agencies to prevent illegal operations with wood and timber, to make legal and organizational proposals to improve this area of activity.

The research methods: comparative legal analysis combined with logic and argumentation techniques.

вого и организационного характера по совершенствованию указанной сферы деятельности.

Методы исследования: сравнительно-правовой анализ в сочетании с приемами логики и аргументации.

Результаты и ключевые выводы: решение проблем, связанных с нелегальными вырубками и незаконным оборотом древесины, требует комплексных усилий государственных структур федерального и регионального уровней во взаимодействии с предприятиями лесного комплекса, а также принятия мер по устранению пробелов в уголовном, административном и лесном законодательстве.

Ключевые слова: *экономическая безопасность; Дальневосточный федеральный округ; сырьевые ресурсы; лесозаготовки; лесные ресурсы; хозяйствующие субъекты; незаконные операции; оборот древесины; органы внутренних дел; правоохранительные органы; правовые и организационные основы.*

The results and key conclusions: solving problems related to the fight against illegal logging and illegal wood trafficking requires comprehensive efforts of state structures at the Federal and regional levels in cooperation with forest enterprises, as well as measures to eliminate gaps in criminal, administrative and forest legislation.

Keywords: *economic security; far Eastern Federal district; raw materials; logging; forest resources; economic entities; illegal operations; timber turnover; internal Affairs agencies; law enforcement agencies; legal and organizational bases.*

В период коренного обновления социально-экономической системы России особое значение приобретают вопросы создания благоприятных условий функционирования бюджетообразующих отраслей народного хозяйства, включая предотвращение криминализации экономики Дальневосточного федерального округа Российской Федерации, что должно рассматриваться в качестве одного из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности в целом и экономической безопасности, в частности[1].

Дальний Восток России обладает огромными массивами лесных угодий. По информации Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации, они составляют около 20,4 млрд куб. м или 27,4 % от общих запасов древесины в России. На долю Дальнего Востока приходится свыше 35 % лесопокрытой площади Российской Федерации – 275,1 млн га. Более двух третей этой территории занято насаждениями с преобладанием хвойных пород [10, с. 1].

На территории Дальневосточного федерального округа зарегистрировано более 2,6 тыс. предприятий лесопромышленного комплекса, основная часть которых (87 %) сосредоточена в Хабаровском (1 110 предприятий, 42,0 %), Приморском (980 предприятий, 37,1 %) краях, а также в Амурской области (216 предприятий, 8,2 %). Лесозаготовительными предприятиями по всем видам рубок ежегодно заготавливается свыше 14 млн куб. м древесины.

Из всего объема заготовок перерабатывается менее 14 % древесины, основная продукция представлена круглыми лесоматериалами, идущими, как правило, на экспорт. На долю Дальневосточного региона приходится треть объема продаж российских лесоматериалов за рубеж.

Они притягивают внимание предпринимателей динамично развивающихся государств Азии. При этом более 55 % леса и лесоматериалов экспортируется в Китайскую Народную Республику. Экспортом в КНР на постоянной основе занимаются около 486 юридических и физических лиц (в том числе в Приморском крае – 156, в Хабаровском крае – 186, в Амурской области 76, в Еврейской автономной области – 62). В лесопромышленном комплексе насчитывается 239 совместных предприятий.

Проблема состоит в том, что многие хозяйствующие субъекты активно используют любые возможности для незаконных операций с лесом и лесоматериалами. В связи с этим большую актуальность приобретают вопросы обеспечения законности лесозаготовок. По данным Минприроды России, фонда международного развития «Inter Cooperation» и Всемирного Банка, объем незаконно добытой древесины в регионе составляет не менее 20 % от официально регистрируемой лесозаготовки.

Исходя из сведений, полученных в ходе космических исследований (мониторинга) незаконных порубок леса в Российской Федерации, проведенных в 2017 г. Федеральным

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683// СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

агентством лесного хозяйства, в трех регионах России (Хабаровский край, Сахалинская, Амурская области) зафиксировано, что реальные объемы порубок леса превышают официальные в 7–8 раз (после 2017 г. такие исследования не проводились).

О росте выявляемых фактов незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 Уголовного кодекса Российской Федерации[2] (далее – УК РФ)) свидетельствует и уголовная статистика, ежегодный прирост которых составляет 13–15 %. Кроме того, по данным Минприроды России, в 2017 г. было сокрыто от учета, выведено из налогооблагаемой фазы 30 % от всего объема вывезенной за рубеж древесины.

С целью противодействия этому органами внутренних дел Дальневосточного федерального округа во взаимодействии с иными правоохранительными структурами и контрольно-надзорными органами в соответствии с задачами, поставленными Президентом Российской Федерации[3], принят комплекс мер, направленных на повышение эффективности борьбы с экономическими преступлениями в лесной отрасли, пресечение незаконного вывоза за рубеж леса и лесоматериалов.

Тем не менее основные усилия органов внутренних дел и иных правоохранительных органов Дальневосточного федерального округа, по нашему мнению, необходимо сосредоточить на осуществлении комплекса мероприятий по декриминализации бюджетообразующих отраслей экономики, в том числе в сфере переработки и оборота лесной, деревообрабатывающей промышленности. На наш взгляд, на всех этапах добычи и переработки леса и лесоматериалов необходимо:

– анализировать и обобщать практику прокурорского надзора за исполнением лесного, таможенного законодательства при заготовке и экспорте лесопродукции, доследственных проверок и расследования уголовных дел о незаконных рубках лесных насаждений;

– обеспечивать постоянный обмен информацией по выявленным проблемным вопросам в сфере лесопользования, фактам совершения административных правонарушений и уголовно-наказуемых деяний, оперативно-значимой информацией, касающейся преступной деятельности лиц, специализирующихся на незаконной заготовке, переработке и реализации леса и лесоматериалов в целях организации скоординированных совместных мероприятий, направленных на своевременное формирование доказательственной базы и привлечение виновных к ответственности;

– активизировать работу по международному взаимодействию при обмене информацией с правоохранительными органами приграничных государств по пресечению контрабандных поставок леса и лесопродукции с территории Российской Федерации;

– включить в следственно-оперативные группы органов внутренних дел для отслеживания груза сотрудников органов лесного хозяйства, заинтересованных контролирующих и правоохранительных органов с последующей передачей материалов проверок территориальным налоговым органам, а также органам, уполномоченным принимать решения по фактам правонарушений и преступлений в сфере лесопользования;

– организовывать выезды совместных групп представителей правоохранительных и контролирующих органов в районы, наиболее подверженные нарушениям в лесной отрасли со стороны российских и иностранных лесозаготовительных предприятий и частных предпринимателей, занимающихся заготовкой, сбытом, перевозкой и экспортом лесопродукции, с целью выявления правонарушений и совершаемых преступлений в указанной сфере.

Вместе с тем сложность решения проблем, связанных с нелегальными рубками и незаконным оборотом древесины, требует не только сугубо организационных мер, но и в первую очередь устранения пробелов в уголовном, административном и лесном законодательстве.

Определенные шаги в этом направлении были сделаны в 1996 г. при принятии Уголовного кодекса Российской Федерации, где п. «ж» ст. 44 УК РФ предусматривал такой вид наказания, как конфискация имущества. По нашему мнению, это было вызвано необходимостью более четкого разграничения норм уголовного и административного законодательства с целью устранения диспропорции санкций, предлагаемых в УК РФ, по сравнению с санкциями, закрепленными в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях[4] (далее – КоАП РФ). Но в 2003 г. данный вид наказания (конфискация имущества) исключен, п. «ж» ст. 44 УК РФ признан утратившим силу[5]. Однако ст. 3.2 КоАП РФ предусматривает конфискацию орудия совершения административного правонарушения или предмета административного правонарушения, тогда как ста-

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 295.

[3] О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: указ Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567 // СЗ РФ. 1996. №. 17. Ст. 1958.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

[5] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

тьи уголовного закона, определяющие санкции за незаконную порубку деревьев, до настоящего времени такого вида наказания не содержат.

Как представляется, конфискацию предмета, добытого преступным путем, включая незаконно добытую лесную продукцию, следует предусмотреть и в уголовном законодательстве, применяя ее как дополнительное наказание, а инвариантность этой санкции может послужить средством предупреждения коррупционного поведения.

Необходимо учитывать также разнородность преступлений, совершаемых в сфере лесозаготовок. Анализ криминогенной обстановки, складывающейся в данной области, показывает, что объем экспорта круглого леса постоянно увеличивается, однако существует тенденция снижения цен на российский круглый лес при повышении цен на пиломатериалы, вырабатываемые за рубежом из российского леса. При этом следует отметить, что число экспортеров возросло до 3 000, что повлекло падение экспортных цен, снижение качества продукции, низкий уровень маркетинга, потерю российскими товаропроизводителями своих позиций на рынках, криминализацию отрасли.

Причина этого – коррупционная составляющая. Дело в том, что система управления лесным комплексом базируется на государственной собственности на леса. При этом правом пользования лесными участками предприятия-лесозаготовители наделяются через открытые конкурсы, проходящие без участия правоохранительных и контролирующих органов, что дает возможность недобросовестным чиновникам предоставлять, а подконтрольным преступным группировкам фирмам-однодневкам беспрепятственно получать для вырубки участки лесного фонда. Из этого следует, что криминальная пораженность лесной отрасли, системность и масштабность преступлений в данной сфере обусловливает необходимость повышенных уголовно-правовых санкций за данные неправомерные действия, в том числе и за уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ).

Между тем основная масса уголовных дел о преступлениях в сфере лесозаготовок возбуждается органами дознания Федеральной таможенной службы Российской Федерации. Наиболее распространенными правонарушениями в сфере заготовки и оборота древесины являются: заготовка древесины редких и исчезающих пород; лесозаготовки под видом санитарных рубок и рубок ухода; заготовка древесины, осуществляемая с нарушением правил и (или) технологий; торговля нелегально заготовленной древесиной; контрабанда и легализация нелегально заготовленной древесины; коммерческая заготовка населением древесины под предлогом использования для собственных нужд. Однако, поскольку ст. 188 УК РФ («Контрабанда») в 2011 г. утратила силу[6], лесоэкспортер не обязан ныне предоставлять в таможенные органы документы о законности происхождения древесины, что делает практически невозможным документирование признаков преступления.

Преступления в сфере незаконного экспорта лесопродукции совершаются, как правило, организованными преступными группами. В преступные схемы вовлекаются не менее 5–6 юридических лиц различных организационно-правовых форм с четким распределением обязанностей. Однако проведение оперативно-розыскных мероприятий допускается лишь в отношении лиц, подозреваемых в тяжких и особо тяжких преступлениях.

Кроме того, несовершенство процедуры документального оформления экспортных операций с продукцией лесопромышленного комплекса, при которой достаточно предоставить в таможенный орган договор комиссии без подтверждения права собственности, позволяет осуществлять незаконный экспорт древесины.

Контрабанда леса, как правило, осуществляется в особо крупных размерах, а предусмотренная за это КоАП Российской Федерации административно-правовая санкция не соответствует степени причиняемого вреда. Полагаем, что криминализация данного противоправного деяния и установление уголовно-правовой санкции за контрабанду запрещенных к рубке пород леса, лесоматериалов и иных предметов, относящихся к лесу, в крупном размере, предусматривающем наказание в виде штрафа от пятисот тысяч до одного миллиона рублей либо лишения свободы на срок до шести лет, станет действенным средством признания его социальной опасности.

Пока же практика вынесения судами обвинительных приговоров по составам преступлений, предусмотренным ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» и 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений» УК РФ свидетельствует о том, что в большинстве случаев лицам, совершившим незаконную порубку леса, уничтожение или повреждение лесных насаждений назначается наказание в виде принудительных работ либо штрафа, т. е. уголовно-правовая санкция, далеко не соответствующая нанесенному экономическому и экологическому вреду. В результате эти лица продолжают заниматься незаконными рубками, что не способствует исправлению ситуации, сложившейся в данной отрасли. Отсюда следует, что санкцию

[6] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // СЗ. РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

ст. 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений» следует увеличить до 8–10 лет лишения свободы, т. е. перевести данное преступление в категорию тяжких.

Подобный «либерализм» при вынесении судебных решений вызывает озабоченность среди российских ученых. Так, профессор Б. Я. Гаврилов в своей работе «Назначение наказания в системе уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией» [1, с. 176], исследуя современную судебную практику назначения наказания, обращает внимание на неоправданно широкие пределы судейского усмотрения и предлагает решить на законодательном уровне вопрос об установлении шкалы уголовных наказаний с учетом реальной опасности того или иного противоправного деяния, хотя и отмечает, что уголовно-правовая наука и ее уголовно-судебная составляющая отнюдь не всегда располагают для этого достоверными данными.

Вызывает недоумение и то, что до настоящего времени отнесение леса и лесоматериалов к ценным, особо ценным, стратегически ценным породам древесины (например, дуба, бука, ясеня) действующим законодательством не определено[7]. Подзаконное установление таких категорий представляются нам некорректными, поскольку затрудняют установление квалифицирующего признака уголовно-наказуемого деяния и ответственности за совершение незаконных действий с данными видами лесной продукции (некоторые виды древесины данной категории определены п. 1 Положения о маркировке древесины ценных лесных пород (дуб, бук, ясень)[8].

Изложенное позволяет утверждать, что назрела необходимость внести изменения: а) в ст. 50.2 Лесного кодекса Российской Федерации «Маркировка древесины»; б) в Перечень видов древесины, определяемых в соответствии с общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности, на которые распространяются требования Лесного кодекса Российской Федерации о транспортировке древесины и об учете сделок с ней[9]; в) в п. 1 Положения о маркировке древесины ценных лесных пород (дуб, бук, ясень), куда помимо перечисленных ценных лесных пород следует добавить: бархат амурский, клен, липа, орех маньчжурский, сосна корейская и иные породы, запрещенные к рубкам в лесах Российской Федерации. Однако следует отметить, что многие из данных пород все же вывозятся на экспорт, хотя и занесены в Красную книгу Российской Федерации и красные книги субъектов РФ.

Это также подчеркивает необходимость внесения соответствующих изменений в лесное законодательство.

Выдача лицензий на экспорт из Российской Федерации лесоматериалов ценных лесных пород осуществляется Министерством промышленности и торговли Российской Федерации (далее – Минпромторг России) через уполномоченных лиц без согласования с региональными ведомствами[10]. От заявителя не требуется представление согласования и с соответствующими федеральными органами исполнительной власти, в том числе органами, контролирующими процесс заготовки лесоматериалов в соответствии с выделенными квотами и объемами. Лицензия в соответствии с нормативными документами (методические указания) может быть выдана уполномоченным лицом в любом регионе Российской Федерации, в связи с чем все усилия по сохранению лесных ресурсов, предпринимаемые на уровне администраций субъектов РФ, не эффективны.

Порой возникают курьезные ситуации. На таможнях Дальнего Востока отмечаются случаи предоставления лицензий на экспорт дуба, ясеня, выданных уполномоченными Минпромторга России по Центральному и Восточно-Сибирскому регионам, по г. Санкт-Петербургу, и, наоборот, лицензии на экспорт бука, выданные уполномоченными по Хабаровскому и Приморским краям, Амурской области. При том, что ясень маньчжурский произрастает только на территории Приморского края и на юге Хабаровского края, где бука практически нет, а в Санкт-Петербурге не произрастает ни тот ни другой.

Поэтому назрела необходимость внесения дополнений в п. 11 «Экспорт лесоматериалов ценных лесных пород» Методических указаний о порядке приема заявлений, выдачи экспортных и импортных лицензий, ведения Федерального банка лицензий (в 1998 г. Министерство внешнеэкономических связей Российской Федерации преобразовано в Министерство торговли РФ) и изложения их в следующей редакции: «Для получения лицензии заявитель представляет в лицензирующий орган, по месту приобретения товара, следующие документы:

а) заявление о предоставлении лицензии по одному экземпляру на бумажном и магнит-

[7] Лесной кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.

[8] Об утверждении Положения о маркировке древесины ценных лесных пород (дуб, бук, ясень): постановление Правительства Российской Федерации от 4 ноября 2014 г. № 1161 // СЗ РФ. 2014. № 46. Ст. 6358.

[9] Об утверждении перечней видов древесины, на которые распространяются требования главы 2.2. Лесного кодекса РФ: распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 июня 2014 г. № 1047-р // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. II). Ст. 3587.

[10] Методические указания о порядке приема заявлений, выдачи экспортных и импортных лицензий, ведения Федерального банка лицензий: приказ Министерства внешних экономических связей и торговли Российской Федерации от 11 июля 1997 г. № 367 // Экспресс-Закон. 1998. № 31.

ном носителях для товаров природноресурсного характера, согласованное с территориальным органом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования Российской Федерации и уполномоченным органом субъекта РФ;

6) копия договора (контракта), оформляющего внешнеторговую сделку (в случае оформления разовой лицензии), заверенная подписью и печатью заявителя;

в) копия свидетельства о постановке на учет в налоговом органе, заверенная подписью и печатью заявителя, и другие документы, установленные законодательством Российской Федерации.

Фразу «в автоматическом режиме (без количественных ограничений)» необходимо изложить следующим образом: «по предоставлению согласованного заявления на лицензию территориальным органом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования Российской Федерации».

Закрепление в нормативных правовых актах определенных полномочий в сфере регулирования лесопользования, механизма согласования и учета местных условий создаст препятствия недобросовестной деятельности в сфере экспорта леса и лесоматериалов и будет способствовать его легальному обороту с учетом местных условий, а также необходимости оформления и выдачи лицензий по месту приобретения товара (леса и лесоматериалов).

Анализ практики противодействия преступлениям в сфере экспорта лесной продукции показал, что основным способом выявления преступлений данной категории является проведение проверок законности получения разовых лицензий на экспорт леса и, соответственно, достоверности сведений о его происхождении.

В связи с этим органам внутренних дел во взаимодействии с иными правоохранительными органами, в частности, с Федеральной таможенной службой Российской Федерации, необходимо наладить поступление информации о выданных лицензиях на вывоз лесоматериалов, по результатам анализа которой проводить так называемые встречные сверки с привлечением оперативных подразделений транспортной полиции и таможенных органов. Эта методика позволила бы выявлять многочисленные факты контрабанды и уклонения от уплаты таможенных платежей, когда недобросовестные участники внешнеэкономической деятельности заявляли в декларациях недостоверные сведения о производителе товаров и представляли в таможенные органы для получения преференций лицензии Минпромторга России, полученные на основании подложных документов.

Порядок ограничения и приостановления использования лесов, не входящих в лесной фонд, прописан не в полной мере, в связи с чем необходимо внести дополнения в ст. 27 Лесного кодекса Российской Федерации «Ограничение использования лесов» и ст. 28 «Приостановление использования лесов» следующего содержания: «Право использования лесов может быть ограничено или приостановлено по решению суда на основании материалов, представленных уполномоченными органами государственной власти». Следует определить, какие субъекты имеют право обращаться в суд по поводу ограничения и приостановления прав использования лесов.

Немаловажная роль в борьбе с нелегальным лесопользованием и торговлей незаконной лесной продукцией должна принадлежать добровольной или обязательной лесной сертификации.

Вопросы лесной сертификации рассматриваются ведущими российскими и зарубежными учеными.

В зарубежной историографии выделяются крупные ученые из Щвеции К. Кескитало, К. Сандстром, М. Тысячнюк, Й. Йоханссон, которыми проведен анализ применения правовых норм разнообразных алгоритмов рассматриваемой нами сертификации [3, с. 84]. Специалист из Германии О. Малец в своей работе описывает возникновение и развитие лесной сертификации как органа системы управления сырьевыми лесными ресурсами. Его работы посвящены в основном правовым проблемам лесной сертификации [5, с. 422].

Российская историография широко представлена учеными, изучающими экономические (Н. И. Кожухов, Б. П. Маслий, В. И. Чуканов), сельскохозяйственные (А. А. Маленко, В. В. Заварзин) и социологические (М. Тысячнюк, И. Кулясов, А. Кулясова, С. А. Тулаева) проблемы лесной сертификации и управления лесным хозяйством [6, с. 1].

В своих трудах вышеназванные ученые рассматривают вопросы реформирования российского и зарубежного лесопромышленного комплекса, конкурентной борьбы на лесном рынке, а также причины недостаточной организации деятельности лесной отрасли.

Отметим, что профессиональные юристы и отчасти специалисты не уделяют особого внимания лесной сертификации [13, с. 36]. В работах таких ученных, как А. П. Петров, С. С. Морковина о развитии лесного хозяйства и организации лесохозяйственного производства не затронута проблема о лесной сертификации [7, с. 48]. Отсутствие либо пробелы правовой базы создают условия для совершения правонарушений в сфере лесопромышленного комплекса.

Изучив работы Е. И. Сидоровой, можно сформулировать понятие «лесная сертификация». Как нам представляется, это деятельность по удостоверению соответствия имеющегося лесного сектора и лесопродукции

утвержденным правилам, гарантирующим реализацию механизма сохранения лесов и позволяющим при этом соблюдать экономические и экологические интересы государства [9, с. 4].

По мнению М. Тришкина, Е. Лопатина, лесная сертификация – это одно из основных средств оценки устойчивости лесного пользования в стране [11, с. 77].

Свое развитие она получила в конце 90-х гг. XX в. как коммерческая процедура, где были разработаны экологические и экономические алгоритмы производства леса, согласно которым приобреталось право на присвоение лесопродукции марки лесной сертификации.

Рассмотрим, как правовая дефиниция «лесная сертификация», раскрыта в Лесном кодексе Российской Федерации.

В первоначальной редакции ст. 71 Лесного кодекса Российской Федерации[11] предусматривалась только обязательная сертификация лесных ресурсов. Затем данная статья была изложена в редакции Федерального закона от 29 декабря 2004 № 199-ФЗ[12] и стала называться «Лесная сертификация». В ней указывалось, что «лесная сертификация осуществляется в целях обеспечения осуществления экологически обоснованного, экономически выгодного, социально эффективного управления лесами. Лесная сертификация может быть добровольной или обязательной».

Вместе с тем необходимо обозначить, что обязательная лесная сертификация осуществлялась в порядке, установленном Федеральным законом «О техническом регулировании»[13] (в редакции, действовавшей на момент действия Лесного кодекса России 1997 г.) (в частности, ст. 25), до его принятия Законом Российской Федерации от 10 июня 1993 г. № 5151-1 «О сертификации продукции и услуг»[14]. Данным законом регулировалась и добровольная сертификация.

Проанализируем, как данный вопрос рассмотрен в нормативно-правовых документах, посвященных лесной сертификации на уровне субъектов РФ.

Например, участие государственных и общественных структур в данной сфере ведется в некоторых субъектах Дальневосточного федерального округа. В соответствии с распоряжением губернатора Хабаровского края от 21 июня 2014 г. № 448-р «О сертификации лесопродукции на территории Хабаровского края»[15] создана межведомственная рабочая группа по содействию развитию добровольной сертификации лесопродукции. В полномочия и задачи группы входит осуществление межведомственной координации по вопросам развития и внедрения приоритетных для условий Хабаровского края систем и программ лесной сертификации.

Внедрение рыночного механизма самоконтроля с участием третьей независимой стороны позволит фокусировать внимание контрольных государственных органов на тех предприятиях, которые по тем или иным причинам не хотят демонстрировать прозрачность своей деятельности, что позволит обеспечить необходимую эффективность их работы.

В субъектах РФ термин «лесная сертификация» упоминается в лесохозяйственных регламентах, из которых следует, что лесная сертификация – это: а) управление деятельностью всего лесопроизводственного комплекса согласно утвержденным нормативным техническим документам, регламентирующим процесс заготовки леса; б) инструмент использования имеющихся сил и средств, направленных на сохранение биологического разнообразия лесных массивов, решения экономических и иных задач лесной отрасли.

В связи с этим действующим законодательством допускается лесная сертификация как способ устойчивого управления лесами, но основной источник в сфере лесопользования – Лесной кодекс Российской Федерации 2006 г. – ее не оговаривает по непонятной причине.

По своей сущности сертификация представляет собой процедуру разработки набора стандартов и правил с последующей оценкой степени их выполнения. «Глобальный лесной рынок требует создания программы сертификации... Первичным в этой проблеме должно быть использование сертификации в качестве главного рычага по совершенствованию устойчивого управления лесами» [4, с. 180].

Как справедливо было отмечено В. И. Чукановым, А. А. Маленко, что необходимо сертифицировать: продукцию лесного сектора, производство которой во многом зависит и от других отраслей народного хозяйства, или лесозаготовительное производство, т. е. рациональный и грамотный выбор техники и технологий для его осуществления; продукцию лесного хозяйства. Термин «сертификация» в рамках лесной науки применяется как по отношению к лесной продукции и участ-

[11] Лесной кодекс Российской Федерации (утратил силу): федер. закон от 29 января 1997 г. № 22-ФЗ// СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 610.

[12] О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований: федер. закон от 29 декабря 2008 г. № 199-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 25.

[13] О техническом регулировании»: федер. закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. I). Ст. 5140.

[14] О сертификации продукции и услуг (утратил силу): закон от 10 июня 1993 г. № 5151-1// Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 26. Ст. 966.

[15] О сертификации лесной продукции на территории Хабаровского края: распоряжение губернатора Хабаровского края от 21 июня 2014 г. № 448-р // Официальный сайт администрации Хабаровского края. URL: https://khabkrai.ru (дата обращения: 13.03.2020).

кам лесного фонда, так и к управлению лесами, а также распространяется на технологии лесохозяйственной деятельности [12, с. 169].

В связи с этим лесная сертификация выступает неотъемлемым элементом устойчивого управления лесами, а также в качестве его этапа выдачи документа, подтверждающего соблюдение критериев и индикаторов.

Верной представляется точка зрения М. В. Гайчук, Л. П. Майоровой, согласно которой, лесная сертификация – это деятельность по документальному подтверждению соответствия ведения лесного хозяйства и (или) лесохозяйственной продукции установленным требованиям, обеспечивающим устойчивое ведение лесного хозяйства и позволяющим сочетать экономические, экологические и социальные потребности общества [2, с. 19–25].

В Российской Федерации добровольная лесная сертификация имеет огромный потенциал, с одной стороны, для продвижения российских товаров на европейские рынки, с другой – для совершенствования лесоуправления и лесопользования. Сертификация лесоуправления направлена на установление интегрированного социально-экологически и экономически сбалансированного и устойчивого лесного хозяйства [8, с. 15–17].

Предлагается дополнить Лесной кодекс Российской Федерации 2006 г. статьей, посвященной лесной сертификации. На наш взгляд, довольно удачные нормы о ней были в ст. 71 Лесного кодекса Российской Федерации 1997 г. в редакции Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 199-ФЗ[16], которые необходимо отразить в действующем Лесном кодексе Российской Федерации 2006 г.

Необходимо также закрепить полномочия по осуществлению лесной сертификации за уполномоченным федеральным органом государственной власти (в частности, Федеральным агентством лесного хозяйства), соответствующим органом государственной власти субъекта РФ. Федеральному агентству лесного хозяйства в свою очередь необходимо разработать порядок проведения лесной сертификации (обязательной (в части, не урегулированной Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ) и добровольной)[17].

Лесная сертификация (добровольная или обязательная), опираясь на рыночные стимулы, является одним из инструментов, способствующих увеличению прозрачности лесного сектора и сокращению нелегального лесопользования. Создание условий для развития добровольной или обязательной лесной сертификации должно стать одним из важных направлений и найти свое закрепление в Лесном кодексе Российской Федерации, в Федеральном законе «О техническом регулировании».

Подтверждение легальности лесопродукции через добровольную сертификацию – необходимый и существенный шаг на пути к устойчивому управлению лесами.

На наш взгляд, предложенный комплекс мер правового и организационного характера повысит эффективность деятельности органов внутренних дел и других правоохранительных органов по противодействию преступлениям в сфере леса и лесозаготовок. Предлагаемые изменения и дополнения, а также комплекс мер организационного характера будут способствовать совершенствованию лесного законодательства и решению ряда практических проблем, в том числе по выводу из криминального оборота лесных ресурсов, развитию предприятий по переработке древесины.

[16] О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с расширением полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также с расширением перечня вопросов местного значения муниципальных образований: федер. закон от 29 декабря 2008 г. № 199-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 25.

[17] О техническом регулировании»: федер. закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б. Я.* Назначение наказания в системе уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией // Актуальные вопросы противодействия коррупции: история, современное состояние и перспективы: межвузовская науч.-практ. конф.с международным участием / под общ. ред. С. А. Куценко. 2018.
2. *Гайчук М. В., Майорова Л. П.* Лесная сертификация в системе энергоресурсосбережения лесозаготовительного предприятия // Ученые заметки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 1.

References:

1. *Gavrilov B. Ya.* Naznachenie nakazaniya v sisteme ugolovno-pravovyh mer bor'by s korrupciej // Aktual'nye voprosy protivodejstviya korrupcii: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy: mezhvuzovskaya nauch.-prakt. konf.s mezhdunarodnym uchastiem / pod obshch. red. S.A. Kucenko. 2018.
2. *Gajchuk M. V., Majorova L. P.* Lesnaya sertifikaciya v sisteme energoresursosberezheniya lesozagotovitel'nogo predpriyatiya // Uchenye zametki TOGU. 2014. T. 5. № 1.
3. *Keskitalo K., Sandstrom K., Tysyachnyuk M., Johansson J.* Institucionalizaciya mezhdun-

3. *Кескитало К., Сандстром К., Тысячнюк М., Йоханссон Й.* Институционализация международных норм в локальностях: различия в применении лесной сертификации в Швеции, Финляндии и на северо-западе Российской Федерации // Журнал социологии и социальной антропологии. Специальный выпуск: Интернационализация, доверие и многоакторное управление природными ресурсами. 2010.
4. *Кожухов Н. И., Маслий Б. П.* Лесной сектор экономики – путь в XXI век. М., 2000.
5. *Малец О.* Место и роль сертификационных органов в системе лесной сертификации лесного попечительского совета // Лес и экономика. 2009. Раздел 11.
6. *Оленина Т. Ю.* Правовые основы лесной сертификации в России // Российская юстиция. 2015. № 8.
7. *Петров А. П., Морковина С. С.* Рыночная организация лесного хозяйства: опыт зарубежных стран и российских регионов // Лесотехнический журнал. 2016. № 9.
8. *Птичников А.* FSC-сертификация в мире: состояние, динамика и перспективы // Устойчивое лесопользование. 2009. № 1.
9. *Сидорова Е. И.* Устойчивое управление лесами и лесная сертификация // Лесной Вестник. 2002. № 4.
10. Совещание при Министре природных ресурсов и экологии Российской Федерации по вопросам охраны и защиты лесов от 21 марта 2017 г. // Официальный сайт Минприроды России. URL: https://mnr.gov.ru (дата обращения: 13.03.2020).
11. *Тришкин М., Лопатин Е.* Новые методы для оценки устойчивости лесопользования в трансграничных условиях // Зеленый пояс Фенноскандии: матер. междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 7–12 октября 2013 г.). Петрозаводск, 2013.
12. *Чуканов В. И., Маленко А. А.* Добровольная лесная сертификация и устойчивое развитие лесного хозяйства // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2005. № 1 (17).
13. *Шуплецова Ю. И.* Монреальский процесс в России: проблемы и перспективы // Международное право. 2010. Т. 42. № 2.

arodnyh norm v lokal'nostyah: razlichiya v primenenii lesnoj sertifikacii v Shvecii, Finlyandii i na severo-zapade Rossijskoj Federacii // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. Special'nyj vypusk: Internacionalizaciya, doverie i mnogoaktornoe upravlenie prirodnymi resursami. 2010.
4. *Kozhuhov N. I., Maslij B. P.* Lesnoj sektor ekonomiki – put' v XXI vek. M., 2000.
5. *Malec O.* Mesto i rol' sertifikacionnyh organov v sisteme lesnoj sertifikacii lesnogo popechitel'skogo soveta // Les i ekonomika. 2009. Razdel 11.
6. *Olenina T. Yu.* Pravovye osnovy lesnoj sertifikacii v Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2015. № 8.
7. *Petrov A. P., Morkovina S. S.* Rynochnaya organizaciya lesnogo hozyajstva: opyt zarubezhnyh stran i rossijskih regionov // Lesotekhnicheskij zhurnal. 2016. № 9.
8. *Ptichnikov A.* FSC-sertifikaciya v mire: sostoyanie, dinamika i perspektivy // Ustojchivoe lesopol'zovanie. 2009. № 1.
9. *Sidorova E. I.* Ustojchivoe upravlenie lesami i lesnaya sertifikaciya // Lesnoj Vestnik. 2002. № 4.
10. Soveshchanie pri Ministre prirodnyh resursov i ekologii Rossijskoj Federacii po voprosam ohrany i zashchity lesov ot 21 marta 2017 g. // Oficial'nyj sajt Minprirody Rossii. URL: https://mnr.gov.ru (data obrashcheniya: 13.03.2020).
11. *Trishkin M., Lopatin E.* Novye metody dlya ocenki ustojchivosti lesopol'zovaniya v transgranichnyh usloviyah // Zelenyj poyas Fennoskandii: mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Petrozavodsk, 7–12 oktyabrya 2013 g.). Petrozavodsk, 2013.
12. *Chukanov V. I., Malenko A. A.* Dobrovol'naya lesnaya sertifikaciya i ustojchivoe razvitie lesnogo hozyajstva // Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2005. № 1 (17).
13. *Shuplecova Yu. I.* Monreal'skij process v Rossii: problemy i perspektivy // Mezhdunarodnoe pravo. 2010. T. 42. № 2.

Для цитирования:

Потапова Светлана Анатольевна. К вопросу о совершенствовании российского законодательства в сфере лесных ресурсов и лесозаготовок // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 238–246.

For citation:

Potapova Svetlana Anatol'evna. On the issue of improving Russian legislation in the field of forest resources and logging // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 238–246.

ТРИБУНА
молодого ученого

СВЕТЛАНА ИВАНОВНА ОСМОЛОВСКАЯ,
адъюнкт кафедры уголовного права
Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 236010, г. Калининград,
ул. Нахимова, д. 21
E-mail: sosmolovskaia2mvd.ru,
osmolsi75@mail.ru

SVETLANA IVANOVNA OSMOLOVSKAYA,
Adjunct at the Criminal Law Department,
Saint Petersburg University of the Ministry
of internal Affairs of Russia Russian Federation,
236010, Kaliningrad, Nakhimova St., 21
E-mail: sosmolovskaia2mvd.ru,
osmolsi75@mail.ru

Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

Scientific specialty:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Criminal Executive Law.

УДК 343.9

Дата поступления: 30 апреля 2020 г.
Дата принятия статьи в печать: 8 декабря 2020 г.

Основные факторы, влияющие на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления со стороны родителей

The Main Factors Influencing the Involvement of a Minor in the Commission of a Crime on the Part of Parents

Аннотация

Одной из важнейших задач современного Российского государства является защита прав и законных интересов несовершеннолетнего от преступных посягательств. В указанном контексте недостаточно пристальное внимание уделено вовлечению несовершеннолетних в совершение преступления, когда указанные деяния совершены лицами с возложенным на них функционалом по воспитанию подростков. Динамика последних лет показывает, что количество преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации, не снижается, что говорит об имеющихся проблемах в организации работы всей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в нашей стране. Ежегодно органами внутренних дел осуществляется работа с достаточно большим количеством родителей, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершенно-

Annotation

One of the most important tasks of the modern Russian state is to protect the rights and legitimate interests of minors from criminal attacks. In this context, insufficient attention is paid to the involvement of minors in the Commission of a crime, when these acts are committed by persons with the functions assigned to them for the upbringing of adolescents. The dynamics of recent years shows that the number of crimes under part 2 of art. 150 of the Criminal code of the Russian Federation, is not reduced, which indicates the existing problems in the organization of the entire system of prevention of neglect and juvenile delinquency in our country. Every year, the internal Affairs bodies work with a fairly large number of parents who are registered in the juvenile Affairs units because of the negative impact on their minor children. Family problems and a decrease in the material wealth of families encourage the involvement of adolescents in the Commission of crimes by their parents. Analysis of

летних по причине отрицательного влияния на своих несовершеннолетних детей. Семейное неблагополучие и снижение материального достатка семей стимулируют вовлечение подростков в совершение преступлений со стороны родителей. Анализ законодательства зарубежных стран свидетельствует о более строгом подходе к наказаниям за рассматриваемые деяния, что способствует рассмотрению вопроса о внесении изменений в действующий Уголовный кодекс РФ в части ужесточения наказания за вовлечение подростков в совершение преступлений лицами, на которых возложены обязанности по воспитанию.

Цель исследования: изучение основных факторов, оказывающих влияние на вовлечение подростков в совершение преступления со стороны родителей; усиление наказания за подобные факты.

Методы исследования: изучение статистических данных, оценка эффективности действующего законодательства, позиции исследователей.

Вывод: анализируя указанные проблемы, следует констатировать, что в настоящее время имеются предпосылки для наиболее пристального исследования факторов, способствующих вовлечению подростка в совершение преступления со стороны родителей, с целью выработки предупредительных мер воздействия.

Ключевые слова: *вовлечение; преступление; несовершеннолетний; неблагополучие; законные представители; воспитание; профилактика.*

the legislation of foreign countries shows a stricter approach to punishments for the acts in question, which contributes to the consideration of amendments to the current criminal code of the Russian Federation in terms of tougher penalties for involving teenagers in the Commission of crimes by persons charged with upbringing.

The purpose of the study: to study the main factors that influence the involvement of adolescents in the Commission of a crime by their parents; to increase the punishment for such facts.

The research methods: study of statistical data, assessment of the effectiveness of current legislation, the position of researchers.

The conclusion: it should be noted that at present there are prerequisites for the most thorough study of the factors that contribute to the involvement of a teenager in the Commission of a crime by parents, in order to develop preventive measures.

Keywords: *involvement; crime; minor; trouble; legal representatives; education; prevention.*

На протяжении последних лет (2014–2018 гг.) на территории России наблюдается положительная динамика снижения уровня подростковой преступности в целом [8]. Тем не менее, с точки зрения исследователей в указанной области, данное обстоятельство не следует расценивать как исключительно достижение работы со стороны служб профилактики. Совершенно справедливо отмечает Н. В. Лукашов, что имеется ряд наиболее объективных факторов, послуживших основанием к уменьшению количества преступлений, совершенных подростками, среди которых он выделяет: снижение численности детского населения в возрасте 14–17 лет, а также внесение изменений в уголовное законодательство, повлекшее за собой декриминализацию деяний и появление в административном кодексе новых правонарушений [4, с. 98].

Как показывает практика, почти каждое пятое преступление, в котором принял участие подросток, совершено в группе со взрослым, что свидетельствует о существенном влиянии лиц, достигших совершеннолетия, на поведение подростков, а именно на вовлечение их в совершение преступлений [8].

Особое внимание при этом следует обратить на увеличение общественной опасности указанного вида деяний. Так, при анализе различных категорий преступлений, совершенных в соучастии со взрослыми, можно наблюдать устойчивую тенденцию увеличения количественных показателей особо тяжких преступлений: с 606 в 2014 г. до 1 081 в 2018 г. (в том числе и рост удельного веса с 5,8 до 11,7 % в общей массе преступлений на фоне снижения по тяжким составам, небольшой и средней тяжести (табл. 1). При изучении структуры преступлений, совершенных взрослыми с несовершеннолетними, можно наблюдать увеличение количества убийств, грабежей, разбойных нападений, имеет место участие подростков со взрослыми в незаконном обороте оружия, совершении террористических актов.

Таблица 1

Статистические данные о количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними в соучастии со взрослыми

№	Сведения о преступлениях (из числа расследованных)	Год				
		2014	2015	2016	2017	2018
1.	Общее количество преступлений, совершенных подростками	59 240	61 153	53 736	45 288	43 553
2.	Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в соучастии со взрослыми, в том числе: по особо тяжким составам; по тяжким составам; по составам средней тяжести; по составам небольшой тяжести	10 488 606 3 059 6 429 396	10 818 703 2 894 6 839 382	10 396 660 2 747 6 657 332	9 099 883 2 353 5 615 248	8 693 1 018 2 065 5 384 226
3.	Удельный вес преступлений в соучастии от общего количества совершенных несовершеннолетними	17,7 %	17,7 %	19,4 %	20,1 %	20,0 %
4.	Удельный вес особо тяжких преступлений, совершенных при соучастии несовершеннолетних	5,8 %	6,5 %	6,4 %	9,7 %	11,7 %

Приведенные статистические данные говорят о необходимости детального изучения основных криминогенных факторов, оказывающих существенное влияние на вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, при этом особого внимания требует ситуация, складывающаяся с вовлечением подростков в совершение преступления со стороны лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию детей (ч. 2 ст. 150 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)).

Изучая статистические данные за 2017–2019 гг., следует отметить, что лица, совершившие преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 150 УК РФ, составляют порядка 8,5 % от общего количества осужденных за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений (ч. 1–4 ст. 150 УК РФ), и в 99 % случаев это родители вовлекаемых детей (табл. 2) [9].

Таблица 2

Статистические данные о количестве лиц, осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ

Статья	2017	2018	2019
часть 1 ст. 150 УК РФ	210	185	172
часть 2 ст. 150 УК РФ	31	32	32
часть 3 ст. 150 УК РФ	10	7	9
часть 4 ст. 150 УК РФ	167	141	120
Всего по ст. 150 УК РФ	418	365	333

Семья для ребенка является основным институтом, где он развивается как личность, неосознанно копируя поведение взрослых, приобретает основы будущих отношений в обществе. В семье дети получают первый жизненный опыт, наблюдают за поступками своих родите-

лей, подражая им в поведении и признавая данные действия в качестве нормы. Однако семья способна выступать как положительной моделью поведения для ребенка, так и отрицательной [10, с. 47]. Наличие неблагополучия в семьях является одним из основополагающих факторов, оказывающих влияние на причины и условия вовлечения подростков в совершение преступлений со стороны родителей и близких родственников.

В соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в современном Российском государстве разработана и действует достаточно обширная система субъектов профилактики, на которые возложены функции по выявлению семейного неблагополучия. Одним из основных субъектов указанной работы являются подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Как показывает практика, количество неблагополучных семей, выявленных сотрудниками полиции и поставленных на учет в органы внутренних дел, постепенно возрастает – с 74 021 в 2014 г. до 82 647 в 2018 г., что свидетельствует об имеющихся проблемах в указанной сфере. Службами профилактики по всей стране ежегодно проводится работа более чем со 130 тыс. семей, в которых родители были привлечены по ст. 5.35 КоАП РФ за недолжное осуществление обязанностей по воспитанию своих несовершеннолетних детей. Среди указанной категории около 70 % – это лица, склонные к злоупотреблению спиртными напитками, 2 % замечены в употреблении наркотических средств. При этом следует отметить, что среди состоящих на учете неблагополучных родителей порядка 10 % имеют либо ранее имели судимость (в том числе за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних), около 2 % были ранее лишены родительских прав (табл. 3) [13].

Таблица 3

Сведения о семьях, состоящих на профилактическом учете в территориальных органах внутренних дел в 2014–2018 гг.

№	Информация о проведении профилактической работы с неблагополучной семьей	год				
		2014	2015	2016	2017	2018
1.	Поставлено на учет в ПДН	74 121	81 092	83 853	82 994	82 647
2.	Снято с учета ПДН, в т. ч.:	78 534	78 920	83 240	84 781	87 756
	по исправлении; в связи	53 056	53 301	56 636	59 665	64 151
	с лишением родительских прав	9 491	8 702	9 099	7 715	6 871
3.	Состоят на учете в ПДН на конец отчетного периода:	131 961	134 133	134 746	132 959	127 850
	употребляют спиртные напитки;	89 462	92 387	91 661	90 164	88 897
	употребляют наркотики;	3 321	2 984	2 652	2 475	2 352
	имеют или ранее имели судимость, из них:	12 752	13 086	13 977	13 242	12 834
	за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних;	3 569	3 934	4 259	3 119	2 494
	ранее лишены родительских прав	2 273	2 454	2 566	2 644	2 542

Проведенные криминологические исследования указывают на прямую зависимость между наличием судимости у одного из членов семьи и возрастанием вероятности совершения преступления другими членами указанной семьи в 4–5 раз. Как показывает практика, в большинстве случаев отцы и старшие братья, имеющие криминальный опыт, способны с легкостью вовлечь в совершение преступления своих несовершеннолетних родственников. Именно преступное, вседозволенное поведение взрослых представителей семьи демонстрирует детям наиболее яркий пример для подражания, что само по себе значительно увеличивает криминогенный потенциал [2].

В качестве причин вовлечения подростка в совершение преступления существенную роль играет материальный достаток семьи, в которой он воспитывается. По мнению специалистов в области юриспруденции, с наибольшей вероятностью вовлечению в совершение преступления со стороны родителей могут быть подвержены дети, воспитывающиеся в семьях с низким уровнем достатка (59,1 % опрошенных), более трети опрошенных (37,1 %) считают, что уровень достатка семьи не имеет значения, а 3,8 % указали, что в совершение преступления возможно вовлечь подростка, имеющего в семье средний уровень материального достатка.

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем и вызовом для всего современного общества является активизация в молодежной среде различных деструктивных субкультур: «АУЕ» («Арестантско-Уркаганское Единство» или «Арестантский-Уклад-Един»), «Кэжуал» («Поясни за шмот»), «Скулшутинг» («Колумбайн»), «ОФ» («Офники» – околофутбольные фанаты). Указанные движения отличаются достаточно высокой степенью криминализации подростков, а их деятельность носит преступный характер.

Такие сообщества способны сформировать у несовершеннолетних неприязненное отношение к законопослушному поведению, разрушительным образом воздействовать на неокрепшую психику молодых людей. Можно только догадываться, какую опасность они представляют для общества при определенном «руководстве» со стороны опытных наставников.

Наиболее популярным течением субкультуры среди подрастающего поколения является «АУЕ», отличительные особенности которого – пропаганда тюремной романтики, «воровского» образа жизни, определение «смотрящих» и сбор денег на «общак». Особой пораженностью указанных сообществ характеризуются регионы Урала (в Забайкальском крае, Республике Бурятия, Иркутской, Челябинской областях). Особенности феномена заключаются в социально-экономическом положении, исторических и географических особенностях отмеченных регионов, в которых проживает наибольшее количество лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Отбывшие наказание лица, обладая богатым криминальным прошлым, создают семьи и воспитывают детей, при этом внося элементы тюремного уклада в семейный быт и используя привычки «воровского мира» в общении с детьми. 17 августа 2020 г. на закрытом заседании Верховный суд РФ признал движение «АУЕ» экстремистским, ввиду чего осуществление его деятельности подпадает под ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества».

На протяжении нескольких десятков лет имеет место негативная тенденция вовлечения подростков со стороны родителей либо наиболее близких родственников в совершение преступлений террористической направленности. А. С. Ахмадуллин указывает на наличие в нашем государстве духовного кризиса и, как следствие, наполнение возникшего вакуума чуждой для нас идеологией терроризма [1, с. 40–43]. Наиболее подверженными религиозному фанатизму, включая терроризм и экстремизм, являются регионы Северного Кавказа, проповедующие ислам среди местного населения. Активисты-фанатики воздействуют на несформировавшуюся психику своих несовершеннолетних детей, восхваляя насилие и превосходство, вовлекают их в совершение особо тяжких преступлений [5, с. 45].

В подтверждение сказанному следует привести статистические данные за 2014–2018 гг. о количестве преступлений, предусмотренных гл. 24 УК РФ, совершенных подростками в соучастии со взрослыми (табл. 4) [8].

Таблица 4

Данные о количестве преступлений, совершенных несовершеннолетними в соучастии со взрослыми, террористической и экстремистской направленности (из числа расследованных)

№	статья УК	Год				
		2014	2015	2016	2017	2018
1.	Ст. 205	–	–	1	1	2
2.	Ст. 205.1	1	–	1	–	1
3.	Ст. 205.2	3	4	11	–	14
4.	Ст. 205.3	–	–	–	–	1

Окончание табл. 4

№	статья УК	Год				
		2014	2015	2016	2017	2018
5.	Ст. 205.5	–	–	–	–	3
6.	Ст. 280	–	–	21	28	1
7.	Ст. 282	–	–	91	106	96
8.	Ст. 282.1	1	–	–	–	–
9.	Ст. 282.2	–	–	–	2	–
10.	Всего	5	4	125	137	118

Ряд исследователей в области криминологии в качестве одного из основных факторов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления указывают на достаточно мягкое наказание за рассматриваемое преступное деяние [3, с. 25]. Санкция ч. 2 ст. 150 УК РФ помимо основного вида наказания – лишения свободы сроком до шести лет содержит дополнительный – лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью сроком до трех лет либо без такового. Н. В. Щетинина отмечает, что именно родители подростков, как самые близкие для него люди, способны оказать влияние на развитие его личности, а следовательно, существует необходимость рассмотрения вопроса об установлении более сурового наказания для таких лиц при вовлечении ими детей в совершение преступления [11, с. 78].

Анализируя норму о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления в законодательстве стран СНГ, следует отметить наличие более суровых последствий для виновных лиц. Уголовный кодекс Казахстана в качестве основного вида наказания за данное деяние устанавливает лишение свободы на срок от 3 до 7 лет с пожизненным лишением права заниматься определенной деятельностью [1]. Уголовный кодекс Республики Беларусь в качестве санкции к ст. 132 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 7 лет[2]. Таким образом, по мнению большинства исследователей, российское законодательство демонстрирует более лояльное отношение к взрослым вовлекателям, когда в качестве субъекта преступления выступают родители или иные законные представители.

Анализируя судебную практику, следует отметить, что в большинстве случаев законные представители вовлекают своих несовершеннолетних детей в преступления небольшой и средней тяжести, в связи с чем наказания для виновных не связаны с изоляцией от общества (как правило, это условная мера наказания с установлением испытательного срока на определенный период, реже – с вменением дополнительных обязанностей), что само по себе не исключает дальнейшего негативного воздействия на ребенка. И лишь в редких случаях, с учетом характера и степени общественной опасности совершенных деяний, в которые были вовлечены дети (тяжкие и особо тяжкие преступления), когда лишение свободы является единственным видом наказания, законные родители приговариваются к отбыванию наказания в местах лишения свободы.

Также необходимо отметить, что только в 2017 г. в табель формы 11.1 и 11.2 статистических сведений Судебного департамента РФ о состоянии судимости в России внесена разбивка по частям ст. 150 УК РФ, содержащая сведения о демографических признаках лиц, осужденных по ч. 2 ст. 150 УК РФ, а также о характеристике преступлений, совершенных ими ранее, что позволяет более подробно исследовать криминологический портрет преступников, осужденных за рассматриваемые деяния.

Рассматривая факторы, оказывающие влияние на вовлечение подростков в совершение преступлений в целом, исследователи отмечают трудности, связанные с раскрытием таких деяний, а также проблемы в сбо-

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан (по состоянию на 6 октября 2020 г.). URL: http://www.online.zakon.kz (дата обращения: 15.10.2020).

[2] Уголовный кодекс Республики Беларусь (по состоянию на 11 ноября 2019 г.). URL: http://www.kodeksy-by.com (дата обращения: 15.10.2020).

ре доказательной базы [7]. При этом на сложности в раскрытии и доказывании подобных преступлений указали более 86,4 % опрошенных нами практических работников следственных органов.

При этом следует отметить, что на практике указанное преступное деяние следственными органами интерпретируется как «дополнительное» к основному составу, по которому возбуждено уголовное дело, и вопрос о возбуждении преступления по ст. 150 УК РФ откладывается на последние этапы следствия, что влечет за собой утрату доказательств.

Кроме того, некоторые авторы указывают на отсутствие должного качества расследования уголовных дел ввиду отсутствия знаний способов вовлечения подростков в совершение преступления или недооценки существующего многообразия [6].

Следствием вышесказанного является достаточно высокий уровень латентности, на которую указывают многие авторы, хотя за последние 15–16 лет было достигнуто снижение оправдательных приговоров по ст. 150 УК РФ (ранее по 80 % уголовных дел) [4, с. 3]. В ходе проведенного нами анализа установлено, что за 2014–2018 гг. указанная статистика составляет порядка 3–5 % оправдательных приговоров от общего числа рассмотренных уголовных дел.

Подводя итоги статьи, следует отметить, что в настоящее время проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений со стороны родителей исследована не в полном объеме. На федеральном уровне возникла необходимость рассмотрения вопроса о создании системы профилактики преступлений против несовершеннолетних как самостоятельного направления в профилактике преступлений в целом. Наиболее эффективным инструментарием для исследования и выявления основных причин и условий совершения указанного вида преступлений следует считать метод факторного анализа, предложенный Н. В. Лукашовым, который на начальном этапе позволяет осуществить классификацию факторов, влияющих на мотивы преступного поведения, а затем обосновать комплекс мер по профилактике преступности изучаемого вида [5, с. 14–17].

Список литературы:

1. *Ахмадуллин А. С.* Противодействие религиозному политическому экстремизму // Законность. 2011. № 11.
2. *Борзова О. М., Данилова М. В.* Семейное неблагополучие как фактор риска совершения правонарушений несовершеннолетними // Молодой ученый. 2017. № 21. URL: https://moluch.ru/archive/155/43781/ (дата обращения: 30.03.2020).
3. *Жук И. О.* Расследование преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность: учеб. пособ. Н. Новгород, 2009.
4. *Лукашов Н. В., Макаров С. А., Никитин Д. Н.* Методика повышения эффективности профилактики преступности несовершеннолетних во Владимирской области с использованием факторного анализа // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3 (36).
5. *Лукашов Н. В.* Прогнозирование правонарушений несовершеннолетних и оптимизация мер профилактики на основе факторной модели противоправного поведения // Порядковый анализ и смежные вопросы математического моделирования. Владикавказ, 2015.
6. *Мкртычан Б. А.* Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспек-

References:

1. *Ahmadullin A. S.* Protivodejstvie religioznomu politicheskomu ekstremizmu // Zakonnost'. 2011. № 11.
2. *Borzova O. M., Danilova M. V.* Semejnoe neblagopoluchie kak faktor riska sovershenija pravonarushenij nesovershennoletnimi // Molodoj uchenyj. 2017. № 21. URL: https://moluch.ru/archive/155/43781/ (data obrashcheniya: 30.03.2020).
3. *Zhuk I. O.* Rassledovanie prestuplenij, svyazannyh s vovlecheniem nesovershennoletnih v prestupnuyu deyatel'nost': ucheb. posob. N. Novgorod, 2009.
4. *Lukashov N. V., Makarov S. A., Nikitin D. N.* Metodika povysheniya effektivnosti profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnih vo Vladimirskoj oblasti s ispol'zovaniem faktornogo analiza // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2015. № 3 (36).
5. *Lukashov N. V.* Prognozirovanie pravonarushenij nesovershennoletnih i optimizaciya mer profilaktiki na osnove faktornoj modeli protivopravnogo povedeniya // Poryadkovyj analiz i smezhnye voprosy matematicheskogo modelirovaniya. Vladikavkaz, 2015.
6. *Mkrtychan B. A.* Vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya i inyh antiobshchestvennyh dejstvij: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. CHelyabinsk, 2003.
7. *Nekrasov D. E.* Nekotorye aspekty preduprezhdeniya proyavlenij ekstremizma nesover-

ты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.
7. *Некрасов Д. Е.* Некоторые аспекты предупреждения проявлений экстремизма несовершеннолетних // Формирование климата доверия и толерантного сознания как основы предупреждения экстремизма: материалы конференции. Рязань, 2004.
8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=78&itern=5259 (дата обращения: 30.07.2019).
9. *Сокол Е. В.* Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий в современной России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4.
10. *Спицына У. И.* Криминологические основания установления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ). URL: https://sibac.info/archive/social/3(74).pdf (дата обращения: 30.03.2020).
11. Форма федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС. URL: http://10/5/0/16/csi/ (дата обращения: 30.03.2020).
12. Форма № 180 «Несовершеннолетние». URL: https://10.5.0.16/csi (дата обращения: 30.03.2020).
13. *Чернышева Е. В.* Семейное неблагополучие как криминогенный фактор // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 3.
14. *Щетинина В. Н.* Некоторые вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений или антиобщественных действий, совершенных родителем // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1.

shennoletnih // Formirovanie klimata doveriya i tolerantnogo soznaniya kak osnovy preduprezhdeniya ekstremizma: materialy konferencii. Ryazan', 2004.
8. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=78&itern=5259 (data obrashcheniya: 30.07.2019).
9. *Sokol E. V.* Ways of involvement of minors in commission of crimes and antisocial actions in modern Russia // Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA. 2014. № 4.
10. *Spicyna U. I.* Kriminologicheskie osnovaniya ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za vovlechenie nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya (st. 150 UK RF). URL: https://sibac.info/archive/social/3(74).pdf (data obrashcheniya: 30.03.2020).
11. Forma federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya № 1-EGS. URL: http://10/5/0/16/csi/ (data obrashcheniya: 30.03.2020).
12. Forma № 180 «Nesovershennoletnie». URL: https://10.5.0.16/csi (data obrashcheniya: 30.03.2020).
13. *Chernysheva E. V.* Semejnoe neblagopoluchie kak kriminogennyj faktor // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2007. № 3.
14. *Shchetinina V. N.* Nekotorye voprosy kvalifikacii vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestuplenij ili antiobshchestvennyh dejstvij, sovershennyh roditelem // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1.

Для цитирования:

Осмоловская Светлана Ивановна. Основные факторы, влияющие на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления со стороны родителей // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 247–254.

For citation:

Osmolovskaya Svetlana Ivanovna. The main factors influencing the involvement of a minor in the Commission of a crime on the part of parents // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56). P. 247–254.